
РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета.
2020. № 11 (445). Экономические науки. Вып. 71. С. 7—9.

УДК 339
ББК 65.5

DOI 10.47475/1994-2796-2020-11101

ШТОРМ ПЕРЕМЕН: ГРУБАЯ МЯГКАЯ СИЛА И БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Тот ветер перемен, о котором пели Scorpions в 1980-х, смёл прежнее устройство мировой экономики и прежнюю архитектуру отношений во всем мире. Глобальная «сделка» по поглощению стран социалистического лагеря и по «вживлению» им рыночной экономики прошла успешно, и до 2020 г. ни экономическая наука, ни доминирующее общественное мнение не оспаривали этот статус-кво. Да и сегодня по инерции большинство продолжают верить, что живут именно в мире рыночной экономики, по рыночным законам, подкрепленным на уровне политики демократическим устройством общества, а на уровне общественных отношений — свободной и гуманистической формацией. Однако события 2014—2020 гг. отчетливо демонстрируют, что и «рынок», и «демократия», и «свобода» — это всего лишь видимость, внешняя оболочка, скрывающая неприглядное содержание современной мировой экономической системы и современного общества. Действующие глобально, по всему миру, ограничения свободы слова в социальных сетях и национальных медиадискурсах, идеологическое насилие к «несолгасным», гипертрофированное неравенство [1], политические и финансовые спекуляции вокруг лекарств и вакцин от коронавируса, слабо объяснимая жестокость (миллион норок, убитых в Дании из-за риска распространения ими этой болезни) — все это лишь малая часть несоответствий созданного СМИ и мейнстримной наукой светлого образа современного общества и экономики ее действительному «лицу».

Мир на пороге перемен — об этом пишут многие экономисты, социологи и политологи. Современное устройство мировой экономики не соответствует его технологической основе. Технологическая основа значительно ушла вперед: человечество вполне может использовать финансовую систему, основанную на технологии блокчейн и избавиться от довлеющей над экономикой валютно-финансо-

вой системой. Роль человека в системе производства де-юре и де-факто остается на уровне позапрошлого века (по-прежнему основой организации общественного труда является дихотомия наемного работника и капиталиста, пусть и несколько завуалированная), хотя новые технологии позволяют сделать работника равноправным и неотчужденным от процесса и результата своего труда субъектом. Закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил не соблюдается, и, значит, сложившаяся система неустойчива.

На горизонте — безлюдные производственные технологии, которые могут стать основой «царства свободы», общества, где нет экономического принуждения к труду, но есть право на творчество и созидательный общественно полезный труд. Это — актив человечества, его шанс выхода на траекторию устойчивого развития не в терминах ООН, уже неоднократно девальвированных в ходе своей имплементации государствами и корпорациями, но в изначальном смысле — как развитие, поддерживаемое основной массой населения и осуществляемой соразмерно с природой. Сегодня существует множество концепций, заглядывающих за горизонт капитализма и предлагающих различные стратегии ускорения и управления этим переходом: коммунизм, Социализм XXI века [2], Добротворение [3; 4], ноономика [5]. И все эти концепции содержат в себе важную ценностную установку — установку на действительное уважение к человеку, к его способностям и эмоциональной полноценности, задают ориентир развития общества и экономики в направлении ее оздоровления.

Тот ветер перемен, что дует сегодня, — это уже не просто ветер, но шторм, который может смести все наносное и открыть действительную суть вещей и отношений для тех, кто наблюдателен и способен критически мыслить. В пыльной буре

новостей и «новостей» все явственней можно различить не неразрешимые в рамках существующей общественно-экономической формации проблемы. И чем дальше, тем более выпукло эти проблемы будут проявляться. Для нас, рожденных в СССР и воспитанных в идеологических установках честности и взаимопомощи, жонглирование жизненно важной или же влияющей на множество жизней информацией в угоду политическим интересам (как сегодня происходит в странах «развитой демократии») видится недопустимым. На Западе же, где квинтэссенцией общественно одобряемого поведения может считаться мюзикл «Чикаго», в котором убийцу под ликование толпы оправдывает ловкий адвокат («не надо быть, сумей прослыть»), а примером успеха в политике будет политический консультант из «Плутовства», на скучающем Западе укоренилась иная парадигма. И пока мы не осознаем ценности нашего собственного культурного кода и не примем его, мы не сможем пре-

тендовать на роль одной из ведущих держав в мировой экономике. И именно это — одна из основных задач современного государственного управления в России.

Эпоха «мягкой силы», когда проблемы решались через ненасильственные, идеологические и общественные инициативы, завершилась: когда все стороны владеют этим искусством в одной и той же мере, для победы необходимо что-то новое и неожиданное. То тут то там проявляются ростки этого нового, и это более грубое и «варварское» — локальные войны, конфликты на религиозной почве, выливающиеся в террористические атаки и массовые протесты. И к чему в итоге приведет этот цивилизационный конфликт: к замораживанию капиталистической формации очередными компромиссами и подачами или к переходу к новой, снимающей прежние противоречия формации, зависит от нас — ученых, экономистов, преподавателей. Ждать осталось недолго.

Список литературы

1. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
2. Dieterich H. Past, Present and Future of World Socialism // International Critical Thought. 2018. Vol. 8, № 1. P. 1—27.
3. Кретов С. И. Капитализм, социализм и новая общественная формация будущего // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 8 (418). Экономические науки. Вып. 62. С. 7—15.
4. Кретов С. И. Исходное социально-экономическое отношение гуманистической (гармонической) общественно-экономической формации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 7—17.
5. Бодрунов С. Д. К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 4—8.

Сведения об авторах

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. ecoba@csu.ru

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 7—9.*

STORM OF CHANGE: BRUTE SOFT POWER AND THE FUTURE OF THE GLOBAL ECONOMY

V. I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ecoba@csu.ru

D. A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

References

1. Stiglitz J. (2015) *Cena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The price of inequality. Than stratification of society threatens our future]. Moscow, Eksmo. 512 p. [in Russ.].
2. Dieterich H. (2018) *International Critical Thought*, vol. 8, no. 1, pp. 1—27 [in Russ.].
3. Kretov S. I. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 8 (418). *Economics*. Iss. 62, pp. 7—15 [in Russ.].
4. Kretov S. I. (2019) *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (431). *Economics*. Iss. 66, pp. 7—17 [in Russ.].
5. Bodrunov S. D. (2019) *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no. 1 (59), pp. 4—8 [in Russ.].

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета.
2020. № 11 (445). Экономические науки. Вып. 71. С. 10—18.

УДК 338.43
ББК 65.32 (5 Каз)

DOI 10.47475/1994-2796-2020-11102

EVALUATION OF THE STATE OF AGRICULTURE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

M. O. Ryspekova, A. A. Duisenbekova

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

In this study, the author tried to determine the state and future development of the agricultural industry in Kazakhstan. Today's developed agriculture is an important aspect of the economy of states, namely: the production of sufficient quality products to ensure food security and stable livelihoods of the population. To assess the state of agriculture were used statistical yearbooks of the National Statistics Bureau of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, statistical journals, reports, bulletins, and articles by scientists involved in this research. Research methods - cognitive, statistical and analytical methods. The authors have shown the urgency of agricultural development in the economy of Kazakhstan, its current state, identified problems and ways to improve them.

Keywords: *economic assessment, agriculture, agriculture, gross domestic product, food security, innovative technologies, output, livestock, crop production, seasonality, sustainable growth.*

Introduction

The relevance of the topic of the study is undeniable, since at present in modern society one of the main problems is the development of agriculture to ensure food security.

Firstly, this is due to the fact that providing people with food from a physiological position determines their vital activities.

Secondly, it determines the political independence of the state and ensures its economic stability. Therefore, it should be noted that the issue of dynamic development of agriculture is being solved through the prism of this problem. This demonstrates the importance and timeliness of the study [1].

Today, agricultural development is an important aspect of the economy of States, namely, the production of sufficient quantities of high-quality products to ensure food security and stable life of the population [2. P. 63].

It should be noted that the market economy itself is not a sufficient condition for achieving the development of the agricultural sector and additional institutions, innovative technologies and high productivity in the agricultural sector are required [3. P. 470].

The relevance of the topic of the study is that the problem of agricultural development is among the quite intensively studied problems, both in Kazakhstan and abroad. Despite the fundamental development of a number of key issues in the growth of agricultural production in the country, many of its problems remain clearly not sufficiently explored [4. P. 603]. This topic requires constant deep and

scientific research, since the agricultural industry is constantly changing and depends on many factors. This was also the reason for the choice of the topic of study.

Materials and Methods

Statistical yearbooks of the Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, statistical journals, reports, bulletins, articles of scientists engaged in these studies were used to assess the state of agriculture. The following research methods were used in the process of carrying out the work: cognitive, statistical, and analytical.

Results

The most important part of the national economy, where vital products are produced and huge resources are concentrated, is the agricultural sector of the economy, the development of which determines to a decisive extent the state of all sectors of the economy, the level of food security of the state and the socio-economic situation in society.

In the context of market competition for consumer commodity markets, food is important for the development of agriculture and the volume of quality products produced, sold, processed by it is necessary to provide it to the population of the country and for export [5. P. 173].

To increase the competitiveness of the agricultural sector, its products, state support, insurance, revision and optimization of customs tariffs, fees, long-term loans and taxes, stimulation of innovative technologies, R & D for agricultural producers are necessary [6. P. 93].

Based on the data shown in Tab. 1 it can be seen that the ratio of HEP of agriculture to GDP of the country in 2014-2019 has practically not changed so, in 2014 it amounted to 7.93%.

Agriculture forms the country's food security and food independence through the production of 7.6% of gross domestic product in 2019 and determines the income of almost 30% of the economically active population of agriculture and other related sectors of the economy.

18% of the employed population of the village produces agricultural products and provides about 70% of the consumption fund of the entire Kazakh population.

Agricultural development contributes to the development of other industries that supply inputs and consume agricultural products as raw materials, as well as provide transport, trade and other services.

If we consider in monetary terms, the gross industrial product of agriculture increased during the five-year period increased by 39.73% or 2072.77 billion tenge and actually amounted to 5216.45 billion tenge in 2019. The reason for the increase in the gross sectoral product of the agricultural sector was the increase in gross grain production and livestock production. In 2017, this sector accounted for 7.49% of GDP. Kazakhstan is a major grain producer and in 2018 took 11th place in the world among the largest wheat exporters.

It should be noted that in the country almost 80% of agricultural production is sold in the form of unprocessed raw materials according to the structure of the gross output of the industry as a whole, it is also noted that ready-to-sell products have low competitiveness.

Table 2 shows the contribution of individual regions to the agricultural industry of the republic over the past 5 years.

Table 1

Gross sectoral product and share of agriculture in gross domestic product during 2014 -2019

Indicators	Years						Variance 2019/2014	
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	+, -	%
GDP, bln tenge	39675.83	40884.13	46971.15	54378.86	61819.54	68639.48	28 963.65	42.19
HEP of agriculture, bln tenge	3 143.68	3 307.01	3 684.39	4 070.92	4 474.09	5 216.45	2 072.77	39.73
HEP share of agriculture in GDP, %	7.93	8.09	7.85	7.49	7.24	7.6	-0.33	-4.17

Source: Statistics of Agriculture, Forestry, Hunting and Fisheries // National Statistics Bureau of the Strategic Planning and Reform Agency of the Republic of Kazakhstan (<https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6>; accessed 01.06.2020) [in Russ.].

Table 2

Gross output of agricultural products (services) in all categories of farms, in current prices, billion tenge

Regions	Years					Variance 2018/2014 rr.	
	2014	2015	2016	2017	2018	+, -	%
Republic of Kazakhstan	3143.68	3307.01	3684.39	4070.92	4474.09	1330.41	42.32
Akmola	268.35	290.89	348.20	378.17	406.69	138.34	51.55
Aktyubinsk	157.26	165.24	183.97	200.63	234.34	77.08	49.01
Almaty	535.44	551.10	597.31	630.93	733.97	198.53	37.08
Atyrau	56.26	58.77	61.61	61.13	66.88	10.62	18.88
The West Kazakhstan	103.54	106.54	131.02	140.04	139.92	36.38	35.14
Jambyl	218.58	218.73	237.07	251.32	268.22	49.64	22.71
Karaganda	179.35	197.27	229.35	251.01	277.66	98.31	54.81
Kostanay	266.89	294.61	319.04	368.10	386.66	119.77	44.88
Kyzylorda	69.60	79.19	80.63	88.67	103.92	34.32	49.31
Mangystau	9.07	11.73	12.47	13.72	15.66	6.59	72.66
The Southern Kazakhstan	419.69	426.89	480.40	505.29	-	-	-
Pavlodar	134.99	152.41	171.54	204.42	228.49	93.50	69.26
The North Kazakhstan	350.27	380.81	411.49	498.41	514.69	164.42	46.94
Turkestan	-	-	-	-	548.71	-	-
East Kazakhstan	366.59	366.97	415.04	472.01	514.97	148.38	40.48
Astana	2.87	2.42	1.03	1.31	1.05	-1.82	-63.41
Almaty	4.93	3.43	4.24	50.74	6.59	1.67	33.67
Shymkent	-	-	-	-	25.67	-	69.26

Source: Statistics of Agriculture, Forestry, Hunting and Fisheries // National Statistics Bureau of the Strategic Planning and Reform Agency of the Republic of Kazakhstan (<https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6>; accessed 01.06.2020).

Table 2 shows that the following agricultural regions made the largest contribution in 2018, such as Almaty region — 733.97 billion tenge, Turkestan region — 548.71 billion tenge, East Kazakhstan region — 514.97 billion tenge, North Kazakhstan region — 514.69 billion tenge of agricultural output. The growth of agricultural production in 2018 compared to 2014 was noted in 14 regions of the republic.

For a more objective picture of the development of agriculture, we presented Tab. 3, in which the data are focused in the main areas of the industry, their share of the total output of agricultural products.

The obtained data for the period from 2014 to 2019 showed that the main output in agriculture, as traditionally, in the Republic of Kazakhstan was allocated to livestock and crop production, which developed differently.

Thus, gross livestock production grew by 65 % or 913 billion tenge and in 2019 year amounted to 2306 billion tenge, and gross crop production increased by 66 % or by 1157 billion tenge, which in fact in 2019 year is equal to 2897 billion tenge.

When considering the output of crop production by region of the country, you can see the following picture, which is presented in Tab. 4.

Table 4 shows that the following agricultural regions reached the largest volume in crop production in 2018, such as Almaty region — 374.40 billion tenge, Turkestan region — 292.65 billion tenge, Akmola region — 268.79 billion tenge, East Kazakhstan region — 221.88 billion tenge, North Kazakhstan region — 366.17 billion tenge, Kostanyan

Considering regional differences in the structure of gross agricultural output (services), the study noted the specialization of each region, which shows that:

— northern regions (Akmola, Kostanay and North Kazakhstan regions) specialize in grain. Oilseeds, vegetable crops are produced in Pavlodar, East Kazakhstan and Almaty regions (fruits);

— southern regions of Almaty, Turkestan and Zhambyl regions produce significant volumes of fruit and vegetable production. Turkestan region grows cotton and in Kyzylorda region they grow rice and melon crops;

— in the central region — Karaganda region produce vegetables.

It should be noted that according to 2018 data, the volume of grain crops amounted to 22.8 million tons, 11.7 million tons of grain were exported from the country, which is 32.4 % more than in 2017.

Kazakh crop growers respond to the demand in the market and consider it necessary to produce what can be sold for profit. For example, in accordance with the indicators of 2018, barley exports increased 2.2 times by 2017, and the rapeseed oil indicator increased 3.3 times, the soybean increase was 2.5 times, tomatoes — 2.4 times, cabbage — 2.5 times.

The study examined livestock production by regions of Kazakhstan, which is shown in Tab. 5.

Table 5 shows that the largest contribution to livestock production in 2018 was made by the following agricultural regions such as Almaty region — 357.20 billion tenge, Turkestan region — 255.33 billion tenge, Aktobe region — 148.84 billion tenge, East Kazakhstan region — 292.70 billion tenge, Akmola region — 136.88 billion tenge of production in the form of various types.

The leading areas from the point of view of animal husbandry are Almaty, Turkestan and East Kazakhstan regions. Large livestock farms of pig breeding, dairy cattle breeding prevail in West Kazakhstan, Kostanay and Akmola regions, and Zhambyl region is dominated by sheep breeding, goat breeding, meat cattle breeding, horse breeding and camel breeding. The main number of camels is located in the Atyrau, Mangistau, Kyzylorda and South Kazakhstan regions. In the East Kazakhstan region, some farms are engaged in maral farming. Poultry farming is bred at the same level in

Table 3

Assessment of agriculture in its main areas of activity

Indicators	Years								Variance 2019/2014	
	2014	Specific weight, % in 2014	2015	2016	2017	2018	2019	Specific weight, % in 2014	+, -	%
HEP of agriculture, bln tenge	3144	100.00	3307	3684	4071	4474	5216	100	2073	66
Gross livestock production, bln tenge	1394	44.3	1470	1621	1810	2050	2306	44	913	65
Gross crop production, bln tenge	1739	55.7	1825	2048	2250	2411	2897	56	1157	66

Source: Statistics of Agriculture, Forestry, Hunting and Fisheries // National Statistics Bureau of the Strategic Planning and Reform Agency of the Republic of Kazakhstan (<https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6>; (ccesed 01.06.2020).

Table 4

Output of crop production by regions, billion tenge

Regions	Years					Variance 2018/2014	
	2014	2015	2016	2017	2018	+,-	%
Republic of Kazakhstan	1739.44	1 825.24	2 047.58	2 249.17	2 411.49	672.05	38.63
Akmola	181.55	200.30	239.95	253.97	268.79	87.23	48.04
Aktjubinsk	59.56	62.10	68.54	78.03	85.29	25.73	43.2
Almaty	297.66	302.63	327.70	326.09	374.40	76.74	25.78
Atyrau	22.67	23.27	24.56	24.98	26.71	4.04	17.81
West Kazakhstan	44.19	40.16	57.09	57.68	48.18	4.00	9.045
Jambyl	115.13	114.61	129.66	133.92	146.75	31.61	27.45
Karaganda	73.94	84.88	95.52	106.18	121.85	47.92	64.8
Kostanay	180.30	203.58	217.60	260.19	267.24	86.94	48.22
Kyzylorda	45.54	45.11	47.51	53.79	62.39	16.85	36.99
Mangystau	1.22	2.05	2.11	2.78	3.03	1.81	148.92
South Kazakhstan	239.87	234.65	275.20	273.92	-	-	-
Pavlodar	64.22	73.82	83.66	103.90	112.20	47.99	74.72
North Kazakhstan	247.06	275.29	289.84	361.26	366.17	119.11	48.2
Turkestan	-	-	-	-	292.65	-	-
East Kazakhstan	162.10	158.56	185.07	207.51	221.88	59.79	36.88
Astana	2.34	1.99	0.6071	656.3	461.5	-1.88	-80.2
Almaty	2.11	2.24	2.97	4.30	5.02	2.91	137.8
Shymkent	-	-	-	-	8.48	-	-

Source: Statistics of Agriculture, Forestry, Hunting and Fisheries // National Statistics Bureau of the Strategic Planning and Reform Agency of the Republic of Kazakhstan (<https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6>; accessed 01.06.2020).

Table 5

Production of livestock products by regions, billion tenge

Regions	Years					Variance 2018/2014	
	2014	2015	2016	2017	2018	+,-	%
Republic of Kazakhstan	1393,76	1469,92	1621,54	1810,91	2050,46	656,69	47,12
Akmola	85,69	89,29	106,48	123,29	136,88	51,19	59,74
Aktjubinsk	97,28	102,66	114,68	122,41	148,84	51,56	53,00
Almaty	236,35	246,93	267,79	302,74	357,20	120,85	51,13
Atyrau	33,20	34,92	36,03	35,76	39,73	6,52	19,65
West Kazakhstan	58,72	65,77	72,87	82,02	91,37	32,65	55,60
Jambyl	102,54	103,15	106,22	116,77	120,77	18,23	17,78
Karaganda	104,88	111,81	133,10	144,29	155,13	50,25	47,91
Kostanay	84,37	88,47	98,45	106,69	118,19	33,82	40,09
Kyzylorda	23,57	33,47	32,46	33,30	39,56	15,99	67,82
Mangystau	7,84	9,67	10,33	10,87	12,55	4,71	60,11
South Kazakhstan	178,69	190,92	203,55	230,15	-	-	-
Pavlodar	70,71	78,49	87,74	100,43	116,18	45,47	64,30
North Kazakhstan	102,74	104,95	121,00	136,32	147,71	44,98	43,78
Turkestan	-	-	-	-	255,33	-	-
East Kazakhstan	204,09	208,00	229,35	264,17	292,70	88,61	43,42
Astana	0,28	0,22	0,2201	0,2593	0,1893	-0,093	-32,90
Almaty	2,81	1,18	1,27	1,44	1,57	-1,24	-44,15
Shymkent	-	-	-	-	16,56	-	-

Source: Statistics of Agriculture, Forestry, Hunting and Fisheries // National Statistics Bureau of the Strategic Planning and Reform Agency of the Republic of Kazakhstan (<https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6>; accessed 01.06.2020).

all regions of Kazakhstan. Beekeeping is also developed in the East Kazakhstan region.

Observations in agriculture show that crop production is better developed, but despite this, the main sub-branch of agriculture in the country is animal husbandry, which is characterized by a huge territory rich in natural pastures, while various climatic and soil zones make it possible to engage in various types of animal husbandry: dairy and meat livestock, sheep and goat breeding, horse breeding, camel breeding, maral breeding, poultry breeding, pig breeding, as well as beekeeping, which accounts for 47.11 % of all agricultural products in 2019.

In addition to the main output of livestock and crop production, agriculture is characterized by the services shown in Tab. 6.

According to Tab. 6, there is an increase in agricultural services for 5 years in the following regions, such as Kyzylorda region — 311.69% or in the amount of

1489.9 million tenge, Mangystau region — 307.94% or — 58.5 million tenge, Nur-Sultan — 59.7% or in the amount of 149.7 million tenge. The following regions achieved growth over 5 years in agricultural services in 2018: Almaty region — KZT 2,378,3 million, Akmola region — KZT 1,026,5 million, Kostanay region — KZT 1,230,9 million, Kyzylorda region — KZT 1,967,8 million.

In Aktobe region — 50.2% or — 86.9 million tenge, West Kazakhstan — 41.7% or — 264.8 million tenge, Kostanay — 44.6% or 993.7 million tenge.

There is an annual increase in the number of existing agricultural enterprises.

Based on Tab. 7, it can be clearly seen that the number of organizational forms of small and medium-sized businesses is growing in agriculture, in 2014 the number of existing enterprises was 6,973 units, and in 2019 — 12,420 units, i. e., increased by 78.12% or by + 5447 units.

Table 6

Agricultural services by regions of Kazakhstan

Regions	Years					Variance 2018/2014	
	2014	2015	2016	2017	2018	+, –	%
Republic of Kazakhstan	10 479.7	11 849.9	15 271.1	10 835.8	12 145.6	1 665.9	15.89
Akmola	1 113.4	1 299.6	1 771.9	910.0	1 026.5	–86.9	–7.8
Aktjubinsk	417.7	485.0	744.6	186.4	207.7	–210.0	–50.2
Almaty	1 437.5	1 533.2	1 815.2	2 101.1	2 378.3	940.8	65.44
Atyrau	390.2	574.0	1 028.0	383.3	442.4	52.2	13.37
West Kazakhstan	634.9	613.5	1 053.6	344.4	370.2	–264.8	–41.7
Jambyl	905.8	960.1	1 185.0	630.7	705.1	–200.7	–22.15
Karaganda	535.0	585.1	727.8	545.0	670.5	135.5	25.33
Kostanay	2 224.6	2 560.0	2 989.2	1 218.3	1 230.9	–993.7	–44.6
Kyzylorda	478.0	604.8	660.2	1 584.4	1 967.8	1 489.9	311.69
Mangystau	19.0	21.9	22.2	79.5	77.5	58.5	307.94
South Kazakhstan	1 133.3	1 326.8	1 654.1	1 221.8	–	–	–
Pavlodar	65.4	97.4	146.4	86.2	113.3	47.9	73.31
North Kazakhstan	471.7	570.4	646.0	826.0	806.7	335.0	71.02
Turkestan	–	–	–	–	732.4	–	–
East Kazakhstan	402.6	413.6	621.1	325.6	390.5	–12.2	–3.01
Astana	250.7	204.3	205.7	393.2	400.4	149.7	59.7
Almaty	–	–	–	–	–	–	–
Shymkent	–	–	–	–	625.4	–	–

Source: Statistics of Agriculture, Forestry, Hunting and Fisheries // National Statistics Bureau of the Strategic Planning and Reform Agency of the Republic of Kazakhstan (<https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6>; accessed 01.06.2020).

Table 7

Number of operating enterprises in five years (agriculture, forestry and fisheries)

Years	2014	2015	2016	2017	2018	Variance 2018/2014	
						+, –	%
Number of operating enterprises, units	6 973	7 558	9 218	11 738	12 420	+5447,0	78,12

Source: Statistics of Agriculture, Forestry, Hunting and Fisheries // National Statistics Bureau of the Strategic Planning and Reform Agency of the Republic of Kazakhstan (<https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6>; accessed 01.06.2020).

So, 2018, the export of all meat amounted to 18.7 thousand tons, including beef 4.7 thousand tons, showing good growth, the volume of gross agricultural products increased by 3.5%, food products — by 1.6%. The inflow of investments in fixed assets in agriculture increased by 14.2%, in food production — by 27.3%.

In dairy animal husbandry with the same volumes of state support, due to increasing its efficiency, the volume of milk production grows from year to year.

More than 5.6 billion pieces of chicken eggs were produced in the poultry industry, which is more than the volume of 2017 by 500 million pieces. Egg exports reached 671 million eggs. Over 190 thousand tons of poultry meat were produced.

Discussion

Based on the above, we performed the final SWOT analysis of the agricultural sector of Kazakhstan in the study, see Tab. 8.

Despite the positive dynamics in agriculture, I would like to note that its pace of development is not significant. This is due to seasonality, in modern times agriculture is of a territorial-regional nature, although about 43.1% of the total population of Kazakhstan live in rural areas and its development is influenced by various factors, such as natural, agroclimatic, resource, labor, material and technical, infrastructure, production, organizational

and managerial and others. In addition, I would like to emphasize that the agricultural sector has difficulties in transport services, infrastructure characterized by monopolization. Improving the factors and conditions for the introduction of agriculture will increase the benefits of the agricultural sector and increase the well-being of the population and the economy of the country [9].

For the development of agriculture, measures are introduced for state regulation and support, which are reflected in state programs, such as:

The state program for the development of the agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan for 2017-2021 is aimed at increasing the competitiveness of the agro-industrial sector by increasing labor productivity to 3.7 million tenge per 1 employed in agriculture by 2021, as well as exporting processed to \$2,400 million in 2021 [10].

In addition to this program, a number of other state programs affecting the development of agricultural sectors and rural regions, such as:

- Kazakhstan-2050 Strategy [11];
- State program “Digital Kazakhstan” [12];
- Unified Business Support and Development Program “Business Roadmap 2020” [13];
- Regional Development Programme 2020 [14];
- Housing development programme of “Nurly Zher” 2017-2021 [15];

Table 8

SWOT analysis of Kazakhstan’s agricultural industry

Strengths	Weaknesses
<ul style="list-style-type: none"> • the territory of Kazakhstan occupies the 9th place in the world; • in terms of arable land per capita, it ranks 2nd in the world; • the rural population accounts for about 43% of the total population and 18% of the employed rural population produces agricultural products; providing about 70% of the consumption fund of the entire Kazakh population; • in 2018 ranked 11th in the world among the largest exporters of wheat, one of the largest exporters in grain and flour; • demand for food products in the markets of CIS and Central Asia; • constant growth of gross product, while crop production grows faster, but despite this, the main sub-branch of agriculture is animal husbandry; • the number of existing SMEs of small and medium-sized businesses is growing in 2019 - 12,420 units, i.e., increased by 78.12%; • in 2018, the export of all meat amounted to 18.7 thousand tons; inflow of investments in fixed assets increased by 14.2% 	<ul style="list-style-type: none"> • low share in GDP of the country (7.6%); • underdevelopment in the gross output of the industry, there is a high share of the products of personal subsidiary farms; • almost 80% of agricultural production in the country is sold in the form of unprocessed raw materials according to the structure of the gross output of the industry as a whole, it is also noted that ready-to-sell products have low competitiveness; • low level of R & D implementation; • insufficient veterinary and food safety; • high capital intensity; • long payback period; • dependence on natural and climatic conditions; • low productivity; • low level of profitability of agricultural enterprises, in some regions agricultural services decreased - Aktobe, West Kazakhstan, Kostanay regions

Source: Statistics of Agriculture, Forestry, Hunting and Fisheries // National Statistics Bureau of the Strategic Planning and Reform Agency of the Republic of Kazakhstan ([https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6\\$](https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/6$) accessed 01.06.2020).

— Programme for the Development of Productive Employment and Mass Entrepreneurship for 2017-2021 Years [16];

— Investment attraction programme “National Investment Strategy” 2018-2022 years [17];

— National Export Strategy Programme [18].

Despite the effective implementation of the above programs, problems remain in the countryside — a low level of profitability in the industry, not using a subsidy for its intended purpose, the creditworthiness of agricultural producers, sufficiently high interest rates of loans and, as a result, difficulties in their use, as well as a lack of qualified personnel, poor technical equipment, not developed infrastructure, which leads to the outflow of the rural population to cities and a decrease in the development of the agricultural sector.

Conclusion

Thus, it is worth noting that the state of agricultural development affects the related sectors of the agro-industrial complex, and the production of agricultural products directly depends on the increase in the number of active farm and peasant farms, individual entrepreneurs and small and medium-sized businesses. As the study showed, the state of agricultural production in the republic is characterized by the development and negative trends, such as: deterioration of soil fertility, a decrease in the material and technical base of agricultural formations, low crop yields and high dependence on soil and climatic conditions (drought, etc.), low productivity in animal husbandry [19].

The development of agriculture in our country is associated not only with the negative trends mentioned above, but also with positive factors such as the favorable geographical location of Kazakhstan and its natural and climatic conditions, together with a large reserve of land resources (74% of the country's area is suitable for agriculture), allow many times to increase agricultural production and increase exports to nearby countries, while there are noticeable advantages:

— the presence of natural pastures — 180 mln hectares (5th place in the world after China, Australia, USA, Brazil), which are suitable for breeding up to 30 million conditional heads. At the moment, the load is 12 million conditional goals;

— the presence of arable land — 35.4 million hectares, which is the 10th place in the world, covering fallow land — 10.6 million hectares. Overproduction of cereals, as well as landlocked exports — 7 million tons of grain on average each year;

— availability of water resources for arable land irrigation — 4 million hectares;

— proximity of natural markets: PRC, Iran, Russia, Persian Gulf countries, Uzbekistan, Afghanistan.

For the effective development of agriculture, it is necessary to take into account our advantages and the realization of problems through solving the following problems:

— market access and export capacity development;

— rational use of water and land resources;

— adequate financing and development of research and development of agrarian science;

— modern technology, taking into account the Kazakh climate and the possibility of updating technology;

— arranging subsidies and financing taking into account the start of seasonal agricultural work;

— improving management in the agricultural sector;

— development of optimal relations between state structures, SMEs and scientific organizations to increase production growth in rural areas;

— introduction of innovative production technologies, marketing, product designs, professional development, product qualities and labor productivity;

— digitalization of agricultural services.

Training of personnel (agronomists, veterinary doctors, economists) for farms through college education programmes;

— involvement in the agricultural sector with the motivation of professional workers in the industry;

— observance of agrarian standards, maintenance of terms from sowing to harvesting, transportation and storage taking into account soil and natural-climatic conditions,

— correct processing and processing of products;

— reduction of dependence on imports of means of production, technologies and equipment;

— development of new methods of state support, such as: preferential taxation, lending and subsidies, cheaper leasing of agricultural machinery and equipment, venture funds;

— immediate response to global market challenges, as the rise of long-term risks of instability in global agri-food markets affects the growth of demand for food, crop products and livestock products.

In the future, it is necessary to determine priority areas for the development of agricultural production, with the participation of state regulation and the transfer of advanced experiments of foreign countries in order to increase the volume of competitive products and food in Kazakhstan [20].

The implementation of the tasks set for the country's agricultural sector will provide opportunities for the conquest of new food markets and the provision of high-quality products primarily for the population of Kazakhstan and the effective development of agriculture.

References

1. Petrick M., Oshakbaev D. and Wandel J. (2017) *The Eurasian Wheat Belt and Food Security Journal. Global and Regional Aspects*, vol. 35, issue 8, pp. 104—105.
2. Besik D., Nagurney A. (2017) *Socio-Economic Planning Sciences Journal*. New York.
3. Sumner D. A., Leiby J. D. (2017) *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 69.
4. Zimmermann A., Heckeley T. (2012) *Journal of Agricultural Economics*, vol. 63.
5. Davletkalieva K. B., Idrisova A. R. (2016) *Zhurnal «Sovremennyye problemy prava, ekonomiki i upravleniya»*. Almaty, vol. 1 (8) [in Russ.].
6. Bekbenbetova B. (1999) *Problemy agrorynka. Food supply for a rural family*. Almaty [in Russ.].
7. Ministerstvo nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan, Komitet po statistike, Osnovnye social'no-ekonomicheskie pokazateli Respubliki Kazahstan za 2014—2019 gody [Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, Committee on Statistics, Main socio-economic indicators of the Republic of Kazakhstan for 2014—2019]. Available at: <https://stat.gov.kz/>, accessed 25.05.2020 [in Russ.].
8. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan N. Nazarbaeva Narodu Kazahstana, “Kazahstanskij put'-2050: Edinaya cel', edinye interesy, edinoe budushchee” [Message from the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the people of Kazakhstan, “The Kazakhstani way-2050: A common goal, common interests, common future”]. Available at: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-17-yanvarya-2014-g, accessed 25.05.2020 [in Russ.].
9. Programma po razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa v Respublike Kazahstan na 2013-2020 gody “Agrobiznes-2020” [The program for the development of the agro-industrial complex in the Republic of Kazakhstan for 2013-2020 “Agribusiness-2020”]. Available at: <http://mgov.kz/programma-agrobiznes-2020/>, accessed 25.05.2020 [in Russ.].
10. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan, № 423, “Ob utverzhenii Gosudarstvennoj programmy razvitiya agropromyshlennogo kompleksa Respubliki Kazahstan na 2017-2021 gody” [Creation of the Government of the Republic of Kazakhstan, No. 423, “On approval of the State program for the development of the agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan for 2017-2021”]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=32033682, accessed 25.05.2020 [in Russ.].
11. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan — Lidera Nacii N. A. Nazarbaeva narodu Kazahstana, Strategiya “Kazahstan-2050”: novyj politicheskij kurs sostoyavshegosya gosudarstva [Message from the President of the Republic of Kazakhstan — Leader of the Nation N. A. Nazarbayev of the people of Kazakhstan, Strategy “Kazahstan-2050”: a new political course of an established state]. Available at: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-rezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-14-dekabrya-2012-g, accessed 25.05.2020 [in Russ.].
12. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan, № 827, “Ob utverzhenii Gosudarstvennoj programmy “Cifrovoy Kazahstan” [Creation of the Government of the Republic of Kazakhstan, No. 827, “On approval of the State Program” Digital Kazakhstan”]. Available at: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=37168057, accessed 25.05.2020 [in Russ.].
13. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan, № 522, “Ob utverzhenii Gosudarstvennoj programmy podderzhki i razvitiya biznesa “Dorozhnaya karta biznesa-2020” [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan, No. 522, “On approval of the State program for support and development of business” Business roadmap-2020”]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38029143, accessed 25.05.2020 [in Russ.].
14. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan, № 767, “Ob utverzhenii Gosudarstvennoj programmy razvitiya regionov do 2020 goda” [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan, No. 767, “On approval of the State program for the development of regions until 2020”]. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000767>, accessed 25.05.2020 [in Russ.].
15. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan, № 372, “Ob utverzhenii Gosudarstvennoj programmy zhilishchnogo stroitel'stva “Nyrly zher”, 22 iyun', 2018., utratilo silu postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 31 dekabrya 2019 goda № 1054 [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 372, “On approval of the State program of housing construction” Nurly zher dated June 22, 2018, became invalid by the decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 31, 2019 No. 1054]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39651893, accessed 25.05.2020 [in Russ.].

16. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan, № 746, "Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy razvitiya produktivnoj zanyatosti i massovogo predprinimatel'stva na 2017-2021 gody "Еңбек" [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan № 746 "On Approval of the State Program of development of productive employment and mass business in the 2017-2021 years "Yenbek"]. Available at: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=33631396, accessed 25.05.2020 [in Russ.].

17. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan, № 498, "Ob utverzhdenii Programmy po privlecheniyu investitsij "Nacional'naya investicionnaya strategiya» i vnesenii dopolneniya v postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 dekabrya 2015 goda № 1136 "Ob utverzhdenii perechnya pravitel'stvennyh programm i priznanii utrativshimi silu nekotoryh reshenij Pravitel'stva Respubliki Kazahstan" [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan № 498 "On Approval of the Program to attract investment," National Investment Strategy" and introducing amendments to the Resolution of the Republic of Kazakhstan dated December 30, 2015 № 1136 "On approval of the list of government programs and abrogating certain decisions of the Government of the Republic of Kazakhstan"]. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000498/history>, accessed 25.05.2020 [in Russ.].

18. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan, № 511, "Ob utverzhdenii Programmy "Nacional'naya eksportnaya strategiya" [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 511 "On approval of the National Export Strategy Program"]. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000511>, accessed 25.05.2020 [in Russ.].

19. Lerman Z. (2018) *Policy Studies on Rural Transition Journal. Budapest: Food and Agriculture Organization of the United Nations, Regional Office for Europe and Central Asia.* 567 p.

20. FAO. Eastern Europe and Central Asia Agro-industry Development Country Brief. Kazakhstan. Rome. Available at: http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/Europe/documents/Publications/AI_briefs/AI_briefs2014/AI_Brief_Kazakhstan_new.pdf, accessed 25.05.2020.

21. Zimmermann A., Heckelei T. *Journal of Agricultural Economics*, vol. 63, 2012.

Сведения об авторах

Рыспекова Мадина Оразовна — кандидат экономических наук, и. о. профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан. Madina10081957@mail.ru

Дуйсенбекова Айгерим Азатқызы — магистр экономики и бизнеса, PhD докторант, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан. aigerim.duisenbekova95@gmail.com

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

М. О. Рыспекова, А. А. Дуйсенбекова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Авторы попытались определить состояние, перспективное развитие сельскохозяйственной отрасли в Республике Казахстан. Сегодня развитость сельского хозяйства является важным аспектом экономики государств, а именно — выпуск достаточных объемов качественной продукции для обеспечения продовольственной безопасности и стабильной жизнедеятельности населения. Для оценки состояния сельского хозяйства использовались статистические ежегодники Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, статистические журналы, доклады, бюллетени, статьи ученых, занимающихся данными исследованиями. В процессе выполнения работы использовались следующие методы исследования: познавательный, статистический, аналитический. Авторы показали актуальность развития сельского хозяйства в экономике Казахстана, ее современное состояние, выявили проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: *экономическая оценка, сельское хозяйство, аграрное хозяйство, валовой внутренний продукт, продовольственная безопасность, инновационные технологии, выпуск продукции, животноводство, растениеводство, сезонность, устойчивый рост.*

ТОЧКИ РОСТА ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

С. Г. Аюпова, Е. С. Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены проблемы диверсификации региональной экономики и поиска новых драйверов и точек роста. Анализ точек роста уделено немалое внимание в научной литературе, однако отсутствует системная экономическая политика, направленная на выявление и развитие точек роста в регионах. Цель работы — проанализировать состояние и развитие региональной экономики на примере регионов Уральского федерального округа и выявить потенциальные точки роста в них. Информационной базой исследования является региональная статистика, предоставленная Федеральной службой статистики России. В исследовании использованы методы статистического анализа, в частности анализ динамики и корреляционный анализ. Проведен анализ основных показателей, характеризующих развитие региональной экономики: отраслевой структуры ВРП, индекса промышленного производства, уровня научно-технического развития, среднедушевых доходов.

Ключевые слова: *региональная экономика, диверсификация, точки роста, экономическое развитие, экономический рост, отраслевая структура экономики.*

В современных условиях, когда Россия находится в состоянии выбора стратегического развития и дальнейшей модели развития, которая должна и могла бы обеспечить рост экономики, необходимы поиск, идентификация и активизация точек роста региональной экономики.

Разработка теории точек и полюсов роста связана с именем французского исследователя Франсуа Перру, которые в 1970 г. предположил, что рост происходит не мгновенно, а распространяется из более развитых территорий в периферийные; точки роста способны стимулировать рост в других частях пространства, важную роль при этом играют инновации. Существование полюсов роста обусловлено объективными причинами [17]. Идеи Перру были развиты в работах его ученика Ж. Будвиля, который считает, что «региональный полюс роста представляет собой набор развивающихся и расширяющихся отраслей, размещенных в урбанизированной зоне и способных вызывать дальнейшее развитие экономической деятельности во всей зоне своего влияния» [25].

На сегодняшний день теория поляризованного роста экономики находит свое отражение в работах отечественных исследователей М. В. Глазырина, С. Ю. Глазьева, К. В. Павлова, Ю. В. Первалова, А. В. Суворовой, А. П. Сысоева и др. [8; 9; 15; 16; 20; 21].

С. Раевский, Ю. Исаченко подчеркивают разнообразие трактовок определения сущности точек

роста и считают, что под ними можно понимать территории, отрасли и предприятия. Эти ученые предлагают следующее определение точки роста региона: «крупное предприятие конкретной отрасли или совокупность хозяйствующих субъектов в рамках определенной территории, обладающих существенным потенциалом саморазвития и способных обеспечить высокую динамику экономического роста в регионе» [19]. А. С. Ванюшкин и С. В. Друзин подчеркивают важность такого аспекта развития точек роста, как их устойчивость [7].

А. Ю. Ляшенко перечисляет основные показатели, при помощи которых можно выделять точки роста: удельный вес отрасли в общем объеме произведенной продукции; доля убыточных предприятий в отрасли; уровень рентабельности отрасли; прибыль в отрасли; бюджетная эффективность (налоговые отчисления) и некоторые другие [14].

А. В. Суворова в своем исследовании показывает, что формирование полюсов роста может иметь для соседних регионов и негативные последствия. Автор также обращает внимание на всё растущую дифференциацию регионов России и необходимость взвешенной региональной политики [20].

М. Г. Коваленко дает следующее определение диверсификации: «одновременное развитие многих не связанных друг с другом видов производства, расширение ассортимента производимых изделий и услуг, а диверсифицированная региональная экономика — всесторонне развитое, относительно

устойчивое к экономическим кризисам многоотраслевое хозяйство». Процессы диверсификации региональной экономики усиливают внутри- и межрегиональную конкуренцию, при этом у каждого региона есть свой предел роста диверсификации [12].

Кроме того, большое количество ведущих исследователей утверждают о важности определения точек роста. Так, Н. Добрецов, А. Конторович, В. Кулешова отмечают способность точек роста давать устойчивое развитие региональной экономике и способствовать решению ряда социальных задач. Выявление и развитие данных точек позволяет, по их мнению, увеличить доходы бюджета, валовой региональный продукт и получить новые, дополнительные рабочие места [10].

Д. Е. Бекбергенева считает, что точками роста могут стать те отрасли, в которых более высокий интеллектуальный потенциал [5]. По мнению этого автора, большое значение играет цифровизация региональной экономики с точки зрения задействования точек роста регионов.

А. В. Жаров, А. О. Ткаченко отмечают, что современные кризисные явления в экономике ставят вопрос о смене парадигмы регионального развития с выравнивающей на стимулирующую. В качестве основных факторов роста региональных экономик авторы видят научно-техническое развитие и финансовые активы, а в качестве основного подхода — развитие кластеров, при этом они предлагают использовать следующие методы поддержки кластеров: гранты и субсидии, льготное налогообложение, корректировка стратегических программ развития территорий [11].

А. Б. Крыловский утверждает, что «недоиспользование природных и человеческих ресурсов» приводит к увеличению региональных диспропорций, а также порождает существование депрессивных регионов. Также он отмечает, что основными драйверами в развитии точек роста региона могут быть инновационные и инвестиционные проекты, а также финансовые вложения в экономику [13].

А. А. Урунов, М. М. Аvezова, М. А. Насимова разработали авторскую методику определения точек и полюсов роста. По мнению авторов, главным критерием выделения точки роста является мультипликативный эффект. Данные авторы также разрабатывают понятие полюсов роста. По их мнению, полюс роста демонстрирует устойчивые темпы роста и занимает весомую часть в отраслевой структуре, а также способен стать локомотивом развития региональной экономики [24]. А. В. Полянин, Л. И. Проняева в своем исследовании дают рас-

ширенный перечень критериев определения точек роста. Точки роста влияют на прирост валового регионального продукта, производства в точках роста может быть ориентировано на внешние рынки, они способны обеспечивать приток инвестиций в регион и решать проблему увеличения благосостояния населения в регионе [18].

Существуют исследования, посвященные точкам роста в отдельных регионах. Н. Н. Булатова, В. В. Алексеева с применением метода SWOT-анализа и кластерного подхода изучили возможности развития Республики Бурятия. Авторы выделяют шесть основных экономических зон на территории региона, и одной из наиболее значимых точек роста называют развитие интегрированной транспортной системы [6].

В качестве объекта исследования авторами выбраны регионы Уральского федерального округа. Данные регионы в большинстве являются промышленными. Анализ особенностей развития промышленных регионов в отечественной экономической литературе уделено немалое внимание. Например, В. И. Бархатов, Д. С. Бенц и Е. С. Силова систематизируют понятия и выделяют основные показатели, характеризующие промышленный регион [1]. Большое внимание анализу особенностей промышленного региона уделяет В. И. Бархатов в исследованиях с соавторами [2—4]. По мнению известного российского ученого А. И. Татаркина, Уральский регион обладает разнообразным ресурсным потенциалом, огромной номенклатурой производимой промышленной продукции, развитой транспортной инфраструктурой, этот регион является связующим и может стать катализатором формирования единого экономического пространства и мегатехнополисом [22; 23].

При исследовании УрФО было установлено, что данный округ находится в благоприятной природно-климатической зоне с преобладанием следующих видов промышленности: металлургия, машиностроение, деревообрабатывающее и химическое производства. Необходимо отметить, что при активизации точек роста есть возможность, на наш взгляд, придерживаться одного из двух подходов. Во-первых, при условии неполного использования имеющихся социально-экономических, природно-климатических и иных возможностей региона предполагается вовлечение имеющейся рабочей силы в увеличение доходов, увеличение валового регионального продукта, платежеспособности. Такой подход предполагает использование экстенсивного типа роста, который

позволяет нарастить различные виды ресурсов, но до определенного рубежа.

Второй подход предполагает, что регион использовал все имеющиеся ресурсы полностью, в этом случае поиск и активизация точек роста возможны с позиции использования новых технологий, внедрения инновационных приемов и способов производства продукции на уже имеющихся предприятиях, которые подвергаются реконструкции. При таком подходе будет использован синергетический эффект от применения интенсивного и инновационного типа роста экономики. В этом случае возможно добиться увеличения производительности труда и общей эффективности производства. Однако при использовании данного подхода неизбежным становится применение инвестиционных ресурсов. К тому же такой подход достаточно сложен в реализации и требует больших капитальных вложений. На практике он подразумевает наличие хорошо развитого научного потенциала территории в области наукоемких, информационных технологий и макротехнологий. Немаловажным аспектом является и то, что подход не дает быстрого результата, а понимание необходимости его внедрения должно идти как со стороны государства, что будет подкреплено законодательной базой, так и со стороны самих предприятий, что, как правило, не является для них первоочередной задачей. Однако новая реальность предполагает наиболее быстрый и при этом небезболезненный переход на рельсы второго подхода.

В условиях пандемической ситуации, которая диктует правила дистанцирования и усиления мер безопасности здоровья людей, перед многими компаниями и предприятиями, отраслями промышленности встала необходимость определения новых инструментов и способов собственного развития — поиск новых альтернативных точек роста. Своеобразным инструментом реализации становится цифровая коммерция. Однако в связи со спецификой не все отрасли промышленности могут с легкостью использовать данные инструменты. Так, например, еще в начале пандемии, в апреле, наблюдался спад ВВП на 12% годовых, который произошел из-за секторов экономики, ориентированных на потребительский спрос. Снижение ВВП за четыре месяца оценивается на уровне 1,9% годовых. Подобное изменение объясняется сокращением оборота розничной торговли на 23,4% годовых, в основном за счет падения в сегменте непродовольственных товаров, в том числе продаж легковых автомобилей. Менее заметные со-

кращения произошли в сфере продовольственных товаров — на 9,3% годовых. За исключением сферы торговли, сокращение ВВП в базовых отраслях в условиях пандемической ситуации отразилось более умеренными темпами. Так, промышленное производство снизилось на 6,6% годовых, однако стоит отметить, что спад промышленности оказался ниже, чем в других развитых и развивающихся странах. К сожалению, к новым условиям не смогли быстро перейти отрасли обрабатывающей промышленности, которые ориентированы на производство потребительских товаров, не относящихся к товарам первой необходимости. Сокращение производства в большей степени проявилось в машиностроении, легкой промышленности, металлургии, производстве строительных материалов и другой неметаллической продукции. Однако компании, ориентированные на выпуск товаров медицинского назначения, смогли увеличить свое производство уже в мае на 13,5% годовых, а производство медицинских инструментов и оборудования — на 2,7% годовых, что подтверждает теорию применения первого подхода с возможностью увеличения роста доходов при использовании имеющихся ресурсов. Стоит отметить, что появление новых точек роста промышленного производства в регионах возможно именно как результат синергетического эффекта от взаимодействия власти, подкрепленной законодательными нормативами, с предприятиями и территориями с их возможностями и социально-экономическим потенциалом.

На первом этапе нашего исследования рассмотрим основные показатели, характеризующие экономику регионов Уральского федерального округа по данным Федеральной службы статистики. Эти показатели позволят нам выявить ключевые тренды в развитии региональных экономик Уральского федерального округа. В табл. 1 приведена информация по индексу физического объема ВРП за 2010—2017 гг.

Как мы видим из табл. 1, наиболее кризисные годы — 2014-й и 2015-й, когда наблюдается снижение в пределах 3% физического объема ВРП по большинству регионов. Это связано, на наш взгляд, в первую очередь с введением экономических санкций и началом кризисных явлений в российской экономике. С 2016 г. восстанавливается рост ВРП, но пока он незначителен, за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа (почти 8%). В среднем по УрФО за рассматриваемый период с 2010 по 2018 г. можно отметить невысокие темпы роста — на уровне 2—3,5%. В Челябинской области

Таблица 1

**Индекс физического объема валового регионального продукта
(в постоянных ценах, в процентах к предыдущему году)**

Регионы \ Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Уральский федеральный округ	106,8	104,6	101,5	102,2	99,0	98,8	100,3	103,0	105,3
Курганская область	97,5	106,8	96,0	102,8	97,1	97,4	101,8	101,4	101,3
Свердловская область	111,4	108,9	107,1	102,0	100,1	97,3	101,9	102,0	102,3
Тюменская область	106,0	103,1	99,8	102,4	98,1	99,2	100,5	103,5	107,0
В том числе:									
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	103,0	100,9	98,1	100,0	98,7	98,2	97,6	100,1	101,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	110,1	102,7	102,2	103,9	105,7	98,1	105,6	107,8	114,8
Тюменская область без автономных округов	102,1	108,9	83,5	105,3	100,6	105,4			108,3
Челябинская область	106,0	105,3	102,4	101,5	102,8	99,5	96,9	102,1	101,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Статистический сборник (gks.ru; дата обращения 10.09.2020).

наибольшее снижение — более чем на 3% — зафиксировано в 2016 г., что связано с временным лагом реакции на изменение экономической политики в 2014 г. В 2017 г. наблюдается небольшой рост валового регионального продукта, на 2%, и это также позволяет отметить, что использование первого подхода не достигло своего максимума. Далее рассмотрим показатели, характеризующие динамику инвестиций, поскольку обновление производственных фондов, на наш взгляд, также является одним из важнейших драйверов экономического роста. Данные приведены в табл. 2.

Падение инвестиций было более значительным, чем снижение ВРП. Так, в Свердловской области снижение зафиксировано в шести периодах, максимальное — около 15% — в 2015 г., восстановления пока не произошло. В Челябинской области сокращение происходило в 2010, 2015 и 2016 гг., но в 2018 г. отмечен рост на 25%. Менее всего снижались инвестиции в Тюменской области. В Курганской области фиксируется максимальное снижение — почти на 23%. Данная ситуация тормозит применение второго подхода и доказывает предположение о том, что предприятия не готовы в полном объеме перейти ко второму подходу при условии недоиспользования имеющихся ресурсов. Следующим значимым вопросом для рассмотрения является структура инвестиций. В табл. 3 представлена структура инвестиций по видам основных производственных фондов.

В Челябинской и Курганской областях большую долю (18 и 23,7% соответственно) в структуре инвестиций занимает жилищное строительство. Основная доля инвестиций — почти 50% —

в Челябинской области приходится на машины и оборудование, такая же тенденция наблюдается в Свердловской области. В Тюменской области и автономных округах основная доля инвестиций приходится на производственные здания (почти до 80% в ЯНАО). Негативной тенденцией, по нашему мнению, являются низкие показатели по инвестициям в объекты интеллектуальной собственности (а это инновации) — в среднем по округу 1,5%, наибольшая доля — чуть более 4% — у Тюменской области.

Таким образом, исследование доказывает, что первый подход нельзя сбрасывать со счетов, так как имеющиеся ресурсы и возможности не достигли своего максимума. Однако стоит отметить, что к сожалению, научно-технологическое развитие территорий никак не может быть однородным. Готовность развиваться в рамках второго подхода может возникнуть у регионов как некий стихийный фактор, который позволит модернизировать имеющиеся ресурсы и использовать их в последующем как конкурентное преимущество. Это может привести еще к большей дифференциации социально-экономического развития регионов России, что является негативным фактором, но, на наш взгляд, данная тенденция не носит долгосрочного характера. Нельзя забывать, что при использовании такого подхода скорость активизации точек роста зависит от эффективности взаимодействия науки, бизнеса и власти. При наличии не менее двух точек роста территории, которые находятся между ними, автоматически подвергаются необходимости модернизации и (или) дальнейшего развития, что приводит к возникновению новых драйверов в развитии.

Таблица 2

**Индекс физического объема инвестиций в основной капитал в регионах УРФО, %
(в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году)**

Регионы	Годы	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация		110,2	106,3	110,8	106,8	100,8	98,51	89,9	99,8	104,8	104,3
Уральский федеральный округ		94,7	109,1	114,2	106,4	101,4	103,2	89,7	107,1	102,0	104,5
Курганская область		127,1	73,1	108,1	115,1	84,7	95,8	77,2	103,2	77,4	109,0
Свердловская область		104,0	130,4	115,9	98,0	96,4	103,2	85,1	86,6	91,4	99,3
Тюменская область		91,0	107,5	114,9	110,2	102,5	103,7	91,7	113,8	103,8	103,4
В том числе:											
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра		96,5	108,8	117,2	105,4	101,3	95,6	93,6	102,0	111,1	101,9
Ямало-Ненецкий автономный округ		80,0	99,8	112,6	116,7	99,3	118,5	87,4	122,1	95,1	105,5
Тюменская область без автономных округов		117,9	95,1	78,9	105,0	124,3	121,4				
Челябинская область		104,5	99,2	107,6	100,1	104,7	101,2	83,6	86,7	103,1	125,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Статистический сборник (gks.ru; дата обращения 10.09.2020).

Таблица 3

Структура инвестиций в основной капитал по видам основных фондов в 2017 г., %

Регионы	Жилые здания и помещения	Здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель	Машины, оборудование, транспортные средства	Объекты интеллектуальной собственности	Прочие
Уральский федеральный округ	6,2	55,8	23,5	1,5	13,1
Курганская область	23,7	32,8	38,5	1,6	3,4
Свердловская область	19,0	30,4	47,3	1,8	1,5
Тюменская область	3,2	61,9	17,7	1,4	15,8
В том числе:					
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	3,9	44,1	22,9	1,4	27,8
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,7	78,5	11,6	0,7	8,5
Тюменская область без автономных округов	9,7	57,5	23,2	4,1	5,5
Челябинская область	18,0	29,2	49,7	1,2	1,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Статистический сборник (gks.ru; дата обращения 10.09.2020).

При исследовании взаимосвязи научных процессов на региональном уровне было отмечено, что значение показателей коэффициента корреляции на уровне УрФО несколько выше чем на уровне РФ (табл. 4). Достаточно высокая степень взаимосвязи — между показателями «Число патентов на изобретения, выданных Роспатентом российским заявителям, в расчете на 1 млн чел. населения» и «Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 чел. населения по РФ». Среднее значение данного по-

казателя по РФ составило — 0,62, по УрФО — 0,66. Говоря о численности студентов, стоит отметить, что наибольший охват студентов характерен для Тюменской и Свердловской областей — лидеров по количеству образовательных учреждений: соответственно 343 и 277 чел. на 10000 чел. населения. Этот уровень совпадает со среднероссийским (по Свердловской области). В остальных регионах наблюдается меньший охват образованием. Достаточно большой охват характерен для Челябинской области (256 чел.), в автономных округах и Курганской области охват образованием значительно ниже.

Таблица 4

Взаимосвязь числа патентов, выданных российским заявителям, с другими показателями инновационного процесса на общероссийском уровне и уровне УрФО (значения коэффициентов линейной корреляции)

Показатель, для которого оценивается взаимосвязь	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
<i>Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел. населения</i>										
По РФ	0,7	0,6	0,6	0,5	0,6	0,7	0,6	0,6	0,6	0,7
По УрФО	0,7	0,9	0,8	0,3	0,7	0,8	0,7	0,6	0,6	0,5
<i>Доля затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг</i>										
По РФ	0,1	0,1	0,2	0,1	0,2	0,3	0,4	0,3	0,3	0,2
По УрФО	0,7	0,7	0,7	0,6	0,5	0,4	0,3	-0,3	0,2	0,7
<i>Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям</i>										
По РФ	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	0,5	0,7	0,5	0,5	0,5
По УрФО	0,7	0,6	0,5	0,6	0,6	0,6	0,5	0,4	0,5	0,5

Источник: составлено авторами на основе данных федеральной государственной статистики <https://www.fedstat.ru> (дата обращения 10.09.2020).

Коэффициент корреляции между показателями «Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям по субъектам Российской Федерации» и «Число патентов на изобретения, выданных Роспатентом российским заявителям, в расчете на 1 млн чел. населения в целом за исследуемый период снижается, однако стоит отметить, что размах значений за весь период незначителен. Между числом патентов и численностью студентов обнаружена умеренная связь, причем на данных по УрФО она

слабее. Затраты на инновационную деятельность по УрФО также умеренно влияют на число выданных патентов в 2019 г., в остальные периоды связь между показателями слабая. Связь между числом патентов и численностью научного персонала умеренная.

Для выявления точек роста региона необходимо также проанализировать отраслевую структуру экономики. Рассмотрим отраслевую структуру ВРП регионов Уральского федерального округа. Данные представлены в табл. 5.

Таблица 5

Отраслевая структура ВРП по регионам УрФО в 2017 г., %

Отрасли	Регионы							
	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область без автономных округов	Челябинская область	
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	11,1	2,4	0,7	0,3	0,1	3,7	6,1	
Добыча полезных ископаемых	0,9	1,5	57,4	67,1	61,1	15,4	2,1	
Обрабатывающие производства	21,2	31,0	4,2	2,4	1,6	16,9	35,3	
Строительство	3,9	4,2	9,9	6,4	15,4	8,1	5,3	
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	10,0	17,1	5,6	2,8	6,2	13,6	11,7	
Транспортировка и хранение	11,1	8,7	6,3	6,6	4,7	9,2	7,1	
Образование	4,7	2,9	1,4	1,4	0,8	3,0	3,2	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Статистический сборник (gks.ru; дата обращения 10.09.2020).

В структуре ВРП трех регионов — Тюменской области и автономных округов — преобладает добыча полезных ископаемых: около 60 %. Обрабатывающая промышленность наиболее развита в Свердловской и Челябинской областях — более 30 %, в основном это металлургия и машиностроение, поскольку данные регионы являются старопромышленными. Сельское хозяйство наиболее развито в Курганской области, где на его долю приходится более 11 % ВРП, на втором месте — Челябинская область со значительно более низкой долей в 6,1 %, однако сельское хозяйство здесь может рассматриваться как потенциальная точка роста. Торговая деятельность максимально развита в Свердловской области — 17 % (в Челябинской — 11,7 %, в Тюменской — 13,6 %) и занимает второе место в структуре отраслей экономики; в остальных регионах роль торговли значительно меньше (на уровне 5—6 %). Значимой отраслью в Тюменской области является научная деятельность (занимает 10,5 %), что не совсем типично для других регионов Уральского федерального округа (в среднем 2—3 %). Такую же сильную вариацию можно отметить по некоторым другим отраслям; например, в образовании — уровень варьируется от 0,8 % в Ямало-Ненецком автономном округе до 3 и 3,2 % в Тюменской и Челябинской областях, которые являются лидерами. Малозначимыми практически для всех Уральских регионов являются такие отрасли, как финансовая и страховая, деятельность гостиниц и организаций общественного питания, деятельность в области информации и связи. В целом, с позиций отраслевой структуры, практически во всех регионах есть базовые наиболее развитые и преобладающие в структу-

ре экономики отрасли, поэтому сложно говорить о диверсифицированности уральских региональных экономик.

Важным показателем уровня жизни как конечной цели экономического роста и развития являются денежные доходы на душу населения. Данные за 2016—2019 гг. представлены в табл. 6 и на рисунке (с. 26).

Рассмотрим представленные в табл. 6 данные. Как мы видим, за наблюдаемый период среднедушевые доходы снизились более чем на 2000 руб. в среднем по регионам Уральского федерального округа, по РФ снижение более значительно — составило 5226 руб. Таким образом, среднедушевые доходы в уральских регионах практически достигли среднероссийского уровня в 2019 г. (меньше на 372 руб.). При этом следует отметить очень сильную дифференциацию по доходам в рамках регионов. Самые низкие доходы — в Курганской области, причем они практически не изменились за рассматриваемый период и в 2019 г. составили 24 154 руб., что почти в два раза меньше, чем среднедушевые доходы в Тюменской области (51 356 руб.). Максимальные доходы характерны для Ямало-Ненецкого автономного округа, но и они значительно снизились (более чем на 8 %) в связи с экономическим кризисом. На наш взгляд, важным вопросом остается снижение доходов по итогам 2020 г., когда многие потеряли работу или находились дома в связи с пандемией.

Еще одним важнейшим показателем развития региональной экономики является научно-технологический уровень. Данные на основе научно-технического рейтинга по субъектам РФ приведены в табл. 7. Регионы в соответствии с указанным

Таблица 6

Денежные доходы в расчете на душу населения, руб.

Регионы	2016	2017	2018	2019
	(значение за январь — декабрь)			
Российская Федерация	46 102,00	44 756,00	47 643,00	40 876,00
Уральский федеральный округ	42 665,00	43 938,00	47 623,00	40 504,00
Курганская область	24 203,00	26 092,00	27 622,00	24 157,00
Свердловская область	45 028,00	48 050,00	52 706,00	44 377,00
Тюменская область	56 783,00	56 292,00	60 442,00	51 356,00
Тюменская область без автономных округов округов	41 911,00	41 975,00	45 929,00	33 413,00
Ханты-Мансийский автономный округ	58 138,00	56 263,00	61 437,00	56 627,00
Челябинская область	29 706,00	30 297,00	32 618,00	27 993,00
Ямало-Ненецкий автономный округ	93 160,00	95 855,00	97 774,00	85 480,00

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Статистический сборник (gks.ru; дата обращения 10.09.2020).

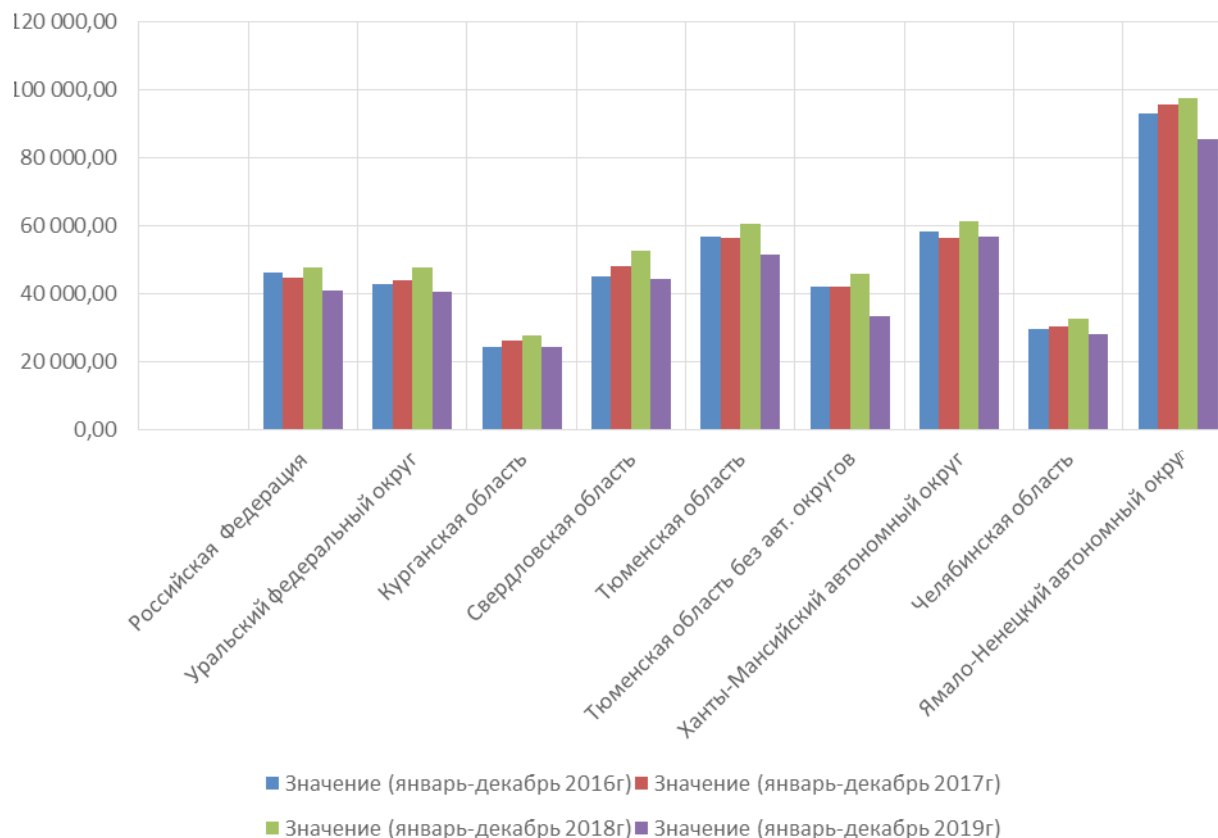

Рис. 1. Денежные доходы на душу населения в УрФО, руб.

Источник: составлено авторами на основе данных Статистического сборника Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 (gks.ru; дата обращения 10.09.2020).

рейтингом подразделяются на разные группы: сильные инноваторы, среднесильные, инноваторы и т. д. Челябинская область занимает 22-е место в рейтинге субъектов РФ и входит в группу инноваторов.

Таким образом, подводя итог рассмотрению основных экономических показателей регионов УрФО, сделаем следующие краткие выводы о трендах в региональных экономиках. Структура экономик основных регионов является не совсем эффективной. Преобладают добывающие отрасли (в автономных округах Тюменской области) и отрасли обрабатывающей промышленности (Челябинская, Свердловская области). Сектора услуг, образования, финансовых услуг и услуг в отрасли связи развиты слабо. В последние годы в экономиках наблюдаются кризисные явления, это показывает снижение как индекса промышленного производства, так и среднедушевых доходов населения. Часть регионов являются крупными образовательными центрами (Тюменская, Свердловская и Челябинская области), поэтому, на наш взгляд, образование может рассматриваться как точка роста региональных экономик. К сожалению,

Челябинская область находится лишь во второй группе регионов по уровню инновационности (среднесильные инноваторы), чуть лучше ситуация в Тюменской (11-е место) и Свердловской (14-е) областях. Можно отметить и еще одну негативную тенденцию — достаточно высокий уровень дифференциации регионов округа по доходам (разрыв в доходах более чем двукратный, беднейшим регионом является Курганская область). На наш взгляд, для стимулирующего развития рассмотренных регионов требуется четкая экономическая политика, направленная на развитие точек роста и получение от них мультипликативного эффекта.

В условиях глобализации, нестабильной геополитической обстановки остро встает вопрос поиска новых драйверов, точек роста в развитии экономики регионов, способствующих укреплению экономики России в целом. Определение направлений развития территорий с точки зрения выявления точек роста позволяет установить основные принципы и приоритеты движения к заданным параметрам. С нашей точки зрения, фактор взаимодействия «бизнес — наука — власть» становится силой, способствующей более полному

Таблица 7

Рейтинг научно-технического развития субъектов Российской Федерации в 2017 г.

нг	Регион	$I = \Sigma i / 29$	% от среднего	Группа	Изменение позиции в рейтинге (по сравнению с 2017 г. — 2,0+)
1	Санкт-Петербург	0,68	172,90	Сильные инноваторы	0
2	Республика Татарстан	0,67	169,60		1
3	Москва	0,65	166,40		-1
4	Томская область	0,63	161,20		0
5	Московская область	0,60	152,20		2
6	Новосибирская область	0,58	148,60		-1
7	Калужская область	0,57	145,00		-1
8	Нижегородская область	0,55	140,80		3
9	Ульяновская область	0,54	138,20	Среднесильные	-1
10	Самарская область	0,54	137,20	Инноваторы	-1
11	Тюменская область (без АО)	0,53	133,90		3
12	Республика Башкортостан	0,52	132,90		0
13	Республика Мордовия	0,52	132,10		0
14	Свердловская область	0,52	131,50		3
15	Тульская область	0,51	128,80		-5
16	Ярославская область	0,50	127,50		-1
17	Воронежская область	0,50	126,70		2
18	Пермский край	0,49	125,80		0
19	Чувашская Республика	0,49	123,80		1
20	Красноярский край	0,48	122,60		-4
21	Липецкая область	0,48	121,60		0
22	Челябинская область	0,47	118,90		0

Источник: Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Вып. 6. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.

определению данных позиций. Однако территории не готовы перейти по направлению второго подхода, пока не исчерпали имеющиеся возможности первого, эта ситуация резко тормозит достижение синергетического эффекта от одновременного применения двух подходов.

Список литературы

1. Бархатов В. И., Бенц Д. С., Силова Е. С. Особенности развития промышленного региона: опыт исследования Центрального федерального округа // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 10 (406). С. 26—36.
2. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.
3. Бархатов В. И. Устойчивое развитие национальной экономики России в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 9 (338). С. 5—11.
4. Бенц Д. С., Бархатов В. И. Промышленный регион: потенциал роста Уральского федерального округа // Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Посвящается 100-летию Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского / отв. ред. А. В. Олифинов. 2018. С. 311—315.
5. Бекбергенева Д. Е. Подходы к содержанию и точки роста экономики знаний в цифровизации региональной экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 3-1 (61). С. 27—29.

6. Булатова Н. Н., Алексеева В. В. Ключевые точки роста регионального развития // Вестник ВСГТУ. 2011. № 1 (32). С. 72—77.
7. Ванюшкин А. С., Друзин С. В. Алгоритм выбора типа конкурентной стратегии в рамках развития точек роста // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15), № 1. С. 68—77.
8. Глазырин М. В. Производственно-социальные комплексы и управление ими. М.; Новгород, 1997. 95 с.
9. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с.
10. Добрецов Н., Конторович А., Кулешов В. Стратегические точки роста и проблемы государственной значимости в Сибири и Дальнем Востоке. URL: <http://www.sbras.nsc.ru>. (дата обращения 21.09.2020).
11. Жаров А. В., Ткаченко А. О. Региональные кластеры как потенциальные точки роста экономики // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2019. Т. 5. С. 200—206.
12. Коваленко М. Г. Диверсификация экономики региона и ее роль в преодолении внутрирегиональных различий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2012. № 4 (111). С. 63—67.
13. Крыловский А. Б. Актуальные экономические проблемы Юга России. Региональная инвестиционная политика в механизме экономического стимулирования (на примере проекта «Инвестиционная политика Ставропольского края»). URL: <http://www.pn.pglu.ru> (дата обращения 20.09.2020).
14. Ляшенко А. Ю. Определение точек экономического роста промышленного региона на примере Днепропетровской области // Экономический вестник Донбасса. 2015. № 3 (41). С. 91—101.
15. Павлов К. В., Шишкин М. И. Теория экономического ядра. Ижевск: Удмуртия, 1996. 88 с.
16. Перевалов Ю. В., Голова И. М., Суховой А. Ф. Инновационная политика в регионе: организационно-правовые аспекты. Препринт. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 1996. 244 с.
17. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2011. № 2.
18. Полянин А. В., Проняева Л. И. Современная концепция региональных точек экономического роста // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 2 (49). С. 24—33.
19. Раевский С., Исаченко Ю. Социально-экономические эффекты развития региональных точек роста // Государственная служба. 2014. № 6 (92). С. 12—16.
20. Суворова А. В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 110—128.
21. Сысоев А. П. Территориальное управление экономикой: слов.-справ. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Татис, 2001. 642 с.
22. Татаркин А. И. Приоритеты социально-экономического развития Уральского федерального округа // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 101—113.
23. Татаркин А. И., Перевалов Ю. В., Юрпалов С. Ю. Уральский экономический регион как источник развития экономики России // Экономическая наука современной России. 1999. № 1. С. 39—53.
24. Урунов А. А., Авезова М. М., Насимова М. А. Методологические и практические аспекты выявления полюсов развития и точек роста в региональной экономике // Вестник университета. 2020. № 5. С. 161—168.
25. Boudeville J. Problems of regional economic planning. Edinbyrgh, 1992. 192 p.

Сведения об авторах

Аюпова Светлана Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. asg@csu.ru

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 19—30.

SEARCH OF NEW POINTS OF GROWTH ON THE EXAMPLE OF REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

S. G. Ayupova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. asg@csu.ru

E. S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

The problems of regional economy diversification and search of new drivers and points of growth are considered in the article. To category of growth points considerable attention is paid to scientific literature, however there is no system economic policy directed to identification and development of points of growth in the regions. The work purpose — to analyze a state and development of regional economy on the example of regions of the Ural Federal District and to reveal their potential points of growth. Information base of a research is the regional statistics provided by Federal service of statistics of Russia. The methods of the statistical analysis, in particular the analysis of dynamics and the correlation analysis are used in the research. The analysis of the key indicators characterizing development of regional economy is carried out: industry structure of GDP, index of industrial production, technological level, average per capita income.

Keywords: *regional economy, diversification, growth points, economic development, economic growth, industry structure of economy.*

References

1. Barhatov V. I., Benc D. S., Silova E. S. (2017) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (406), pp. 26—36 [in Russ.].
2. Barhatov V. I., Pletnyov D. A., Kapkaev Yu. Sh. (2019) *Socium i vlast'*, 2019, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].
3. Barhatov V. I. (2014) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 9 (338), pp. 5—11 [in Russ.].
4. Benc D. S., Barhatov V. I. (2018) Promyshlennyj region: potencial rosta Ural'skogo federal'nogo okruga. Finansovo-ekonomicheskoe i informacionnoe obespechenie innovacionnogo razvitiya regiona. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Posvyashchaetsya 100-letiyu Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. 2018. Pp. 311—315 [in Russ.].
5. Bekbergeneva D. E. (2020) *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, no. 3-1 (61), pp. 27—29 [in Russ.].
6. Bulatova N. N., Alekseeva V. V. (2011) *Vestnik VSGTU*, no. 1 (32), pp. 72—77 [in Russ.].
7. Vanyushkin A. S., Druzin S. V. (2019) *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 5 (15), no. 1, pp. 68—77 [in Russ.].
8. Glazyrin M. V. (1997) *Proizvodstvenno-social'nye komplekсы i upravlenie imi* [Industrial and social complexes and their management]. Moscow, Novgorod. 95 p. [in Russ.].
9. Glaz'ev S. Yu. (1993) *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of long-term technical and economic development]. Moscow, VlaDar. 310 p. [in Russ.].
10. Dobrecov N., Kontorovich A., Kuleshov V. (2000) *Strategicheskie tochki rosta i problemy gosudarstvennoj znachimosti v Sibiri i Dal'nem Vostoke: doklad* [Strategic points of growth and problems of state significance in Siberia and the Far East: report]. Available at: <http://www.sbras.nsc.ru>, accessed 21.09.2020 [in Russ.].
11. Zharov A. V., Tkachenko A. O. (2019) *Interekspos Geo-Sibir'*, vol. 5, pp. 200—206 [in Russ.].
12. Kovalenko M. G. (2012) *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*, no. 4 (111), pp. 63—67 [in Russ.].
13. Krylovskij A. B. Aktual'nye ekonomicheskie problemy Yuga Rossii. Regional'naya investicionnaya politika v mekhanizme ekonomicheskogo stimulirovaniya (na primere proekta «investicionnaya politika Stavropol'skogo kraja») [Actual economic problems of the South of Russia. Regional investment policy in the mechanism

of economic incentives (on the example of the project «investment policy of the Stavropol Territory»). Available at: <http://www.pn.pglu.ru>, accessed 20.09.2020 [in Russ.].

14. Lyashenko A. Yu. (2015) *Ekonomicheskij vestnik Donbassa*, no. 3 (41), pp. 91—101 [in Russ.].
15. Pavlov K. V. (1996) *Teoriya ekonomicheskogo yadra* [Economic core theory]. Izhevsk, Udmurtiya. 88 p. [in Russ.].
16. Perevalov Yu. V., Golova I. M., Suhovej A. F. (1996) *Innovacionnaya politika v regione: organizacionno-pravovye aspekty* [Innovation policy in the region: organizational and legal aspects.]. Preprint. Ekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN. 244 p. [in Russ.].
17. Perru F. (2011) *Prostranstvennaya ekonomika*, no. 2 [in Russ.].
18. Polyandin A. V., Pronyaeva L. I. (2020) *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*, no. 2 (49), pp. 24—33 [in Russ.].
19. Raevskij S., Isachenko Yu. (2014) *Gosudarstvennaya sluzhba*, no. 6 (92), pp. 12—16 [in Russ.].
20. Suvorova A. V. (2019) *Ekonomicheskije i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 12, no. 6, pp. 110—128 [in Russ.].
21. Sysoev A. P. (2015) *Territorial'noe upravlenie ekonomikoy*. Moscow, Tatis, 2001. 642 p. [in Russ.].
22. Tatarkin A. I. (2001) *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, no. 3, pp. 101—113 [in Russ.].
23. Tatarkin A. I., Perevalov Yu. V., Yurpalov S. Yu. (1999) *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, no. 1. P. 39—53 [in Russ.].
24. Urunov A. A., Avezova M. M., Nasimova M. A. (2020) *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 161—168 [in Russ.].
25. Boudeville J. (1992) *Problems of regional economic planning*. Edinbyrgh. 192 p.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Ю. Н. Гамбеева¹, Д. А. Ярмола²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Севастополь, Россия

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Процессы развития информационных технологий и информатизации все глубже внедряются в жизни людей, пронизывая все сферы, начиная с покупок в сети Интернет и заканчивая выполнением учебных и рабочих задач. Не стала исключением и система государственного управления на всех ее уровнях. Цель исследования — изучение процесса взаимодействия власти и общества в интернет-пространстве посредством современных информационно-коммуникационных технологий. Представлен анализ новых каналов коммуникации между органами власти и гражданами. Исследование осуществлялось на основе применения общенаучных методов в рамках сравнительного, логического и статистического анализа. В ходе исследования установлено, что современные интернет-коммуникации ориентированы на двустороннее взаимодействие с населением и заменяют задачу подотчетности, направлены на совместное решение проблем, учет мнения граждан, предоставление услуг в онлайн-режиме, а также на обычную коммуникацию, предполагающую получение обратной связи.

Ключевые слова: информатизация, информационное общество, информационные технологии, интернет-технологии, интернет-пространство, краудсорсинговые проекты, социальные сети.

Стремительное развитие и распространение современных информационно-коммуникационных технологий оказывают влияние на социально-экономические и политические сферы жизнедеятельности общества и приобретают характер глобальной информационной революции. Наблюдается переход общества от индустриального типа к информационному. Понятие и сущность информационного общества широко представлены в научных работах.

Н. С. Завиваев, Д. В. Проскура, Е. А. Шамин характеризуют информационное общество как новый исторический этап развития цивилизации, где основными продуктами производства выступают информация и знания [2]. М. З. Кременко рассматривает информационное общество как социологическую и футурологическую концепцию, где основополагающим фактором развития производства является использование научно-технической и другой информации [6]. Ф. Уэбстер дает наиболее полное описание информационного общества и выделяет пять основных критериев: развитие технологий изготовления электронных устройств; высокая эффективность информационно-коммуникационных технологий; высокий уровень занятости населения в сфере информационных технологий; использование сети Интернет; формирование информационной культуры [16].

Информационное общество — результат процесса информатизации. Е. И. Медведева

и С. В. Крошили рассматривают данный процесс как сложный и многогранный, вызывающий значительные изменения во всех сферах жизнедеятельности, трансформирующий «процессы получения, обработки и анализа информации, генерации знаний, которые сегодня связывают исключительно с информационно-коммуникационными технологиями» [8. С. 123]. О. В. Раецкая определяет информатизацию общества как «организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей граждан, органов власти, местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов» [10. С. 68].

Технологической базой информационного общества является сеть Интернет. Интернет и интернет-технологии стали основой повседневной жизни, пронизывая все без исключения сферы жизни общества.

Несмотря на тот факт, что Интернет появился в середине прошлого столетия, а активно стал использоваться с 1990-х гг., на сегодняшний момент нет точного определения данного явления. Приводятся различные точки зрения, характеризующие его как средство передачи информации или как глобальную компьютерную сеть. С. В. Петровский определяет Интернет «как

телекоммуникационную сеть и средство передачи сведений об окружающем мире, его объектах, процессах и явлениях, объективированных в форме, позволяющей провести их непосредственную компьютерную обработку» [9. С. 11]. В. А. Копылов рассматривает Интернет как глобальную автоматизированную информационную систему, являющуюся основой формирования и развития информационного общества [4]. В нашем исследовании мы разделяем точку зрения Н. В. Рахманиной, которая характеризует Интернет как межюрисдикционную сеть взаимосвязанных и бесперебойно работающих устройств, которую используют юридические и физические лица с целью получения и оказания информационных услуг, а также для осуществления публично-правовых и гражданско-правовых юридически значимых действий, используя совокупность сайтов [12].

Сеть Интернет является многофункциональной информационной средой для поиска нужной информации и размещения информационных ресурсов. В процессе научно-технического развития обществом была в полной мере осознана роль информации. Стоит отметить факторы, по которым в современном мире возрастает значение информации и информационных ресурсов [7]:

1) Постоянно возрастающая роль технологических инноваций, которые обеспечивают колоссальный рост и стремительное развитие информационной инфраструктуры.

2) Увеличение доли информационной составляющей в обществе.

3) Повышение эффективности использования других ресурсов за счет информационных ресурсов.

4) Автоматизация, цифровизация производственных процессов и изменение характера трудовой деятельности человека.

5) Снижение риска неопределенности при принятии управленческих решений.

Конечно же, процесс информатизации общества не оставил без изменений взаимодействие власти и общества. Понятие гражданского общества модифицировалось, и параллельно развитие стало получать «электронное» гражданское общество. А. А. Косоруков описывает данный феномен как пространство политического участия в сети Интернет, которое увеличивает свои границы как в качественном, так и в количественном отношении. При этом в данном пространстве появляются такие медиа, как блоги, социальные сети и другие, которые, в свою очередь, служат фундаментом для создания множества новых гражданских объ-

единений, с каждым днем укрепляя отношения между ними [5].

Формирование сетевого общества в качестве новой формы социальной реальности связано с использованием для социальных взаимодействий сети Интернет, где все больше людей проводят свободное время. Так, на начало 2020 г. количество интернет-пользователей составило 4,54 млрд чел., аудитория социальных сетей — 3,80 млрд пользователей. В России количество интернет-пользователей составляет 118 млн (81 % россиян), аудитории социальных сетей — 70 млн, то есть 48 % всего населения страны онлайн. Среднестатистический российский пользователь проводит в Интернете более 7 часов каждый день, на социальные сети россияне тратят 2 часа 26 минут ежедневно¹. Эти данные подтверждаются и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который представил результаты исследования особенностей использования Интернета в России, проведенного в 2019 г. С разной степенью периодичности Интернетом пользуются 84 % россиян. Данный показатель является достаточно высоким и характеризует, насколько глубоко вошли интернет-технологии в современную жизнь. При этом 69 % респондентов заявили о ежедневном использовании различных сетевых ресурсов, 13 % опрошенных пользуются Интернетом несколько раз в неделю, а 2 % его практически не используют. Доля респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, использующих Интернет, составляет 99 %. Стоит отметить, что среди всех опрошенных 48 % признались, что в случае исчезновения Интернета это будет настоящим испытанием для них. Для сравнения: в 2017 г. данный показатель составлял 32 %; 11 % респондентов признались, что они не представляют жизнь без возможности выйти в Сеть².

Показатель доли интернет-пользователей в России выше среднемирового значения, но ниже, чем в Европе. Наглядно данные относительно соотношения доли интернет-пользователей в Европе и мире представлены на рис. 1.

Интересно, что по количеству населения, использующего Интернет, Россия является первой среди всех европейских стран — около 116 млн чел. Конечно же, данный показатель не является объективным при составлении рейтинга, так как

¹ Вся статистика интернета на 2020 год — цифры и тренды в мире и России (<https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/>).

² Жизнь без интернета: рай или апокалипсис? (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681>).

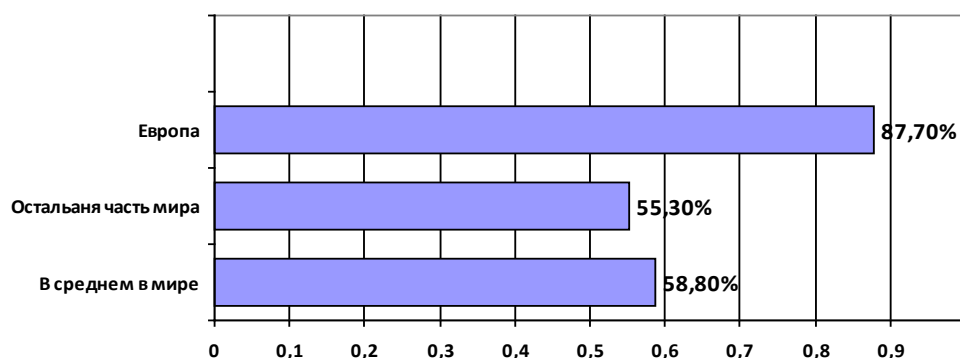

Рис. 1. Соотношение доли интернет-пользователей в Европе и мире, % населения

Источник: Internet World Stats (<https://www.internetworldstats.com/stats4.htm>).

Россия входит в топ-10 стран по численности населения в мире. Объективно рассматривать страны Европы с точки зрения количества населения и доли от него интернет-пользователей. Так, доля интернет-пользователей в России составляет 81 % ее населения, а в подавляющем большинстве европейских стран — более 90 %. В целом можно сделать вывод, что в России сложилась благоприятная среда для использования интернет-технологий. Этому способствует достаточно невысокая цена мобильного Интернета по сравнению с другими странами, что повышает его доступность для населения страны.

Процесс информатизации общества затронул и государственное управление, формируя инновационные механизмы управления и взаимодействия с населением, осуществляемые посредством применения информационных технологий. Так, на Западе, в девяностые годы прошлого века появилось понятие *electronic government*. Объяснялся данный термин как интерактивное взаимодействие власти и общества при решении социальных задач, а также как новый инструмент оказания государственных услуг гражданам [15]. В отечественной трактовке термин получил различные переводы: «электронное государство», «электронная власть». Однако наиболее распространенный перевод, используемый всеми, — «электронное правительство» [1].

Деятельность органов власти претерпела изменения, приобретая более прозрачный и открытый характер, а общество обрело ряд рычагов воздействия путем расширения пространства политического участия в диалоге между властью и обществом, сокращая «временной лаг» при решении.

Благодаря развитию интернет-пространства в Российской Федерации получают свое применение различные формы и инструменты информационно-коммуникационного взаимодействия власти и общества. Они различают-

ся между собой по их предназначению, количеству сторон взаимодействия, а также по уровню власти, на котором инструменты используются (табл. 1). Среди основных инструментов реализации информационно-коммуникационных технологий взаимодействия власти и граждан в РФ нами были выделены:

- порталы органов власти на различных уровнях;
- портал государственных услуг;
- блоги представителей органов власти;
- краудсорсинговые платформы.

Единый портал государственных услуг Российской Федерации представляет собой федеральную государственную информационную систему. Сущность работы данного портала заключается в обеспечении доступа к сведениям как о государственных, так и о муниципальных услугах для физических и юридических лиц. Впервые портал был введен в работу в 2009 г. и давал лишь доступ к получению информации об услугах, однако с течением времени появилась возможность не только получать необходимые сведения, но и услуги по Сети. Эта функция стала возможна с момента внедрения сервиса авторизации, то есть личного кабинета. До появления данного сервиса портал содержал сведения об услугах регионального и федерального уровня, общее количество которых превышает 200. С момента функционирования личного кабинета появилась возможность получения 49 услуг через портал. Со временем портал получал все большее развитие, увеличивая количество услуг с каждым годом, при этом решался и вопрос получения услуг через терминалы для тех, кто не имеет доступа к Интернету [3].

По своей структуре услуги на портале делятся на категории, такие как: семья и дети; паспорта, регистрации, визы; транспорт и вождение; образование; налоги и финансы; здоровье; пенсия, пособия и льготы; лицензии, справки, аккредитации;

Таблица 1

Инструменты реализации современных информационно-коммуникационных технологий взаимодействия власти и граждан*

Инструмент	Предназначение	Кол-во сторон взаимодействия	Уровень власти
Единый портал государственных услуг Российской Федерации	Справочно-информационное Получение услуг	Одностороннее Двустороннее	Федеральный Региональный Муниципальный
Портал федерального органа власти РФ	Справочно-информационное	Преимущественно двустороннее	Федеральный
Портал органа власти субъекта РФ	Справочно-информационное	Преимущественно одностороннее	Региональный
Портал органа власти МО РФ	Справочно-информационное	Преимущественно одностороннее	Муниципальный
Блог представителя власти или органа власти	Информационное Коммуникация	Преимущественно двустороннее	Федеральный Региональный Муниципальный
Краудсорсинговые платформы	Коммуникация	Многостороннее	Федеральный Региональный Муниципальный

* Составлено авторами.

квартира, строительство и земля; безопасность и правопорядок; работа и занятость; культура, досуг, спорт; бизнес, предпринимательство, НКО; производство и торговля; информация, связь и реклама; природопользование и экология. При переходе в конкретную категорию портал сортирует услуги по их популярности. Помимо этого, на странице услуг в каждой категории расположены подкатегории услуг, относящиеся к жизненным ситуациям. Заключительным элементом каждой категории услуг является их общий список.

С момента регистрации, портал становится более персонализированным, предлагая услуги на основе запросов либо предоставляя выбор наиболее значимых услуг для пользователя. При этом портал облегчает доступ людям, плохо ориентирующимся в интернет-источниках, так как навигация является довольно простой, отличается крупным шрифтом и иллюстрациями.

В 2010 г. на портале было зарегистрировано более 120 тыс. пользователей. Ежегодно их количество многократно увеличивалось. В 2011 г. число

авторизованных пользователей портала превысило 1 млн чел., весной 2012 г. было уже более 2 млн. В период с 2012 по 2017 г. число зарегистрированных пользователей выросло с 3,6 млн до 65 млн чел¹. В 2019 г. количество пользователей достигло отметки 103 млн чел. Динамика количества пользователей с 2017 по 2019 г. представлена на рис. 2. В среднем ежедневно портал посещают около 1,6 млн пользователей².

Объем заказываемых услуг и объем платежей за рассматриваемый период также демонстрируют положительную динамику (рис. 3).

На настоящий момент Единый портал государственных услуг Российской Федерации постоянно совершенствуется, увеличивая спектр предоставляемых услуг и упрощая повседневную жизнь. Портал является эффективно функционирующей платформой для взаимодействия власти и общества.

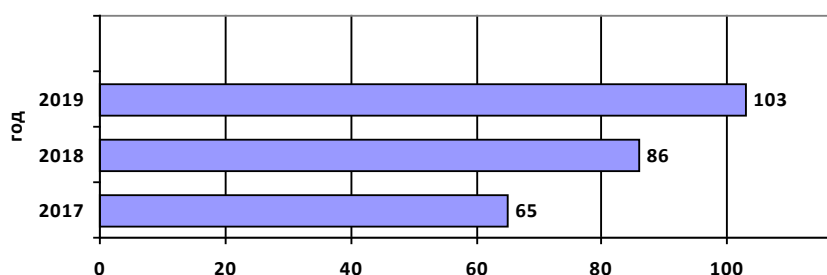

Рис. 2. Количество пользователей портала государственных услуг Российской Федерации, млн чел.

Источник: составлено авторами на основе статистических данных (<https://www.kommersant.ru/doc/3649910>, <https://digital.gov.ru/ru/events/38738/>, https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year).

¹ Сухова С. Открытое закрылось (<https://www.kommersant.ru/doc/3649910>).

² Подведены итоги работы портала госуслуг за 2018 год (<https://digital.gov.ru/ru/events/38738/>).

В 2019 г. на портале появились новые услуги и сервисы:

1. Единый информер с общей суммой всех начислений. Удобное отслеживание налоговых начислений, штрафов и судебных долгов.

2. Создан личный кабинет избирателя, в котором доступны сервисы для информирования о выборах и участке, оформления заявления для голосования на дому.

3. Сервис оплаты Google Pay.

Самые популярные услуги в 2019 г. (млн заявок)¹:

- запись на прием к врачу — 62,9;
- получение информации о состоянии лицевого счета в Пенсионном фонде России — 25,4;
- регистрация автомобилей — 9,6;
- запись в детский сад — 7,5.

Порталы федеральных, региональных и муниципальных органов власти Российской Федерации созданы как справочно-информационный инструмент взаимодействия власти и общества. То есть по сути их можно считать неким маркером публичности, при этом в законодательстве многих стран интернет-порталы органов власти носят обязательный характер.

Обеспечение доступа к информации о деятельности органов власти как на государственном, так и на муниципальном уровне регламентируется Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» № 8-ФЗ от 09.02.2009. В этом законе дано понятие вышеупомянутой информации, а также закреплен перечень доступа к ней. Данный перечень приведен в 6-й статье и имеет шесть пунктов, один из которых говорит о размещении информации о деятельности органов власти в сети Интернет. Перечень не является ограниченным и дает возможность органам власти использовать и другие способы доступа. В ст. 10 вышеуказанного зако-

на порядок размещения информации о деятельности органов власти в Интернете описывается более подробно, акцентируя внимание на открытости доступа к ней. Закон обязует органы власти создавать в сети Интернет официальные сайты, подчеркивая необходимость публикации электронных почтовых адресов для взаимодействия с населением.

Также в ст. 13 приведен перечень информации, которая является обязательной для публикации в сети Интернет органами власти и связана непосредственно с их деятельностью. Помимо данного перечня закон устанавливает право для органов власти дополнительно публиковать информацию о своей деятельности². Так, информация, публикуемая в сети Интернет, разделяется для органа власти на два блока, а именно: обязательная и необязательная.

Порталы органов власти обладают преимущественно односторонним взаимодействием на региональном и муниципальном уровнях, так как наблюдается тенденция к предоставлению информационных данных, ориентированных на отчетность власти перед населением, при этом отсутствуют интернет-приемные. На федеральном же уровне порталы органов власти ориентированы не только на отчетность, но и на взаимодействие с населением. Порталы органов власти в сети Интернет являются эффективным инструментом, обеспечивая открытость данных, отчетность перед населением и собирая обратную связь.

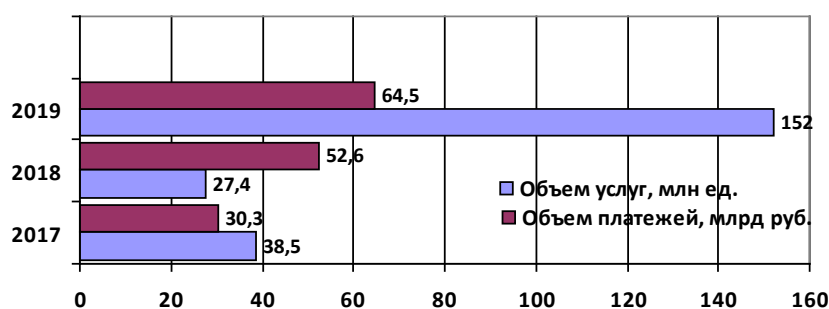
Сейчас подавляющее большинство жителей нашей планеты имеют аккаунты в социальных сетях: «ВКонтакте», Facebook, Instagram, Twitter. Аккаунты есть у людей самых разных убеждений и взглядов, национальностей и вероисповеданий, профессий и возрастов независимо от пола и положения в обществе. Не исключение и политики,

² Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/).

¹ Госуслуги в 2019 году: главные события и факты (https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year).

Рис. 3. Объем услуг и объем платежей на портале государственных услуг Российской Федерации

Источник: составлено авторами на основе статистических данных (<https://www.kommersant.ru/doc/3649910>, <https://digital.gov.ru/ru/events/38738/>, https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year).

широко представленные в большинстве социальных сетей. На сегодняшний день социальные сети можно выделить как самый современный способ взаимодействия власти и граждан, а количество пользователей — миллионы. Помимо прочего, это обусловлено тем, что информация, публикуемая социальных сетях, более доступна и удобна для ее прочтения и передачи [17].

Внезапный исход предпоследней президентской гонки в США и огромный массив публикаций о влиянии цифровых технологий на данное событие, а в частности, победу Дональда Трампа, устремили внимание многих специалистов к онлайн-сервисам подобно тому, как это было после победы Барака Обамы. Стоит отметить, что некоторые политики, например премьер-министр Канады, ведут прямые трансляции в социальной сети Instagram, где каждый может задать вопрос и получить на него моментальный, не заготовленный заранее ответ. Помимо личных страниц политических деятелей обретают популярность и сообщества в социальных сетях, участники которых постоянно обсуждают последние события и активно делятся своим мнением с окружающими [11].

В ноябре 2016 г. Федеральное агентство политических новостей составило рейтинг десяти самых популярных российских политиков. Представим данные по тройке лидеров. На первое место по подписчикам в трех социальных сетях вышел премьер-министр РФ Дмитрий Медведев. В «Твиттере» его читали 5,31 млн пользователей, во «ВКонтакте» — 2,2 млн, в Instagram — 2,5 млн подписчиков. Второе место занял глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров. Его твиттер-аккаунт читали 350 тыс. чел., «ВКонтакте» — 476,4 тыс., за Instagram Кадырова следили 2,1 млн чел. В тройку по популярности вошел и председатель Либерально-демократической партии России Владимир Жириновский с количеством подписчиков в Твиттере 1,62 млн, в Instagram — 112 тыс.¹

Мы также проанализировали аккаунты известных отечественных политиков в социальных сетях, количество пользователей и информацию, которая там представлена (табл. 2). Д. А. Медведев по-прежнему лидирует по активности в социальных сетях.

Подобно своим коллегам на федеральном уровне активными пользователями социальных сетей являются и руководители субъектов. Подписанные

¹Социальные сети для политиков (<https://kavtoday.ru/article/2425>).

на их аккаунты жители регионов получают возможность наблюдать за деятельностью главы своего региона, и те только. На личных страницах политики не ограничиваются отчетами о своей непосредственной работе, но и делятся фотографиями близких людей, увлечениями, мнениями, важными событиями в семейной жизни и обращаются к согражданам с поздравлениями по случаю знаменательных дат и государственных праздников. Зачастую это позволяет жителям убедиться в том, что политики такие же, обычные люди.

Вместе с тем у аккаунтов в социальных сетях есть и другое практическое применение. Они позволяют гражданам обратиться к руководителю региона напрямую с интересующими вопросами или наболевшими проблемами, тем более что в официальных аккаунтах нередко указываются контакты для обращений.

Популярность социальных сетей среди политиков объясняется тем, что с помощью комментариев пользователей, лайков возможно выявить «портрет» своих сторонников и оппонентов [14].

Использование социальных сетей, ведение блогов органами власти и отдельными его представителями — эффективный инструмент взаимодействия с населением. Он носит не только информационный характер, но и коммуникационный, что позволяет быстрее реагировать на возникающие социально-экономические проблемы. Помимо этого, самым важным преимуществом использования социальных сетей для взаимодействия с обществом является повышение доверия к власти, а также повышение политического участия граждан в жизни страны, региона и конкретного муниципального округа.

Развитие информационно-коммуникационных технологий активизирует коллективное сетевое творчество для совместного решения управленческих задач, обсуждения проектов, принятия нормативно-правовых актов и формируется на основе технологии краудсорсинга. Технология краудсорсинга базируется на том, что в обществе всегда присутствует креативный пласт, готовый безвозмездно или за символическую плату продуцировать идеи и заниматься решением многофункциональных задач.

Органы власти реализуют технологию краудсорсинга посредством создания интернет-платформ, где осуществляется диалог между гражданским сообществом и властными институтами [13]. В последнее время можно наблюдать огромное разнообразие проектов в области государственного краудсорсинга (табл. 3).

Таблица 2

Анализ аккаунтов социальных сетей отечественных политиков

Социальная сеть	Данные страницы		В. В. Путин	Д. А. Медведев	В. В. Жириновский	М.В. Захарова	Р. Кадыров
ВКонтакте	Кол-во	подписчиков	–	2,2 млн	526,4 тыс.	–	675,8 тыс.
		постов	–	3765 записей 5453 фото	4986 записей 3848 фото 1756 видео	–	6904 записи 5673 фото 5157 видео
		лайков на пост	–	600—2000	500—3000	–	500—5000
	Описание страницы		–	https://vk.com/dm Различные новости, выступления	https://vk.com/id38940203 Повторяет информацию на ФБ, политическая тематика	–	https://vk.com/ramzan Фотографии официальных и спортивных мероприятий, поздравления
Instagram	Кол-во	подписчиков	–	2,5 млн	431 тыс.	193 тыс.	–
		постов	–	592	883	1376	–
		лайков на пост	–	50—80 тыс.	1000—3000	–	–
	Описание страницы		–	https://www.instagram.com/damedvedev Яркие фотографии, виды России, поздравления, обращения, неформальный стиль	https://www.instagram.com/zhirinovskiy/ Фотографии частной жизни, мероприятий и рабочих встреч, официальные заявления	https://www.instagram.com/mzakharovamid/ Фотографии из личной жизни	Аккаунт был создан, но на 30.10.2020 страница недоступна
Facebook	Кол-во	подписчиков	–	–	91,9 тыс.	462,9 тыс.	–
		постов	–	–	Нет данных	–	–
		лайков на пост	–	–	50—500	–	–
	Описание страницы		–	Аккаунт был создан, но на 30.10.2020 страница недоступна	https://www.facebook.com/Zhirinovskiy Аккаунт не подтвержден. Публикаций здесь меньше, и они более серьезные, в основном заявления политической тематики	https://www.facebook.com/maria.zakharova.167 Пишет о рабочих встречах, комментирует публикации в СМИ, шутит; фото личные и делового характера	–
Twitter	Кол-во	подписчиков	3,4 млн	4,6 млн	–	–	398,7 тыс.
		постов	10,9 тыс.	1701	–	–	5450
		лайков на пост	100—2000	50—2000	–	–	50—1000
	Описание страницы		https://twitter.com/KremlinRussia Официальные новости	https://twitter.com/MedvedevRussia Поздравления с праздниками, интервью, обзоры рабочих встреч, фото с видами России	https://twitter.com/Zhirinovskiy Действие учетной записи приостановлено на 30.10.2020	–	https://twitter.com/RKadyrov Фотографии, поздравления, освещение событий

Источник: составлено авторами по данным официальных страниц в социальных сетях.

Таблица 3

Примеры использования краудсорсинговых платформ органами государственной и муниципальной власти*

Направление	Пример платформы
Формирование стратегических целей и задач государственной, региональной и местной политики	«Управляем вместе» (https://vmeste.permkrai.ru/) Набор интерактивных инструментов, с помощью которых жители региона могут принять участие в реализации Программы развития Пермского края, а также направлять свои предложения по объектам строительства, ремонта и благоустройства
Обсуждение законопроектов, нормотворческая деятельность	«Российская общественная инициатива» (https://www.roi.ru/) Гражданин РФ старше 18 лет может выдвинуть свое предложение на рассмотрение правительства на федеральном, региональном или местном уровне. Для инициатив разного уровня нужно набрать разное количество голосов «за»
Обсуждение проблем местного сообщества	1. «Открытая Казань» (https://open.kzn.ru/) Можно заявить о любых неисправностях, возникших в квартире, подъезде, доме или на прилегающей территории. Работы по устранению неполадок контролируют специалисты исполкома города Казань, а также журналисты местных СМИ. 2. «Наш Санкт-Петербург» (https://gorod.gov.spb.ru/) Можно направить сообщения о проблемах, связанных с жилищно-коммунальным хозяйством и благоустройством города, состоянием дорог и тротуаров, незаконными объектами строительства и торговли, нарушением земельного или миграционного законодательства
Выражение своего мнения, мониторинг выполнения принятых решений	«Активный гражданин» (https://ag.mos.ru/home) Проведение электронных голосований и получение мнения горожан по актуальным вопросам, касающимся развития города Москвы
Имплементация сетевых гражданских проектов	1. Crowd.mos.ru (https://crowd.mos.ru/) Позволяет жителям предлагать свои идеи на заданную тему, комментировать, обсуждать, дорабатывать и выбирать из них лучшие. 2. «100 городских лидеров» (https://100gorodov.ru/) Платформа предназначена для совместного поиска идей и решений для городских проектов. С ее помощью можно вовлечь в работу над проектом людей со всей России, найти недостающих людей в команду или получить внешнюю экспертизу, которую невозможно найти в собственном городе

* Составлено авторами.

Использование краудсорсинговых платформ органами власти является эффективным каналом взаимодействия с населением, способным вывести процесс принятия решений на новый уровень, при котором не только повысится гражданский контроль, доверие к власти, но и получат развитие отношения между социальными группами в обществе благодаря совместному поиску решений. Вовлекая жителей в прозрачный процесс принятия решений, краудсорсинговые проекты реализуют принципы и механизмы Открытого правительства: открытость и подотчетность органов власти, экспертиза принятия решений, эффективный контроль.

Процесс информатизации общества и современные информационные технологии способны

преобразовать всю систему управления, повысить ее рациональность и эффективность, а также обеспечить доверие общества к властным структурам. Происходит упрощение взаимодействия политических акторов и граждан, что позволяет органам власти эффективно решать социально значимые проблемы, создать позитивный политический имидж. Современные инструменты реализации информационно-коммуникационных технологий взаимодействия власти и граждан способствуют двустороннему взаимодействию, заменяя задачу подотчетности на совместное решение проблем, учет мнения граждан, предоставление услуг в онлайн-режиме, а также обычновенную коммуникацию, направленную на получение обратной связи.

Список литературы

1. Архипова З. В. Трансформация «электронного правительства» в «цифровое правительство» // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 5. С. 818—824.
2. Завиваев Н. С., Проскура Д. В., Шамин Е. А. Информатизация общества, как основа глобальной конкурентоспособности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obschestva-kak-osnova-globalnoy-konkurentosposobnosti> (дата обращения 29.09.2020).
3. Иванько А. Ф., Иванько М. А., Сорокина В. А. Портал государственных услуг: насколько эффективна помощь гражданскому обществу? // Инновационная наука. 2017. № 1—2. С. 73—77.
4. Копылов В. А. Информационное право. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юристъ, 2002. 512 с.
5. Косоруков А. А. Электронное гражданское общество в публичном пространстве политического режима // Политика и Общество. 2017. № 10. С. 114—126. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22072 (дата обращения 16.09.2020).
6. Кременко М. З. К проблеме информатизации общества в XXI веке // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 235—237.
7. Лаврищева Е. Е. Информационные ресурсы в современном обществе: факторы, повышающие их роль и значение // Экономика образования. 2009. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-resursy-v-sovremennom-obschestve-factory-povyshayusche-ih-rol-i-znachenie> (дата обращения 13.09.2020).
8. Медведева Е. И., Крошилил С. В. Негативные аспекты информатизации общества // Экономический журнал. 2013. № 4. С. 108—126.
9. Петровский С. В. Интернет-услуги в российском праве / С. В. Петровский. М.: Издат. сервис, 2003. 272 с.
10. Раецкая О. В. Социальные последствия информатизации // Перспективы Науки и Образования. 2013. № 1. С. 68—72 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-posledstviya-informatizatsii/viewer> (дата обращения 13.09.2020).
11. Расходчиков А. Н. Информационно-коммуникационное взаимодействие власти и общества: в поиске эффективных технологий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 263—273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-kommunikatsionnoe-vzaimodeystvie-vlasti-i-obschestva-v-poiske-effektivnyh-tehnologiy> (дата обращения 13.10.2020).
12. Рахманина Н. В. Понятие Интернета и проблемы, связанные с оказанием финансовых интернет-услуг // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2015. № 4. С. 107—113.
13. Соколов М. С., Деев А. А. Краудсорсинг как инструмент модернизации системы государственного управления в Российской Федерации // Тренды и управление. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudsorsing-kak-instrument-modernizatsii-sistemy-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 23.09.2020).
14. Старцев А. А., Гришанин Н. В. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Коммуникология. 2018. № 5. С. 108—119.
15. Титова А. И. Электронное правительство в России и за рубежом // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravitelstvo-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения 13.10.2020).
16. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
17. Чугаева Е. О. Интернет-коммуникации как современные методы диалога власти и общества // Коммуникология. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommunikatsii-kak-sovremennyye-metody-dialoga-vlasti-i-obschestva> (дата обращения 07.10.2020).

Сведения об авторах

Гамбеева Юлия Николаевна — старший преподаватель кафедры управления МГУ им. М. В. Ломоносова, филиал в городе Севастополе, Севастополь, Россия. jgambееva@bk.ru

Ярмола Дарья Андреевна — магистрантка кафедры регионального и муниципального управления, факультет государственного управления, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. das121298@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 31—40.

THE GOVERNMENT AND SOCIETY INTERACTION IN THE INTERNET SPACE

Yu. N. Gambeeva

Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russia, jgambeeva@bk.ru

D. A. Yarmola

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. das121298@mail.ru

The information technologies development and informatization are increasingly being introduced into people's lives, permeating all areas, from Internet shopping to educational and work tasks. The public administration system at all its levels was no exception. The purpose of the research is to study the process of interaction between government and society through modern information and communication technologies. The article analyzes new channels of communication between authorities and citizens. The study was carried out based on the application of general scientific methods within the framework of comparative, logical and statistical analysis. The study found that modern Internet communications are focused on two-way interaction with the population, replacing the task of accountability with joint problem solving, taking into account citizens' opinions, providing services online, as well as ordinary communication aimed at obtaining feedback. Highlights: Russia has a favorable environment for the use of information technologies, and the share of Internet users is 81 percent of its population; thanks to the development of the Internet space in the Russian Federation, new tools for the implementation of information and communication technologies for the interaction of government and society are being developed and applied, which differ in purpose, the number of parties to interaction, as well as the level of power at which the tools are used; among the main tools for the implementation of information and communication technologies for interaction between the authorities and citizens, the following were identified: portals of authorities at various levels; public services portal; government blogs; crowdsourcing platforms.

Keywords: *informatization, information society, information technology, Internet technologies, Internet space, crowdsourcing projects, social networks.*

References

1. Arkhipova Z. V. (2016) *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 26, no. 5, pp. 818—824 [in Russ.].
2. Zavivayev N. S., Proskura D. V., Shamin Ye. A. (2016) *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*, no. № 2 (15). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obschestva-kak-osnova-globalnoy-konkurentosposobnosti>, accessed 29.09.2020 [in Russ.].
3. Ivan'ko A. F., Ivan'ko M. A., Sorokina V. A. (2017) *Innovatsionnaya nauka*, no. 1—2, pp. 73—77 [in Russ.].
4. Kopylov V. A. (2002) *Informatsionnoye pravo* [Information law]. Moscow, Yurist. 512 p. [in Russ.].
5. Kosorukov A. A. (2017) *Politika i Obshchestvo*, no. 10, pp. 114—126. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22072, accessed 16.09.2020 [in Russ.].
6. Kremenko M. Z. (2006) *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 235—237 [in Russ.].
7. Lavrishcheva Ye. Ye. (2009) *Ekonomika obrazovaniya*, no. 3-2 [in Russ.].
8. Medvedeva Ye. I., Kroshilin S. V. (2013) *Ekonomicheskiy zhurnal*, no. 4, pp. 108—126 [in Russ.].
9. Petrovskiy S. V. (2003) *Internet-uslugi v rossiyskom prave* [Internet services in Russian law]. Moscow, Publishing house service. 272 p. [in Russ.].
10. Rayetskaya O. V. (2013) *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*, no. 1, pp. 68—72 [in Russ.].
11. Raskhodchikov A. N. (2017) *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 2 (138), pp. 263—273 [in Russ.].
12. Rakhmanina N. V. (2015) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, no. 4, pp. 107—113 [in Russ.].
13. Sokolov M. S., Deyev A. A. (2017) *Trendy i upravleniye*, no. 2 [in Russ.].
14. Startsev A. A., Grishanin N. V. (2018) *Kommunikologiya*, no. 5, pp. 108—119 [in Russ.].
15. Titova A. I. (2018) *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, no. 13-1 [in Russ.].
16. Uebster F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theory of the information society]. Moscow, Aspect Press. 400 p. [in Russ.].
17. Chugayeva Ye. O. (2018) *Kommunikologiya*, no. 3 [in Russ.].

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

О. А. Богданова, А. Ж. Телюбаева

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

Эффективность управления и качество функционирования социальной сферы субъектов РФ определяют степень обеспечения экономической безопасности регионов и государства в целом. К факторам, дестабилизирующим экономическую безопасность, относятся не только угрозы, связанные со снижением уровня денежных доходов, ухудшения демографических показателей и показателей рынка труда, но и ограничения, вызванные нерезультативностью взаимосвязей инфраструктурных условий социальной сферы. С целью идентификации инфраструктурных ограничений социальной сферы в работе предложен методологический подход, заключающийся в оценке уровня развития инфраструктурных условий, а также в анализе качественной и количественной сопряженности объектов социальной инфраструктуры и предоставляемых на ее основе социальных услуг. Апробация предложенного подхода позволила выявить следующие типы ограничений в обеспечении экономической безопасности регионов России: низкий уровень материальных ресурсов, неэффективность институциональных и управленческих условий развития социальной сферы.

Ключевые слова: *инфрасистемность, экономическая безопасность, инфраструктурные ограничения.*

Современные реалии, связанные с действием внешнеэкономических факторов, обуславливающих неустойчивость развития экономики страны, актуализируют проблему формирования институциональных, социальных и иных условий, способных нейтрализовать последствия деструктивных воздействий, то есть обеспечить экономическую безопасность РФ, подходы к пониманию которой отражены в работах Н. Н. Шубиной [20], Ю. А. Саликова с соавт. [13], Т. В. Усковой и И. А. Кондакова [17]. При этом итоговая оценка достигнутого уровня экономической безопасности определяется не только статистическими и динамическими показателями экономического роста (волатильностью ВРП, иностранных инвестиций и т. д.), но и тем, в какой степени сформированы и насколько отклоняются от пороговых параметров, в том числе качества социальной сферы, что формализовано в работах таких исследователей, как З. З. Абдулаева [1], А. В. Вотинов [4], Е. В. Каранина и А. А. Грабар [7], Н. Н. Шатунова [19]. Безопасность в социальной сфере является одним из ключевых звеньев в системе экономической безопасности регионов, теоретические аспекты которой рассматриваются в работах О. И. Водяненко [3. С. 17], Р. М. Садыкова [14. С. 202], С. А. Глотова [5. С. 120], М. Ю. Кийко [8. С. 63] и других, а практические меры в рамках реализации данного направления связаны с мероприятиями, ориентированными на обеспечение

стабильности функционирования социальных отраслей, предприятий и организаций экономики, повышением качества услуг и удовлетворенности населения качеством жизни, благосостоянием и уровнем потребления. З. З. Абдулаева рассматривает социальную стабильность своеобразным индикатором способности государства превентивно нейтрализовать ситуации угроз в социальной сфере на основе мониторинга превышения пороговых значений социальных показателей, которые могут сигнализировать о возможной дестабилизации и сопровождающих ее отрицательных последствий в регионе [1. С. 58].

В систему мониторинга состояния экономической безопасности включают социальные параметры, характеризующие устойчивость демографической сферы (уровень рождаемости, смертности, продолжительности жизни и т. д.); уровень дифференциации доходов населения (отношение среднедушевого дохода к прожиточному минимуму и доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения, и т. д.); инфраструктурную обеспеченность (наличие и масштаб очереди в образовательные учреждения, численность врачей на душу населения и т. д.). Эмпирические исследования в данной области приводятся в работах А. В. Калиной и И. П. Савельевой [6. С. 20], К. К. Логинова [10. С. 135] и позволяют авторам определить пороговые значения социальных индикаторов экономической

безопасности и допустимый диапазон изменения показателей, отражающих нарастание или ослабление угроз в социальной сфере регионов.

Анализ литературы по проблемам экономической безопасности (табл. 1) позволяет выделить широкий спектр угроз в социальной сфере, обуславливающих снижение качества жизни населения.

Факторы, оказывающие наибольшее воздействие на возникновение угроз в социальной сфере, сопряжены с внутрорегиональными процессами и систематизированы на рис. 1. В своих работах Е. В. Каранина и А. А. Грабар [9], Т. Л. Фролова [18], Н. В. Шубина [20] среди внутренних факторов, порождающих кризисные ситуации социального развития, особо выделяют инфраструктурные ограничения, которые представляют собой совокупность комплементарных (материально-вещественных, институциональных, управленческих) условий в отраслях социальной сферы (образования, торговли, культуры и спорта, здравоохранения, ЖКХ и т. д.), формирующих угрозы снижения качества жизни населения. Действие каждого фактора реализуется на основе принципа «инфрасистемности», который авторы трактуют следующим образом: низкий уровень обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, несовершенство деятельности

институтов социальной сферы, неэффективность управления влияют на доступность и качество социальных благ, создают «кумулятивный» отрицательный эффект, препятствуют росту уровня человеческого капитала.

С целью оценки влияния инфраструктурных ограничений социальной сферы на экономическую безопасность субъектов РФ применим методический подход [2. С. 365], заключающийся в оценке уровня развития инфраструктурной обеспеченности, качественной и количественной результативности взаимосвязей «объекты инфраструктуры социальной сферы — социальные услуги». Алгоритм анализа состоит из нескольких этапов и заключается в определении недостаточности материальных, институциональных и управленческих условий, создающих ограничения в работе передаточного механизма использования объектов инфраструктуры для создания потенциально возможных услуг социальной сферы (представлен на рис. 2).

На первом этапе выделены показатели социальной инфраструктуры и социальных услуг (интерпретация возможна как по одной из отраслей социальной сферы, например по сфере образования, так и по всему комплексу социальных отраслей (табл. 2).

Таблица 1

Социальные угрозы экономической безопасности

Источник	Угрозы экономической безопасности в социальной сфере
Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 года [16]	<ul style="list-style-type: none"> — усиление дифференциации населения по уровню доходов; — снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала; — усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации; — недостаточность трудовых ресурсов
Т. А. Бондарская, О. В. Бондарская, Р. Г. Гучетль, Г. Л. Попова [15]	<ul style="list-style-type: none"> — снижение уровня реальных денежных доходов населения и, как следствие, угроза расслоения общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан; — естественная убыль населения, эмиграция, старение, сокращение продолжительности жизни и численности экономически активного населения, ухудшение репродуктивного здоровья населения; — отсутствие обеспечения необходимого количества рабочих мест с достойной оплатой труда и высоким уровнем безработицы; — не оказание социальной поддержки населению, невыполнение социальных обязательств, взятых на себя государством; — недоступность для большей части населения современных услуг здравоохранения, качественного образования, износ жилищно-коммунальной инфраструктуры
О. А. Миронова, М. С. Шемякина [11]	<ul style="list-style-type: none"> — ухудшение демографической ситуации; — рост безработицы; — ухудшение здоровья; — рост преступности; — снижение численности трудоспособного населения; — снижение доступности образования и дефицита хозяйствующих субъектов в профессиональных кадрах

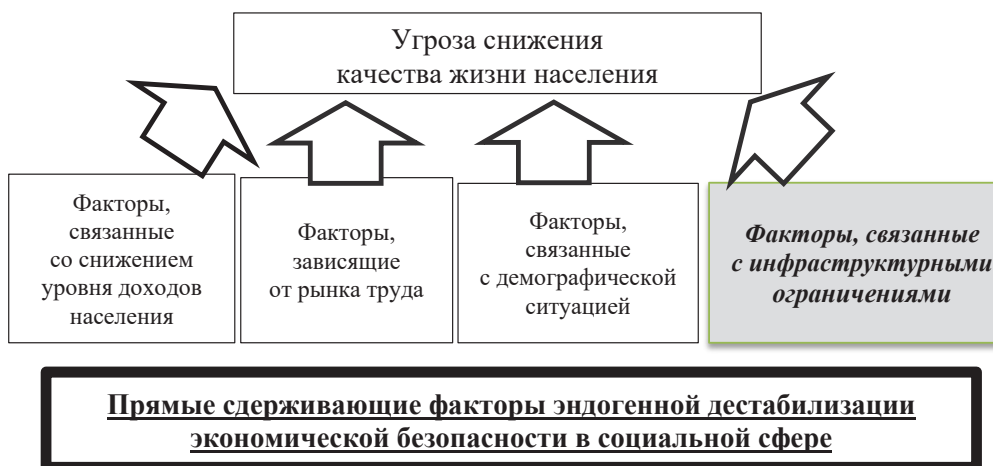

Рис. 1. Социальные факторы экономической безопасности

Источник: составлено авторами на основе [9], [18], [20].

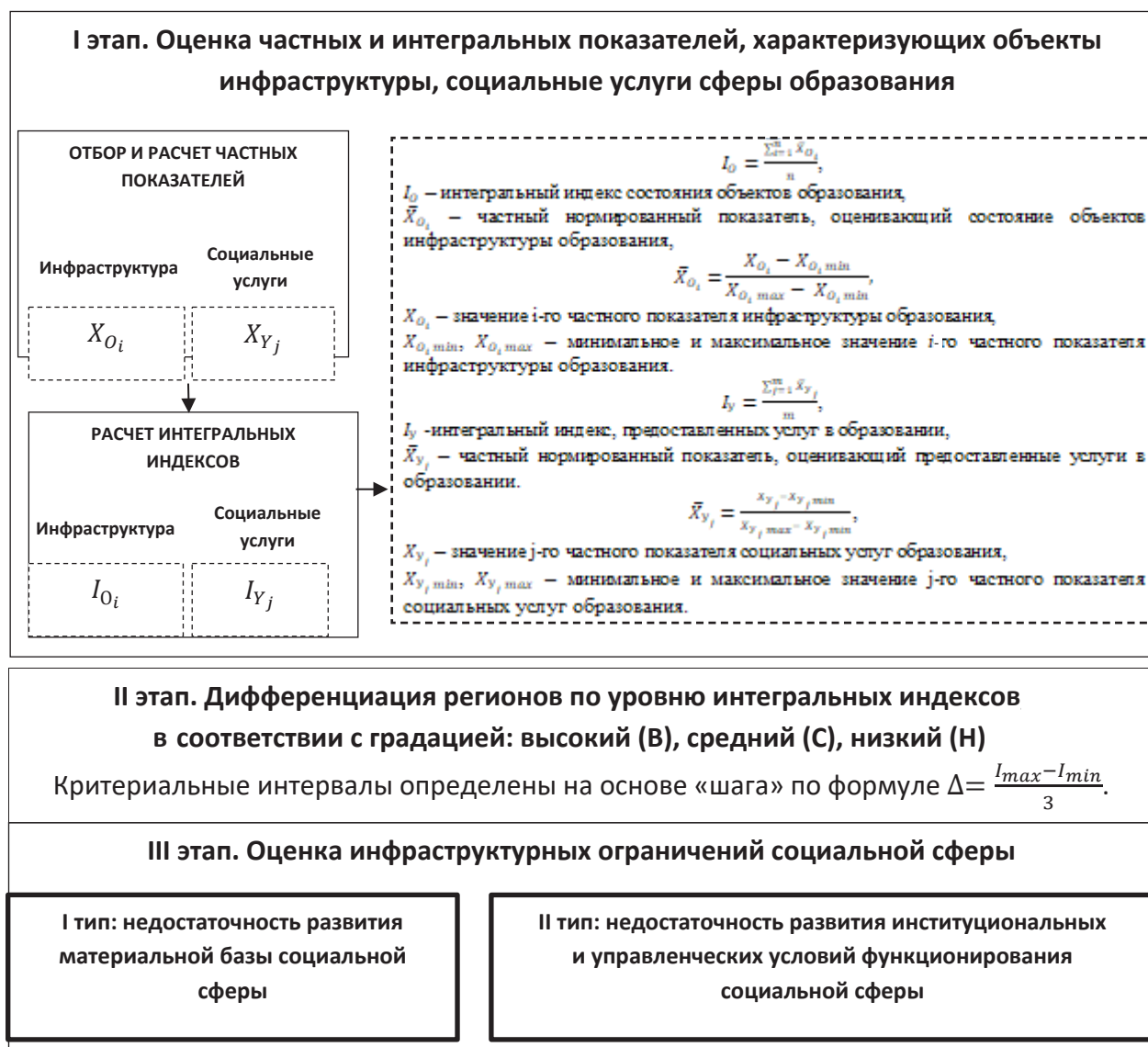

Рис. 2. Алгоритм оценки влияния инфраструктурных ограничений социальной сферы на экономическую безопасность региона

Составлено авторами.

Таблица 2

Показатели инфраструктуры и услуг образования*

Объекты инфраструктуры образования	Обозначение показателя		Услуги инфраструктуры образования	Обозначение показателя
Число дошкольных образовательных учреждений, учреждений на 10 000 детей дошкольного возраста	X_{o_1}	→	Валовой коэффициент охвата дошкольным образованием в процентах от численности детей в возрасте 1—6 лет	X_{y_1}
Организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования, учреждений организаций на 10 000 чел. моложе трудоспособного возраста	X_{o_2}	→	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании, выпускников на 10 000 чел. населения моложе трудоспособного возраста	X_{y_2}
Число образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования, организаций на 10 000 чел. населения	X_{o_3}	→	Выпуск квалифицированных рабочих и служащих на 10 000 чел. населения	X_{y_3}
Число образовательных организаций высшего образования и научных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, организаций на 10 000 чел. населения	X_{o_4}	→	Выпуск бакалавров, специалистов, магистров на 10 000 чел. населения	X_{y_4}

* Показатели формализованы авторами на основании [12].

Интегральные индексы социальной инфраструктуры и предоставленных социальных услуг (авторы рассматривают по сфере образования) рассчитывались по единой схеме: как среднеарифметическое частных нормированных показателей.

На основе полученных значений на втором этапе проведена дифференциация регионов по уровню интегральных индексов в соответствии с градацией: высокий (В), средний (С), низкий (Н). Критериальные интервалы определены на основе «шага» по формуле

$$\Delta = \frac{I_{max} - I_{min}}{3},$$

где Δ — интервальный шаг, а уровни интегральных индексов рассчитывались в каждом анализируемом периоде [2].

На третьем этапе определены инфраструктурные ограничения развития социальной сферы по двум направлениям:

— I тип инфраструктурных ограничений связан с недостаточностью развития объективных условий социальной сферы, что определяется посредством локализации регионов в группах с низким уровнем (Н) развития объектов инфраструктуры;

— II тип инфраструктурных ограничений связан с нерезультативностью взаимосвязей «объекты инфраструктуры — социальные услуги», то есть с несопряженностью количественных показателей,

которые можно интерпретировать как неэффективность институциональных и управленческих условий развития сферы образования в субъектах РФ. Помимо этого, инфраструктурные ограничения II типа определены с акцентом на идентификацию как качественных, так и количественных аспектов результативности взаимосвязи «объекты социальной инфраструктуры — социальные услуги». Качественные аспекты рассматриваются через аналитику классификации регионов РФ на группы по критерию соответствия уровней (В, С, Н) интегральных индексов: при совпадении уровней или при условии лучшего значения последующего индекса по сравнению с предыдущим взаимосвязь по линии «объекты социальной инфраструктуры — социальные услуги» считается результативной, в ситуациях понижения уровней последующих индексов по сравнению с предыдущими рассматриваемая взаимосвязь считается нерезультативной.

Количественные аспекты оценки результативности взаимосвязи «объекты социальной инфраструктуры — социальные услуги» определяются посредством расчета коэффициента эластичности, то есть степени реакции изменения интегрального индекса предоставленных социальных услуг (полученных на основе использования социальной инфраструктуры) при изменении индексов обеспеченности объектами социальной инфраструк-

туры. При значении коэффициента эластичности больше 1 взаимосвязь считается результативной, при значении меньше 1 — нерезультативной.

Апробация осуществлялась по 77 субъектам Российской Федерации, в расчеты не включены регионы: Москва, Санкт-Петербург, Республика Крым, Севастополь, Чукотский АО. Ненецкий АО рассмотрен в составе Архангельской области, Ямало-Ненецкий АО и Ханты-Мансийский АО (Югра) — в составе Тюменской в силу аномально высоких значений отдельных параметров. Данные представлены на примере сферы образования.

По результатам анализа за период 2008—2018 гг. наблюдается сокращение числа субъектов РФ с высоким (с 11 до 9) и средним (с 53 до 33) уровнем интегральных индексов, характеризующих объекты инфраструктуры образования, и увеличение — с низким (с 13 до 35) (табл. 3).

Действие фактора угроз инфраструктурной обеспеченности в части недостаточности материально-вещественных условий в сфере образования наиболее значимо для 35 субъектов РФ из исследуемых (наличие инфраструктурных ограничений I типа). При этом влияние за 10 лет усиливается, что может быть интерпретировано как ситуация неблагоприятных условий, сопровождающаяся теоретическим нарастанием угроз экономической безопасности в социальной сфере.

В табл. 4 формализованы данные распределения регионов по сочетанию уровней интегральных индексов по взаимосвязям «объекты социальной инфраструктуры — социальные услуги» в сфере образования.

Сокращение числа регионов в группах с нерезультативной взаимосвязью «объекты инфраструктуры — социальные услуги» (с 8 до 2 регионов) свидетельствует о сопряженности материальной

Таблица 3

Характеристика распределения субъектов РФ по интегральным индексам инфраструктуры образования и предоставленных услуг*

Год	Объекты инфраструктуры образования					Социальные услуги образования						
	Кол-во регионов соответствующих уровней			Значения интегральных индексов		Изменения (2008/2018)	Кол-во регионов соответствующих уровней			Значения интегральных индексов		Изменения (2008/2018)
	В	С	Н	max	min		В	С	Н	max	min	
2008	11	53	13	0,67	0,08	↓В, ↓С, ↑Н	2	57	18	0,73	0,18	↑В, ↓С, ↓Н
2011	21	48	8	0,76	0,07		38	36	3	0,65	0,08	
2014	9	34	34	0,60	0,10		38	19	20	0,68	0,27	
2015	9	33	35	0,65	0,10		17	41	19	0,79	0,27	
2016	9	33	35	0,61	0,14		43	15	19	0,64	0,20	
2017	9	38	31	0,65	0,12		41	18	18	0,64	0,22	
2018	9	33	35	0,55	0,05		40	19	18	0,65	0,15	

Примечание: жирным шрифтом выделены регионы с доминирующим уровнем развития объектов инфраструктуры и социальных услуг.

* Рассчитано авторами на основании [12].

Таблица 4

Распределение регионов по сочетанию уровней интегральных индексов по взаимосвязям «объекты инфраструктуры — социальные услуги» сферы образования*

Качественная оценка взаимосвязи	Вариант сочетания	2008	2011	2014	2015	2016	2017	2018
Результативная взаимосвязь	В–В	1	8	9	4	9	8	9
	С–В	1	27	21	10	24	25	24
	С–С	44	19	7	18	5	8	7
	Н–В	–	3	9	3	10	8	7
	Н–С	6	4	11	18	10	10	12
	Н–Н	7	1	14	14	15	13	16
Нерезультативная взаимосвязь	В–С	7	13	1	5	–	–	–
	В–Н	3	–	–	–	–	–	–
	С–Н	8	2	6	5	4	5	2

Примечание: заливкой выделены группы регионов с наибольшей концентрацией.

* Составлено авторами.

базы образования с социальными запросами населения регионов и возможностью удовлетворения имеющихся социальных потребностей.

Как представлено на рис. 3, в зоне с нерезультативной взаимосвязью по критерию соответствия уровней обеспеченности объектами инфраструктуры и уровня предоставления социальных услуг в сфере образования в 2018 г. (выделено темно-серой заливкой) локализованы два региона — Республика Дагестан и Приморский край. В данном случае наблюдается ситуация наличия инфраструктурных ограничений II типа, что демонстрирует нарушение принципа инфрасистемности и проекцию угроз на сферу образования. На рисунке также выделены блоки (светло-серая заливка), в которых представлены регионы с потенциалом снижения уровня обеспеченности социальными услугами по причине недостаточности материальных условий: возникновение новых инфраструктурных ограничений в образовании и/или наложение иных факторов угроз могут оказать сильное отрицательное воздействие на сферу образования у данных регионов.

Количественная оценка взаимосвязи «объекты социальной инфраструктуры — социальные услуги» основана на расчете коэффициента эластичности ($k_{\Delta Y}^Y$) изменения интегрального индекса предоставленных социальных услуг (ΔI_Y) при изменении интегральных индексов, характеризующих объекты инфраструктуры (ΔI_O), что позволяет оценить локальную результативность с позиций социальной сферы. Фрагмент результатов расчета коэффициентов эластичности по сфере образования формализован в табл. 5.

По результатам анализа сделан вывод: в 65 субъектах РФ в период 2014—2018 гг. коэффициенты эластичности изменения интегрального индекса предоставленных социальных услуг при изменении интегральных индексов, характеризующих объекты социальной инфраструктуры в сфере образования, больше 1, что показывает хорошую реакцию на рост материальных условий (соответственно, говорит о потенциальной эффективности национальных проектов в социальной сфере); 12 регионов показали неэластичную реакцию, что говорит о наличии инфраструктурных ограничений II типа: несмотря

Уровень развития объектов инфраструктуры образования	В	–	–	Ивановская, Курская, Орловская, Костромская, Смоленская, Тверская, Свердловская, Архангельская области, Республика Татарстан
	С	Республика Дагестан, Приморский край	Республики Кабардино-Балкарская, Адыгея; Ставропольский, Хабаровский края; Калужская, Курганская, Оренбургская области	Ярославская, Рязанская, Самарская, Белгородская, Брянская, Воронежская, Ростовская, Тамбовская, Владимирская, Вологодская, Кировская, Нижегородская, Новгородская, Саратовская, Тульская, Липецкая, Тюменская области; республики Коми, Мордовия, Чувашская, Калмыкия, Карелия, Удмуртская, Северная Осетия – Алания
	Н	Ленинградская, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Сахалинская, Амурская области; Алтайский, Красноярский, Камчатский, Забайкальский края; Еврейская автономная область; республики Алтай, Ингушетия, Хакасия, Чеченская, Бурятия	Республики Марий Эл, Тыва, Карачаево-Черкесская, Саха (Якутия); Астраханская, Калининградская, Московская, Псковская, Томская, Магаданская, Омская области; Краснодарский край	Ульяновская, Челябинская, Мурманская, Пензенская, Волгоградская области; Пермский край; Республика Башкортостан
	Н	С	В	
Уровень развития социальных услуг в образовании				

Рис. 3. Матрица позиционирования регионов по критерию «объекты инфраструктуры — социальные услуги» в сфере образования в 2018 г. Составлено авторами.

Таблица 5

**Значения коэффициентов эластичности изменения интегрального индекса
предоставленных социальных услуг при изменении интегральных индексов,
характеризующих объекты инфраструктуры в образовании***

№	Регион	2014—2018 гг.			Уровень интегральных индексов				Количественная оценка взаимосвязи
					2014 г.		2018 г.		
		ΔI_O	ΔI_Y	k_O^Y	Об	Ус	Об	Ус	
1	Амурская область	0,34	0,90	2,66	С	Н	Н	Н	Результативная взаимосвязь
2	Республика Алтай	0,31	0,78	2,55	Н	Н	Н	Н	
3	Республика Тыва	0,45	1,14	2,52	Н	Н	Н	С	
4	Республика Ингушетия	0,47	1,09	2,31	Н	Н	Н	Н	
5	Республика Хакасия	0,47	1,01	2,18	Н	Н	Н	Н	
...					
65	Костромская область	0,91	0,91	1,00	В	В	В	В	Нерезультативная взаимосвязь
66	Республика Марий Эл	0,83	0,81	0,98	Н	В	Н	С	
...					
70	Республика Дагестан	0,87	0,69	0,78	Н	Н	С	Н	
71	Ставропольский край	1,23	0,86	0,70	Н	С	С	С	
72	Республика Северная Осетия — Алания	1,48	1,03	0,70	Н	В	С	В	
73	Республика Татарстан	1,41	0,95	0,67	С	В	В	В	
74	Приморский край	1,15	0,77	0,67	С	Н	С	Н	
75	Новосибирская область	1,29	0,84	0,65	Н	Н	Н	Н	
76	Самарская область	1,41	0,89	0,63	Н	В	С	В	
77	Свердловская область	1,62	0,96	0,59	Н	В	В	В	

Примечание. Об — объекты инфраструктуры образования, Ус — социальные услуги в сфере образования. Выделены регионы с нерезультативной взаимосвязью, у которых ранее были выявлены инфраструктурные ограничения I или II типа.

* Рассчитано авторами на основании [12].

на развитость объективных условий функционирования социальной сферы, уровень предоставляемых социальных услуг не соответствует имеющемуся ресурсному потенциалу, что позволяет говорить о недостаточно результативной деятельности государственных и муниципальных органов власти.

Таким образом, в развитии сферы образования в ряде субъектов РФ идентифицированы ограничения как I типа (низкий уровень материальной обеспеченности), так и II типа (отсутствие сопряженности уровней обеспеченности объектами инфраструктуры и предоставления социальных

услуг). Это позволяет говорить о наличии неблагоприятных условий функционирования сферы образования и возможности возникновения угроз. Так, например, недостаточность материально-ресурсного обеспечения отрасли может привести к некачественной образовательной услуге, которая трансформируется в некомпетентную рабочую силу, что, в свою очередь, будет способствовать неэффективности развития отраслей экономики и, как следствие, может оказать дестабилизирующее воздействие на экономическую безопасность России и ее регионов.

Список литературы

1. Абдулаева З. З. Значение социального аспекта в индикаторах экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 17 (50). С. 57—60.
2. Антонюк В. С., Данилова И. В., Буликеева А. Ж. Эффективность управления региональной социальной инфраструктурой в системе мер по повышению качества жизни населения субъектов РФ: теоретические и методические подходы // Фундаментальные исследования. 2015. № 5-2. С. 361—373.
3. Водяненко О. И. Безопасность социальной сферы: теория и практика // Информационная безопасность регионов. 2016. № 2 (23). С. 16—21.
4. Вотинов А. В. Социальные факторы экономической безопасности региона Российской Федерации (на примере Кировской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2011. 27 с.

5. Глотов С. А. Социальная безопасность: теоретико-правовой аспект // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2012. № 4. С. 119—122.
6. Калина А. В., Савельева И. П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов // *Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент*. 2014. № 8-4. С. 15—24.
7. Каранина Е. В., Грабар А. А. Институциональные аспекты обеспечения социально-экономической безопасности региона // *Инновационное развитие экономики*. 2017. № 6-42. С. 384—392.
8. Кийко М. Ю. Структурно-логическая модель национальной безопасности // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2013. № 3 (37). С. 61—66.
9. Клешнина О. А. Современные проблемы обеспечения социально-экономической безопасности региона (на примере Красноярского края) // *Молодой ученый*. 2018. № 18 (204). С. 331—333.
10. Логинов К. К. Анализ индикаторов региональной экономической безопасности // *Вестник СибАДИ*. 2015. № 2 (42). С. 132—139.
11. Миронова О. А., Шемякина М. С. Основы и взаимосвязь категорий «экономическая безопасность» и «налоговая безопасность» // *Инновационное развитие экономики*. 2015. № 4. С. 125—131.
12. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: www.gks.ru (дата обращения 15.10.2020).
13. Саликов Ю. А., Золоторева И. И., Бородкина Т. А. Угрозы экономической безопасности региона // *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий*. 2017. Т. 79, № 1. С. 490—496.
14. Садыков Р. М. Уровень и качество жизни населения как фактор обеспечения социальной безопасности территориальных образований // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11-1. С. 201—205.
15. Бондарская Т. А., Бондарская О. В., Гучетль Р. Г., Попова Г. Л. Социально-демографическая безопасность территории (на примере Тамбовской области): монография. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2017. 239 с.
16. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения 15.10.2020).
17. Ускова Т. В., Кондаков И. А. Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2011. № 2 (14). С. 37—50.
18. Фролова Т. Л. Обеспечение социальной безопасности в условиях модернизации российской экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2006. 52 с.
19. Шатунова Н. Н. Повышение уровня жизни населения как фактор обеспечения экономической безопасности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Орел, 2009. 24 с.
20. Шубина Н. В. Концептуальные подходы к пониманию экономической безопасности региона: сущность, структура, факторы и условия // *Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление*. 2017. Т. 16, № 2. С. 288—307.

Сведения об авторах

Богданова Ольга Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. tcimmermanoa@susu.ru

Телюбаева Анара Жолаушобаевна — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. bulikeevaaz@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 41—49.*

INFRASTRUCTURE CONSTRAINTS IN THE SYSTEM OF ECONOMIC SECURITY FACTORS

O. A. Bogdanova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, tcimmermanoa@susu.ru

A. Zh. Telyubaeva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, bulikeevaaz@susu.ru

Efficiency of management and quality of social sphere functioning of the RF subjects determine the degree of ensuring economic security of regions and the state as a whole. Factors that destabilize economic security include not only threats associated with a decline in cash income and worsening demographic and labor market indicators, but also limitations caused by the ineffective interrelationships between infrastructure conditions in the social sphere. In order to analyse infrastructure constraints in the social sphere to ensure economic security, a methodological approach has been proposed to assess the level of development of infrastructure conditions and the qualitative and quantitative impact of social infrastructure-social services interconnections. Approbation of the proposed approach made it possible to identify limitations due to the low level of material conditions and inefficiency of institutional and managerial conditions for social sphere development.

Keywords: *infra-systems, economic security, infrastructure constraints.*

References

1. Abdulaeva Z. Z. (2009) *Natsionalnye interesy priority i bezopasnost*, no. 17 (50), pp. 57—60 [in Russ.].
2. Antoniuk V. S., Danilova I. V., Bulikeeva A. Zh. (2015) *Fundamentalnye issledovaniya*, no. 5-2, pp. 361—373 [in Russ.].
3. Vodianenko O. I. (2016) *Informatsionnaia bezopasnost regionov*, no. 2 (23), pp. 16—21 [in Russ.].
4. Votinov A. V. (2011) *Sotsialnye faktory ekonomicheskoi bezopasnosti regiona Rossiiskoi Federatsii na primere Kirovskoi oblasti*. 27 p. [in Russ.].
5. Glotov S. A. (2012) *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniia kooperativnogo sektora ekonomiki*, no. 4, pp. 119—122 [in Russ.].
6. Kalina A. V. (2014) *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser.: Ekonomika i menedzhment*, no. 8-4, pp. 15—24 [in Russ.].
7. Karanina E. V., Grabar A. A. (2017) *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, no. 6 (42), pp. 384—392 [in Russ.].
8. Kiiko M. Iu. (2013) *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, no. 3 (37), pp. 61—66 [in Russ.].
9. Kleshchina O. A. (2018) *Molodoi uchenyi*, no. 18 (204), pp. 331—333 [in Russ.].
10. Loginov K. K. (2015) *Vestnik Sibirskogo Avtomobilnogo Dorozhnogo Universiteta*, no. 2 (42), pp. 132—139 [in Russ.].
11. Mironova O. A., SHemiakina M. S. (2015) *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, no. 4, pp. 125—131 [in Russ.].
12. Ofitsialnyi sait Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi statistiki RF [Official website of the Russian Federal Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>, accessed 19.10.2020 [in Russ.].
13. Salikov Iu. A., Zolotoreva I. I., Borodkina T. A. (2017) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii*, no. 79-1, pp. 490—496 [in Russ.].
14. Sadykov R. M. (2014) *Fundamentalnye issledovaniia*, no. 11-1, pp. 201—205 [in Russ.].
15. Bondarskaia T. A., Bondarskaia O. V., Guchetl R. G., Popova G. L. (2017) *Sotsialno-demograficheskaiia bezopasnost territorii (na primere Tambovskoi oblasti)* [Social and Demographic Security of the Territory (on the example of Tambov region)]. Tambov. 239 p. [in Russ.].
16. Ukaz Prezidenta Rossiyskoi Federatsii ot 13.05.2017 no. 208 «O Strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda» [On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period until 2030]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921>, accessed 15.10.2020 [in Russ.].
17. Uskova T. V., Kondakov I. V. (2011) *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny fakty tendentsii prognoz*, no. 2 (14), pp. 37—50 [in Russ.].
18. Frolova T. L. (2006) *Obespechenie sotsialnoi bezopasnosti v usloviakh modernizatsii rossiiskoi ekonomiki* [Ensuring social security in the context of modernizing the Russian economy]. 52 p. [in Russ.].
19. Shatunova N. N. (2009) *Povyshenie urovnia zhizni naseleniia kak faktor obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti* [Improving living standards of the population as a factor in ensuring economic security]. 24 p. [in Russ.].
20. Shubina N. V. (2017) *Vestnik UrFU. Ser.: Ekonomika i Upravlenie*, no. 16-2, pp. 288—307 [in Russ.].

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Г. В. Леонидова, А. Л. Ивановская

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90047 «Разработка методологических подходов и методического инструментария анализа и оценки качества трудовой жизни занятого населения региона» (конкурс «Аспиранты»)

Социально-экономическая сущность качества трудовой жизни (КТЖ) состоит в возможности создания оптимальных условий для реализации трудового потенциала занятого населения. Данная категория является комплексной, характеризуется множественной совокупностью статистических и оценочных показателей и индикаторов, что предполагает различные методические подходы к ее оценке. Цель исследования состоит в разработке методики, основанной на интегральной оценке качества трудовой жизни, и ее первичной апробации. В статье сформирован перечень показателей, наиболее полно отражающих качество трудовой жизни занятого населения. По причине отсутствия данных социологических опросов по всем субъектам Северо-Западного федерального округа интегральный индекс КТЖ рассчитан только на примере Вологодской области. Отмечены тенденции качественного состояния оценочных параметров трудовой жизни на примере работающего населения Вологодской области, выявленные с помощью интегрального индекса КТЖ.

Ключевые слова: *качество трудовой жизни, методика, интегральная оценка, индексный метод, занятое население.*

Конституция РФ провозглашает права россиян на труд «в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда»¹. Достойная оплата труда является одним из основных индикаторов качества трудовой жизни, концепция которого заключается в прямой связи между уровнем производительности труда, с одной стороны, и степенью самореализации человека в профессиональной деятельности — с другой. Согласно данным Росстата, средняя зарплата по стране в 2019 г. составляла 47,8 тыс. руб. в месяц, при этом средняя зарплата 10 % самых высокооплачиваемых работников в 13 раз превышает среднюю зарплату 10 % самых низкооплачиваемых. Это свидетельствует о сохранении зарплатного неравенства в стране².

¹ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Статья 37 // КонсультантПлюс (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5e37b9644c66582efdaf762a109a281bf999c28; дата обращения 27.05.2020).

² Половина россиян зарабатывают менее 35 тыс. в месяц. Росстат представил статистику зарплатного нера-

Сохранение и укрепление здоровья работающего населения также является одной из приоритетных задач в Российской Федерации, поскольку профессиональные заболевания часто являются причиной инвалидности и смертности трудоспособного населения. В РФ смертность в трудоспособном возрасте более чем в 4 раза превышает данный показатель стран Евросоюза. Снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения) определено в качестве целевых показателей приоритетного проекта «Здравоохранение»³. Чаще всего вред здоровью наносят шум и вибрация на производстве, а также физические перегрузки и перенапряжение⁴. Уровень производственного травматизма, венства в России // РБК (<https://www.rbc.ru/economics/18/07/2019/5d3039e39a79476266abb143>; дата обращения 27.05.2020).

³ Национальные проекты 2019—2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: науч.-аналит. издание / коллектив авт. под науч. рук. д-ра экон. наук А. А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2019. 68 с.

⁴ Глобальные факторы риска для здоровья: смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска: доклад ВОЗ. 2015 (www.who.int/evidence/bod; дата обращения 24.05.2020).

по данным Минтруда России, имеет устойчивую тенденцию к снижению (примерно на 3% за период 2017—2018 гг.). При этом доля трудящихся во вредных и (или) опасных условиях труда составляет около 38%¹.

Все это предопределяет необходимость обращения к концепции качества трудовой жизни, его оценке и мониторингованию показателей с целью совершенствования значимых аспектов трудовой деятельности. Цель исследования состоит в разработке интегральной методики оценки качества трудовой жизни и ее первичной апробации. Научная новизна работы заключается в разработке методики интегральной оценки качества трудовой жизни, основанной на оценке взаимосвязи субъективных и объективных параметров КТЖ.

Впервые термин «качество трудовой жизни» был отмечен в 1960 г. в исследованиях Э. Мэйо о том, как окружающая среда влияла на трудовую деятельность рабочих [2]. С того момента шло развитие понятия, распространение его в научной среде и постоянное наполнение содержания.

Оценка качества трудовой жизни представляет собой анализ показателей, входящих в данное понятие, выявление проблемных аспектов и разработку на этой основе направлений совершенствования характеристик рабочего пространства с целью обеспечения эффективной реализации трудового потенциала занятого населения [13; 17].

Анализ научной литературы показал наличие целого ряда методических подходов к оценке аспектов качества трудовой жизни населения. Существующие методики можно объединить в две большие группы — по используемым данным и по способу оценки:

1. В зависимости от используемых данных методические подходы подразделяются на статистический, социологический и комбинированный [22]. Статистический подход основан на применении в оценке КТЖ объективных статистических показателей. Его придерживаются М. Н. Игнатенко, ученые Казанского университета и др. [1; 14; 19]. Социологический подход можно встретить в работах Е. Г. Егоровой, А. А. Дамбовской и др. Он базируется на результатах социологических опросов [6; 10; 11]. Комбинированный подход объединяет в себе статистический и социологический подходы. Комбинированного подхода в исследованиях придерживаются ученые Института эко-

номики УрО РАН, О. В. Зонина, В. А. Цыганков и др. [12; 15; 21].

2. В зависимости от способа оценки различают частный и интегральный подходы. При первом — оценка качества трудовой жизни основывается на анализе совокупности отдельных показателей, характеризующих некоторые стороны трудовой деятельности занятых. Этот подход отражен в исследованиях Б. М. Генкина и др. Интегральный подход базируется на агрегировании отдельных характеристик качества трудовой жизни в обобщающий показатель. Среди исследователей, придерживающихся данного подхода, можно выделить таких авторов, как Л. В. Кушнарева, С. В. Рачек, Е. Ю. Легчилина и др. [3; 4; 16].

В настоящее время в исследовании качества трудовой жизни сложилась проблема отсутствия единства мнений относительно индикаторов КТЖ. Это можно объяснить сложностью самого понятия, спецификой изучаемого объекта на различных уровнях — предприятия, региона, страны.

Методика оценки КТЖ базируется на интегральном подходе, который часто применяется и при оценке качества жизни населения (КЖН) [20]. Согласно данному подходу, такая оценка базируется на расчете интегрального индекса.

Самым дискуссионным вопросом при оценке качества трудовой жизни является определение показателей для его измерения [18]. Сложность в отборе показателей объясняется тем, что качество трудовой жизни имеет многогранную структуру, объединяя в себе объективные и субъективные индикаторы условий труда. Модель оценки должна охватывать систему взаимосвязанных частных показателей, отражающих как уровень КТЖ на основе официальных статистических данных, так и удовлетворенность занятого населения данным уровнем КТЖ [9].

Так, ключевые показатели при оценке качества трудовой жизни объединены в четыре группы [5; 7; 12; 13; 18]. Объективные показатели отобраны исходя из имеющихся данных, представленных Федеральной службой государственной статистики, субъективные — на основе результатов опроса «Качество трудового потенциала Вологодской области», проведенного ФГБУН «ВолНЦ РАН» в 2005 и 2018 гг.

Объективные индикаторы характеризуют ситуацию, сложившуюся на рынке труда, уровень доходов населения, условия труда и прочее; субъективные — связаны с формированием личностного отношения работников к аспектам его трудовой жизни. Предпочтительнее для достижения оптимального

¹ Итоги года в сфере охраны труда: доклад Минтруда России. 2018 (www.rosmintrud.ru/labour/safety/294; дата обращения 24.05.2020).

качества трудовой жизни, чтобы система показателей, входящих в данный конструкт, охватывала и те, значимые условия трудовой деятельности занятого населения, которые являются управляемыми.

Совокупность показателей сформирована на основе следующих требований:

- 1) доступность и достоверность данных, то есть показатели отслеживаются официальными органами государственной и региональной власти;
- 2) показатели адекватно отражают изучаемые явления и их изменения.

В табл. 1 представлены показатели оценки качества трудовой жизни.

Сформированная совокупность показателей отражает наиболее значимые аспекты качества трудовой жизни и служит основой для последующей комплексной оценки — расчета интегрального показателя КТЖ.

Определение интегрального показателя основано на индексном подходе, что дает возможность соизмерить различные характеристики качества трудовой жизни путем приведения их в сопоставимый вид. Использование индексного метода позволяет рассчитать влияние анализируемых показателей на общий уровень КТЖ.

В качестве предельных значений выбраны максимальные и минимальные значения показателей, наблюдавшиеся в регионе за исследуемый период,

что дает возможность достичь сопоставимости значений индекса за различные годы [8]. Данный метод стандартизации позволяет не только привести показатели к сопоставимому виду, но и выявить место отдельно взятого региона в составе более крупной экономической структуры (федерального округа, Российской Федерации).

На следующем этапе происходит определение частных индексов качества трудовой жизни, которые представляют собой оценку агрегированного воздействия группы показателей и рассчитываются как среднее арифметическое их составляющих. На третьем этапе определяем значения индексов объективного и субъективного качества трудовой жизни.

Интегральный индекс качества трудовой жизни определяется как среднее арифметическое индексов объективного и субъективного качества трудовой жизни, характеризующих важные стороны КТЖ занятого населения региона. Значение интегрального индекса КТЖ может находиться в пределах до 1.

В обобщенном виде этапы расчета интегрального индекса представлены в табл. 2.

Интегральный показатель позволяет оценить качество трудовой жизни с определением вклада каждого показателя в его формирование, а также провести сравнительный анализ уровня КТЖ по отдельным регионам.

Таблица 1

Показатели оценки качества трудовой жизни занятого населения региона*

Объективные	<i>1-я группа «Индикаторы рынка труда»</i>
	<ul style="list-style-type: none"> • уровень зарегистрированной безработицы (%); • уровень занятости (%)
	<i>2-я группа «Индикаторы, характеризующие материальное благосостояние занятого населения»</i>
Субъективные	<ul style="list-style-type: none"> • соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций и прожиточного минимума трудоспособного населения (раз); • индекс Кейтца (%); • коэффициент фондов (раз)
	<i>3-я группа «Индикаторы условий труда»</i>
	<ul style="list-style-type: none"> • число пострадавших с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом (в расчете на 10 000 занятых); • израсходовано на мероприятия по охране труда за год (тыс. руб. на 1 занятого); • численность лиц с установленным в отчетном году профессиональным заболеванием (в расчете на 10 000 занятых); • число занятых с опасными и вредными условиями труда (в расчете на 1000 занятых)
Субъективные	<i>4-я группа «Индикаторы удовлетворенности занятого населения различными компонентами КТЖ»</i>
	<ul style="list-style-type: none"> • удовлетворенность оплатой труда; • удовлетворенность условиями труда; • удовлетворенность морально-психологическим климатом в коллективе; • удовлетворенность отношениями с руководством; • удовлетворенность содержанием работы в целом

* Составлено авторами.

Таблица 2

Этапы расчета интегрального индекса качества трудовой жизни*

Формула	Обозначение
<i>Этап 1. Определение индексов показателей качества трудовой жизни для приведения их к сопоставимому виду</i>	
<p>Для расчета индекса по показателям, рост которых приводит к повышению уровня КТЖ:</p> $I_{xi} = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}$ <p>Для расчета индекса по показателям, рост которых приводит к снижению уровня КТЖ:</p> $I_{xi} = \frac{X_{\max} - X_i}{X_{\max} - X_{\min}}$	<p>I_{xi} — значение индекса по показателю x — оцениваемый показатель i — объект анализа (в данном случае наименование субъекта СЗФО) X_i — значение оцениваемого показателя в субъекте i X_{\min} — минимально возможное значение оцениваемого показателя X_{\max} — максимально возможное значение оцениваемого показателя</p>
<i>Этап 2. Расчет частных индексов КТЖ, которые представляют собой оценку агрегированного воздействия группы объективных показателей</i>	
$I_{РТ} = \frac{I_6 + I_3}{2}$	<p>$I_{РТ}$ — частный индекс индикаторов рынка труда I_6 — индекс уровня зарегистрированной безработицы I_3 — индекс уровня занятости</p>
<i>Этап 3. Расчет индексов объективного и субъективного качества трудовой жизни</i>	
Индекс объективного КТЖ	Индекс субъективного КТЖ
$I_{Об.КТЖ} = \frac{I_{РТ} + I_{МБ} + I_{УТ}}{3}$ <p>$I_{РТ}$ — частный индекс индикаторов рынка труда $I_{МБ}$ — частный индекс индикаторов материального благосостояния граждан $I_{УТ}$ — частный индекс индикаторов условий труда</p>	$I_{Суб.КТЖ} = \frac{I_{ОП} + I_{УТ} + I_{МП} + I_{ОР} + I_{СР}}{5}$ <p>$I_{ОП}$ — индекс удовлетворенности оплатой труда $I_{УТ}$ — индекс удовлетворенности условиями труда $I_{МП}$ — индекс удовлетворенности морально-психологическим климатом в коллективе $I_{ОР}$ — индекс удовлетворенности отношениями с руководством $I_{СР}$ — индекс удовлетворенности содержанием работы в целом</p>
<i>Этап 4. Расчет интегрального показателя КТЖ</i>	
$I_{КТЖ} = \frac{I_{Об.КТЖ} + I_{Суб.КТЖ}}{2}$	<p>$I_{Об.КТЖ}$ — индекс объективного КТЖ $I_{Суб.КТЖ}$ — индекс субъективного КТЖ</p>

* Составлено авторами.

На основе построения интегрального индекса качества трудовой жизни становится возможным:

- определить место региона в рейтинге по уровню КТЖ занятого населения;
- сравнить регионы по качеству трудовой жизни населения и определить уровень дифференциации территорий по данному показателю;
- проанализировать динамику изменения во временном аспекте качества трудовой жизни по региону в целом и в разрезе отдельных его компонентов.

Преимуществом представленной методики является тот факт, что она позволяет последовательно агрегировать частные показатели в интегральный индекс, тем самым делая возможным не только

анализ изменения качества трудовой жизни в динамике, но и определение причин этих изменений. Данная методика может служить инструментом управления качеством трудовой жизни занятого населения на различных уровнях территориальных образований (муниципальном, региональном, федеральном).

Отсутствие полного перечня субъективных индикаторов оценки качества трудовой жизни занятого населения СЗФО, предусмотренных предлагаемой методикой, не позволяет провести комплексную оценку КТЖ, в связи с чем оценка КТЖ по данным СЗФО проведена с использованием объективных показателей.

Значения индекса объективного качества трудовой жизни и его компонентов представлены в табл. 3.

В субъектах СЗФО в 2018 г. наблюдается существенная дифференциация по значению индекса объективного КТЖ. Так, лидирующий в рейтинге Санкт-Петербург почти в два раза превосходит Республику Карелия, занимающую последнее место. В лидерах также оказались Ленинградская и Новгородская области. Определяющими факторами являются соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций и прожиточного минимума трудоспособного населения, а также число занятых с опасными и вредными условиями труда (в расчете на 1000 занятых). В Новгородской области, несмотря на невысокое значение индекса материального благосостояния, преимуществом стал высокий уровень условий труда. В это же время Псковская область, находящаяся в числе лидеров по уровню условий труда, отстает по индексам, характеризующим рынок труда и материальное благосостояние занятого населения.

Что же касается субъектов, занимающих последние места в рейтинге, то помимо Республики Карелия следует отметить Архангельскую, Калининградскую и Вологодскую области с близкими значениями интегрального индекса качества трудовой жизни. Так, Калининградская область отстает по значению индекса материального благосостояния, а Архангельская область — по индикаторам рынка труда.

Для того чтобы провести группировку районов по индексу объективного качества трудовой жизни, воспользуемся статистическим методом построения вариационных рядов. Важным моментом на данном этапе является определение оптимального количества групп по изучаемому признаку. Для этого применим формулу (1)

$$n = 1 + 3,322 \lg N, \quad (1)$$

где n — количество групп; N — размер анализируемой совокупности.

Так как Северо-Западный федеральный округ включает 11 регионов ($N = 11$), оптимальное количество групп (n) равно 4,4. Колебания величины индекса объективного качества трудовой жизни не так высоки, поэтому выделим четыре группы — с низким, ниже среднего, средним и высоким уровнем индекса КТЖ.

Величина интервала в ряде (I) определяется по формуле (2)

$$I = \frac{x_{max} - x_{min}}{n}, \quad (2)$$

где x_{max} , x_{min} — наибольшее и наименьшее значения величины индекса объективного КТЖ в регионах в определенном году. Так, в 2005 г. $n = 0,087$, а в 2018 г. $n = 0,09$ (табл. 4).

На основе проведенных расчетов мы распределили субъекты Северо-Западного федерального округа в четыре группы, отметив изменения индекса объективного качества трудовой жизни регионов СЗФО в динамике (табл. 5).

Проведенный анализ позволяет выявить особенности КТЖ в каждом субъекте Северо-Западного федерального округа. Так, за период 2005—2018 гг. в анализируемых субъектах происходили изменения, связанные с качеством трудовой жизни населения. Исходя из данных табл. 5 можно выделить три тенденции изменения индекса объективного КТЖ в регионах СЗФО: позитивную, неизменную, негативную.

Позитивная тенденция изменения индекса объективного КТЖ наблюдается у следующих субъектов:

1. Мурманская область, а также Псковская область переместились из группы IV в группу II за счет положительной динамики показателей рынка труда и материального благосостояния трудящихся.
2. Из группы III в группу II переместился Ненецкий автономный округ (с 6-го места в 2005 г. до 4-го места в 2018 г.) за счет положительной динамики значений частных индексов рынка труда и условий труда населения.
3. Новгородская область осталась в группе II, но поднялась с 5-го до 3-го места за счет положительной динамики значений частных индексов рынка труда и материального благосостояния трудящихся.

Не изменили своего положения в группах Санкт-Петербург и Ленинградская область (стабильно высокие значения всех частных индексов), Республика Карелия (стабильно низкие значения всех частных индексов), а также Республика Коми со значением индекса объективного КТЖ ниже среднего.

Отметим и негативные тенденции изменения индекса объективного КТЖ у некоторых регионов. Калининградская область переместилась из группы II в группу III (опустилась с 3-го места в 2005 г. до 8-го места в 2018 г.) за счет отрицательной динамики индикаторов условий труда. Вологодская область переместилась из группы II в группу IV (с 4-го места в 2005 г. до 9-го в 2018 г.), а Архангельская область переместилась

Таблица 3

Индекс объективного качества трудовой жизни в регионах СЗФО в 2005 и 2018 гг.*

Субъект СЗФО	2005 г.				2018 г.			
	$I_{РТ}$	$I_{МБ}$	$I_{УТ}$	$I_{Об.КТЖ}$	$I_{РТ}$	$I_{МБ}$	$I_{УТ}$	$I_{Об.КТЖ}$
Республика Карелия	0,070	0,124	0,510	0,234	0,284	0,332	0,617	0,411
Архангельская область	0,345	0,175	0,485	0,335	0,337	0,461	0,572	0,457
Калининградская область	0,468	0,074	0,699	0,413	0,624	0,184	0,678	0,495
Вологодская область	0,450	0,228	0,545	0,408	0,485	0,414	0,587	0,496
Республика Коми	0,118	0,475	0,444	0,346	0,453	0,506	0,620	0,527
Мурманская область	0,216	0,199	0,504	0,306	0,621	0,403	0,563	0,529
Псковская область	0,107	0,132	0,690	0,310	0,483	0,401	0,702	0,529
Ненецкий автономный округ	0,179	0,535	0,451	0,388	0,435	0,690	0,499	0,541
Новгородская область	0,361	0,164	0,702	0,409	0,609	0,424	0,654	0,562
Ленинградская область	0,501	0,202	0,684	0,462	0,732	0,531	0,632	0,632
Санкт-Петербург	0,736	0,472	0,738	0,648	1,000	0,772	0,736	0,836

* Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Таблица 4

Ряды распределения регионов СЗФО по индексу объективного КТЖ в 2005 и 2018 гг.*

Номер группы	КТЖ в регионе	Интервал, в котором изменяется КТЖ	
		2005 г.	2018 г.
Группа I	Высокое	$I_{КТЖ} \geq 0,495$	$I_{КТЖ} \geq 0,681$
Группа II	Среднее	$0,495 < I_{КТЖ} \geq 0,408$	$0,681 < I_{КТЖ} \geq 0,591$
Группа III	Ниже среднего	$0,408 < I_{КТЖ} \geq 0,321$	$0,591 < I_{КТЖ} \geq 0,501$
Группа IV	Низкое	$0,321 < I_{КТЖ} \geq 0,234$	$0,501 < I_{КТЖ} \geq 0,411$
Величина интервала		0,087	0,09

* Составлено авторами.

Таблица 5

Распределение регионов СЗФО по индексу объективного КТЖ в 2005 и 2018 гг.*

Номер группы	КТЖ в регионе	Место	Регион		Место	Регион	
			2005 г.			2018 г.	
Группа I	Высокое	1	Санкт-Петербург		1	Санкт-Петербург	
Группа II	Среднее	2	Ленинградская область		2	Ленинградская область	
		3	Калининградская область		3	↑ Новгородская область	
		4	Вологодская область		4	↑ Ненецкий автономный округ	
		5	Новгородская область		5	↑ Псковская область	
Группа III	Ниже среднего	6	Ненецкий автономный округ		6	↑ Мурманская область	
		7	Республика Коми		7	Республика Коми	
		8	Архангельская область		8	↓ Калининградская область	
Группа IV	Низкое	9	Псковская область		9	↓ Вологодская область	
		10	Мурманская область		10	↓ Архангельская область	
		11	Республика Карелия		11	Республика Карелия	

* Составлено авторами.

из группы III в группу IV (опустилась с 8-го места в 2005 до 10-го в 2018 г.). При этом хоть и частные, и индексы объективного КТЖ у областей за период повысились, но в меньшей мере, чем у других субъектов, этим и объясняется падение в рейтинге.

Выделенные группировки районов и определенные характерных особенностей каждой из групп, позволили установить аспекты качества трудовой жизни, на которые необходимо обратить внимание как органам власти регионов Северо-Западного федерального округа, так и страны в целом.

Расчет индекса субъективного качества трудовой жизни и в итоге интегрального индекса КТЖ проведен на примере Вологодской области.

В целях расчета индекса субъективного КТЖ использованы данные опроса «Качество трудового потенциала Вологодской области». Респонденты оценивали удовлетворенность теми или иными аспектами КТЖ по 4-балльной шкале, где 1 балл означал «не удовлетворен», а 4 — «удовлетворен», при этом 0 баллов присваивалось варианту ответа «не могу сказать, удовлетворен или нет». Индекс субъективного КТЖ ($I_{\text{Суб.КТЖ}}$), показывающий удовлетворенность респондента трудовой жизнью, рассчитан как отношение оценки (0—4 б.), данной респондентом по каждому аспекту КТЖ к максимальной оценке (4 б.) при ответе на вопрос: «удовлетворены ли Вы лично следующими сторонами трудовой жизни?». Индекс субъективного КТЖ рассчитывается как среднее арифметическое его составляющих.

Значения частных индексов субъективного качества трудовой жизни и интегрального индекса КТЖ представлены в табл. 6.

Данные табл. 6 демонстрируют, что индекс субъективного КТЖ населения Вологодской области за исследуемый период снизился на 0,068 п. п. за счет значительного снижения индексов удовлетворенности по основным критериям КТЖ: удовлетворенность оплатой труда, условиями труда, морально-психологическим климатом в коллективе, отношениями с руководством, содержанием работы в целом. Отметим, что занятое население области наименее удовлетворено оплатой труда, а наибольшая удовлетворенность наблюдается по критерию «морально-психологический климат в коллективе». Согласно представленным выше данным, при снижении величины индекса субъективного качества трудовой жизни интегральный индекс КТЖ незначительно увеличился за счет роста индекса объективного КТЖ. Такая ситуация может означать то, что изменения в социально-трудовой сфере, не в полной мере удовлетворяют потребностям занятого населения в уровне желаемого качества трудовой жизни.

Апробация методики оценки КТЖ занятого населения Вологодской области позволяет выделить следующие основные результаты:

1) минимальное значение среди частных индексов субъективного качества трудовой жизни имеет индекс удовлетворенности оплатой труда, продемонстрировавший снижение в 2018 г. по сравнению с 2005 г. на 0,015 п. п.;

Таблица 6

**Интегральный индекс КТЖ занятого населения
на примере Вологодской области и его компоненты в 2005 и 2018 гг.***

Индексы КТЖ	2005 г.	2018 г.
Индекс объективного КТЖ ($I_{\text{Об.КТЖ}}$)	0,408	0,496
Индекс субъективного КТЖ ($I_{\text{Суб.КТЖ}}$)	0,549	0,481
Индекс удовлетворенности оплатой труда ($I_{\text{ОП}}$)	0,438	0,423
Индекс удовлетворенности условиями труда ($I_{\text{УТ}}$)	0,551	0,474
Индекс удовлетворенности морально-психологическим климатом в коллективе ($I_{\text{МП}}$)	0,644	0,513
Индекс удовлетворенности отношениями с руководством ($I_{\text{ОР}}$)	0,575	0,503
Индекс удовлетворенности содержанием работы в целом ($I_{\text{СР}}$)	0,539	0,491
Интегральный индекс КТЖ ($I_{\text{КТЖ}}$)	0,478	0,488

* Составлено авторами.

2) по всем частным индексам субъективной оценки КТЖ отмечено снижение показателей, что привело к значительному падению индекса субъективного качества трудовой жизни;

3) несмотря на наибольшую удовлетворенность занятым населением региона морально-психологическим климатом, значение данного индекса существенно снизилось за исследуемый период (с 0,644 в 2005 г. до 0,513 в 2018 г.);

4) величина интегрального индекса КТЖ возросла за исследуемый период (с 0,478 до 0,488) по причине ощутимого роста объективной компоненты КТЖ.

Расчет индекса объективного качества трудовой жизни для регионов Северо-Западного федерального округа в 2005 и 2018 гг. свидетельствует о том, что лидирующие позиции занимают Санкт-Петербург и Ленинградская область со стабильно высокими индексами, характеризующими рынок труда, материальное благосостояние и условия труда занятого населения. Замыкает рейтинг Республика Карелия с самыми низкими значениями показателей рынка труда и материального благосостояния трудящихся.

Список литературы

1. Fields G. S. Decent work and development policies // *International Labour Review*. 2003. 239 p.
2. Mayo E. The Human Problems of an Industrial Civilisation // Viking Press. 1960. 189 p.
3. Mirvis P. H., Lawler E. E. Accounting for the Quality of Work Life // *Journal of Occupational Behaviour*. 1984. Vol. 5. P. 197—212.
4. Rethinam G. S., Ismail M. Constructs of Quality of Work Life: A Perspective of Information and Technology Professionals // *European Journal of Social Sciences*. 2008. Vol. 7 (1). P. 58—70.
5. Stephen A. Quality of Work Life in Small Scale Industrial Units // *Employers and Employees Perspectives*. 2012. Vol. 28 (2). P. 262—271.
6. Swamy D. R. Quality of worklife of employees in private technical institutions // *International Journal for Quality Research*. 2013. Vol. 7 (3). P. 3—14.
7. Vinopal J. Indikátor subjektivní kvality pracovního života // *Sociologický časopis. // Czech Sociological Review*. 2011. Vol. 47 (5). P. 937—965.
8. Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // *Прикладная эконометрика*. 2006. № 2. С. 18—84.
9. Белехова Г. В. Удовлетворенность компонентами трудовой жизни в разрезе социально-демографических характеристик // *Социально-гуманитарные технологии*. 2019. № 3 (11). С. 9—16.
10. Дамбовская А. А. Диагностика качества трудовой жизни персонала организации как элемента корпоративной социальной политики: дис. ... канд. экон. наук. Омск, 2012.
11. Егорова Е. Г. Социальные индикаторы Качества трудовой жизни в структуре управленческих решений организации жизни: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2008.
12. Зонова О. В. Качество трудовой жизни в Российской Федерации: измерение и оценка: дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2016.
13. Ивановская В. Ю., Ивановская А. Л. Качество трудовой жизни как фактор обеспечения экономического роста // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 3 (1). С. 103—106.
14. Игнатенко М. Н. Качество трудовой жизни современной России: состояние и направления роста: дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.
15. Качество трудовой жизни в регионе: вопросы теории и практики управления / О. А. Козлова [и др.]; под общ. ред. О. А. Козловой. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН. 2013. 170 с.
16. Кушнарева Л. В., Рачек С. В. Методические основы интегральной оценки качества трудовой жизни на предприятии // *Науковедение: интернет-журн*. 2016. № 3 (8). С. 1—18.
17. Леонидова Г. В., Панов А. М., Попов А. В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения // *Проблемы развития территории*. 2013. № 4 (66). С. 49—57.
18. Миляева Л. Г. Методические подходы к оценке качества трудовой жизни персонала организаций // *Ползуновский альманах*. 2009. № 1. С. 149—154.

19. Михайлов Ф. Б., Сафина Л. М. Оценка качества трудовой жизни региона (на примере Республики Татарстан) // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154, кн. 6. С. 19—25.

20. Трофимова Н. В. Качество жизни населения региона: оценка и механизм управления: дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2011.

21. Цыганков В. А. Качество трудовой жизни в России: экономическая природа, механизм формирования: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.

22. Чекмарева Е. А. Обзор современных методик оценки качества трудовой жизни населения // Качество и жизнь. 2016. № 4 (12). С. 53—61.

Сведения об авторах

Леонидова Галина Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия. galinaleonidova@mail.ru

Ивановская Алена Леонидовна — младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия. lelia-iv@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 50—59.*

INTEGRAL ASSESSMENT OF THE QUALITY OF WORKING LIFE AT THE REGIONAL LEVEL

G. V. Leonidova

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vologda. galinaleonidova@mail.ru

A. L. Ivanovskaya

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vologda. lelia-iv@mail.ru

The socio-economic essence of the quality of working life (QWL) consists in the possibility of creating optimal conditions for the realization of the working potential of the employed population. This category is complex, characterized by a multiple set of statistical and evaluation indicators and indicators, which implies different methodological approaches to its assessment. The aim of the study is to develop a methodology based on an integral assessment of the quality of working life, and its primary testing. The article contains a list of indicators that most fully reflect the quality of working life of the employed population. Due to the lack of data from sociological surveys for all subjects of the North-Western Federal District, the QWL integral index is calculated only on the example of the Vologda Oblast. Trends of qualitative state of estimated parameters of working life on the example of the working population of the Vologda Oblast, revealed with the help of QWL integral index, were noted.

Keywords: *quality of working life, methodology, integral assessment, index method, employed population.*

References

1. Fields G. S. (2003) *International Labour Review*. 239 p.
2. Mayo E. (1960) *Viking Press*. 189 p.
3. Mirvis P. H., Lawler E. E. (1984) *Journal of Occupational Behaviour*, vol. 5, pp. 197—212.
4. Rethinam G. S., Ismail M. (2008) *European Journal of Social Sciences*, vol. 7, no. 1, pp. 58—70.
5. Stephen A. (2012) *Employers and Employees Perspectives*, vol. 28, no. 2, pp. 262—271.
6. Swamy D. R. *International Journal for Quality Research*, 2013, vol. 7, no. 3, pp. 3—14.
7. Vinopal J. (2011) *Czech Sociological Review*, vol. 47, no. 5. pp. 937—965.
8. Ayvazyan S. A., Stepanov V. S., Kozlova M. I. (2006) *Prikladnaya ekonometrika*, no. 2, pp. 18—81 [in Russ].
9. Belekhova G. V. (2019) *Sotsial'no-gumanitarnyye tekhnologii*, vol. 11, no. 3, pp. 9—16 [in Russ].

10. Dambovsкая A. A. Diagnostika kachestva trudovoy zhizni personala organizatsii kak elementa korporativnoy sotsial'noy politiki [Diagnostics of the quality of working life of the organization's personnel as an element of corporate social policy: PhD thesis]. Omsk, 2012 [in Russ].
11. Egorova E. G. Sotsial'nyye indikatory kachestva trudovoy zhizni v strukture upravlencheskikh resheniy organizatsii zhizni [Social indicators of the quality of working life in the structure of management decisions of the organization of life: PhD thesis]. St. Petersburg, 2008 [in Russ].
12. Zonova O. V. Kachestvo trudovoy zhizni v Rossiyskoy Federatsii: izmereniye i otsenka [The quality of working life in the Russian Federation: measurement and assessment: PhD thesis]. Tomsk, 2016 [in Russ].
13. Ivanovskaya V. Y., Ivanovskaya A. L. (2019) *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, vol. 1, no. 3, pp. 103—106 [in Russ].
14. Ignatenko M. N. Kachestvo trudovoy zhizni sovremennoy Rossii: sostoyaniye i napravleniya rosta [The quality of working life in modern Russia: state and directions of growth: PhD thesis]. Moscow, 2010 [in Russ].
15. Kozlova O. A. [et al.]. (2013) Kachestvo trudovoy zhizni v regione: voprosy teorii i praktiki upravleniya. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN. 170 p. [in Russ].
16. Kushnareva L. V., Rachek S. V. (2016) *Naukovedeniye*, vol. 8, no. 3, pp. 1—18 [in Russ].
17. Leonidova G. V., Panov A. M., Popov A. V. (2013) *Problemy razvitiya territorii*, vol. 66, no. 4, pp. 49—57 [in Russ].
18. Milyayeva L. G. (2009) *Polzunovskiy al'manakh*, no. 1, pp. 149—154 [in Russ].
19. Mikhaylov F. B., Safina L. M. (2012) *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta*, vol. 154, b. 6, pp. 19—25 [in Russ].
20. Trofimova N. V. Kachestvo zhizni naseleniya regiona: otsenka i mekhanizm upravleniya [Quality of life of the region's population: assessment and management mechanism: PhD thesis]. Chelyabinsk, 2011 [in Russ].
21. Tsygankov V. A. Kachestvo trudovoy zhizni v Rossii: ekonomicheskaya priroda, mekhanizm formirovaniya [The quality of working life in Russia: economic nature, formation mechanism: PhD thesis]. Moscow, 2007 [in Russ].
22. Chekmareva E. A. (2016) Kachestvo i zhizn' [Quality and life]. Vol. 12, no. 4, pp. 53—61 [in Russ].

ТРЕНДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

В. И. Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Основопологающими отношениями в современной экономической системе, определяющими характер взаимосвязи и взаимодействия хозяйствующих субъектов, являются отношения собственности. С начала рыночных преобразований российская экономика пережила период ускоренной трансформации, в первую очередь форм собственности. Начав с тотально доминирующей государственной моносубъектной собственности, мы пришли к множественности субъектов государственной и частной собственности со множеством интересов. На основе сделанного автором анализа проверяется гипотеза о наличии в трансформации собственности четырех свойств: цикличности, кумулятивности, нелинейности и эволюционности. Делается вывод о наличии этих свойств и состоятельности предложенной гипотезы. Особое внимание уделено таким измерителям трансформационных процессов, как инвестиции в основной капитал по разным формам собственности.

Ключевые слова: *собственность, отношения собственности, государственная собственность, частная собственность, инвестиции в основной капитал.*

Процесс развития капитализма в России в двадцатом и двадцать первом веках характеризуется глубокими преобразованиями экономической системы. За этот период в корне изменилась природа способа производства. Тотальная государственная собственность в ходе приватизации была реформирована, и возникли формы частной собственности. Функции владения и распоряжения объектами собственности от государства как ее основного субъекта перешла к группе вновь возникших собственников. Изменение структуры собственности привело к изменению структуры субъекта собственности. Процесс расщепления собственности в период приватизации присущ первому этапу трансформации собственности в России, в этот период вновь появившийся формы собственности приобретают свойства капиталистической системы. В процессе развития социально-экономической системы происходят существенные изменения: формируются отношения присвоения и отчуждения, когда объекты государственной собственности переходят под контроль государственной бюрократии, положивший начало формированию национальных региональных промышленных и финансовых элит. Основная масса работников в этот период отчуждается от объектов крупной собственности. Как следствие этого процесса — сокращение общественного богатства, падение экономической эффективности, рост бедности и обнищание подавляющего количества работников, сопровождающееся потерей ими профессиональных качеств.

Цель статьи — исследовать тренды развития собственности в российской экономике в кон-

тексте изменения роли различных субъектов. Вопросами трансформации отношений собственности в России и их научного осмысления занимаются известные российские ученые. Целесообразно в этой связи вспомнить работы М. Л. Альпидовской и Д. П. Соколова [1; 2] (сделали акцент на генезисе отношений собственности в России), А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [6; 7] (анализировали отношения собственности как свойство системы российского капитализма), Р. И. Капелюшников [8] (уделил внимание вопросу легитимности появившихся в России форм собственности), Г. В. Ульянова [13; 14] (показавшего возможности политэкономического и институционального), Ю. В. Яковца [15] и С. Н. Максимова [10]. Автор также ранее представлял результаты анализа трансформации отношений собственности в России в контексте эволюции российского капитализма [3; 4]. Обращает на себя внимание и свежая работа Е. В. Красниковой и А. М. Хаматхановой [9] о современных тенденциях формирования акционерной собственности.

Переход от социалистического способа производства к капиталистическому заложил основы экономического и финансового кризисов в российской экономике. Сама трансформация как социально-экономический процесс приобрела ряд свойств. К ним относятся цикличность, кумулятивность, нелинейность и эволюционность [См.: 11; 12]. Все названные свойства напрямую связаны с трансформацией собственности. Вновь возникшие формы собственности в 1990-х гг. развивались и развиваются в границах цикличности роста или

снижения количества объектов частной собственности. Цикличность трансформации собственности включает в себя основные фазы цикла: кризис, стагнация, оживление и бум. В этот период развитие способа производства и изменения в форме частной собственности напрямую связаны с формой цикла. Основываясь на теории цикла, можно предположить, что качественные отличия трансформации собственности будут в пределах циклического изменения. Время цикличности трансформации собственности определено периодом движения от одной точки до другой, а именно: кризис-1990, кризис-1998, кризис-2008, кризис-2014 и кризис-2020. Можно предположить, что средний период трансформации собственности — около восьми лет. В условиях капиталистического производства цикличность трансформации собственности есть всеобщая форма ее изменения, предполагающая эволюционное и революционное развитие экономических форм собственности, экстенсивный или интенсивный рост объектов собственности.

Цикличность — это детерминанта трансформации собственности, изменения ее структуры в границах цикла. Цикличность не может не оказывать влияние на поведение субъектов собственности и не изменять их отношения по поводу объектов собственности. В процессе цикла объект собственности увеличивается либо уменьшается, что, в свою очередь, зависит от экономической активности субъектов собственности. В данном случае трансформация собственности под влиянием цикличности сопровождается изменением отношений субъектов как к природе, так и по отношению друг к другу. Глубинные изменения отношения субъектов к природе объективно первичны, и они подвергаются в первую очередь изменениям в условиях перехода от одного состояния экономики в другое. Изменения в развитии цикличности и трансформации собственности связаны с появлением новой нормальности, когда меняются исходные факторы и комбинация этих факторов. В исследовании процесса производства новая нормальность предполагает появление новых качественных факторов, которые меняют содержание экономических процессов что, в свою очередь, ведет к изменению цикличности развития и его влиянию на трансформацию собственности.

Трансформация собственности связана не только с цикличностью развития, но и с нелинейностью динамики развития собственности как объектов богатства, так и объектов капитала, и как базовая часть этого богатства. Нелинейное наращивание соб-

ственности связано с экономической синергетикой. Нелинейность трансформации собственности возникает и появляется при «развернутости малого» структуры собственности и ее превращении или усилении флуктуации, когда под воздействием внешних сил происходят отклонения от средних величин объема собственности, ведущие к трансформации ее структуры. Нелинейность порождает квантовый эффект, дискретность путей эволюции, а следовательно, и трансформации собственности. Но в нелинейной среде возможен не любой путь эволюции, а лишь определенный набор этих путей, связанных с формированием либо устойчивой формы собственности, либо когда эта устойчивость не достигается и происходит трансформация, дающая отрицательный эффект и усиливающая неравновесные состояния всей экономической системы. Развиваются и усугубляются противоречия в отношениях субъектов не только к природе, но и в отношениях субъектов или экономических агентов между собой. Накопление противоречия ведет к появлению порога чувствительности как грани, за которой невозможна эволюционная трансформация собственности, а возникает необходимость кардинальных изменений. Неправомерно выбранная комбинация путей трансформации собственности означает возможность неожиданных, эмерджентных изменений в процессе трансформации собственности. Нелинейность трансформации собственности появляется на протяжении эволюции, развития и угасания, а также периода перехода к другим формам. Трансформация собственности и структуры связана с кумулятивным эффектом: при постепенном накоплении и сосредоточении определенного фактора могут возникать кумулятивные процессы, влияющие на трансформацию собственности. Определенный накопленный объем собственности или богатства могут создавать предпосылки ее перехода в новое качество, к изменению состояния составляющих ее структур. Взаимодействие и взаимосвязь трансформации собственности может получить свое развитие с позиции экономической динамики на базе процессопотоков и кумулятивных процессов при накоплении критической массы собственности, изменений ее качественной структуры под влиянием трансформации. В пределах цикла процессы-потоки будут изменяться количественно, получают развитие кумулятивные процессы, будут количественно наращены объекты собственности и возникнут качественно новые структуры. Трансформация собственности должна происходить под влиянием экономических

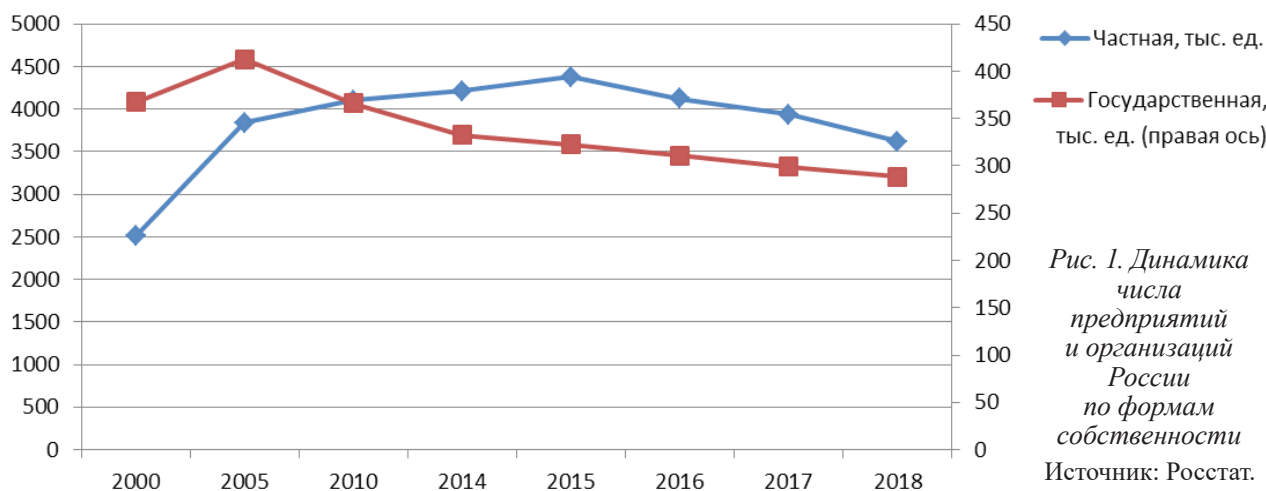
инновационных интервенций, эти процессы имеют как циклический, так и антициклический характер. Происходящая трансформация собственности должна сглаживать пики цикличности, и периоды не связаны с ростом объемов собственности и богатства на основе названных принципов.

Проанализируем некоторые тренды развития собственности и богатства, исследуем, как изменялись тренды собственности в условиях трансформации государственной и частной собственности, их отношения к национальному хозяйству России. В анализе использовались официальные данные Росстата за 1990—2018 гг. С учетом специфического характера формирования вертикали власти в России следует рассматривать муниципальную форму собственности как особую форму государственной, так как большая часть фактических правомочий, подкрепленных соответствующими финансовыми ресурсами, в отношении муниципальных организаций остается за государством в широком смысле. Структура собственности с позиций соотношения частной и государственной собственности свидетельствует о развитии основного экономического уклада, степени развития капитализма и ряда таких экономических субъектов, как государство, в рыночной экономике. Развивающиеся объекты собственности достигли такого порога, когда появляется кумулятивный эффект и процесс-поток превращения общих форм собственности осуществляется за счет кумулятивного эффекта, что непосредственно ведет к качественному изменению объекта собственности. В период с 2000 по 2018 г., включавший кризис 2008 и 2014 гг., связан с трансформацией собственности в условиях двух периодов цикла — 2008—2014 и 2015—2018 гг. С 2000 по 2018 г. собственность, выраженная через ее объекты, развивалась в нелинейной форме (рис. 1). Из графика видно, что с 2000 по 2005 г. наблюдается линейный рост предприятий

объектов собственности, и он довольно значительный. В этот период количество частных предприятий увеличилось с 3346,5 тыс. до 4767,3 тыс., процент прироста составил 42,4. Количество государственных предприятий выросло с 367,4 тыс. до 412,5 тыс., процент прироста составил 12,2. Затем (в период с 2005 по 2015 г.) наблюдается замедление прироста числа предприятий разных форм собственности относительно предыдущего периода. Прирост в этот период составил 5,8%. В период с 2016 по 2018 г. по отношению к 2015 г. наблюдается снижение количества объектов собственности с 5043, 6 тыс. предприятий в 2015 г. до 4214,7 предприятия в 2018 г. (снижение на 16,4%). Произошло сокращение числа частных предприятий с 4374,8 до 3619,8. На рис. 1 наглядно видно, что тренды развития количества объектов собственности, предприятий государственного и частного сектора явно имеют нелинейный характер.

В этом случае можно сделать вывод о том, что приращение собственности в период с 2002 по 2018 г. происходило за счет прироста частной собственности. Движение государственной собственности также представляет нелинейное развитие, но с меньшими углами наклона кривой. Количество государственных предприятий уменьшилась с 367,4 тыс. в 2000 г. до 288,7 тыс. в 2018 г. Максимальной точкой роста был 2005 г., в этот период было 412,5 тыс. государственных предприятий, а затем количество государственных предприятий сокращалось.

В период с 2000 по 2018 г. происходили трансформации и сдвиги в структуре собственности, развитие капитализма сопровождалось изменением соотношения между государственной и частной собственностью в пользу последней. В этот период полностью сформировался капиталистический уклад, возникли новые субъекты собственности,

«владельцы капитала». Экономический базис полностью изменился. Изменения соотношения между государственной и частной собственностью проиллюстрированы на рис. 2.

В период с 2000 по 2005 г. удельный вес частной собственности увеличился с 75 % в 2000 г. до 80,5 % в 2005 г. Произошло снижение удельного веса государственной собственности с 11,0 до 8,7% соответственно. В период с 2005 по 2015 г. удельный вес частной собственности возрастал и в 2015 г. составил 86,8%, а государственной — 6,4% (минимальное значение в периоде). В 2018 г. удельный вес частной собственности составил 83,9%, а государственной — 6,9%. Изменение пропорции в собственности (увеличение частной собственности по отношению к государственной) — это тренд происходящих изменений, он

характеризует нелинейный процесс развития в пределах цикличности.

Основным элементом собственности являются основные фонды. Они — основная часть богатства, поэтому важно исследовать тренд динамики основных фондов в российской экономике. Тренд отражен на рис. 3. Рассматривая период с 1990 по 2019 г., можно сделать вывод, что динамика основных фондов представляет нелинейный процесс, который связан с циклическим развитием экономики. В процессе приватизации государственной собственности и превращения ее в частную прирост основных фондов как государственной, так и частной собственности был минимальный. С 1997 по 2008 г. происходил равномерный прирост основных фондов государственных и частных предприятий, но наклон кривых менялся: угол наклона кривой, характеризующей частные

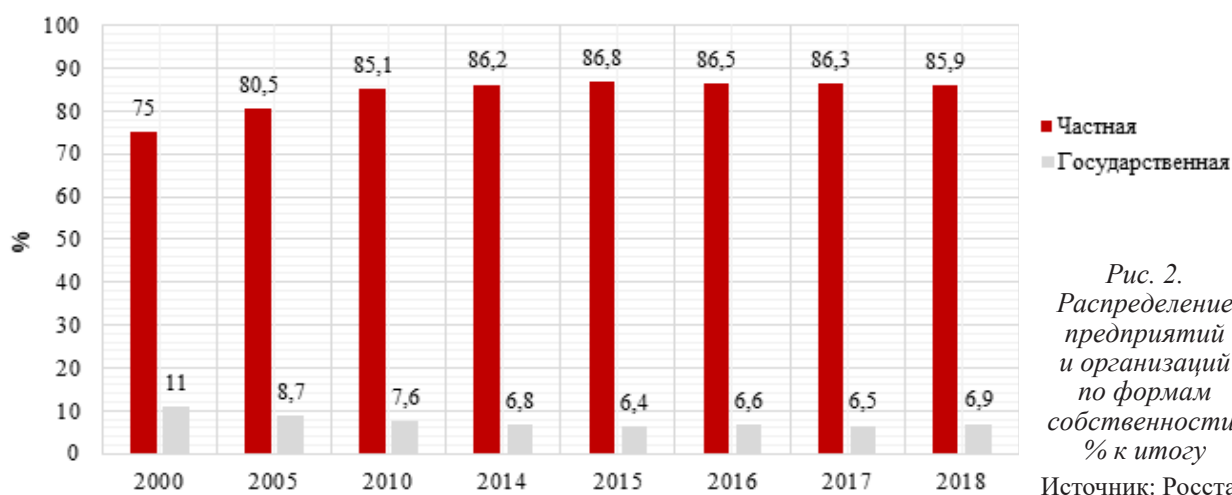

Рис. 2. Распределение предприятий и организаций по формам собственности, % к итогу
Источник: Росстат.

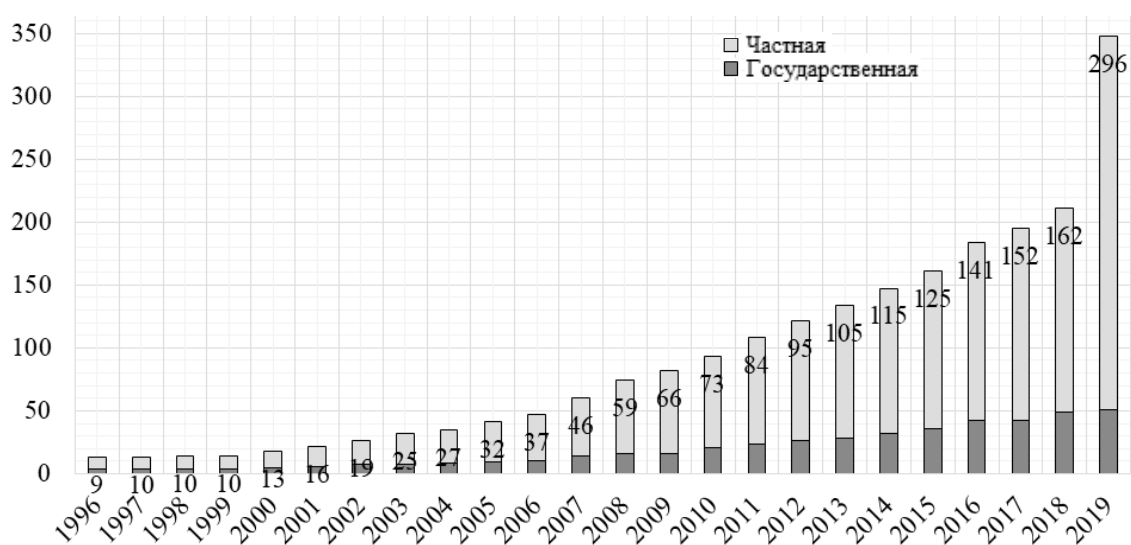

Рис. 3. Наличие основных фондов в Российской Федерации по формам собственности на конец года по полной учетной стоимости, трлн руб.
(подписи данных относятся к ряду основных фондов в частной собственности)

Источник: Росстат.

основные фонды, был выше наклона кривой для основных фондов государственных предприятий. Начиная с 2000 г. приращение частных основных фондов приобретает более высокие темпы в сравнении с темпами прироста государственных основных фондов. Расхождение движения основных фондов начинается с 1995 г. и достигает максимума в 2019 г. В 2018 г. наблюдается скачок частных основных фондов, их объем достигает максимума. В этот период можно говорить о создании предпосылок мультипликационного эффекта в развитии частных основных фондов.

В период с 2014 по 2019 г. шел процесс обновления основных фондов как на предприятиях, имеющих старые фонды, так и на новых предприятиях. Интенсивно возникали новые предприятия, где основные фонды были адекватны новым технологиям. Этот процесс не является линейным, он носит дискретный характер, возникают центры (о концепции «центров и периферии» см. в [5]), включающие в себя промышленные интеллектуальные котлы, создающие условия для качественных превращений основных фондов. Это касается как частных, так и государственных основных фондов. Рисунок 3 иллюстрирует, как увеличивается удельный вес частных основных фондов по отношению к государственным. Это говорит о том, что основная

часть богатства находится в частной собственности. Рост этой части богатства определяется поведением владельцев собственности, насколько они готовы наращивать капитал в форме основных фондов на основе новых технологий и в соответствии с трендами развития мировой экономики. Основные объекты государственной собственности принадлежат государственным монополиям. С тем чтобы вписаться в мировые тренды, постоянно обновляются основные фонды с учетом новых тенденций развития технологий. Особое влияние на этот процесс оказывает введение международных санкций и осуществление промышленной политики импортозамещения. Поведенческая функция экономических субъектов в этот период должна сводиться к наращиванию частных и государственных основных фондов, созданию мультипликационного эффекта и переходу к новому качеству технологического способа производства. Главная проблема — избежать дискретности в процессе развития основных фондов, консервируя старые технологии и допуская неравномерное старение основных фондов. Развитие капиталистических отношений в российской экономике изменило в период с 1990 по 2018 г. структуру принадлежности основных фондов, этот процесс отражен на рис. 4.

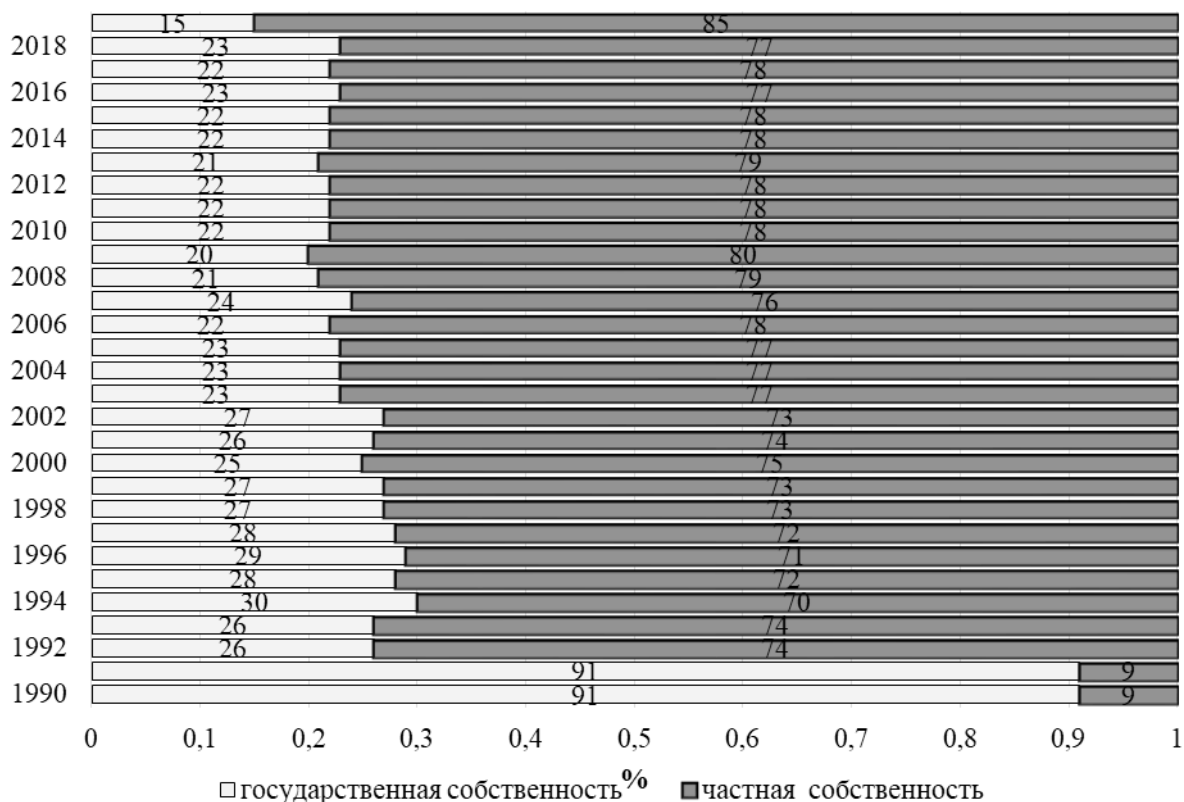

Рис. 4. Наличие основных фондов Российской Федерации по формам собственности на конец года по полной учетной стоимости, % к итогу

Источник: Росстат.

Как видно из рис. 4, процесс превращения и переходы от одной формы основных фондов в другую представляет собой нелинейное явление. В период с 1990 по 1992 г. преобладают государственные основные фонды, а начиная с 1992 г. возрастает удельный вес частных основных фондов. В 2018 г. наблюдается соотношение частных основных фондов к государственным как 85/15. Актуальной проблемой превращения основных фондов как формы собственности и как формы богатства является создание мультипликационного эффекта. Этот тренд зависит от накопления капитала и его критической массы, позволяющей создать предпосылки перехода к новому технологическому укладу. Этот тренд проследим на основе рис. 5.

Тренды носят нелинейный характер, кривая государственной собственности является более равномерной, чем кривая частной собственности, а угол наклона государственной собственности меньше угла наклона частной собственности. Вложения в основной капитал государственной собственности выросли с 330,8 млрд в 2000 г. до 2824 млрд руб. в 2018 г., а в основной капитал предприятий частной формы собственности — с 348 млрд до 10 722,5 млрд руб. соответственно. Прирост составил 854 и 3078,5 соответственно. Такой прирост в основной капитал разных форм собственности создает предпосылки для появления мультипликационного эффекта.

Следующий график (рис. 6) отражает удельные веса инвестиций в основной капитал по формам собственности, где наглядно проявляется тренд изменения соотношения инвестиций в основной капитал государственной и частной форм собственности.

Если в 2000 г. это соотношение было практически 1 к 1, то 2018 г. — уже 16 к 6. Такое соотношение позволяет утверждать, что инвестиции (удельный вес вложения в основной капитал в частной собственности) создают предпосылки формирования мультипликативного эффекта и производства на качественно новой основе.

На основе вышеизложенного сделан ряд выводов и обобщений. В процессе перехода от социалистического способа производства к капиталистическому в развитии собственности на этапе 1990—2018 гг. возникли следующие тренды и произошли следующие коренные изменения. Основу способа производства составляет частная форма собственности как основа развития и роста национальной экономики. Приращение частной собственности носит нелинейный характер, и может быть изучено на основе

В процессе перехода от социалистического способа производства к капиталистическому в развитии собственности на этапе 1990—2018 гг. возникли следующие тренды и произошли следующие коренные изменения. Основу способа производства составляет частная форма собственности как основа развития и роста национальной экономики. Приращение частной собственности носит нелинейный характер, и может быть изучено на основе

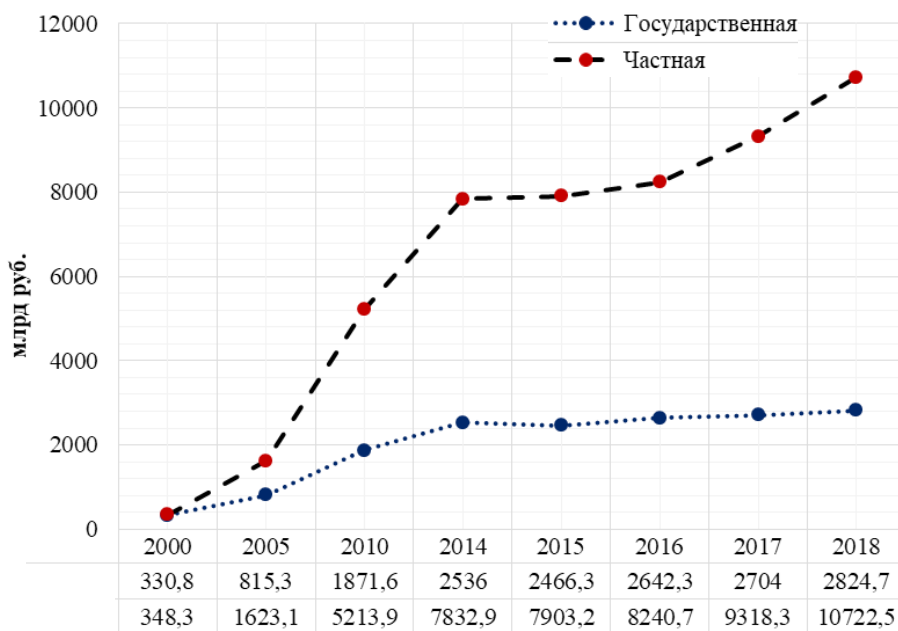

Рис. 5. Инвестиции в основной капитал по формам собственности
Источник: Росстат.

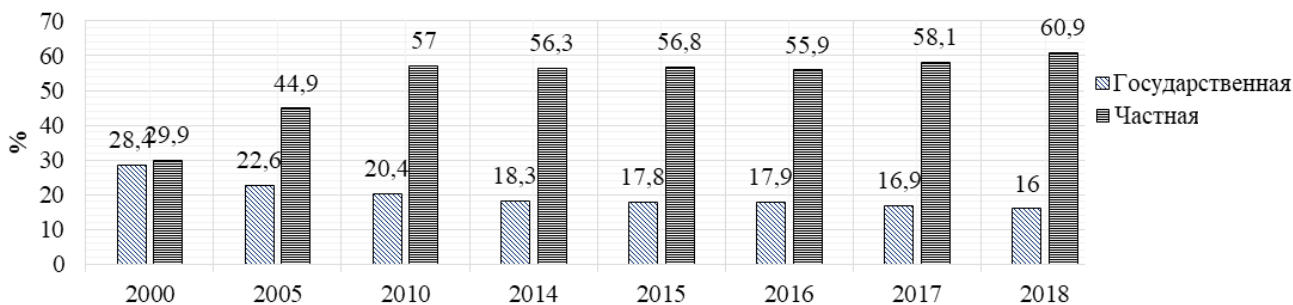

Рис. 6. Инвестиции в основной капитал по формам собственности, % к итогу
Источник: Росстат.

гипотезы о ее цикличности. На определенном этапе начал формироваться мультипликативный эффект для ускорения темпов превращения государственной в частную собственность, что вылилось в ускоренное обновление именно частной собственности и именно частных инвестиций. Тренды трансформации собственности связаны с процессами превращений, происходящих в формах государственной и частной собственности. Дальнейшее исследование трансформации формы собственности целесообразно ориентировать на следующие направления:

1. Анализ более полного ряда показателей, характеризующих трансформацию форм собственности в российской экономике, включая показатели трудовых ресурсов и инноваций.

2. Более подробный анализ точки преломления складывающихся трендов, а также точек, когда начинают действовать накопленные эффекты.

3. Сопоставление эффективности участия предприятий и организаций разных форм собственности в национальном производстве.

Список литературы

1. Альпидовская М. Л., Соколов Д. П. Генезис отношений собственности в России: историческая ретроспектива // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013, № 11 (114). С. 18—26.
2. Альпидовская М. Л., Соколов Д. П. Содержание и тенденции преобразований отношений собственности в современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10, № 2 (239). С. 20—32.
3. Бархатов В. И. Природа развития и противоречия корпоративной собственности в постсоциалистической экономике // Сборник трудов Международной научно-экономической конференции имени академика П. П. Маслова. 2013. С. 20—30.
4. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Арбачаускас В. О. Природа и эволюция российского капитализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 2 (398). С. 5—18.
5. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.
6. Бuzгалин А., Колганов А. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 10. С. 8—17.
7. Бuzгалин А. В., Колганов А. И. «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2016. № 2. С. 3—25.
8. Капелюшников Р. И. Собственность без легитимности // Вопросы Экономики. 2008. № 8. С. 85—105.
9. Красникова Е. В., Хаматханова А. М. Акционерная собственность как фактор долголетия капитализма: монография. М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. 184 с.
10. Максимов С. Н. Собственность в современной экономике: традиции и новации // Вестник СПбГУ. Сер. 5: Экономика. 2013. Вып. 2. С. 20—29.
11. Мельников Д. В. Особенности трансформации отношений собственности в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2015. Т. 9, № 2. С. 128—134.
12. Мельников Д. В. Экономические отношения собственности и модернизация российских регионов // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 2. С. 27—35.
13. Ульянов Г. В. Отношения и права собственности: единство политико-экономического и институционального подходов // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Экономика. 2008, № 4. С. 43—52.
14. Ульянов Г. В. Реализация собственности как условия эффективного функционирования экономики // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 4. С. 330—334.
15. Яковец Ю. В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011. 382 с.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 60—67.

PROPERTY TRANSFORMATION TRENDS IN THE CONDITIONS OF THE “NEW NORMAL”

V. I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieo-science@csu.ru

The fundamental relations in the modern economic system that determine the nature of the relationship and interaction of economic entities are property relations. Since the beginning of market transformations, the Russian economy has gone through an accelerated transformation, primarily of ownership forms. Starting with a dominant state mono-subject property, we have come to a plurality of state and private property subjects with many interests. Based on the author's analysis, the article tests the hypothesis that there are four properties in the property transformation: cyclicity, cumulativity, nonlinearity, and evolutionary nature. The conclusion is made about the presence of these properties and the consistency of the proposed hypothesis. Special attention is paid to such indicators of transformation processes as investments in fixed assets under various ownership forms.

Keywords: *property, property relations, state property, private property, investments in fixed assets.*

References

1. Alpidovskaya M. L., Sokolov D. P. (2013) *Bulletin of the Volgograd State Technical University*, no. 11 (114), pp. 18—26 [in Russ.].
2. Alpidovskaya M. L., Sokolov D. P. (2014) *National interests: priorities and security*, vol. 10, no. 2 (239), pp. 20—32 [in Russ.].
3. Barkhatov V. I. (2013) Proceedings of the International Scientific and Economic Conference named after academician P. P. Maslova. Pp. 20—30 [in Russ.].
4. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Arbachauskas V. O. (2017) *Chelyabinsk State University Bulletin*, no. 2 (398), pp. 5—18 [in Russ.].
5. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Kapkaev Yu. Sh. (2019) *Society and power*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].
6. Buzgalin A., Kolganov A. (2014) *Problems of theory and practice of management*, no. 10, pp. 8—17. [in Russ.].
7. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2016) *Moscow University Bulletin. Series 6: Economics*, no. 2, pp. 3—25 [in Russ.].
8. Kapelyushnikov R. I. (2008) *Economic Issues*, no. 8, pp. 85—105 [in Russ.].
9. Krasnikova E. V., Khamatkhanova A. M. (2018) *Vladieniye aktsiyami kak faktor dolgovechnosti kapitalizma* [Share ownership as a factor in the longevity of capitalism]. Moscow, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. 2018 [in Russ.].
10. Maksimov S. N. (2013) *Vestnik of St. Petersburg State University. Series 5: Economics*, iss. 2, pp. 20—29 [in Russ.].
11. Melnikov D. V. (2015) *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*, vol. 9, no. 2, pp. 128—134. [in Russ.].
12. Melnikov D. V. (2016) *Socio-economic phenomena and processes*, vol. 11, no. 2, pp. 27—35 [in Russ.].
13. Ulyanov G. V. (2008) *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Economics*, no. 4, pp. 43—5 [in Russ.].
14. Ulyanov G. V. (2011) *Bulletin of the Kostroma Nekrasov State University*, vol. 17, no. 4, pp. 330—334 [in Russ.].
15. Yakovets Yu. V. (2011) *Global'nyye ekonomicheskkiye transformatsii KHKHI veka* [Global economic transformations of the XXI century]. Moscow, Economics [in Russ.].

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ И ВЬЕТНАМА

*Е. А. Степанов¹, Т. Ф. Тран², Ч. Т. Нгуен²,
И. П. Килина¹, Е. В. Николаева³, К. Ю. Несытых¹*

¹ Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

² Вьетнамская академия общественных наук, Ханой, Вьетнам

³ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Цель статьи — анализ специфики товарной структуры внешней торговли до и после создания института зоны свободной торговли ЕАЭС и Вьетнама в 2015 г. Предложена авторская методика исследования внешней торговли. В результате выявлен рост абсолютных значений показателей внешней торговли, обращено внимание на более взрывной характер роста импорта из Вьетнама, чем экспорта. Вместе с тем обнаружено, что рост взаимной торговли происходит в большей степени не за счет расширения ассортимента поставок, а за счет наращивания объемов традиционных товарных позиций, о чем свидетельствует повышение коэффициента концентрации товарной структуры. Кроме того, выявлено, что на фоне создания зоны свободной торговли позиции Вьетнама на российском рынке усиливаются. Россия во внешней торговле Вьетнама не так динамично наращивает свои позиции: относительные доли за период с 2010 по 2019 г. сократились.

Ключевые слова: *внешняя торговля, Россия, Вьетнам, экспорт, импорт, зона свободной торговли, экономическое сотрудничество.*

Геополитические изменения и сдвиги в балансе сил в мировой торговле влияют на создание новых интеграционных объединений. Для России появляются новые возможности в области международного экономического сотрудничества. В этих условиях восстановление и развитие экономических связей со странами «социалистического лагеря» представляется важной и перспективной задачей. Создание зоны свободной торговли (ЗСТ) между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ) стало знаковым событием как для процессов евразийской интеграции, так и для российско-вьетнамских отношений. Произошли перемены в российской внешней политике и в международной структуре в целом. Большое влияние на развитие сотрудничества между ЕАЭС и СРВ оказали особенности российско-вьетнамских отношений. Российско-вьетнамское партнерство стало основой, на которой произошло сближение ЕАЭС и Вьетнама. Вместе с тем, после подключения Вьетнама к процессам евразийской интеграции актуальным является вопрос о влиянии формата зоны свободной торговли между ЕАЭС и СРВ на российско-вьетнамские отношения.

Анализ работ по данному направлению позволил разделить все исследования на две группы. К первой можно отнести исследования, посвященные

внешней торговле и механизму ее регулирования. Современные зарубежные исследования в этой области показывают, что в настоящее время страны не только не отказываются от инструментов государственного регулирования внешнеторговых отношений, а наоборот, расширяют диапазон их применения.

Так, Л. Амади в своей работе [10] исследует связь между процессом глобализации и либеральным международным порядком. Автор приходит к выводу о том, что такой порядок меняется в связи с нарастающими тенденциями протекционизма, о чем свидетельствует выход Англии из Европейского Союза, референдум независимости Каталонии 2017 г., референдум по Новой Каледонии 2018 г. во Франции, торговые войны между США и Китаем. М. Белин и Я. Ганоусек [11] исследуют взаимное введение торговых санкций Россией и ЕС с 2014 г. Они показывают, что эффект сокращения торговых потоков от введения российских санкции в отношении импорта продуктов питания из Европы и Америки, в 8 раз сильнее, чем эффект, вызванный санкциями ЕС и США в отношении импорта добывающего оборудования в Россию. Вопросы применения мер государственного и таможенного регулирования также в фокусе внимания отечественных ученых. С. Римкевич и Ю. Савинов [7] исследуют эффекты применения

экономических санкций в торговых войнах между странами и приходят к выводу об отрицательных эффектах для всех участников международных экономических отношений. В. Оболенский [6] отмечает, что запрет на ввоз продовольствия из ЕС, США и поддерживающих их стран усилил сокращение агропродовольственного импорта России, который и так уменьшался под воздействием факторов девальвации рубля и сжатия внутреннего спроса. Политика импортозамещения в российском агропромышленном комплексе привела к росту отечественного производства продовольственной продукции и сокращению доли импортных пищевых продуктов.

Вместе с тем ученые подтверждают эффективность торговых и экономических союзов, предполагающих смягчение регулирования между странами внутри объединений. Г. Ганча, А. Джакомо, Ж. Вентура [13] разработали модель воздействия на торговлю, распределение доходов и благосостояние экономических союзов, которые различаются по масштабу. Модель подтверждает принципиальную значимость уровня социально-экономического развития стран до создания интеграционной группировки, а также политической поддержки этого решения.

Стоит отметить исследования, посвященные анализу государственного регулирования влияния внешней торговли на глобальную экологическую проблему. Ю. Сюй, Ф. Дитценбахер, Б. Лос [17] в своей работе доказывают влияние экспорта и импорта товаров различной категории опасности для окружающей среды и делают вывод о необходимости сокращения производства для экспортных целей опасных товаров посредством государственного вмешательства. А. Альхассан, О. Усман, Г. Айк, С. Саркоди [9] в своем исследовании на примере 79 стран актуализируют роль государственных институтов регулирования внешней торговли с целью нивелирования ее негативных эффектов на окружающую среду. С. Брэнди, С. Якоб, А. Бергер и Д. Морин в своей работе [12] подчеркивают особую значимость соглашений по экологии в рамках преференциальных форм сотрудничества, которые способствуют снижению «грязного» экспорта и повышению «зеленого» экспорта из развивающихся стран. Д. Хартманн, М. Безерра, Б. Лодоло, Л. Пиньейро [14], развивая теорию экономической сложности товаров, исследуют взаимосвязь географической и товарной структуры экспорта 116 стран с 1970 по 2010 г. и доказывают влияние внешней торговли как на неравенство в до-

ходах как между странами, так и на внутреннюю дифференциацию. Они делают вывод о создании институтов поддержки экспорта товаров с высоким уровнем экономической сложности для выхода страны из пространственной «ловушки».

Вторая группа исследований посвящена российско-вьетнамским торговым отношениям и политике их регулирования. М. Бойцова, К. Федоренко, И. Митрофанова [1; 2] делают акцент на изменениях динамики и структуры российского импорта из Социалистической Республики Вьетнам после подписания Соглашения о зоне свободной торговли, заключенного с этой страной Евразийским экономическим союзом. Авторы выявили прямую зависимость между снижением со стороны ЕАЭС ставок импортного тарифа в соответствии с указанным соглашением и ростом экспортных поставок из Вьетнама в Российскую Федерацию по отдельным товарным группам.

М. Лапенко [4] анализирует процесс по созданию зоны свободной торговли, а также перспективные направления сотрудничества ЕАЭС и Вьетнама. По ее мнению, Соглашение о ЗСТ между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом — это не только первый успешный опыт создания либерального торгового режима с третьей страной, но и в целом начало реализации более активной политики сотрудничества ЕАЭС с Азиатско-Тихоокеанским регионом. К. Нгуен и М. Тригубенко [5] исследуют развитие экономики Вьетнама в 2016—2020 гг. Так, устойчивая экономика стимулирует тренды развития торговли Вьетнама со странами Американского континента, Европы, Северной и Юго-Восточной Азии. Торговля растет от 5 до 3% ежегодно. Развитию Вьетнама мешают внешние угрозы со стороны Китая и США. Е. Степанов, Д. Плетнев и В. Фам [8] анализируют динамику и структуру внешней торговли между Россией и Вьетнамом по потокам экспорта и импорта в разрезе товарных групп и регионов России, осуществляющих внешне-торговые операции. По результатам исследования был выявлен рост объемов внешнеэкономической деятельности и изменение ее структуры. В. Мазырин [15] проводит сравнительный анализ характеристик зон свободной торговли с участием Вьетнама; экономический потенциал участников ЗСТ оценивается с целью определения их соответствующих ролей, «весовой категории» и, наконец, основных бенефициаров соглашения. Автор раскрывает различие в преференциальном режиме, предоставляемом сторонами ЗСТ друг другу,

и причины этих различий. В заключение подчеркивается влияние сети ФТА (ЗСТ) на конкуренцию между Россией (ЕАЭС) и другими вьетнамскими партнерами, которые заняли лучшие позиции на ее рынке. Э. Расулинежад, Ф. Таги-заде-Хесари, Н. Йошино [16] исследуют структуру импорта и экспорта между Российской Федерацией и странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Результаты показывают, что ВВП и доход более важны в структуре экспорта из Российской Федерации в регион Восточной Азии, а это означает, что размер экономики и доходы населения в странах Восточной Азии более значимы в этой структуре, чем другие переменные. По их мнению, структура экспорта России из региона Восточной Азии соответствует теории Хекшера — Олина, а структура импорта России из этого региона соответствует гипотезе Линдера.

Ю. Кириллов и Э. Енза [3] делают акцент на внешнеторговом сотрудничестве России и Вьетнама в развитии заключенного Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и СРВ — с другой. По их мнению, существует необходимость регулирующего воздействия, направленного на защиту внутреннего рынка России, поддержание соответствующих пропорций между отечественными и импортными товарами. Авторы предлагают отдельные меры защиты внутреннего рынка со стороны Евразийской экономической комиссии в условиях преференциальной торговли и национальные меры стимулирования экспорта. К. Тханг, Т. Ань и Е. Николаева [18] анализируют экспортный потенциал текстильной отрасли в России и Вьетнаме.

Нами проведено исследование структурных особенностей двусторонних отношений в области

внешней торговли России и Вьетнама с целью изучения влияния создания зоны свободной торговли на взаимные внешнеторговые потоки. Авторская методика исследования сводится к алгоритму, состоящему из пяти этапов (табл. 1).

На первом этапе исследования взаимной торговли России и Вьетнама с 2010 по 2019 г. получены следующие результаты. Объемы взаимной торговли в 2019 г. значительно увеличился по отношению к 2010 г. Так, темп роста импорта России из Вьетнама составил 340,6%, а темп роста российского экспорта — 183,7%. Стоит отметить, что импорт растет гораздо более быстрыми темпами, чем экспорт, и если в 2010 г. они находились примерно на одинаковом уровне, то в 2019 г. импорт из Вьетнама более чем в 2 раза превалирует над экспортом во Вьетнам. Вместе с тем существенное влияние на объемы взаимной торговли оказало подписание торгового соглашения между Вьетнамом и ЕАЭС о зоне свободной торговли в 2015 г. В период с 2015 по 2018 г. наблюдается стабильная положительная динамика во внешнеторговом обороте России и Вьетнама, проявляющаяся в увеличении объемов экспорта с 2016 по 2018 г. в 1,7 раза, а импорта — в 1,5 раза (рис. 1).

В рамках второго этапа был проведен анализ структуры внешней торговли России и Вьетнама в разрезе товарных групп ТН ВЭД ЕАЭС. Результаты расчетов показали, что как в импортной, так и экспортной товарной структуре 10 товарных групп ТНВЭД ЕАЭС обеспечивают около 90% всех внешнеторговых потоков. Товарная структура импорта России из Вьетнама в разрезе товарных позиций за 2010 г. и за 2019 г. представлена в табл. 2. Как в 2010 г., так и в 2019 г. лидирующие позиции занимают электрические машины и оборудование

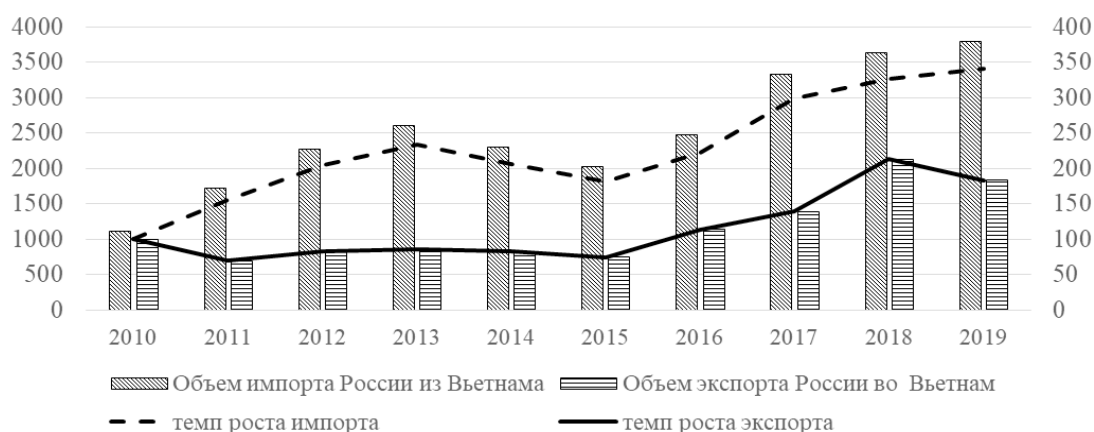

Рис. 1. Динамика показателей внешней торговли России и Вьетнама, млн долл., % к 2010 г. Составлено авторами на основании данных ФТС России.

Таблица 1

Алгоритм исследования внешней торговли России и Вьетнама*

№	Этап	Содержание и инструментарий
1	Анализ динамики взаимной торговли России и Вьетнама	Анализ показателей импорта России из Вьетнама, экспорта России во Вьетнам в абсолютных значениях (млн долл.) за период 2010—2019 гг., расчет темпов роста показателей к уровню 2010 г.
2	Анализ структуры внешней торговли России и Вьетнама в разрезе товарных групп ТН ВЭД ЕАЭС	Расчет доли каждой товарной группы ТНВЭД ЕАЭС в общей структуре импорта России товаров из Вьетнама / экспорта товаров из России во Вьетнам в динамике за период 2010—2019 г. Выделение топ-10 товарных групп, лидирующих в товарной структуре
3	Динамический анализ новых, сохранившихся, исчезнувших товарных потоков во взаимной торговле между странами в разрезе товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС	Расчет новых, сохранившихся, исчезнувших товарных потоков во взаимной торговле Вьетнама и России за каждый год наблюдения с 2010 по 2019 г. Оценка динамики средней стоимости товарного потока. Под товарным потоком понимается товарная позиция в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС
4	Оценка структуры внешней торговли России и Вьетнама по показателям энтропии, концентрации	Оценка структуры импорта России из Вьетнама и экспорта России во Вьетнам по уровню детализации товарных групп ТН ВЭД ЕАЭС через показатели энтропии К. Шеннона и концентрации по индексу Херфиндаля — Хиршмана за период 2010—2019 гг.
5	Оценка позиции каждой из стран во внешней торговле страны-партнера	Оценка изменения доли Вьетнама в общем объеме импорта и экспорта России, доли России в общем объеме импорта и экспорта Вьетнама за период 2010—2019 гг.

* Составлено авторами.

Таблица 2

Товарная структура импорта России из Вьетнама в 2010 и 2019 гг. в разрезе топ-10 товарных групп

Группа	2010, %	Группа	2019, %
64. Обувь, гетры и аналогичные изделия	11,24	64. Обувь, гетры и аналогичные изделия	11,10
84. Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства	11,01	84. Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства	8,27
09. Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	8,65	62. Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	6,11
62. Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	7,74	09. Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	5,66
03. Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	6,73	61. Предметы одежды и принадлежности к одежде, трикотажные машинного или ручного вязания	4,02
40. Каучук, резина и изделия из них	4,95	03. Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	2,78
08. Съедобные фрукты и орехи	3,42	08. Съедобные фрукты и орехи	2,12
10. Злаки	3,08	21. Разные пищевые продукты	1,28
20. Продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений	2,91	42. Изделия из кожи; шорно-седельные изделия и упряжь; дорожные принадлежности, дамские сумки и аналогичные им товары; изделия из кишок животных (кроме волокна из фиброина шелкопряда)	1,05
Прочие	10,22	Прочие	9,52

* Составлено авторами на основании данных ФТС России.

(группа 85); обувь, гетры и аналогичные изделия (группа 64) и реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства (группа 84). Очевидно, что за исследуемый период структура импорта в разрезе товарных групп не изменилась, однако изменились доли импортируемых товарных позиций в структуре общего импорта из Вьетнама: значительно возросла доля товарной группы 85 — с 30,06 до 48,09 %.

В отличие от товарной структуры импорта структура экспорта России товарных групп во Вьетнам значительно изменилась (табл. 3): возросла доля группы 27 с 11,96 до 44,87 % на фоне снижения доли продукции черных металлов (группа 72). В топ-10 товарных групп 2019 г. вошли руды, шлак и зола (группа 26), шлаки (группа 10), органические и химические соединения (группа 29), мясо (группа 02), древесина (группа 44).

На третьем этапе был проведен динамический анализ новых, сохранившихся, исчезнувших товарных потоков во взаимной торговле между странами в разрезе товарных позиции ТН ВЭД ЕАЭС. Анализ импортных товарных потоков из Вьетнама в Россию с 2010 по 2019 г. (табл. 4) показывает общий количественный рост устойчивых (выжив-

ших) / импортируемых товарных позиций на фоне сокращения числа новых потоков. При этом стоит отметить тот факт, что средняя стоимость потока испытывает колебания, минимальная средняя стоимость потока составляет 4 592 991,81 долл. (2011—2012), а максимальная — 7 728 300,81 долл. (2018—2019).

Экспортные товарные потоки из России во Вьетнам с 2010 по 2019 г. также характеризуется увеличением числа экспортируемых товарных позиций (табл. 5). Стоит отметить, что в исследуемом периоде количество новых торговых потоков не постоянно, наблюдается, как и увеличение ассортимента экспортных товарных потоков, так и их сокращение. Анализ средней стоимости потока показал, что существуют кризисные периоды; минимальные стоимости наблюдаются в 2010—2011 и 2014—2015 гг. Очевидно, что с 2015 по 2019 г. отмечается положительная динамика в средней стоимости потока (в 2019 г. она увеличилась в 4,6 раза по отношению к 2015 г.).

Можно сделать вывод, что взаимная торговля России и Вьетнама характеризуется постепенным увеличением торговых потоков как по импорту, так и по экспорту. При этом структурные изменения

Таблица 3

Товарная структура экспорта России во Вьетнам в 2010 и 2019 гг. в разрезе топ-10 товарных групп*

Группа	2010, %	Группа	2019, %
72. Черные металлы	42,38	27. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	44,87
27. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	11,96	72. Черные металлы	10,56
87. Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	7,89	26. Руды, шлак и зола	10,11
84. Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	6,80	10. Шлаки	3,94
90. Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности	5,35	29. Органические химические соединения	3,71
76. Алюминий и изделия из него	4,66	31. Удобрения	3,60
31. Удобрения	4,33	02. Мясо и пищевые мясные субпродукты	3,40
85. Электрические машины и оборудование.	3,12	40. Каучук, резина и изделия из них	2,56
93. Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности	2,97	76. Алюминий и изделия из него	1,83
40. Каучук, резина и изделия из них	2,85	44. Древесина и изделия из нее; древесный уголь	1,75
Прочие	7,69	Прочие	13,66

* Составлено авторами на основании данных ФТС России.

Таблица 4

Динамический анализ импортных товарных потоков России из Вьетнама в 2010—2019 гг.*

Показатель	2010/11	2011/12	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20
Число потоков на начало периода	326	362	375	422	435	458	444	461	486	469
Число новых потоков	77	70	88	65	73	49	66	78	49	40
Число исчезнувших потоков	41	57	41	52	50	63	49	53	66	68
Число потоков на конец периода	362	375	422	435	458	444	461	486	469	441
Число выживших потоков	285	305	334	370	385	395	395	408	420	401
Средняя стоимость потока, долл. США	6135001,57	4592991,81	5387152,34	5966678,80	5011374,26	4629196,99	5349327,04	6839626,12	7728300,81	4753439,20

* Рассчитано авторами.

Таблица 5

Динамический анализ экспортных товарных потоков России во Вьетнам в 2010—2019 гг.*

Показатель	2007/08	2008/09	2009/10	2010/11	2011/12	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20
Число потоков на начало периода	268	242	288	322	328	353	351	331	355	380	434	467	411
Число новых потоков	60	98	105	98	95	83	79	112	119	132	116	70	55
Число исчезнувших потоков	86	52	71	92	70	85	99	88	94	78	83	126	124
Число потоков на конец периода	242	288	322	328	353	351	331	355	380	434	467	411	342
Число выживших потоков	182	190	217	230	258	268	252	243	261	302	351	341	287
Средняя стоимость потока, долл. США	1909200,87	2013335,37	2612202,45	2765413,46	1707997,74	2261729,96	2389918,81	1673361,95	2108331,24	4255824,20	5514311,30	7763370,65	1753240,05

* Рассчитано авторами.

торговых потоков: появление новых, исчезновение и сохранение торговых потоков — приводят к расширению рынков сбыта продукции для двух стран.

На четвертом этапе исследования для оценки динамики и устойчивости структуры экспорта и импорта внешней торговли России и Вьетнама в разрезе товарных групп рассчитаны показатели энтропии и концентрации (табл. 6).

Из таблицы видно, что фирмы, экспортирующие свои товары из России во Вьетнам, в 2011, 2012, 2014 гг. работали на экспортном рынке в условиях олигополистической конкуренции, характеризующейся сильным уровнем монополизации. В 2013 г. рынок экспорта стал конкурентным (ННІ = 889,96). После создания ЗСТ для ЕАЭС и Вьетнама показатель монополизации экспорта стал увеличиваться, что, по мнению авторов, связано с ростом объемов экспорта традиционных товарных позиций, таких как битуминозный уголь, антрациты, горячекатаный стальной прокат, пшеница и меслин, хлорид калия в силу абсолютных преимуществ России в их производстве. Устойчивость структуры экспорта с 2014 г. стала снижаться, о чем свидетельствует снижение значений показателя энтропии (рис. 2).

Рынок вьетнамского импорта в Россию также становится все больше монополизированным. Коэффициент концентрации импорта имеет тенденцию к увеличению в рассматриваемом периоде (в 2019 г. значение ННІ составило 2609,56 против значения 2010 г. — 1393,27). Традиционные вьетнамские импортеры также наращивают объемы продаж в Россию в таких отраслях, как производство сотовых телефонов, принтеров, ксероксов, персональных компьютеров и их частей, а также кофе и кешью. Устойчивость импорта также па-

дает, о чем свидетельствует снижение показателя энтропии импорта.

В рамках пятого этапа была проведена оценка позиции каждой из стран во внешней торговле страны-партнера (табл. 7, рис. 3, рис. 4). На рисунках диаметры шаров соответствуют абсолютным показателям внешней торговли. Выявлено, что за период с 2010 по 2019 г. доля Вьетнама в импорте России увеличилась с 0,49 до 1,55 %, в экспорте — с 0,25 до 0,43 %. В географической структуре импорта Вьетнама Россия сократила свою долю с 1,18 до 0,72 %, по экспорту также наблюдается снижение — с 1,54 до 1,43 %. При этом Россия является больше импортером товаров из Вьетнама, а Вьетнам — экспортером, данный вывод сделан на основе сопоставления параметров взаимной торговли, что также продемонстрировано графически.

На основе предложенной методики анализа двусторонних отношений в торговой сфере в контексте рассмотрения взаимной торговли России и Вьетнама выявлено положительное влияние создания зоны свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС. Отмечен рост абсолютных значений внешней торговли России и Вьетнама, обращено внимание на более взрывной характер роста импорта из Вьетнама, чем экспорта. Вместе с тем обнаружено, что рост взаимной торговли происходит в большей степени не за счет расширения номенклатуры товарных групп, а за счет наращивания объемов и ассортимента в отраслях, которые являются монополистами во взаимной торговле, о чем свидетельствует рост коэффициента концентрации товарной структуры и увеличение количества товарных потоков. Кроме того, выявлено, что на фоне создания ЗСТ позиции СРВ на российском рынке

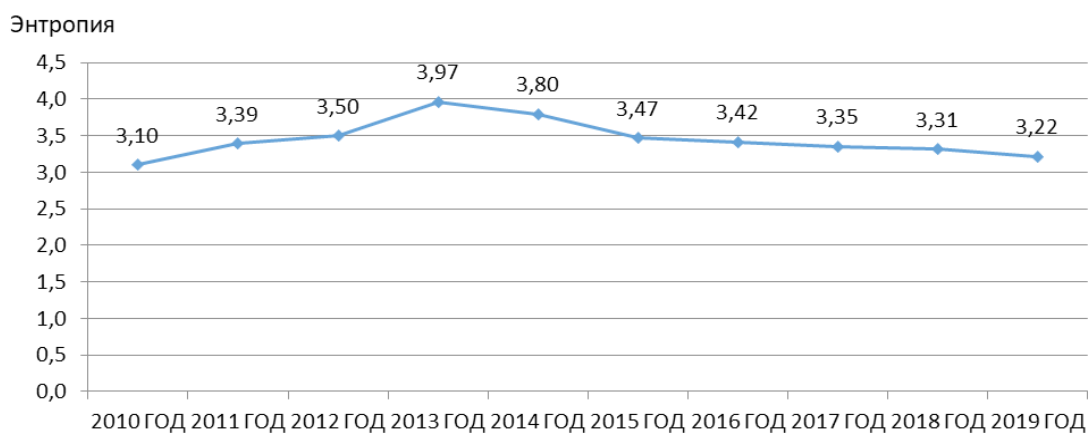

Рис. 2. Динамика показателя энтропии российского экспорта во Вьетнам

Источник: рассчитано авторами на основании статистики ФТС.

Таблица 6

Показатели устойчивости структуры внешней торговли России и Вьетнама

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Энтропия экспорта	3,10	3,39	3,50	3,97	3,80	3,47	3,42	3,35	3,31	3,22
Энтропия импорта	3,54	3,22	2,98	3,19	3,44	3,10	3,06	2,86	3,03	3,01
Концентрация экспорта (НН)	2150,29	1501,87	1364,92	889,96	1128,52	1378,44	1700,44	1747,67	1619,37	2305,41
Концентрация импорта (НН)	1393,27	2039,05	2344,29	1861,81	1611,01	2354,48	2486,83	2932,36	2643,67	2609,56

* Рассчитано авторами.

Таблица 7

Позиции России и Вьетнама во внешней торговле страны-партнера

Позиция	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доля Вьетнама в общем объеме импорта России	0,49	0,8	1,14	1,35	1,46	1,52	1,55
Доля Вьетнама в общем объеме экспорта России	0,25	0,17	0,22	0,4	0,39	0,47	0,43
Доля России в общем объеме импорта Вьетнама	1,18	0,56	0,45	0,65	0,65	0,9	0,72
Доля России в общем объеме экспорта Вьетнама	1,54	1,53	1,25	1,4	1,55	1,49	1,43

* Рассчитано авторами на основании статистики ФТС.

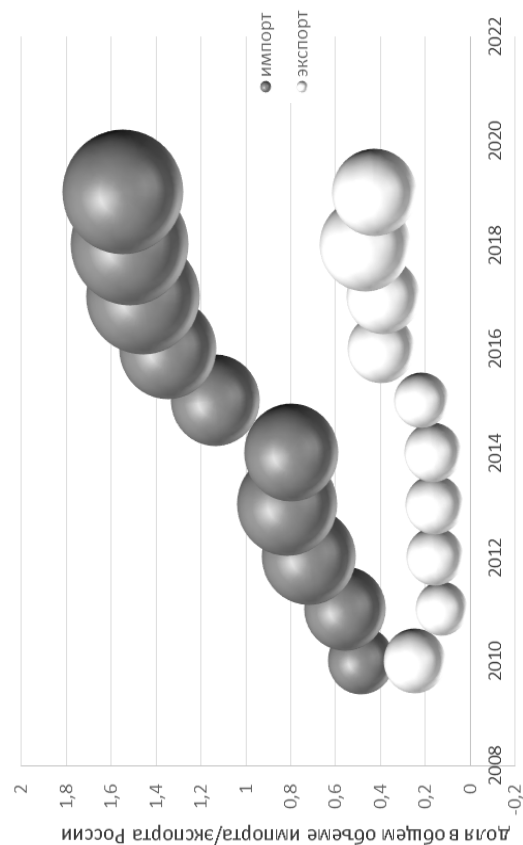

Рис. 3. Позиции Вьетнама во внешней торговле России

Составлено авторами на основании данных ФТС России.

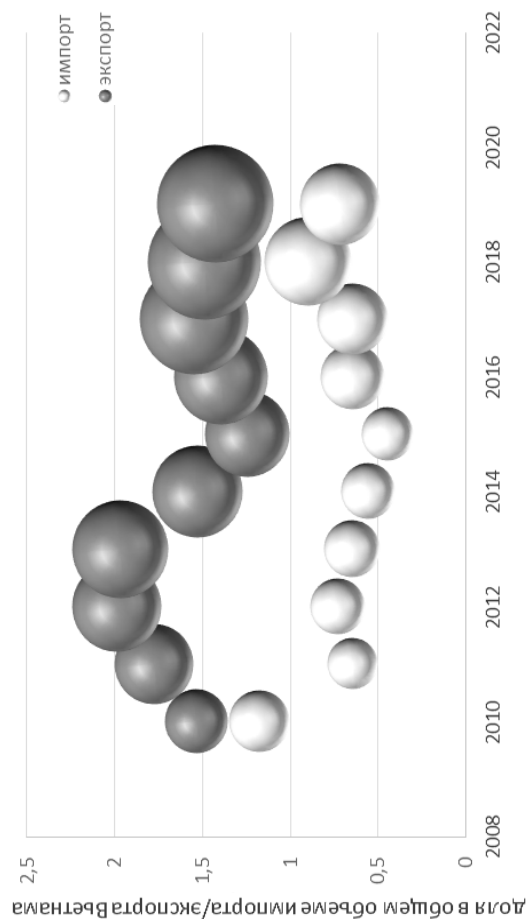

Рис. 4. Позиции России во внешней торговле Вьетнама

Составлено авторами на основании данных ФТС России.

укрепляются (увеличивается доля в географической структуре импорта и экспорта). Во внешней торговле Вьетнама Россия не так динамично наращивает свои позиции: относительные доли за период с 2010 по 2019 г. сократились. Отмеченные структурные особенности взаимной торговли двух партнеров требуют дальнейших исследований с целью проработки мер государственного регулирования для выстраивания наиболее эффективных механизмов внешней торговли.

Список литературы

1. Бойцова М. И., Федоренко К. П. Изменения в динамике и структуре российского экспорта во Вьетнам после подписания Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и СРВ // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 1. С. 24—35.
2. Бойцова М. И., Федоренко К. П., Митрофанова И. Б. Изменения в динамике и структуре российского импорта из Вьетнама после подписания Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и СРВ // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 19—29.
3. Кириллов Ю. Г., Енза Э. К. О мерах защиты внутреннего рынка и поддержки экспорта в условиях преференциальной торговли ЕАЭС и Вьетнама. 2020. № 2. С. 145—151.
4. Лапенко М. В. Создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Вьетнам: итоги переговорного процесса // Известия Саратовского университета. Н. С. 2017. № 2.
5. Нгуен К. Х., Тригубенко М. Е. Угрозы устойчивому развитию экономики Вьетнама: прогнозные оценки // Экономика и управление. 2019. № 2 (160). С. 52—58.
6. Оболенский В. П. Эффекты продовольственного эмбарго // Внешнеэкономический бюллетень. 2019. № 2. С. 49—58.
7. Римкевич С. В., Савинов Ю. А. Использование экономических санкций в торговой войне на рынке оборудования связи // Внешнеэкономический бюллетень. 2019. № 7. С. 75—89.
8. Степанов Е. А., Плетнев Д. А., Фам В. Д. Тенденции и перспективы экономического сотрудничества России и Вьетнама: внешняя торговля как зеркало экономических связей // Вестник Челябинского Государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 84—91.
9. Alhassan A., Usman O., Ike G., Sarkodie S. Impact assessment of trade on environmental performance: accounting for the role of government integrity and economic development in 79 countries // Heliyon. 2020. Vol. 6, iss. 9.
10. Amadi L. Globalization and the changing liberal international order: A review of the literature // Research in Globalization. 2020. № 2.
11. Bělin M., Hanousek J. Which sanctions matter? Analysis of the EU // Journal of Comparative Economics. 2020.
12. Brandi C., Jakob S., Berger A., Morin J. Do environmental provisions in trade agreements make exports from developing countries greener? // World Development. 2020. № 129.
13. Gancia G., Giacomo A., Ventura J. A theory of economic unions // Journal of Monetary Economics. 2020. № 109. P. 107—127.
14. Hartmann D., Bezerra M., Lodolo B., Pinheiro L. International trade, development traps, and the core-periphery structure of income inequality // Economia. 2020. № 21 (2). P. 255—278.
15. Mazyrin V. M. Vietnam: Free trade areas // World Economy and International Relations. 2016. № 60 (3). P. 72—82.
16. Rasoulinezhad E., Taghizadeh-Hesary F., Yoshino N. Assessment of the trade integration pattern between the Russian Federation and East/South-East Asian economies using the panel gravity framework // Asian Economic Papers. 2020. № 19 (1). P. 1—14.
17. Xu Y., Dietzenbacher F., Los B. International trade and air pollution damages in the United States // Ecological Economics. 2020. № 171.
18. Thang, C., Anh T., Nikolaeva E. Textile and garment enterprises in Vietnam under the context of industrial revolution 4.0 / C. Thang // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 7 (429). С. 186—194.

Сведения об авторах

Степанов Евгений Александрович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. stepanovea@susu.ru

Тран Туан Фонг — заместитель главного редактора журнала Vietnam Social Sciences Review, Вьетнамская академия социальных наук, Ханой, Вьетнам. ttuanphong@gmail.com

Нгуен Чиен Тханг — генеральный директор Института европейских исследований Вьетнамской академии социальных наук, Ханой, Вьетнам. ncthang69@yahoo.com

Килина Ирина Петровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного дела Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. kilinaip@susu.ru

Николаева Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nikolaeva@csu.ru

Несытых Ксения Юрьевна — преподаватель кафедры таможенного дела Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. postaushkinaki@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 68—78.

STRUCTURAL FEATURES OF RUSSIAN AND VIETNAM FOREIGN TRADE

E. A. Stepanov

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. stepanovea@susu.ru

T. Ph. Tran

Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam. ttuanphong@gmail.com

Ch. T. Nguyen

Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam. ncthang69@yahoo.com

I. P. Kilina

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. kilinaip@susu.ru

E. V. Nikolaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

K. Yu. Nesytykh

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. postaushkinaki@susu.ru

The purpose of the article is to analyze the specifics of the commodity structure of foreign trade before and after the establishment of the institution of the free trade zone of the EAEU and Vietnam in 2015. The author's method of studying foreign trade is proposed. As a result, an increase in the absolute values of foreign trade indicators was revealed, attention was drawn to a more explosive growth in imports from Vietnam than in exports. At the same time, it was found that the growth of mutual trade occurs to a greater extent not due to the expansion of the range of supplies, but due to the increase in the volume of traditional commodity items, as evidenced by the growth of the concentration coefficient of the commodity structure. In addition, it was revealed that against the background of the creation of a free trade zone, Vietnam's positions in the Russian market are strengthening. In Vietnam's foreign trade, Russia is not so dynamically increasing its positions — relative shares for the period from 2010 to 2019 decreased.

Keywords: *foreign trade, Russia, Vietnam, export, import, free trade zone, economic cooperation.*

References

1. Bojcova, M. I. (2019) *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, no. 1, pp. 24—35 [in Russ.].
2. Bojcova M. I., Fedorenko K. P., Mitrofanova I. B. (2019) *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, no. 3, pp. 19—29 [in Russ.].
3. Kirillov Yu. G., Enza E. K. (2020) *O merah zashchity vnutrennego rynka i podderzhki eksporta v usloviyah preferencial'noj trgovli EAES i V'etnama* [On measures to protect the domestic market and support exports in the context of preferential trade between the EAEU and Vietnam], no. 2, pp. 145—151 [in Russ.].
4. Lapenko M. V. (2017) *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya*, no. 2 [in Russ.].
5. Nguen K. H., Trigubenko M. E. (2019) *Ekonomika i upravlenie*, no. 2 (160), pp. 52—58 [in Russ.].
6. Obolenskij V. P. (2019) *Vneshneekonomicheskij byulleten'*, no. 2, pp. 49—58 [in Russ.].
7. Rimkevich S. V., Savinov Yu. A. (2019) *Vneshneekonomicheskij byulleten'*, no. 7, pp. 75—89 [in Russ.].
8. Stepanov E. A., Pletnev D. A., Fam V. D. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 97, pp. 84—91 [in Russ.].
9. Alhassan A., Usman O., Ike G., Sarkodie S. (2020) *Heliyon*, vol. 6, iss. 9.
10. Amadi L. (2020) *Research in Globalization*, no. 2.
11. Bělí M., Hanousek J. (2020) *Journal of Comparative Economics*.
12. Brandi C., Jakob S., Berger A., Morin J. (2020) *World Development*, no. 129.
13. Gancia G., Giacomo A., Ventura J. (2020) *Journal of Monetary Economics*, no. 109, pp. 107—127.
14. Hartmann D., Bezerra M., Lodolo B., Pinheiro L. (2020) *Economia*, no. 21 (2), pp. 255—278.
15. Mazyrin V. M. (2016) *World Economy and International Relations*, no. 60 (3), pp. 72—82.
16. Rasoulinezhad E., Taghizadeh-Hesary F., Yoshino N. (2020) *Asian Economic Papers*, no. 19 (1), pp. 1—14.
17. Xu Y., Dietzenbacher F., Los B. (2020) *Ecological Economics*, no. 171.
18. Thang C., Anh T., Nikolaeva E. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (429), pp. 186—194.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Г. П. Теске

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

Цифровая трансформация общества — глобальный современный процесс внедрения в повседневную социально-экономическую жизнь общества информационно-коммуникационных технологий. Нарастающий объем информационных продуктов и услуг, переход к цифровой экономике влияет на образ, качество и уровень жизни населения, что делает вопросы исследования цифровой составляющей качества жизни весьма важными в современном мире. В статье поставлена задача изучения конкретных форм, условий и возможностей использования методов качественной и количественной социологии для исследования цифровой составляющей качества жизни. Показано, что наиболее адекватным подходом к изучению влияния цифровой составляющей на качество жизни населения является пространственный подход, включающий в исследовательское поле изучения качества жизни населения не только экономическое, но и социальное пространство.

Ключевые слова: *качество жизни населения, уровень жизни населения, цифровая составляющая, качественные и количественные методы.*

Конкретные формы использования методов количественной и качественной социологии, возможности и условия их использования играют огромную роль в современной социологии, и их применение для исследования различных факторов и процессов сегодняшней жизни, в том числе для изучения цифровой составляющей качества жизни, представляется одной из наиболее актуальных проблем для социологов. Задачей настоящей статьи является изучение конкретных форм, условий и возможностей использования методов качественной и количественной социологии для исследования цифровой составляющей качества жизни.

Основными подходами к анализу и сбору данных в современной социологии являются количественный и качественный. Количественный подход (так называемые статистические, или «жесткие» методы) направлен на изучение индивида как части общности, носителя информации об изучаемом социальном феномене. Базовая основа качественного подхода (так называемых гуманитарных, или «мягких» методов) — представление об индивиде как о самостоятельном социальном явлении (Г. И. Курчеева с соавт. [7]).

Таким образом, для количественных подходов характерны статистические методы, позволяющие производить различные операции с получаемыми данными, воспринимая в первую очередь общность, частью которой является индивид, как определенную генеральную совокупность, из которой

можно сделать выборку, оценить доверительный интервал, использовать прочие возможности статистики. Данное направление социологических исследований превалировало в отечественной социологии в советский период (А. И. Орлов [11]). Количественные подходы характерны для прикладных направлений социологии, что очень важно для решения конкретных задач и поставленных конкретных целей.

Интерес к качественным методам исследования в отечественной социологии резко возрос в 1990-х гг., когда специалисты получили широкий доступ к мировым источникам информации, методам и методологиям, формировавшимся в социологии за рубежом. Стали широко использоваться и развиваться такие методы, как биографический, групповое фокусированное интервью (фокус-группы), интервью с путеводителем, нарративное интервью и т. д. (М. И. Ненашев [10]). Качественные методы наиболее адекватны в условиях динамичной и нестабильной внешней и внутренней среды, поскольку позволяют оперативно обеспечить необходимую информационную поддержку для обоснования и принятия решений с повышенным социальным риском, в то время как количественные методы в данном случае неприменимы или ограниченно применимы. Качественные методы направлены на изучение и аккумуляцию мнений отдельных респондентов, на поиск смыслов, которые вкладывает сам респондент в изучаемое явление.

В обзоре конференции молодых ученых (А. В. Ваньке, П. Е. Сушко [3]), состоявшейся в апреле 2017 г. в Институте социологии РАН, отмечается, что в настоящее время развивается также третий (смешанный, или комбинированный) методологический подход, использующий как качественные, так и количественные методы исследования.

Таким образом, качественный подход подразумевает изучение степени удовлетворения потребностей индивида в различных сферах жизни с использованием таких инструментов, как опросы, интервью и т. п. Количественный подход базируется на совокупности статистических показателей, выборки определенных индикаторов, что позволяет рассчитывать частные и интегральные индикаторы, после чего для оценки социологических процессов и явлений применяются различные методы анализа (кластерный, корреляционный, факторный и т. п.), статистические и математико-эконометрические модели и методы. При смешанном подходе используются как качественные, так и количественные методы.

В работе О. В. Шуваловой [14] отмечается, что интенсивная разработка методик и методологий оценки качества и уровня жизни началась приблизительно в 1990-х гг., хотя как самостоятельная проблема вопрос качества жизни был выделен Сесилом Пигу еще в 1924 г. в работах по экономической теорией благосостояния. Экономическая теория благосостояния основывается на исследовании потребительского поведения населения. Развитие положений этой теории, ее доработка и дальнейшая разработка привели к возникновению на ее базе теории базовых потребностей и теории возможностей. Основным различием между этими теориями является несовпадение целевых функций благосостояния. Экономическая теория благосостояния отождествляет максимум благосостояния с максимумом факторов потребительской полезности. Согласно теории базовых потребностей, благосостояние определяется возможностью реализовать свои интересы и делать самостоятельный выбор в пользу потребления определенных благ — больших доходов, занятости, образования, хорошего питания и т. п. Таким образом, в основе понятия «качество жизни» лежит наличие возможностей для достойной продолжительной жизни. При этом качество жизни может ухудшаться, если объем и разнообразие потребляемых благ сужается по каким-либо причинам — либо в результате сознательного выбора людей, либо в силу каких-то внешних ограничений.

Как отмечается в работе В. В. Степанова [13], в настоящее время под влиянием широко распространенной теории развития человеческого потенциала предполагается, что качество жизни оценивается как расширение возможностей человека через различные показатели роста ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования, величины доходов. Поскольку такая трактовка позволяет оценивать качественные характеристики в количественном отношении, стало возможным проводить аналитические сопоставления качества жизни между странами, регионами, поселениями, а также выявлять влияние различных факторов на изменение и дифференциацию качества жизни. Получаемая в результате социально-экономическая характеристика общества позволяет вносить необходимые изменения в политическую и экономическую жизнь государств в целях улучшения качества жизни населения.

Л. П. Бакуменко и Е. А. Минина в своей работе [2] упоминают, что наиболее известным из обобщающих показателей уровня жизни и социального развития в международной статистике является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). ИРЧП является индикатором, используемым для сравнения уровня жизни в разных странах. Тем не менее данный показатель обладает достаточно большими недостатками, в частности теряет объективность, если его составляющие относительно неравнозначны. Например, в России такой компонент ИРЧП, как возможность получать образование, имеет традиционно очень высокое значение, что сильно влияет на конечный суммарный результат интегрированного показателя и, соответственно, искажает картину социально-экономических характеристик общества. В последнее время в связи с недостаточной объективностью индекса ИРЧП для оценки уровня развития общества в научной литературе стали предлагаться другие возможные расчетные интегрированные показатели. В частности, можно упомянуть такие разработки, как индекс экологического благополучия (ИЭБ) и индекс гармоничного развития (ИГР) экономической системы. Следует заметить, что эти индексы рассчитываются в основном также на базе ИРЧП с его корректировкой введением дополнительных индикаторов.

О. В. Шувалова [14] подчеркивает, что понятия «качество жизни» и «уровень жизни» не являются тождественными. Качество жизни — более широкая категория, чем уровень жизни, и включает такие понятия, как уровень жизни, образ жизни,

социальные стандарты различных слоев населения (так, здесь уместна поговорка «кому суп жидкий, а кому жемчуг мелкий»), то есть помимо объективных характеристик уровня жизни населения в понятие «качество жизни» входит социальный комфорт), экологическая среда обитания и т. д. Таким образом, несмотря на то что понятие «качество жизни» распространено достаточно широко, общепринятой формализованной структуры и единого стандартного набора показателей для его оценки до сих пор не выработано. Это объясняется тем, что «качество жизни» — категория более сложная и емкая, чем «уровень жизни», и для ее оценки используются не только количественные, но и качественные характеристики, которые можно оценить лишь экспертно, с учетом результатов различных социологических опросов.

В российских исследованиях влияния цифровой составляющей на качество жизни населения (КЖН), в частности, можно отметить работы Г. П. Литвинцевой с соавт. [8; 9], О. В. Деркаченко [6], Е. А. Горбашко [5], Е. Д. Соложенцева с соавт. [12], Н. А. Восколович [4] и другие, предлагающие различные подходы к исследованию влияния цифровой составляющей на качество жизни населения.

Так, Е. А. Горбашко [5] оценивает в основном качественные характеристики, получаемые с использованием субъективных методик. Такой подход позволяет изучить влияние цифровой составляющей на социальные связи, семейные ценности, политическую и социальную мобильность населения и т. п. Поскольку эти факторы могут оцениваться только субъективно, недостатком такой методики является отсутствие четких количественных показателей.

В статье О. В. Деркаченко [6] предлагается многофакторная статистическая модель связи индекса качества жизни населения с несколькими факторами, в том числе с индексом цифровой экономики. Модель может быть использована для прогнозирования качества жизни населения с учетом общепринятых составляющих и уровня цифровой экономики. К недостаткам такого подхода можно отнести отсутствие собственных критериев для рассмотрения цифровой составляющей (поскольку в модели в качестве таковой рассматривается индекс цифровой экономики, предлагаемый в официальной статистической периодике).

Г. П. Литвинцева с соавт. [8; 9] предлагают использование следующей методики определения влияния цифровой составляющей на качество жизни населения: на первом этапе рассчитывается рос-

сийский региональный индекс цифровой составляющей качества жизни населения (РРИЦКЖН), основанный на расчете интегральных показателей по шести блокам индикаторов: качество населения, характеризующее его цифровыми компетенциями, обеспеченность цифровыми благами, качество трудовой жизни и социальной сферы в условиях цифровизации, электронные государственные услуги населению и безопасность информационной деятельности населения. По результатам полученных данных выполняется кластеризация по методу k-средних и методу Варда с целью дальнейшего анализа и интерпретации. Данный подход объективен, основан на количественных характеристиках, позволяет определить уровень цифровизации отдельных регионов, дает возможность использовать полученные результаты для сравнения. К недостаткам такого подхода относится полное отстранение от социального удовлетворения внедрением цифровой составляющей в жизнь общества. Таким образом, данный подход описывает в основном влияние на уровень жизни, но не на качество жизни.

В работе Е. Д. Соложенцева с соавт. [12] изложена весьма интересная, на наш взгляд, точка зрения на цифровую составляющую в качестве жизни населения. Авторы предполагают, что процессы управления качеством жизни человека в цифровой экономике может моделировать сам человек. Основное достоинство изложенного подхода к управлению качеством жизни человека заключается в том, что он позволяет математически обоснованно мобилизовать самого человека на повышение качества процессов, в которых он принимает участие. При этом следует заметить, что такая интерпретация проблемы исследования цифровой составляющей в качестве жизни населения сводит проблему исключительно к экономической плоскости, то есть к тому, насколько общество способно предоставлять населению необходимые информационные продукты и услуги, а социальная составляющая практически полностью исчезает.

Представляется, что наиболее оптимальный подход к исследованию цифровой составляющей в качестве жизни предлагают О. В. Артемова с соавт. [1]. Исследователи рассматривают возможность использования пространственных подходов для выявления и анализа цифровой составляющей качества жизни населения. Ценность данного подхода, на наш взгляд, заключается в том, что авторы используют не только экономические, но и социальные подходы к изучению качества жизни населения, включая, таким образом, в исследовательское

поле не только экономическое, но и социальное пространство. Авторы акцентируют внимание на том, что существующий подход, при котором экономическое пространство рассматривается само по себе, как результат социального, технологического и информационного пространства, и в то же время эти виды пространств полностью включены в экономическое пространство, не вполне обоснован. С точки зрения авторов, разделяемой многими специалистами, в узком смысле социальное пространство существует наряду с экономическим и пересекается с ним на смежном поле исследований того или иного объекта. Таким образом, в качестве основы интегрального показателя О. В. Артемова с соавт. [1] рассматривают не только материально-техническую, но и поведенческую составляющие цифровизации, определяющие новые аспекты качества жизни населения в условиях технологической трансформации, что позволяет интерпретировать данные показатели в рамках не только экономического, но и социального пространства. Так, в качестве цифровой составляющей качества жизни населения авторы выделяют такие признаки, как первичная и вторичная информатизация, каждый из которых обладает объективной и субъективной составляющей. Результативным признаком является социальный цифровой эффект, влияющий на качество жизни населения, также обладающий объективной (обеспечение доступа к цифровой инфраструктуре, цифровым платформам, что позволяет использовать цифровые товары и услуги) и субъективной (экономический и социальный комфорт (удовлетворение) за счет использования цифровых технологий) составляющими.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Цифровая трансформация общества — продолжающийся в настоящее время процесс внедрения

в повседневную социально-экономическую жизнь общества информационно-коммуникационных технологий. Этот процесс глобален и в настоящее время находится на том этапе, когда стихийная цифровизация сменяется планированием и реализацией конкретных проектов на национальном уровне. Такой подход требует определения конкретных целей и индикаторов улучшения качества жизни населения, связанных с цифровой составляющей, а также методов, позволяющих исследовать влияние цифровой трансформации на качество жизни населения.

Сложность и многоплановость понятия «качество жизни» влечет за собой многочисленные трудности в определении какой-либо формализованной структуры и единого стандартного набора индикаторов оценки, поскольку требует для оценки не только количественные, но и качественные показатели.

На наш взгляд, наиболее ценным подходом к изучению влияния цифровой составляющей на качество жизни населения является использование пространственных подходов для выявления и анализа цифровой составляющей качества жизни населения (О. В. Артемова с соавт. [1]). Результативным признаком предложенного исследователями комбинированного метода является социальный цифровой эффект, влияющий на качество жизни населения, обладающий объективной (обеспечение доступа к цифровой инфраструктуре, цифровым платформам, что позволяет использовать цифровые товары и услуги) и субъективной (экономический и социальный комфорт (удовлетворение) за счет использования цифровых технологий) составляющих. Данный подход расширяет исследовательское поле изучения качества жизни населения, включая в него не только экономическое, но и социальное пространство.

Список литературы

1. Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Исследование качества жизни населения региона в условиях цифровизации: пространственный подход // Управление в современных системах. 2020. № 3 (27). С. 3—15.
2. Бакуменко Л. П., Минина Е. А. Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI): тенденции развития цифровых технологий // Статистика и Экономика. 2020. Т. 17. № 2. С. 40—54.
3. Ваньке А. В., Сушко П. Е. Новые подходы и методы в социологии: современные исследовательские практики // Социологические исследования. 2017. № 9 (400). С. 150—154.
4. Восколович Н. А. Измерение влияния цифровой трансформации сферы услуг на качество жизни населения // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 6—23.
5. Горбашко Е. А. Цифровые технологии и их влияние на качество жизни // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2019. № 4 (50). С. 71—76.

6. Деркаченко О. В. Кластеризация регионов России по качеству жизни населения и уровню цифровой экономики // Вопросы региональной экономики. 2020. № 2 (43). С. 59—65.
7. Курчеева Г. И., Алетдинова А. А., Ключков Г. А. Инструменты предоставления аналитической информации для оценки показателей качества жизни населения «Цифрового города» // Методология развития экономики, промышленности и сферы услуг в условиях цифровизации. СПб., 2018. С. 612—632.
8. Литвинцева Г. П., Шмаков А. В., Стукаленко Е. А., Петров С. П. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Пространство экономики. 2019. № 3. С. 107—127.
9. Литвинцева Г. П., Петров С. П. Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 414—427.
10. Ненашев М. И. Методы исследований в качественной социологии: монография. Киров, 2016. 134 с.
11. Орлов А. И. Математические методы в социологии за сорок пять лет // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 117. С. 91—119.
12. Соложенцев Е. Д., Карасева Е. И., Распутин А. А., Яковлев М. Б. Управление качеством жизни человека в цифровой экономике // Актуальные проблемы экономики и управления. 2020. № 1 (25). С. 66—71.
13. Степанов В. В. Основные теоретико-методологические подходы к определению понятий «уровень жизни» и «качество жизни» в современной науке // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 131—134.
14. Шувалова О. В. Уровень жизни и качество жизни: факторы и российская специфика // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 276—279.

Сведения об авторе

Теске Галина Павловна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. arena-galina@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 79—84.*

METHODOLOGY FOR RESEARCHING THE DIGITAL COMPONENT OF THE QUALITY OF LIFE

G. P. Teske

*Chelyabinsk branch of the Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia. arena-galina@mail.ru*

The digital transformation of society is a global modern process of introducing information and communication technologies into the everyday social and economic life of society. The growing volume of information products and services, the transition to a digital economy affects the image, quality and standard of living of the population, which makes the issues of researching the digital component of the quality of life very important in the modern world. The article sets the task of studying specific forms, conditions and possibilities of using methods of qualitative and quantitative sociology to study the digital component of the quality of life. It is shown that the most adequate approach to studying the influence of the digital component on the quality of life of the population is a spatial approach that includes not only economic, but also social space in the research field of studying the quality of life of the population.

Keywords: *quality of life of the population, standard of living of the population, digital component, qualitative and quantitative methods.*

References

1. Artemova O. V., Logacheva N. M., Savchenko A. N. (2020). *Upravleniye v sovremennykh sistemakh*, no. 3 (27), pp. 3—15 [in Russ.].
2. Bakumenko L. P., Minina Ye. A. (2020). *Statistika i Ekonomika*, no. 2, pp. 40—54 [in Russ.].
3. Van'ke A. V., Sushko P. Ye. (2017). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 9(400), pp. 150—154 [in Russ.].

4. Voskolovich N. A. (2019). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, no.7 5, pp. 6—23 [in Russ.].
5. Gorbashko Ye. A. (2019). *Tekhniko-tekhnologicheskiye problemy servisa*, no. 4 (50), pp. 71—76 [in Russ.].
6. Derkachenko O. V. (2020). *Voprosy regional'noy ekonomiki*, no. 2(43), pp. 59—65 [in Russ.].
7. Kurcheyeva G. I., Aletdinova A. A., Klochkov G. A. (2018). *Metodologiya razvitiya ekonomiki, promyshlennosti i sfery uslug v usloviyakh tsifrovizatsii*. St. Petersburg. Pp. 612—632 [in Russ.].
8. Litvintseva G. P., Shmakov A. V., Stukalenko E. A., Petrov S. P. (2019). *Prostranstvo ekonomiki*, no. 3, pp. 107—127 [in Russ.].
9. Litvintseva G. P., Petrov S. P. (2019). *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, no. 3, pp. 414—427 [in Russ.].
10. Nenashev M. I. (2016). *Metody issledovaniy v kachestvennoy sotciologii* [Research methods in quality sociology]. Kirov, 2016. 134 p. [in Russ.].
11. Orlov A. I. (2016). *Politematicheskyy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, no. 117, pp. 91—119 [in Russ.].
12. Solozhentsev E. D., Karaseva E. I., Rasputin A. A., Yakovlev M. B. (2020). *Aktual'nyye problemy ekonomiki i upravleniya*, no. 1 (25), pp. 66—71 [in Russ.].
13. Stepanov V. V. (2016). *Proryvnyye ekonomicheskiye reformy v usloviyakh riska i neopredelennosti. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Pp. 131—134 [in Russ.].
14. Shuvalova O. V. (2018). *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*, vol. 7, no. 1 (22), pp. 276—279 [in Russ.].

ОБЗОР СИТУАЦИИ В ОБЛАСТИ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Ю. П. Соболева, А. Т. Лиленко

Финансовый университет при Правительстве РФ, Орел, Россия

В настоящее время вопросы, связанные с необходимостью повышения финансовой грамотности населения, приобретают все большую актуальность в мире цифровых технологий. Возрастающее число предложений со стороны коммерческих банков, увеличение оборота пластиковых карт, необходимость акцентирования внимания на соотношении личных доходов и расходов — эти и другие вопросы начинают волновать практически каждого человека. Целью выполнения научной работы является анализ уровня финансовой грамотности населения страны. Для достижения поставленной цели были изучены результаты исследований агентств и ведомств. Сделан вывод, что менее половины наших соотечественников незнакомы с финансовыми услугами и не пользуются ими, что говорит о невысоком уровне финансовой грамотности.

Ключевые слова: *финансовая грамотность, население, стратегия повышения финансовой грамотности, финансовое образование.*

В XXI в. в России важнейшей темой для обсуждения является финансовая грамотность населения. Из-за недостатка финансовых знаний граждане не понимают, как правильно распределять свои доходы и тем самым вынуждены удовлетворять значительно меньше потребностей, прибегать к оформлению кредитов. По данным РБК, почти 63 % граждан не имеют никаких накоплений, а другие не смогут прожить на свои сбережения больше одного месяца [1]. Именно поэтому особое значение в 2020 г. имеет финансовое образование.

Основным документом, направленным на реализацию мероприятий в области повышения финансовой грамотности населения, является «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017—2023 годы». Согласно данному документу в образовательную деятельность школ, техникумов и вузов включают специальные курсы и/или отдельные темы, направленные на овладение компетенциями в области финансовой грамотности. Основной задачей Стратегии является разработка цифровых и образовательных ресурсов, онлайн-игр, специализированных мобильных приложений, конкурсов, олимпиад, форумов на онлайн-площадке для эффективного и оперативного получения финансовых знаний. С целью очного получения знаний в настоящее время уже образованы различные сообщества для проведения уроков финансовой грамотности, а также в образовательные программы школ и вузов включены

часы финансовой грамотности. При этом в 2020 г. уже проходят финансовые уроки для целевых групп (лиц пенсионного и предпенсионного возраста, молодежи), с учетом особенностей восприятия информации людьми. Немаловажным является то, что уже разработано огромное количество программ по обучению финансовой грамотности для каждого слоя населения независимо от возраста, а также подготовлено необходимое количество учителей, тьюторов, методистов для распространения данных знаний. Основной целью Стратегии является формирование у населения:

- 1) ответственного отношения к своим доходам и расходам;
- 2) желания сберегать и инвестировать;
- 3) сознательного отношения к выбору финансовых услуг;
- 4) желания избирательно оформлять финансовые услуги и продукты, узнавать информацию о них;
- 5) желания самостоятельно формировать размер будущей пенсии.

Стратегический план по внедрению финансовой грамотности в слои населения запланирован в два этапа: первый — 2017—2019 гг., второй — 2020—2023 гг. К настоящему времени первый этап реализации Стратегии завершен. Были реализованы различные мероприятия, такие как: «Всероссийская неделя финансовой грамотности для детей и молодежи», «Всероссийская неделя

сбережений», «Неделя финансовой грамотности в регионах России», и внесены уроки финансовой грамотности в программы образовательных учреждений. Второй этап подразумевает активное распространение финансовой информации на всех онлайн-платформах.

Несмотря на активное внедрение и распространение финансовой информации в слои общества, в разработанной стратегии отсутствует индивидуальный подход к обучению людей. Например, согласно данным исследования Finance and Economics Discussion Series Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs Federal Reserve Board, основным фактором успеха в зарубежном обучении финансовой грамотности является наличие индивидуального подхода, который включает в себя индивидуальную программу обучения для школьников и разбор финансовой ситуации взрослого гражданина для урегулирования его денежных потоков [2]. Согласно анализу рейтингового агентства Standart&Poog's, к наиболее финансово грамотным странам относятся Израиль, Канада (68% финансово грамотного населения), Великобритания (67%), Германия (66%), США и Швейцария (57%). Если бы стратегия России по внедрению финансовой грамотности включала в себя индивидуальный подход к каждому гражданину и деятельность тьюторов подразумевала разбор сложных финансовых ситуаций граждан, то не только возрос бы интерес к изучению финансовой грамотности, но и значительно уменьшился бы процент людей, находящихся за чертой бедности [3].

Процесс повышения финансовой грамотности населения направлен не только на усвоение основных финансовых понятий, но и на выработку умений и навыков грамотного инвестирования сбережений, рационального распределения доходов. Согласно мнению Джорджа С. Клейтона, человек познает финансовую грамотность лишь с одной целью — обеспечить себе хорошую жизнь и уверенность в завтрашнем дне [4].

Финансово грамотные люди ответственно подходят к вопросам выбора и управления финансовыми ресурсами, выбора банка для открытия депозитного счета, покупки ценных бумаг. Составление плана будущих расходов, инвестирование в недвижимость, поиск дополнительного заработка, стремление к увеличению своих доходов — все это действия людей, обладающих «здоровым финансовым смыслом». Немаловажным является то, что финансово грамотные люди оказывают огромное воздействие не только на развитие и конкуренто-

способность финансовых организаций, но и на экономику страны в целом. Формируя спрос на новые финансовые продукты, население стимулирует финансово-кредитные учреждения к разработке и внедрению инноваций, связанных с повышением качества предоставляемых финансовых услуг. По оценкам Аналитического центра НАФИ, к концу 2019 г. индекс финансовой грамотности населения России составил 12,37 балла из максимальных 21 балла. Охват населения финансовыми услугами достаточно мал: 44% россиян не пользуются или незнакомы с ними; относительно групп с низким доходом — 55% их численности не пользуются предлагаемыми финансовым рынком услугами [5].

Потребители, которые обладают достаточным уровнем финансовых знаний, как правило, склонны к накоплению и сбережению, управлению финансовыми потоками. Финансово грамотный человек лучше подготовлен к тому, чтобы планировать свои расходы, а также защищать свои финансовые интересы, сообщать о неправомерных действиях финансовых посредников, что помогает вытеснить мошенничество и злоупотребление финансовым незнанием человека. Особым отличительным признаком финансово грамотного человека является его умение не совершать импульсивных покупок, поскольку он менее склонен к неразумному распределению личных денежных средств, что помогает укреплять спрос на товары первой необходимости и контролировать деятельность предоставляющих микрозаймы организаций.

Людям предпенсионного возраста финансовая грамотность помогает обеспечить гарантированные средства для жизни во время пенсионного возраста. Благодаря знаниям люди с низким уровнем дохода могут накопить максимальные в сложившейся ситуации сбережения, не прибегая к оформлению кредитов и займов. Относительно граждан, обладающих достаточным количеством свободных средств для инвестирования, финансовое образование дает возможность более глубокого изучения и понимания не только базовой финансовой информации, но и более специфической, касающейся определенного направления инвестирования: инвестиционные проекты, постройка недвижимости, инновационные стартапы. Нельзя не упомянуть о том, что финансовая грамотность помогает человеку из любой вышеперечисленной группы избежать увеличения личного долгового бремени и риска банкротства, а также позволяет сформировать сбережения и обеспечить желаемый уровень жизни.

Финансовая грамотность полностью изменяет жизнь человека, так как формирует у него способности к обеспечению своей семьи, инвестированию в будущее, инвестированию в развитие реального сектора экономики. Финансовая грамотность — это знание о том, как управлять имеющимися средствами и приумножать свой капитал [6]. Более широко раскрыла определение финансовой грамотности Сандра Хастон в своем исследовании *Measuring Financial Literacy*. В журнале *Journal of Consumer Affairs* она писала, что финансовая грамотность имеет два измерения — понимание (знание личных финансов) и использование (приумножение личных финансов).

Говоря об уровне финансовых знаний в мире, необходимо обратиться к широкомасштабному исследованию рейтингового агентства *Standard & Poor's*, проведенному в 2014 г. В нем приняли участие более 15 000 чел., выбранных случайным образом, из 140 стран. По итогам тестирования выяснилось, что всего лишь один из трех человек в мире является финансово грамотным [7].

Интересно то, что присутствует двойственное отношение к исследованиям в области оценки уровня финансовой грамотности. За рубежом проводится огромное количество различных аналитических проектов, с целью выявления процента финансово грамотного населения. Согласно исследованию *Education and Saving: The Long-Term Effects of High School Financial Curriculum Mandates*, изучение финансовой грамотности положительно влияет на экономическое состояние зарубежных стран [8]. Однако, согласно данным из *Finance and Economics Discussion Series Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs Federal Reserve Board, Washington 2014 г.*, имеет место относительность исследований, поскольку тестирование основывается на знании финансовых терминов и умении накапливать сбережения. В свою очередь главным в финансовой грамотности они считают, приобретение новых уникальных навыков обращения с денежными потоками, поэтому необходимо проводить уроки для граждан всех возрастов, а не заикливаться на выявлении уровня финансовой грамотности населения [7].

Согласно исследованию аналитического центра НАФИ, Россия занимает девятое место по результатам международного сравнительного исследования финансовой грамотности населения. Уровень финансо-

вой грамотности жителей Российской Федерации оценивается по ряду показателей значительно ниже среднего [9].

Согласно исследованию аналитического центра *Fitch* по шкале кредитного рейтинга *Fitch*, Россия относится к группе *BBB* [10]. Говоря более подробно, согласно *Fitch Ratings*, РФ относится к инвестиционной категории, в которой большой процент граждан имеют кредиты и готовы их выплачивать [11].

По данным исследования российской страховой компании «Росгосстрах Жизнь» и банка «Открытие», более чем 61 % опрошенных сообщили о нехватке денег до следующей зарплаты или любого другого их притока, а именно: от 18 до 23 лет — 20,6 %, от 40 лет и более — 40,4 % (рис. 1) [1].

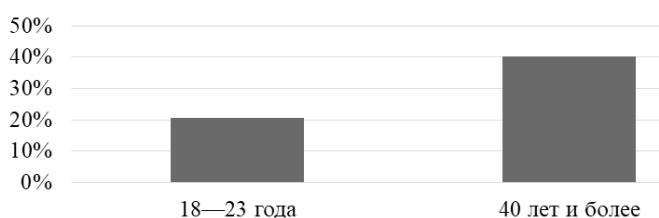

Рис. 1. Утвердительные ответы респондентов на вопрос: «Не хватает денег до следующей зарплаты/стипендии»

Источник: составлено авторами на основе данных РБК (<https://rbc-ru.turbopages.org/s/rbc.ru/economics/31/03/2020/5e7dd7c59a7947c7f63c1e66>).

Из-за отсутствия должного уровня финансовой грамотности в случае форс-мажорных обстоятельств, связанных с внезапной потерей ежемесячного дохода, из полутора тысяч опрошенных в рамках исследования страховой компании «Росгосстрах Жизнь» и банка «Открытие» лишь 4,3 % смогут прожить более 5 лет на свои сбережения; 3,6 % смогут прожить от 3 до 5 лет; 10,1 % проживут от 1 до 3 лет; 15,7 % — от 6 до 12 месяцев; 45 % — от 2 до 6 месяцев; 21,2 % смогут прожить лишь месяц (рис. 2) [1].

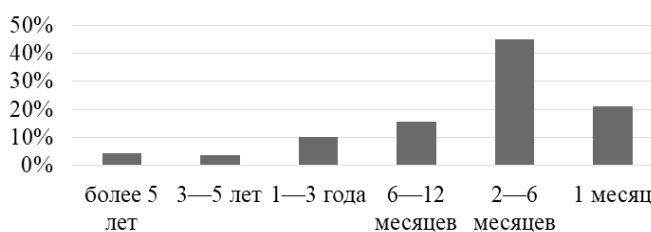

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «На какой срок хватит накоплений в случае форс-мажорных обстоятельств?»

Источник: составлено авторами на основе данных РБК (<https://rbc-ru.turbopages.org/s/rbc.ru/economics/31/03/2020/5e7dd7c59a7947c7f63c1e66>).

Еще одним признаком низкого уровня финансовой грамотности российского населения является хранение денег дома. Согласно исследованию компании «Росгосстрах Жизнь» и банка «Открытие», 57% хранят сбережения на депозитах, 22% сохраняют дома в рублях, 7% имеют депозиты в валюте, 4,7% хранят дома в валюте [1].

Важнейшей причиной недостатка финансовых знаний у граждан России является их нежелание планировать свои расходы и отслеживать финансовые потоки. По данным Центрального банка России, из-за недостатка финансовых знаний на 1 апреля 2020 г. 42 млн граждан имели хоть один действующий кредит или заем в микрофинансовой организации, что на 2,7%, или 1,1 млн чел. больше, чем 1 октября 2019 г., в свою очередь 30,4% имеют несколько кредитов. Поэтому в 2020 г. обучение граждан финансовой грамотности является наиболее приоритетным направлением финансовой политики РФ [12].

В XXI в. финансовая грамотность далеко не роскошь, а необходимость, которая помогает человеку добиться финансовой свободы. Исходя из этого, согласно исследованию Фонда общественного мнения (ФОМ) «Модели финансового поведения россиян», в котором участвовали 2000 чел. в возрасте от 18 лет, можно выделить два типа моделей финансового поведения граждан: проблемные — 56,2% опрошенных, позитивные — 43,8%, а также 11 моделей финансового поведения россиян, в ходе которых человек может добиться либо пассивного дохода, покрывающего все его месячные расходы, либо придет к неизбежной потребности в дополнительных заемных средствах (рис. 3) [13]:

Рассмотрим более часто встречающиеся модели финансового поведения [13]:

1. Проблемные модели:

а) Малообеспеченные и доверчивые — 11,5%:

- преимущественно в данную группу попадают женщины, нежели мужчины, поскольку им характерна уступчивость и доверчивость;
- преимущественно люди старше 46 лет;

- безработные;
- значительная часть людей не имеют высшего образования;
- имеют самый низкий уровень доходов, отсутствие подушки финансовой безопасности;
- не принимают финансовые решения самостоятельно, а также при обращении за финансовой услугой не ищут альтернативу;
- предпочитают пользоваться наличными денежными средствами;
- высокий риск стать жертвой мошенников из-за доверчивости при выборе финансовых агентов.

б) Финансовые аутсайдеры — 10,2%:

- в данную группу попадают как женщины, так и мужчины любого возраста;
- безработные;
- с любым образованием;
- редкое использование финансовых инструментов;
- острый дефицит бюджета;
- высокий уровень незнания о состоянии экономики страны в целом и предоставляемых финансовых услугах банком;
- высокий риск финансового неблагополучия из-за безучастного поведения на финансовом рынке.

в) Авантюрные — 14,4%:

- к данной группе относятся как женщины, так и мужчины;
- моложе 46 лет;
- работают;
- слишком завышенно оценивают свои финансовые знания, при этом обладают сложностью с восприятием финансовой информации;
- присуще нежелание сравнивать варианты при выборе финансовой услуги;
- есть подушка финансовой безопасности;
- высокий риск оказаться жертвами финансовых пирамид и похожих мошеннических схем.

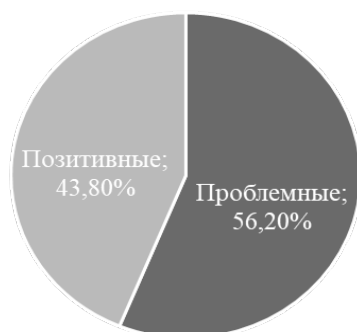
2. Позитивные модели:

а) Благополучные — 12,4%:

- в эту группу входят как мужчины, так и женщины;
- в среднем их возраст 40—48 лет;
- работают;
- в основном с высшим образованием;
- есть подушка финансовой безопасности, сбережения;
- высокий доход;
- строят долгосрочные планы, действуют в соответствии с ними;

Рис. 3. Модели финансового поведения россиян, согласно исследованию Фонда общественного мнения

Источник: составлено авторами на основе данных Фонда общественного мнения (https://fincult.info/upload/iblock/6fa/modeli_finansovogo_povedeniya.pdf).

- планируют крупные покупки, требующие значительных финансовых затрат;

- присуще уважительное отношение к деньгам и богатству;

- обладают высоким потенциалом инвестиционной активности.

б) Индивидуалисты — 13,3%:

- в основном к этой группе относятся мужчины, трудяги, информированные, независимые, но ориентирующиеся на социальные нормы;

- любого возраста;

- работают;

- большая часть без высшего образования;

- строят долгосрочные планы;

- высокий доход;

- уважительное отношение к деньгам и богатству;

- есть подушка финансовой безопасности;

- обладают высоким потенциалом инвестиционной активности, но присутствует осознанная отдаленность от формальных и государственных финансовых институтов.

в) Планирующие и разборчивые — 7%:

- к данной категории относятся как женщины, так и мужчины;

- самая большая доля молодежи до 30 лет;

- работают;

- с высшим образованием;

- имеют финансовые цели (недвижимость и машина);

- отсутствие финансовой подушки безопасности;

- активно пользуются финансовыми инструментами, но из-за отсутствия должного уровня жизни ограничены в сбережениях и инвестировании.

Для того чтобы добиться финансового благополучия, человеку необходимо пройти три стадии финансового образования (рис. 4) [14]. Основными метода-

ми для получения пассивного дохода и финансового благополучия являются инвестирование и вклады. Сейчас ведущие банки РФ предлагают вклады под разные проценты, например 1,95—4,2% годовых с разным сроком и минимальным вложением [15]. Несмотря на то что вкладчик гарантированно будет иметь прибыль, в итоге при вложении денег на год с учетом инфляции 7% он получит лишь убытки [16].

Остается один вариант — инвестиции. Данная сфера характерна большим риском потери вложений, однако и возможностью умножить свой капитал в несколько раз. Инвестировать можно в организации, новоиспеченные проекты, недвижимость, акции, облигации. Самым простым вариантом является инвестирование через брокера, которым зачастую является банк. На данный момент есть два успешных брокера, торгующих как российскими, так и иностранными акциями, через Московскую и Санкт-Петербургскую биржу — АО «Тинькофф Банк» и ПАО «Сбербанк России». По данным Московской биржи, число зарегистрированных клиентов на август в АО «Тинькофф банк» 2,4 млн чел., а в ПАО «Сбербанк России» 2,1 млн чел. [17].

Подводя итоги, нужно сказать о важности участия государства в распространении финансовой грамотности среди населения. Лишь благодаря финансовым знаниям многие граждане РФ смогут перешагнуть черту бедности и приобрести пассивный доход, обеспечив благополучную старость. Однако для повышения уровня денежной грамотности необходимо и жителям государства проявлять больший интерес к этому, ведь если повысится умение людей рационально обращаться с личными доходами, рассчитывать свои финансовые потоки и не погашать множество кредитов появлением нового, то они смогут значительно улучшить уровень своей жизни. Важно разработать механизмы, обеспечивающие доступность финансовых услуг и сведений о них.

1. Финансовая безопасность — удовлетворение своих базовых потребностей

2. Финансовый достаток — увеличение личной денежной массы, удовлетворение большего количества потребностей

3. Финансовая независимость — удовлетворение всех потребностей с помощью инвестирования, пассивного дохода.

Рис. 4. Стадии финансового образования

Источник: составлено авторами на основе данных «Российской газеты» (<https://rg.ru/2019/10/07/inflaciia-v-rossii-skoro-mozhet-priblizitsia-k-urovniu-ssha.html>).

Список литературы

1. Большинство россиян оказались без сбережений в кризис / РосбизнесКонсалтинг (РБК). URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/s/rbc.ru/economics/31/03/2020/5e7dd7c59a7947c7f63c1e66> (дата обращения 12.10.2020).
2. Brown Alexandra J., Collins M., Schmeiser M., Urban C. State Mandated Financial Education and the Credit Behavior of Young Adults. URL: <https://www.federalreserve.gov/pubs/feds/2014/201468/201468pap.pdf> (дата обращения 12.10.2020).
3. Корень А. В., Голояд А. Н., Ивашинникова Е. А. Оценка уровня финансовой грамотности населения в России и зарубежных странах / Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12 (ч. 10). URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8398> (дата обращения 12.10.2020).
4. Самый богатый человек в Вавилоне. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/samyu-bogatyu-chelovek-v-vavilone.ht> (дата обращения 12.10.2020).
5. Повышение финансовой грамотности населения: международный опыт и российская практика. URL: <https://econ.wikireading.ru/11824> (дата обращения 22.10.2020).
6. Huston S. J. Measuring Financial Literacy / Journal of Consumer Affairs. 2010. Vol. 44, iss. 2. P. 296—316. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1745-6606.2010.01170.x> (дата обращения 12.10.2020).
7. Оценка уровня финансовой грамотности населения в России и зарубежных странах. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=839> (дата обращения 12.10.2020).
8. Bernheim B. D., Garrett D. M., Maki D. Education and Saving: The Long-Term Effects of High School Financial Curriculum Mandates / NBER Working Paper. 1997. URL: <https://ssrn.com/abstract=56018> (дата обращения 12.10.2020).
9. Блискавка Е. А. Повышение финансовой грамотности населения: международный опыт и российская. URL: <https://econ.wikireading.ru/11824> (дата обращения 12.10.2020).
10. Россия на 9 месте по финансовой грамотности среди стран G20 // Аналитический центр «НАФИ». URL: <https://vashifinancy.ru/upload/iblock/773/7736e49e5faa2d08e8e4d77140ac0543.pdf> (дата обращения 12.10.2020).
11. Шкала кредитных рейтингов Fitch // ООО «Компания БКС». URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/shkala-kreditnykh-reitingov-fitch> (дата обращения 12.10.2020).
12. ЦБ зафиксировал рост числа россиян с долгами сразу по нескольким кредитам / РосбизнесКонсалтинг (РБК). URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/finances/31/08/2020/5f4cc90b9a79474224271267> (дата обращения 12.10.2020).
13. Модели финансового поведения: подход ФОМ // Исследование ФОМ по заказу Банка России. URL: https://fincult.info/upload/iblock/6fa/modeli_finansovogo_povedeniya.pdf (дата обращения 12.10.2020).
14. Что же такое финансовая грамотность простыми словами, зачем она нужна и с чего начать ее изучение самостоятельно от А до Я: советы для начинающих. URL: <http://finstroll.ru/finansovaya-gramotnost-s-chego-nachat-izuchenie-samostoyatelno/> (дата обращения 12.10.2020).
15. Вклады // Сбербанк. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/contributions/depositsnew> (дата обращения 12.10.2020).
16. Маркелов Р. Цены растут без спроса. Инфляция в России скоро может приблизиться к уровню США // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/10/07/inflaciia-v-rossii-skoro-mozhet-priblizitsia-k-urovniu-ssha.html> (дата обращения 12.10.2020).
17. Ведущие операторы. URL: <https://www.moex.com/ru/spot/members-rating.aspx?rid=111> (дата обращения 12.10.2020).

Сведения об авторах

Соболева Юлия Павловна — кандидат экономических наук, доцент Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС, доцент Орловского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, Орел, Россия. soboleva-yp@mail.ru

Лиленко Анна Тудоровна — студентка Орловского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, Орел, Россия. efftaan@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 85—92.

OVERVIEW OF THE SITUATION IN THE FIELD OF IMPROVING THE FINANCIAL LITERACY OF THE POPULATION OF RUSSIA

Y. P. Soboleva

Financial University under the government of the Russian Federation, Orel, Russia. soboleva-yp@mail.ru

A. T. Lilenko

Financial University under the government of the Russian Federation, Orel, Russia. efftaan@gmail.com

Currently, issues related to the need to improve the financial literacy of the population are becoming increasingly relevant in the world of digital technologies. The increasing number of offers from commercial banks, the increase in the turnover of plastic cards, the need to focus on the ratio of personal income and expenses—these and other issues are beginning to worry almost everyone. In the course of this work, the results of research conducted by various agencies and departments were analyzed, and it was concluded that less than half of our compatriots are not familiar with financial services and do not use them, which indicates a rather low level of financial literacy. Confirmation of the above is a large-scale study of the rating Agency Standard & Poor's, conducted in 2014, where it was found that only 38 % of the population of the Russian Federation is financially literate. The purpose of the research is to review research in the field of financial literacy assessment of the Russian population and identify ways to improve the actual level of financial literacy of the population.

Keywords: *financial literacy, population, strategy for improving financial literacy, financial education.*

References

1. Bol'shinstvo rossiyan okazalis' bez sberezheniy vo vremya krizisa [Most Russians found themselves without savings during the crisis]. Available at: <https://rbc-ru.turbopages.org/s/rbc.ru/economics/31/03/2020/5e7d-d7c59a7947c7f63c1e66>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].
2. Brown Alexandra J., Collins M., Schmeiser M., Urban C. State Mandated Financial Education and the Credit Behavior of Young Adults. Available at: <https://www.federalreserve.gov/pubs/feds/2014/201468/201468pap.pdf>, accessed 14.11.2016.
3. Root A. V., Goloyad A. N., Ivashinnikova E. A. (2015) *International Journal of Applied and Fundamental Research*, no. 12 (pt. 10). Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8398>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].
4. Samyy bogatyy chelovek v Vavilone [The richest man in Babylon]. Available at: <https://avidreaders.ru/read-book/samyy-bogatyy-chelovek-v-vavilone.ht>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].
5. Povysheniye finansovoy gramotnosti naseleniya: mezhdunarodnyy opyt i rossiyskaya praktika [Increasing the financial literacy of the population: international experience and Russian practice]. Available at: <https://econ.wikireading.ru/11824>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].
6. Huston S. J. (2010) *Journal of Consumer Affairs*, vol. 44, iss. 2, pp. 296—316. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1745-6606.2010.01170.x>, accessed 14.11.2016.
7. Otsenka urovnya finansovoy gramotnosti naseleniya v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Assessment of the level of financial literacy of the population in Russia and foreign countries]. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=839>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].
8. Bernheim B. D., Garrett D. M., Maki D. (1997) *NBER Working Paper*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=56018>, accessed 14.11.2016.
9. Bliskavka E. A. Povysheniye finansovoy gramotnosti naseleniya: mezhdunarodnyy opyt i rossiyskaya praktika [Increasing the financial literacy of the population: international experience and Russian practice]. Available at: <https://econ.wikireading.ru/11824>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].
10. Rossiya na 9 meste po finansovoy gramotnosti sredi stran G20 [Russia is in 9th place in financial literacy among the G20 countries]. Available at: <https://vashifinancy.ru/upload/iblock/773/7736e49e5faa2d08e8e4d-77140ac0543.pdf>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].

11. Shkala kreditnykh reytingov Fitch [Scale of credit ratings Fitch]. Available at: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/shkala-kreditnykh-reytingov-fitch>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].

12. TSB zafiksiroval rost chisla rossiyan s dolgami srazu po neskol'kim kreditam [The Central Bank recorded an increase in the number of Russians with debts on several loans at once]. Available at: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/finances/31/08/2020/5f4cc90b9a79474224271267>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].

13. Modeli finansovogo povedeniya: podkhod FOM [Models of financial behavior: the FOM approach]. Available at: https://fincult.info/upload/iblock/6fa/modeli_finansovogo_povedeniya.pdf, accessed 14.11.2016 [in Russ.].

14. Chto takoye finansovaya gramotnost' prostymi slovami, zachem ona nuzhna i s chego nachat' izuchat' samostoyatel'no ot A do Ya: sovety novichkam [What is financial literacy in simple words, why is it needed and where to start studying it independently from A to Z: tips for beginners]. Available at: <http://finstroll.ru/finansovaya-gramotnost-s-cheho-nachat-izuchenie-samostoyatelno/>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].

15. Sberbank vklady [Sberbank deposits]. Available at: <https://www.sberbank.ru/ru/person/contributions/depositsnew>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].

16. Markelov R. *Rossiyskaya Gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2019/10/07/inflitsia-v-rossii-skoro-mozhet-priblizitsia-k-urovniu-ssha.html>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].

17. Vedushchiye operatory [Leading operators]. Available at: <https://www.moex.com/ru/spot/members-rating.aspx?rid=111>, accessed 14.11.2016 [in Russ.].

СПЕЦИФИКА ДОЛГОСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНОВ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ

Д. С. Бени

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Автор продолжает серию статей, посвященных региональному экономическому росту. Объектом исследования выступает экономический рост регионов Приволжского и Уральского федеральных округов. Методологической основой является модифицированная модель Кобба — Дугласа, а именно мультипликативная функция, в которой за зависимую переменную отвечает темп роста валового регионального продукта; к независимым переменным отнесены темпы роста промышленного производства, среднегодовой численности занятого населения, инвестиций в основной капитал, стоимости основных фондов, среднедушевых доходов населения и затрат на технологические инновации. Автором построено 21 уравнение, из которых 18 уравнений смоделированы для регионов Урала и Поволжья; три уравнения построены по панельным данным — для Уральского и Приволжского федеральных округов, а также суммарно по выборке регионов двух федеральных округов. Подтверждена высокая эластичность двух факторов: темпа роста среднедушевых доходов населения и темпа роста промышленного производства.

Ключевые слова: *Уральский федеральный округ, Приволжский федеральный округ, регионы, экономический рост региона, эконометрическое моделирование, регрессионный анализ, модифицированная мультипликативная функция Кобба — Дугласа.*

Автор изучает регионы Урала, в частности факторы долгосрочного экономического роста, длительное время. Относительно моделирования факторов экономического роста тех регионов, что входят в Уральский федеральный округ, а также в Уральский макрорегион, результаты уже представлены в опубликованных трудах автора [9]. В данном же исследовании речь пойдет не только об экономиках регионов Урала, но также о специфике долгосрочного роста экономик Приволжского федерального округа (ПФО).

Автор продолжает серию исследований, методологической основой которых выступает мультипликативная функция Кобба — Дугласа:

$$Q = A \cdot L^\alpha \cdot K^\beta, \quad (1)$$

где Q — объем производства; L — величина труда; K — величина капитала; A , α , β — параметры [1].

Подобного рода исследования, в поле зрения которых попадает экономический рост Уральского и Приволжского федеральных округов, встречаются в экономической литературе [4; 7]. Зачастую в целях количественного анализа авторы под трудовым фактором принимают фонд оплаты труда, а под капитальным фактором — стоимость основных фондов [4]. Однако автор данного исследования уходит от величин, измеряемых денежными единицами, и принимает решение проводить анализ при

помощи темпов роста, а потому в качестве регрессоров (независимых переменных) и выбраны таковые. Этот прием, помимо прочего, позволит уйти от риска автокорреляции в построенных моделях.

На основе функции Кобба — Дугласа была определена следующая спецификация модели, позволяющая оценить специфику долгосрочного роста регионов:

$$Y = A \cdot X_1^\alpha \cdot X_2^\beta \cdot X_3^\gamma \cdot X_4^\delta \cdot X_5^\lambda \cdot X_6^\varepsilon, \quad (2)$$

где Y — темп роста номинального валового регионального продукта (в текущих ценах); X_1 — темп роста промышленного производства; X_2 — темп роста среднегодовой численности занятого населения; X_3 — темп роста инвестиций в основной капитал; X_4 — темп роста стоимости основных фондов; X_5 — темп роста среднедушевых денежных доходов населения; X_6 — темп роста затрат на технологические инновации; A , α , β , γ , δ , λ , ε — параметры функции.

Уравнение (2) включает в себя как классические факторы экономического роста — труд и капитал (в виде темпов роста среднегодовой численности занятого населения, инвестиций в основной капитал, стоимости основных фондов), так и те факторы, которые соотносятся с идеями Р. М. Солоу относительно значимости уровня технологий (темп роста затрат на технологические

инновации) [3]. Кроме того, учитывая промышленную специфику исследуемых регионов, нельзя оставить без внимания рост промышленного производства. И, наконец, опираясь на идею кейнсианской макроэкономической теории о доходах населения как инструменте стимулирования совокупного спроса, а следовательно, и экономического роста, темп роста среднедушевых доходов населения автор включает в модель в качестве одной из независимых переменных [2].

С целью определить уникальные для каждого региона долгосрочные факторы экономического роста построим модели вида (2) для каждого региона Приволжского федерального округа. Округ включает в себя 14 регионов: республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Чувашская, Пермский край, Кировскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую и Ульяновскую области.

Модели для регионов Уральского федерального округа — Курганской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей — построены автором в предыдущих исследованиях [9]. Кроме того, для оценки факторов экономического роста, специфичных для федеральных округов, построим аналогичного вида модели, но уже по панельным данным, включающим в себя суммарную

выборку по всем входящим в соответствующий федеральный округ регионам. И, наконец, в целях увеличения выборки и построения максимально значимой модели объединим все изучаемые регионы в одну панель.

Результаты построения мультипликативных функций вида (2) приведены в табл. 1.

Вполне логичным является то, что в уравнениях 19—21 мы наблюдаем наибольшее количество статистически значимых переменных. В этих уравнениях численность наблюдений намного выше, чем в остальных уравнениях. Если сравнивать факторы экономического роста Уральского и Приволжского федеральных округов, то здесь можем сделать следующие выводы. Эластичность темпов роста промышленного производства (параметр α) оказалась примерно равной (в уравнении для УрФО это 0,531, в уравнении для ПФО — 0,555) и при этом является одним из наиболее высоких значений в сравнении с остальными параметрами каждого из уравнений. Это говорит о большой роли промышленного производства в рассматриваемых округах.

Доля промышленного производства в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, характерная для каждого из исследуемых регионов по состоянию на 2018 г., приведена на рис. 1.

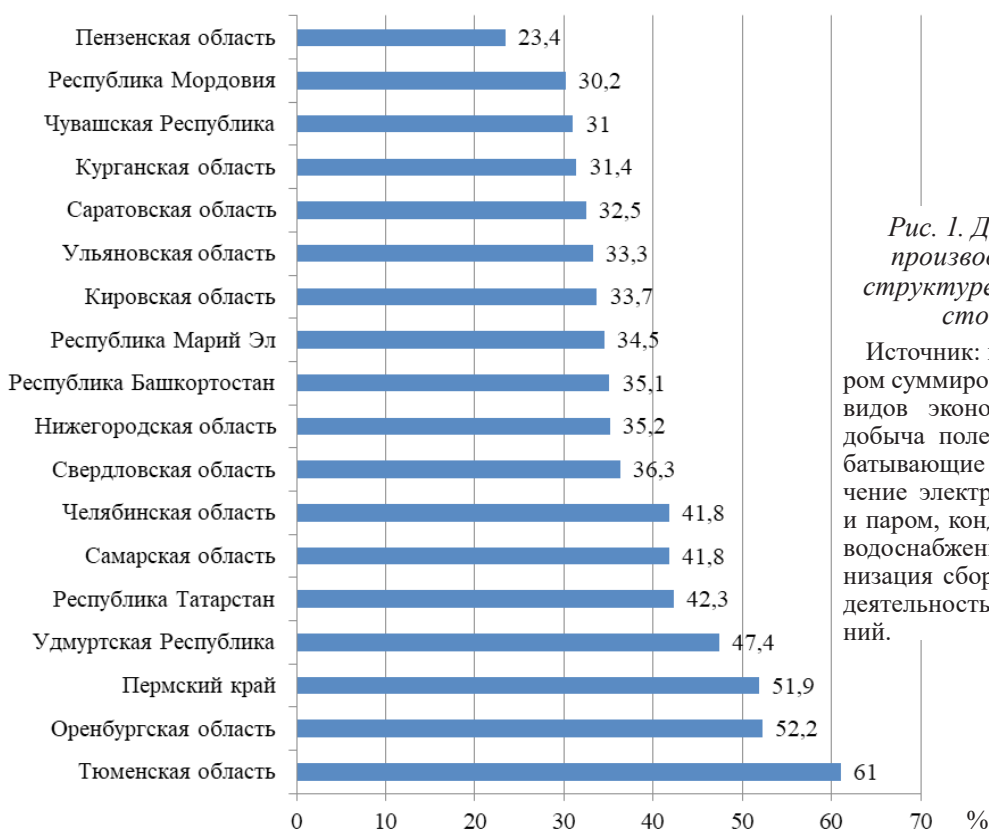

Рис. 1. Доля промышленного производства в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, 2018 г.

Источник: по данным Росстата автором суммированы следующие разделы видов экономической деятельности: добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

Таблица 1

Мультипликативные функции регионов Урала и Поволжья

№	Регион (выборка)	Кол-во наблюдений	Уравнение экономического роста	Нормированный коэффициент детерминации	Статистически значимые параметры*
1	Республика Башкортостан	22	$Y = 1,101 \cdot X_1^{1,299} \cdot X_2^{0,396} \cdot X_3^{0,209} \cdot X_4^{-1,140} \cdot X_5^{0,463} \cdot X_6^{0,000}$	0,75	α, λ
2	Республика Марий Эл	20	$Y = 1,037 \cdot X_1^{0,557} \cdot X_2^{-0,036} \cdot X_3^{-0,126} \cdot X_4^{-0,337} \cdot X_5^{0,367} \cdot X_6^{0,032}$	0,67	λ
3	Республика Мордовия	22	$Y = 0,999 \cdot X_1^{0,452} \cdot X_2^{0,013} \cdot X_3^{0,007} \cdot X_4^{0,168} \cdot X_5^{0,513} \cdot X_6^{0,027}$	0,63	λ
4	Республика Татарстан	22	$Y = 0,993 \cdot X_1^{0,077} \cdot X_2^{0,150} \cdot X_3^{0,400} \cdot X_4^{0,204} \cdot X_5^{0,309} \cdot X_6^{0,064}$	0,84	γ
5	Удмуртская Республика	22	$Y = 1,042 \cdot X_1^{0,913} \cdot X_2^{1,019} \cdot X_3^{0,165} \cdot X_4^{-0,191} \cdot X_5^{0,470} \cdot X_6^{0,043}$	0,76	α
6	Чувашская Республика	22	$Y = 1,050 \cdot X_1^{0,319} \cdot X_2^{0,522} \cdot X_3^{0,257} \cdot X_4^{0,065} \cdot X_5^{0,289} \cdot X_6^{0,008}$	0,83	γ
7	Пермский край	22	$Y = 1,061 \cdot X_1^{0,734} \cdot X_2^{0,895} \cdot X_3^{0,099} \cdot X_4^{-0,046} \cdot X_5^{0,307} \cdot X_6^{0,064}$	0,67	α
8	Кировская область	22	$Y = 1,032 \cdot X_1^{0,642} \cdot X_2^{0,129} \cdot X_3^{-0,027} \cdot X_4^{-0,238} \cdot X_5^{0,729} \cdot X_6^{-0,010}$	0,94	A, α, λ
9	Нижегородская область	22	$Y = 1,033 \cdot X_1^{0,327} \cdot X_2^{0,077} \cdot X_3^{0,129} \cdot X_4^{-0,367} \cdot X_5^{0,772} \cdot X_6^{-0,021}$	0,73	λ
10	Оренбургская область	22	$Y = 1,085 \cdot X_1^{0,259} \cdot X_2^{-0,057} \cdot X_3^{0,570} \cdot X_4^{-0,516} \cdot X_5^{0,372} \cdot X_6^{-0,088}$	0,80	γ, λ
11	Пензенская область	22	$Y = 1,037 \cdot X_1^{0,243} \cdot X_2^{1,757} \cdot X_3^{0,068} \cdot X_4^{-0,027} \cdot X_5^{0,597} \cdot X_6^{0,017}$	0,81	λ
12	Самарская область	22	$Y = 1,09 \cdot X_1^{1,065} \cdot X_2^{0,378} \cdot X_3^{0,115} \cdot X_4^{-0,330} \cdot X_5^{0,363} \cdot X_6^{-0,021}$	0,90	$A, \alpha, \gamma, \delta, \lambda$
13	Саратовская область	22	$Y = 0,966 \cdot X_1^{0,761} \cdot X_2^{-0,452} \cdot X_3^{-0,068} \cdot X_4^{0,151} \cdot X_5^{0,771} \cdot X_6^{-0,042}$	0,90	α, λ
14	Ульяновская область	22	$Y = 1,050 \cdot X_1^{0,122} \cdot X_2^{3,410} \cdot X_3^{0,024} \cdot X_4^{0,202} \cdot X_5^{0,493} \cdot X_6^{-0,012}$	0,78	β, λ
15	Курганская область	22	$Y = 1,081 \cdot X_1^{0,187} \cdot X_2^{0,963} \cdot X_3^{0,117} \cdot X_4^{-0,104} \cdot X_5^{0,401} \cdot X_6^{0,022}$	0,78	A, λ
16	Свердловская область	22	$Y = 1,081 \cdot X_1^{0,611} \cdot X_2^{0,080} \cdot X_3^{0,210} \cdot X_4^{-0,258} \cdot X_5^{0,305} \cdot X_6^{0,010}$	0,77	A, α
17	Тюменская область	22	$Y = 1,075 \cdot X_1^{1,633} \cdot X_2^{-0,086} \cdot X_3^{0,377} \cdot X_4^{-0,202} \cdot X_5^{0,351} \cdot X_6^{-0,076}$	0,72	$A, \gamma, \lambda, \varepsilon$
18	Челябинская область	22	$Y = 1,056 \cdot X_1^{1,032} \cdot X_2^{0,251} \cdot X_3^{-0,017} \cdot X_4^{-0,032} \cdot X_5^{0,416} \cdot X_6^{0,033}$	0,85	$\alpha, \lambda, \varepsilon$
19	Панельная выборка УрФО	88	$Y = 1,050 \cdot X_1^{0,531} \cdot X_2^{0,598} \cdot X_3^{0,168} \cdot X_4^{-0,045} \cdot X_5^{0,470} \cdot X_6^{-0,006}$	0,73	$A, \alpha, \gamma, \lambda$
20	Панельная выборка ПФО	306	$Y = 1,021 \cdot X_1^{0,555} \cdot X_2^{0,105} \cdot X_3^{-0,060} \cdot X_4^{-0,086} \cdot X_5^{0,611} \cdot X_6^{0,008}$	0,70	$A, \alpha, \beta, \gamma, \lambda$
21	Панельная выборка суммарно по 18 регионам	394	$Y = 1,024 \cdot X_1^{0,552} \cdot X_2^{0,116} \cdot X_3^{0,070} \cdot X_4^{-0,052} \cdot X_5^{0,595} \cdot X_6^{0,004}$	0,70	$A, \alpha, \beta, \gamma, \lambda$

Источник: составлено автором на базе данных Росстата.

* На уровне 5%.

Наряду с промышленным производством высокой эластичностью отличается темп роста среднедушевых доходов населения. Для ПФО параметр λ оказался в 1,3 раза выше, чем в уравнении УрФО (0,611 против 0,470). То есть мы смело можем констатировать важность доходов населения для экономического роста. Для ПФО эластичность темпа роста доходов населения оказалась выше, и можно предположить почему. Дифференциация субъектов ПФО в отношении доходов населения достаточно высока. Некоторые авторы сегодня даже говорят о рисках разрушения единого пространства ПФО по причине такого расслоения [15]. Наиболее высокий среднемесячный душевой доход характерен для Татарстана (33,1 тыс. руб.) и Нижегородской области (31,6 тыс. руб.). Самые низкие значения наблюдаются в Мордовии (18,05 тыс. руб.) и Чувашии (18,09 тыс. руб.) [15]. Как видим, соотношение практически двукратное. Для Урала тоже характерна высокая дифференциация, и даже куда большая. Если для Курганской области значение составляет 20,3 тыс. руб., то для Тюменской области — 46,1 тыс. руб. Но здесь, вероятно, играет роль не сам факт дифференциации, а тот момент, что для большинства регионов ПФО все же характерны значения ниже, чем для регионов УрФО.

Параметр λ оказался статистически значимым в шестнадцати уравнениях. И в большинстве уравнений фактор X_5 входит в топ-2 наиболее эластичных факторов. Самым высокоэластичным этот фактор является в уравнениях Республики Мордовия (0,513), Кировской (0,729), Нижегородской (0,772) Саратовской (0,771) областей, а также в уравнениях, построенных по панельным выборкам — ПФО (0,611) и суммарно все регионы (0,595).

Для большинства регионов Урала, за исключением Курганской области, эластичность фактора «темпа роста среднедушевых доходов населения» уступает эластичности фактора «темпа роста промышленного производства». Во многих из представленных в табл. 1 уравнениях темп роста промышленного производства демонстрирует высокоэластичные значения. Даже если исключить из анализа те уравнения, где параметр α оказался статистически незначим, останется большое число регионов, где промышленное производство является ключевым или одним из ключевых двигателей экономического роста. Это характерно для республик Башкортостан (1,299) и Удмуртской (0,913), Пермского края (0,734), Кировской (0,642), Самарской (1,065), Саратовской (0,761), Свердловской

(0,611), Челябинской (1,032) областей. Разбег указанных значений двукратный, но для каждого из регионов этот фактор оказался одним из наиболее высокоэластичных. Примечательно, что большинство перечисленных регионов (за исключением Кировской, Самарской и Саратовской областей) входят в состав Уральского макрорегиона, что лишний раз доказывает значимость промышленного производства для регионов Урала.

Проанализируем роль капитальных факторов (параметры γ , δ , ϵ). Статистически значимыми параметры γ получились в уравнениях 19 и 20, построенных по панельным данным, а также в уравнениях республик Чувашской и Татарстан, Оренбургской и Самарской областей. Наибольшую эластичность инвестиций в основной капитал демонстрирует Оренбургская область (0,570). Несколько ниже значения характерны для Республики Татарстан (0,400) и Чувашской Республики (0,257). Самое низкое значение наблюдается в Самарской области. Можно предположить, что есть некая связь между объемами инвестиций в основной капитал и тем, насколько эластичным является темп роста инвестиций. Так, например, Республика Башкортостан по усредненному за пять лет значению инвестиций в основной капитал занимает первое место среди регионов ПФО [14]. И для этого региона характерно одно из самых высоких значений параметра γ . Пензенская и Ульяновская области демонстрируют низкие значения параметра γ (0,068 и 0,024 соответственно). И в рейтинге инвестиций в основной капитал они занимают 8-е и 9-е места [Там же]. Но связь эту все же нельзя назвать явно линейной, так как ряд регионов выбивается из этой зависимости. Например, для Оренбургской области характерно самое высокое значение параметра γ (0,570), а она занимает лишь пятое место в ПФО по рейтингу инвестиций. Но все же автор возьмет на себя смелость заявить о недостаточности инвестиций в большинстве регионов с тем, чтобы их рост давал хоть какую-то ощутимую отдачу в отношении экономического роста.

Если же уйти от регионального разреза и говорить об округах, то для Уральского федерального округа темп роста инвестиций в основной капитал в 2,8 раза эластичнее аналогичного параметра в панельном уравнении Приволжского федерального округа (0,168 против 0,060). С точки зрения абсолютных величин параметр γ уступает прочим факторам экономического роста. Однако, безусловно, играет свою роль, чего не скажешь о темпах роста стоимости основных фондов. Параметр δ

вовсе оказался статистически незначимым во всех уравнениях, за исключением Самарской области, где степень $\delta = -0,330$.

Общей для всех построенных уравнений стала незначимость параметра ε , отражающего эластичность воздействия темпов роста затрат на технологические инновации на экономический рост. Этот параметр оказался статистически значимым лишь в двух уравнениях — уравнениях Тюменской и Челябинской областей. Однако в каждом из уравнений этот параметр демонстрирует самые низкие в абсолютном выражении значения среди прочих параметров.

Исследования, проведенные другими авторами в отношении инновационной активности регионов ПФО, показали некий дисбаланс между вложенным инновационным капиталом и его отдачей. Например, высокие значения инновационного потенциала в сравнении со среднероссийскими значениями, характерные для Нижегородской области, не обеспечивают высокой эффективности инновационной деятельности. Или же, наоборот, Республика Мордовия со скромными показателями инновационного потенциала демонстрирует лидерство по удельному весу инновационной продукции [12]. Далеко не всегда инновационно развитые регионы показывают высокую отдачу от вложенных инновационных инвестиций [13]. Низкие значения параметра ε лишний раз это показали.

Противоречивым оказался трудовой фактор — параметр β . Лишь в уравнениях 20 и 21, построенных по панельной выборке, а также в уравнении экономического роста Ульяновской области этот параметр оказался статистически значимым. В уравнении Ульяновской области значение параметра β составило 3,410, что в принципе несопоставимо ни с одной из степеней в полученных уравнениях. Для уравнения, построенного по панельным значениям Уральского федерального округа, трудовой фактор оказался опять же статистически незначимым, что усложняет возможность корректного сравнения федеральных округов.

Согласно исследованию А. М. Исупова, для Нижегородской и Самарской областей численность рабочей силы является достаточной для целей социально-экономического развития регионов [11]. В Республике Татарстан за период с 1995 по 2018 г. численность занятого населения выросла в 2,31 раза. В Республике Марий Эл в 2,11 раза. Для Республики Мордовия характерен рост в два раза. Для Самарской области на 6,3%. Остальные регионы ПФО демонстрируют падение численно-

сти занятого населения. Для сравнения, на Урале регионов, показывающих такой большой рост, как ряд регионов ПФО, нет. Лишь Тюменская область показывает рост численности занятых за аналогичный период на 24%. В Челябинской области рост составил лишь 4%. Свердловская и Курганская области демонстрируют падение (на 9 и 25% соответственно). Ни о каком двукратном росте занятого населения в Уральских регионах речи не идет. А потому и можно предположить, что трудовой фактор должен быть куда более эластичным для регионов Урала, чем для регионов ПФО.

Исследований, посвященных ранговому, балльным, интегральным оценкам уровня социально-экономического развития региона, уровня устойчивости роста экономик региона, множество. Однако немногие авторы уделяют внимание анализу развития регионов Уральского и Приволжского федеральных округов. Среди опубликованных трудов есть некая общность в полученных результатах, несмотря на различие в методиках исследования. Изучая группировку регионов в контексте подхода «центр — периферия», В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев, Ю. Ш. Капкаев к центру относят Республику Татарстан и Свердловскую область. Такой результат получен по сумме трех показателей: ВРП на душу населения, коэффициента миграционного прироста/убыли населения на 10 тыс. жителей, рейтинга качества жизни. Авторы разделили регионы УрФО и ПФО на «центр», «периферию 1» и «периферию 2». В группу «периферия 1» попали республики Башкортостан, Удмуртская, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Самарская, Челябинская области. К «периферии 2» отнесены республики Марий Эл, Мордовия, Чувашская, области Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Курганская. Тюменская область с ее автономными округами названа «нетипичным наблюдением» [8].

И. В. Ёлохова, О. В. Буторина, Ю. В. Стародумова сгруппировали субъекты Приволжского федерального округа с точки зрения фазовых характеристик и метода ранжирования. Авторы выделили три группы. К регионам-лидерам были отнесены республики Татарстан, Башкортостан, Самарская и Нижегородская области, Пермский край. Для первой группы характерны прогрессивные тенденции, фаза подъема. Вторая группа аккумулирует регионы, занимающие средние позиции. Сюда были определены следующие регионы ПФО: Саратовская и Оренбургская области, Удмуртская Республика. Для этой группы в качестве базовой тенденции

названо неустойчивое развитие с разной степенью оживления. И, наконец, в третью группу попали регионы-аутсайдеры, для которых характерно устойчивое депрессивное состояние: Пензенская, Ульяновская, Кировская области, республики Чувашская, Мордовия, Марий Эл [10]. Интересен тот факт, что Республика Марий Эл и Пензенская область по темпам наращивания объема инновационных товаров, работ и услуг в расчете на тысячу человек населения значительно опережают остальные регионы ПФО [13], однако попадают эти регионы в категорию «аутсайдеров».

Интегральный анализ устойчивости регионов ПФО и УрФО с точки зрения количественной оценки потенциалов провел М. С. Арзуманян. Факторы, определяющие устойчивое развитие регионов, были разделены автором на пять блоков: экономические, политические, экологические, социальные, институциональные. Регионы были классифицированы по принципу разделения устойчивости на «абсолютную», «высокую», «среднюю», «умеренную». Абсолютная устойчивость характерна для Республики Татарстан и Нижегородской области. Высокий уровень занимают семь регионов:

республики Башкортостан, Чувашская, области Пензенская, Самарская, Свердловская, Тюменская (без АО) и Челябинская. Средний уровень определен для большинства субъектов; умеренный — для Оренбургской области и Ямало-Ненецкого автономного округа [5].

Нужно сказать, что расстановка сил между исследуемыми регионами различна. Простая долгосрочная динамика ВРП (рис. 2) уже позволяет сделать некоторые выводы. Соотношение сил между регионами практически не меняется. Лидеры с позиции объема регионального продукта остаются таковыми на протяжении всего периода. Но разрыв в абсолютном выражении все же налицо. Таблица 2 позволяет увидеть, есть ли связь между «силой» региона (в плане размера ВРП) на сегодняшний момент (2018 г.) и динамикой роста — тем, во сколько раз экономика соответствующего региона выросла за период 1996—2018 гг.

В левой части табл. 2 приведено значение, отражающее, во сколько раз ВРП соответствующего региона вырос за период с 1996 по 2018 г. В правой части таблицы приведен размер ВРП по состоянию на 2018 г. Для удобства восприятия

Таблица 2

Величина валового регионального продукта регионов УрФО и ПФО и рост такого за период 1996—2018 гг.

Регион	Рост ВРП 2018/1996	Регион	ВРП в 2018, млн руб. (в текущих ценах)
Кировская область	22,10	Республика Марий Эл	177 728,7
Ульяновская область	23,53	Курганская область	213 032,1
Самарская область	25,40	Республика Мордовия	227 287,6
Курганская область	25,52	Чувашская Республика	297 774,1
Саратовская область	28,75	Кировская область	332 556,2
Чувашская Республика	28,87	Ульяновская область	347 854,1
Республика Мордовия	29,89	Пензенская область	400 516,8
Республика Башкортостан	30,12	Удмуртская Республика	631 118,3
Пермский край	30,31	Саратовская область	712 545,4
Челябинская область	30,33	Оренбургская область	1 000 644,0
Нижегородская область	32,13	Пермский край	1 318 472,7
Свердловская область	33,86	Нижегородская область	1 367 544,0
Удмуртская Республика	34,88	Челябинская область	1 473 727,8
Пензенская область	35,16	Самарская область	1 510 518,7
Республика Марий Эл	38,14	Республика Башкортостан	1 673 695,8
Оренбургская область	38,75	Свердловская область	2 277 576,3
Республика Татарстан	42,84	Республика Татарстан	2 469 217,4
Тюменская область	47,92	Тюменская область	8 790 443,4

Источник: составлено автором по данным Росстата.

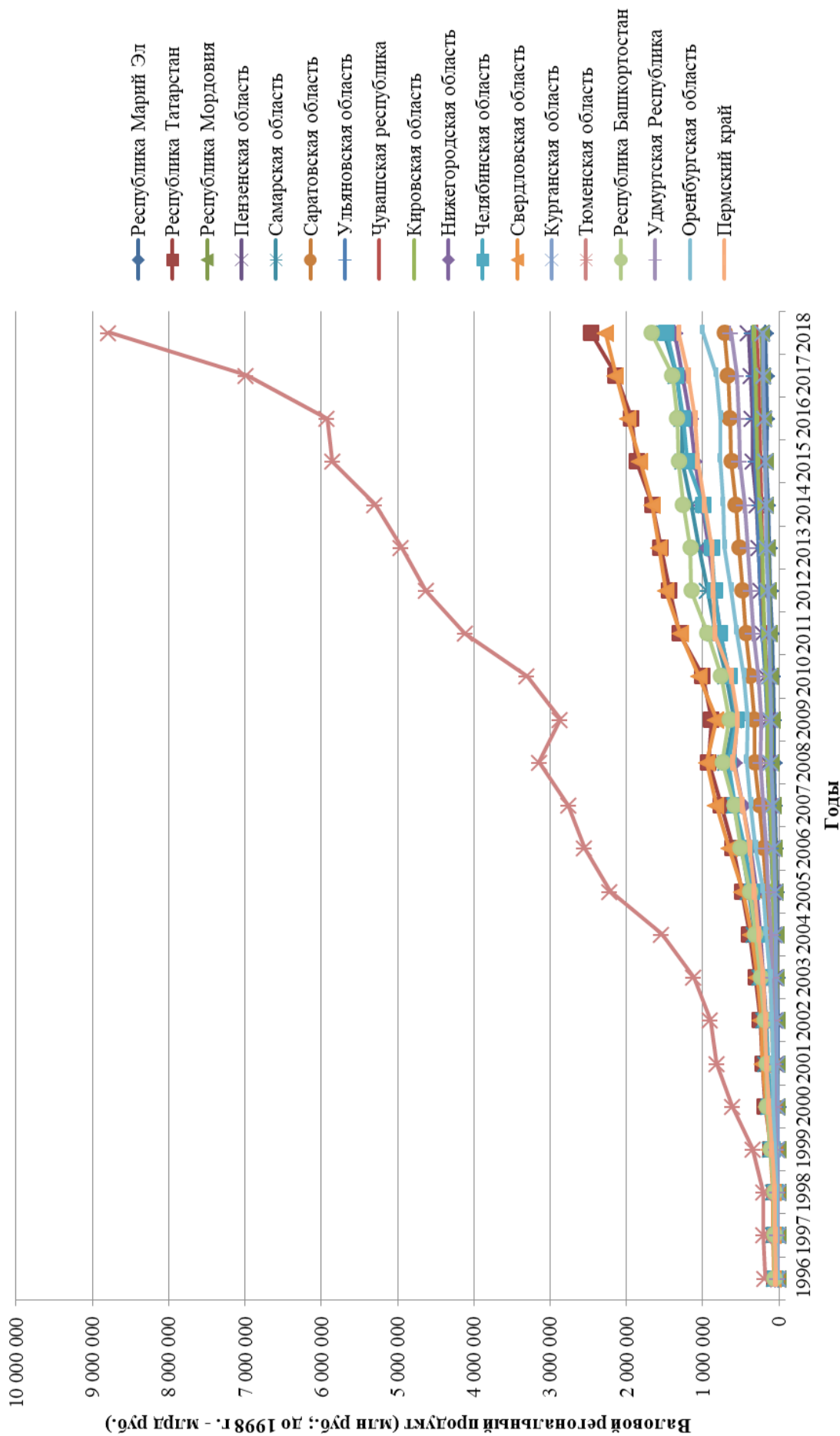

Рис. 2. Динамика валового регионального продукта регионов УрФО и ПФО

Источник: построено автором по данным Росстата.

обе части таблицы упорядочены по возрастанию значений.

Очевидно, что есть некая связь между тем, насколько большим с точки зрения ВРП сегодня является регион, и тем, какой рост за 23 года регион показал. Если Тюменская область и Республика Татарстан сегодня являются лидерами по объему ВРП, то эти же два региона демонстрируют и самый высокий рост. Такая связь характерна не для всех регионов. Например, Республика Марий Эл занимает четвертое место с точки зрения роста ВРП, однако является самой маленькой экономикой из двух федеральных округов.

Можно даже говорить о некоей инерционности развития большинства регионов УрФО и ПФО. Сегодня все чаще в экономической литературе звучат идеи о несогласованности существующих на разных уровнях стратегий социально-экономического развития [6]. А потому можно говорить об инерционном, нежели целевом сценарии развития регионов.

Подведем итог относительно общих факторов экономического роста. Это позволяет сделать уравнение 21 из табл. 1, построенное по панельным данным всех восемнадцати регионов. В уравнении все параметры, за исключением δ и ϵ , оказались статистически значимыми. Наибольшую эластичность показывает фактор «темпа роста среднедушевых доходов населения» (0,595). Вторым по степени эластичности фактором выступает темп роста промышленного производства (0,552). Третье место приходится на трудовой фактор — темп роста среднегодовой численности занятых (0,116). Инвестиции в основной капитал занимают последнее место среди прочих факторов (0,070). Статистически незначимые параметры темпов роста стоимости основных фондов и затрат на технологические инновации оказались крайне низкими по абсолютному выражению.

Список литературы

1. Cobb C. W., Douglas P. H. A Theory of Production // *American Economic Review*. 1928. Vol. 18 (Supplement). P. 139—165.
2. Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. 1936. 394p. URL: <http://www.hetwebsite.net/het/texts/keynes/gt/gtcont.htm> (дата обращения 15.10.2020).
3. Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70, no. 1. Pp. 65—94.
4. Алферова Т. В., Третьякова Е. А. Производственная функция экономики регионов: пример Уральского экономического района // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2018. Т. 19, № 5. С. 72—83.
5. Арзуманян М. С. Уровень устойчивости регионов Приволжского и Уральского федеральных округов России // *Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн*. 2020. № 3 (63).
6. Атаева А. Г., Орешников В. В. Проблемы разработки стратегий социально-экономического развития в регионах Приволжского федерального округа // *Региональные исследования*. 2019. № 3 (65). С. 63—75.
7. Базуева Е. В., Радионова М. В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 2. С. 56—70.
8. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // *Социум и власть*. 2019. № 5 (79). С. 65—83.
9. Бенц Д. С. Моделирование факторов экономического роста регионов Урала и РФ // *Journal of New Economy*. 2020. Т. 21, № 3. С. 112—131.
10. Ёлохова И. В., Буторина О. В., Стародумова Ю. В. Группировка регионов на основе использования процессного подхода к исследованию динамики промышленного развития // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 4. С. 191—203.

11. Исупов А. М. Экономическая активность населения регионов Приволжского федерального округа // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2019. Т. 10, № 3. С. 12—17.
12. Мурашова Н. А. Проблемы инновационного развития регионов России (на примере Приволжского федерального округа) // Фундаментальные исследования. 2020. № 2. С. 59—64.
13. Носков А. А., Третьякова Е. А. Оценка эффективности инновационной деятельности в регионах Приволжского федерального округа // Друкеровский вестник. 2020. № 2 (34). С. 305—324.
14. Старкова О. Я. Инвестиции в основной капитал в Приволжском федеральном округе // Экономика и управление: науч.-практ. журн. 2020. № 3 (153). С. 102—106.
15. Устинкин С. В., Куконков П. И. Социальные последствия финансово-экономической дифференциации регионов на примере Приволжского федерального округа // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2020. № 6 (365). С. 111—122.

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 93—102.*

LONG-TERM ECONOMIC GROWTH SPECIFICS OF THE URALS AND VOLGA REGIONS

D. S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The author continues a series of articles on regional economic growth. The object of the study is the economic growth of the regions in the Volga and Ural federal districts. The methodological basis is the modified Cobb — Douglas model — namely, a multiplicative function. This function includes the growth rate of the gross regional product as the dependent variable. And there are six independent variables, namely the growth rate of industrial production, the average annual population employed, investments in fixed assets, the cost of fixed assets, average per capita incomes of the population and costs of technological innovations. The article shows 21 equations: for 18 regions of the Urals and Volga region, as well as three equations built on the panel data — for the Ural and Volga federal districts, as well as a total of a sample of regions of two federal districts. The high elasticity of two factors is confirmed: the growth rate of average per capita incomes of the population and the growth rate of industrial production.

Keywords: *Ural Federal District, Volga Federal District, regions, regional economic growth, econometric modeling, regression analysis, modified Cobb-Douglas multiplicative function.*

References

1. Cobb C. W., Douglas P. H. (1928) *American Economic Review*, vol. 18, pp. 139—165.
2. Keynes J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*, 394 p. Available at: <http://www.hetwebsite.net/het/texts/keynes/gt/gtcont.htm>, accessed 15.10.2020.
3. Solow R. M. (1956). *A Contribution to the Theory of Economic Growth. The Quarterly Journal of Economics*, vol. 70, no. 1, pp. 65—94.
4. Alferova T. V., Tretyakova Ye. A. (2018). *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta — Journal of the Ural State University of Economics*, vol. 19, no. 5, pp. 72—83 [in Russ.].
5. Arzumanyan M. S. (2020) *Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 3 (63) [in Russ.].
6. Ataeva A. G., Oreshnikov V. V. (2019). *Regional'nye issledovaniya*, no. 3 (65), pp. 63—75 [in Russ.].

7. Bazueva E. V., Radionova M. V. (2020). *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 13, no. 2, pp. 56—70 [in Russ.].
8. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Kapkaev Iu. Sh. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].
9. Benz D. S. (2020). *Journal of New Economy*, vol. 21, no. 3, pp. 112—131 [in Russ.].
10. Elokhova I. V., Butorina O. V., Starodumova Yu. V. (2019). *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki*, no. 4, pp. 191—203 [in Russ.].
11. Isupov A. M. (2019). *Vestnik of Samara University. Economics and Managemen*, vol. 10, no. 3, pp. 12—17 [in Russ.].
12. Murashova N. A. (2020). *Fundamental Research*, no. 2, pp. 59—64 [in Russ.].
13. Noskov A. A., Tretiakova E. A. (2020). *Drukerovskij vestnik*, no. 2 (34), pp. 305—324 [in Russ.].
14. Starkova O. Ya. (2020). *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal*, no. 3 (153), pp. 102—106 [in Russ.].
15. Ustinkin S. V., Kukonkov P. I (2020). *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' — Observer*, no. 6 (365), pp. 111—122 [in Russ.].

ВКЛАД ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

М. А. Лебедева

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

В современном мире проблема несбалансированности экологических и экономических аспектов развития становится все более актуальной. Особенно сильно эта несбалансированность проявляется в региональных природно-хозяйственных системах, где между экономикой и природой выстроены очень тесные взаимосвязи. Однако оценке и пониманию роли природно-хозяйственной системы в развитии региона не уделяется должного внимания. Поэтому целью работы стала количественная оценка вклада природно-хозяйственной системы в экономическое развитие региона. В результате работы был предложен метод оценки, позволяющий учесть прямые и обратные связи во взаимодействии природы и хозяйства. Данный метод был апробирован на примере Вологодской области. Результаты расчета показали, что вклад природно-хозяйственной системы в экономику региона составил более 80 % валового регионального продукта. В качестве инструмента для обеспечения баланса между природно-ресурсными возможностями экосистем и потребностями социально-экономической системы региона обосновано развитие экологического предпринимательства.

Ключевые слова: *экономическое развитие, регион, природно-хозяйственная система, эколого-экономическая система, промышленный регион.*

Одной из важных проблем, стоящих как перед миром в целом, так и перед Российской Федерацией и ее регионами, является нарастающее противоречие между необходимостью экономического роста, социально-экономического развития, повышения качества жизни и потребностью сохранения природной среды (природного капитала). Для всех регионов России общей является потребность в модернизации и развитии, которые неотделимы от вопросов комплексного управления регионом и обеспечения устойчивости этого развития. Только обеспечив устойчивое социально-экономическое развитие каждого конкретного региона при сохранении его природного капитала, возможно обеспечить качество жизни, соответствующее современным стандартам и потребностям, а также общее стабильное социально-экономическое развитие страны [3. С. 29; 11].

С быстрым распространением в мире идеи устойчивого развития — основной парадигмы управления экономикой в XX в. — стало необходимо рассматривать в качестве целостного объекта управления природно-хозяйственную систему (ПХС) крупных регионов [3. С. 29].

По мнению профессора, доктора экономических наук Т. В. Усковой, главной ареной для внедрения

теории устойчивого развития в практику должны стать именно регионы. Это обусловлено тем, что регионы занимают равноудаленное положение среди всех уровней управления (центр — федеральные округа — регионы — муниципалитеты (районы) — граждане), соизмеримы по площади территории со многими странами и представляют оптимальную структуру для позиционирования во внешнеэкономическом пространстве. К тому же в российских условиях регион является связующей организационно-территориальной структурой, которая решает задачу объединения огромного разнообразия хозяйствующих субъектов в единое целое [16. С. 6].

Существует множество подходов к пониманию категории «регион». В рамках данной работы автор придерживается системного подхода, с позиций которого регион — социально-экономическая система, в которой воспроизводятся социальные и экономические процессы жизнеобеспечения людей. Являясь сложной социально-экономической системой, регион состоит из множества взаимосвязанных элементов (подсистем, компонентов). Так, например, автор [6. С. 34] в структуре региона выделяет экономическую, социальную и экологическую подсистемы. Академики Д. С. Львов и А. Г. Гранберг,

а также профессор, доктор экономических наук А. П. Егоршин выделяют в системе региона региональное хозяйство, агропромышленный комплекс, производственную, социальную, финансово-экономическую и управленческую сферы [14. С. 143]. Доктор экономических наук В. Е. Сактоев [12. С. 35] выделяет пять подсистем: социальную, экологическую, экономическую, технико-технологическую, инновационную подсистемы. Доктор экономических наук В. К. Севек и А. Э. Чульдун [13. С. 12] выделили шесть структурных элементов региона: население и среда обитания, природно-ресурсный блок, производственная система, социальная подсистема, организационная подсистема и информационный комплекс. На основе этой структуры в рамках настоящей работы была выделена природно-хозяйственная подсистема региона (рис. 1).

Каждая из выделенных подсистем обладает свойствами самоорганизации, определенной самостоятельностью и развивается в соответствии с присущими ей закономерностями.

Исследователи по-разному трактуют термин «природно-хозяйственная система». Анализ информационных источников позволил выделить два наиболее распространенных подхода (табл. 1).

В данном исследовании *природно-хозяйственная система* будет рассматриваться в рамках системного подхода через взаимодействие природы и хозяйства, а под *природно-хозяйственной системой*

будет пониматься географически локальная, открытая система взаимодействия природы и хозяйства, осуществляемого через обмен веществом и энергией.

В настоящее время не сложилось единого мнения не только о сущности ПХС, но и о ее структуре. Исследователи ПХС по-разному показывают ее структуру.

А. В. Петров приводит упрощенный подход к определению ПХС, согласно которому природно-хозяйственная система может быть представлена как модель, на входе которой — природные ресурсы, а на выходе — отходы экономической деятельности, загрязняющие окружающую среду [9. С. 42]. Автор отмечает, что природная (экологическая) часть ПХС характеризуется как система, сформированная без вмешательства человека, и носящая постоянный характер. Хозяйственная (экономическая) система представляет собой форму искусственной среды, являющейся результатом человеческой деятельности и носит относительно временной характер. Таким образом, можно сделать вывод, что автор отождествляет понятие «природно-хозяйственная система» с понятием «эколого-экономическая система». Той же точки зрения придерживаются и М. Я. Лемешев, Н. В. Чепурных, Н. П. Юрина [7. С. 53], А. Я. Якобсон, Б. Б. Якобсон [21], О. С. Шимова, Н. К. Соколовский [19], И. П. Нужина и О. Б. Юдахина [8].

Рис. 1. Подсистемы региона

Составлено автором.

Таблица 1

Подходы к пониманию природно-хозяйственной системы

Авторы	Характеристика подхода
<i>ПХС как система взаимодействия хозяйства (экономики) и природы</i>	
Б.А. Красноярова, С. Г. Платонова, С. Н. Шарабарина, В. В. Скрипко [4. С. 21], И. В. Архипова	Хозяйственная система, структура и функционирование которой в значительной мере детерминированы природными условиями и ресурсами развития
Г. И. Швебс [18. С. 34]	Форма существования географической среды в ее целостности и конкретности, которая представлена специфическим составом территориальных органов и способом обмена веществ
М.Я. Лемешев, Н. В. Чепурных, Н. П. Юрина [7]	Совокупность общественного производства (экономическая подсистема) и окружающей природной среды (экологическая подсистема), взаимодействующих между собой
О. С. Шимова Н. К. Соколовский [19] А. Я. Якобсон Б. Б. Якобсон [21]	Интеграция экономики и природной среды (природы и хозяйства), представляющая собой взаимосвязанное и взаимообусловленное функционирование общественного производства и естественных процессов в природе
А. В. Петров [9. С. 42]	Класс сложной динамической системы, базирующейся на взаимоотношениях между материальными структурами, которые созданы природой и хозяйственной деятельностью человека
<i>ПХС как территориальное образование</i>	
Е. А. Позаченюк [10]	Территория, представленная природными компонентами и их отношениями, а также хозяйственными подсистемами
В. Н. Бурков, Д. А. Новиков, А. В. Щепкин [1. С. 21]	Совокупность взаимосвязанных экономических, природных, социальных и технических факторов, находящих свое проявление в рамках определенного территориального пространства
Д. В. Черных [17. С. 84]	Участок территории, однородный с точки зрения предпосылок и ограничений для тех или иных видов использования
С. П. Суразакова [15. С. 75]	Часть природной среды, имеющая свои морфологические характеристики, освоенная человеком, в пространственно-временных границах которой осуществляется хозяйственная и иная деятельность и поддерживаются условия нормальной жизнедеятельности населения
В. М. Разумовский [Природопользование: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 296 с.]	Сложное территориальное образование, причиной формирования которого является взаимодействие природных и хозяйственных территориальных комплексов в процессе природопользования

Однако этими авторами рассматривается только прямая связь, отражающая влияние хозяйства, преимущественно негативное, на природную среду. Следует отметить, что необходимо учитывать положительное влияние хозяйства на природу, выражающееся в воспроизводстве природных ресурсов и поддержании устойчивости экосистем. Также необходимо учитывать обратные связи в природно-хозяйственной системе, то есть влияние природной среды на хозяйство. Так, например, определенные природные условия и процессы могут как негативно, так и положительно сказаться на экономической составляющей [22]. С учетом этого структура природно-хозяйственной подсистемы будет включать в себя составляющие природной и хозяйственной подсистем, оказывающих влияние друг на друга через прямые и обратные связи (рис. 2).

Природная подсистема — совокупность компонентов природной среды, природных и природно-

антропогенных объектов, взаимосвязанных протекающими в них процессами.

Если относительно составляющих природной подсистемы все однозначно, то в отношении понятия «хозяйство» нет единого определения. На наш взгляд, очень точным было замечание члена-корреспондента, доктора географических наук, профессора В. Н. Лаженцева: «Понятие хозяйства не сводится только к производству, экономике, а содержит нечто большее — человека, его мировоззрение, социальную организацию частного и общественного труда и быта, широкий спектр хозяйственных отношений и институтов. Хозяйство насыщается природой не только как потребитель ресурсов, но и как создатель окружающей среды человека, включая организацию антропогенных и природно-антропогенных систем» [5. С. 21]. Следовательно, *хозяйственная подсистема — система, обеспечивающая удовлетворение потребностей людей и общества*

Рис. 2. Схема взаимодействия компонентов природно-хозяйственной системы
Составлено автором.

путем создания и использования необходимых жизненных благ¹.

Исходя из анализа сущности природно-хозяйственной подсистемы региона можно сделать вывод о том, что природно-хозяйственная система региона вносит вклад в развитие региона через частичное удовлетворение потребностей населения, стимулирование изменения качества экономического роста («зеленый» рост), содействие сохранению целостности природных систем и их восстановлению. Поэтому целью данной работы является количественная оценка вклада природ-

но-хозяйственной системы в экономическое развитие региона.

В настоящее время экономическая оценка вклада эколого-экономической системы в развитие региона в большинстве случаев осуществляется с помощью эколого-экономического моделирования. Многими учеными, как отечественными (М. Ф. Замятина [20], А. Я. Якобсон [21], Е. А. Клевакина, И. А. Забелина, М. С. Муртазина [24], О. И. Охрименко, И. М. Мальцев [26]), так и зарубежными (О. Banerjee [22], L. Hardt [23], W. Leontief [25], P. Victor [27]), строились модели эколого-экономических систем и оценивался их вклад на национальном, региональном уровне или на уровне отдельной экосистемы [23—27]. Как

¹ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.

было отмечено ранее, многими исследователями часто учитываются только прямые связи во взаимодействии подсистем, то есть окружающая среда является источником ресурсов для хозяйственной деятельности, в ходе которой образуются отходы (загрязняющие вещества), в дальнейшем размещаемые (возвращаемые) в окружающую среду. В 1973 г. В. Леонтьев в своей модели отметил не только отрицательное, но и положительное воздействие экономики на природную подсистему, выделив сферу хозяйственной деятельности, направленную на борьбу с загрязнением и деградацией природы [25. С. 568]. Доктор экономических наук М. Ф. Замятина также отмечает о необходимости учета обратных связей. Однако влиянию природной среды на функционирование экономической подсистемы через природные условия и явления, в частности неблагоприятные, внимания практически не уделяется [20. С. 8].

На наш взгляд, вклад ПХС можно выразить через воспроизводство природных ресурсов, создание добавленной стоимости за счет использования их и ассимиляционного потенциала природной среды, а также оказание поддержки воспроизводству природной среды за счет природоохранных расходов. В то же время затраты на охрану окружающей среды осуществляются за счет полученного экономического эффекта и не всегда в полной мере возмещают причиненный природе ущерб. Также экономический эффект снижается из-за негативного влияния неблагоприятных природных условий и явлений. Поэтому с учетом прямых и обратных связей вклад природно-хозяйственной системы (K) в экономическое развитие будет осуществляться по формуле

$$K = \sum_{i=1}^n r_i p_i + \sum_{j=1}^m a_j - \sum_{c=1}^l x_c - \sum_{q=1}^s u_q - \sum_{f=1}^w (b_f y_f + z_f),$$

где r_i — количество природного ресурса i ; p_i — цена природного ресурса i ; a_j — добавленная стоимость, созданная отраслью j , использующей природные ресурсы и ассимиляционный потенциал региона; x_c — затраты на охрану окружающей среды по направлению c ; u_q — экономический ущерб от загрязнения окружающей среды воздействием q (выбросы, сбросы загрязняющих веществ, размещение отходов); b_f — затраты на ликвидацию последствий опасных метеорологических явлений, лесных пожаров, чрезвычайных ситуаций природного происхождения f ; y_f — количество опасных метеорологических явлений, лесных пожаров, чрез-

вычайных ситуаций природного происхождения f ; z_f — упущенная выгода из-за приостановления работы предприятий по причине опасного природного явления f .

В данной формуле особый интерес представляют природоохранные затраты (x_c), так как, с одной стороны, это средства, которые извлекаются из экономики с целью охраны окружающей среды, с другой стороны, планируемый от них эффект будет способствовать воспроизводству и сохранению природного капитала и, как следствие, поддержанию возможности пользоваться природными ресурсами на долгосрочной основе.

Предлагаем оценить вклад природно-хозяйственной системы в экономическое развитие региона на примере Вологодской области в 2017 г. Вологодская область — промышленный регион, экономическая деятельность которого в значительной мере использует ассимиляционный потенциал региональной экосистемы, а также ее природные ресурсы (поверхностные и подземные воды, общераспространенные полезные ископаемые, биоресурсы). Так, в 2017 г. стоимость извлеченных природных ресурсов из среды составила 114,2 млрд руб. (табл. 2). Стоимость ресурсов рассчитывалась исходя из размеров платы за их использование, вносимой природопользователями.

Важно понимать, что отразить полный перечень тех ресурсов, что дает природа, очень трудно как по причине отсутствия методик расчета (например, использование плодородия почвы), так и по причине отсутствия статистического мониторинга по некоторым из них. Также довольно сложно оценить стоимость природного или природно-антропогенного объекта, например озера, так как такой объект будет и средой для водного транспорта, и источником водных и рыбных ресурсов. В целом по области можно сделать вывод о том, что данный регион не располагает металлическими и традиционными топливно-энергетическими ресурсами (за исключением торфа), имеющиеся минеральные ресурсы используются преимущественно для строительства и производства строительных материалов; лесные — для лесной, целлюлозно-бумажной промышленности, деревянного строительства и экспорта; вода — для внутреннего пользования и потребления; охотничьи и водные биоресурсы — для промышленной и любительской добычи.

Еще одним активно используемым ресурсом природной среды в Вологодской области является ассимиляционный потенциал — специфический природный ресурс, представляющий собой

Таблица 2

Стоимость изъятых ресурсов из природной среды

Вид ресурса	Объем добычи	Цена изъятия, руб.	Стоимость, млн руб.	Доля
Пески строительные, тыс. м ³	2721,1	116 093,3	315,9	0,3
ПГМ, тыс. м ³	1674,2	94 010,0	157,4	0,1
Карбонатное сырье, тыс. т	2189,2	967 922,5	2119,0	1,8
Глины кирпичные и керамзитные тыс. м ³	44,7	602 500,0	26,9	0,0
Торф, тыс. т	4,7	729 535,0	3,4	0,0
Вода, млн м ³	223 648,4	282 000,0	63 068,8	54,9
Древесина, тыс. м ³	15 622,7	1 596 759,0	24 945,7	21,7
Лиственных пород, тыс. м ³	9196,3	1 299 045,0	11 946,4	10,4
Хвойных пород, тыс. м ³	6426,5	1 894 473,0	12 174,8	10,6
Охотничьи ресурсы, особей	24 3297,0	100—40000	191,8*	0,2
Водные биоресурсы, т	1390,0	200—1800	0,2	0,0
Всего по области			114 950,3	100,0

Источник: Комплексный территориальный кадастр природных ресурсов Вологодской области за 2017 г., Центральная база статистических данных, Налоговый кодекс (ст. 333.3).

* Стоимость охотничьих и водных биоресурсов рассчитывалась как произведение добытых ресурсов на ставку сбора за пользование объектами животного мира.

способность окружающей природы воспринимать различные антропогенные воздействия в определенных масштабах без изменения своих основных свойств в неопределенно длительной перспективе. В наибольшей степени данный ресурс используется объектами, образующими хозяйственную подсистему ПХС и создающими наибольшую долю валовой добавленной стоимости в регионе (табл. 3).

Основной вклад в добавленную стоимость, создаваемую ПХС, вносят обрабатывающие производства, главным образом металлургические и химические предприятия. Данные предприятия работают не на региональных ресурсах, но ими оказывается наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и в то же время осуществля-

ются наиболее серьезные природоохранные меры. Так, в 2017 г. АО «Апатит» разместило около 53 % всех размещенных отходов в области (2778,6 тыс. т из 5241,45 тыс. т) и произвело техническое перевооружение производства фторида алюминия.

Экономический ущерб от загрязнения окружающей среды предлагается оценивать через плату за негативное воздействие на окружающую среду (плата за НВОС). Данные о плате за НВОС представлены в табл. 4. Наибольшая доля платы за негативное воздействие на окружающую среду приходится на размещение отходов производства и потребления (66,9%).

Антропогенное и техногенное воздействие на природную среду в Вологодской области весь-

Таблица 3

Валовая добавленная стоимость, созданная хозяйственной подсистемой ПХС

Виды экономической деятельности	Валовая добавленная стоимость, млн руб.	Доля
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	20 747,0	6,2
Добыча полезных ископаемых	205,7	0,1
Обрабатывающие производства	193 098,8	57,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	15972,2	4,8
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	4489,2	1,3
Строительство	36 324,6	10,8
Транспортировка и хранение	64 797,4	19,3
Всего	335 634,9	100,0

Источник: Росстат.

Таблица 4

**Полученная плата за негативное воздействие на окружающую среду
в Вологодской области в 2017 г., тыс. руб.**

Вид платы		Сумма, тыс. руб.	Доля, %
Плата за негативное воздействие на окружающую среду, всего		92 293,0	100,0
В том числе по видам негативного воздействия	Плата за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, в том числе:	24 725,7	26,8
	— стационарными объектами	24 485,1	26,5
	— передвижными объектами	240,6	0,3
	Плата за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты	5852,3	6,3
Плата за размещение отходов производства и потребления		61 714,9	66,9

Источник: Доклад о состоянии окружающей среды в Вологодской области в 2017 году / Правительство Вологодской области, Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области. Вологда, 2018. С. 183.

ма значительно. Так, выбросы загрязняющих веществ составили 428,7 тыс. т, сбросы — 47,7 тыс. т, размещенные отходы — 5241,45 тыс. т. В то же время в области довольно активно предпринимаются природоохранные меры, которые позволили добиться того, что из всего объема образовавшихся в 2017 г. отходов утилизировано, обезврежено, а также передано на утилизацию, обезвреживание 73 %; экономия свежей воды за счет оборотного и повторного водоснабжения составила 96 %; доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих от стационарных источников — 83,3 %. Во многом данный эффект обусловлен соответствующими затратами на окружающую среду (табл. 5).

Наибольшая доля природоохранных расходов приходится на сбор и очистку сточных вод и об-

ращение с отходами. В 2017 г. крупнейшее предприятие Вологодской области — АО «Апатит» — внедрило новые биолого-химические очистные сооружения мощностью 3650 тыс. м³ в год, соответствующее требованиям наилучших доступных технологий. В сфере обращения с отходами в 2017 г. была введена в действие мусоросортировочная станция в Вологде. Запущен в эксплуатацию первый пусковой комплекс современного полигона ТКО, оснащенного инфекционными и радиационными барьерами и современными очистными сооружениями. Кроме того, на территории области принимают для обезвреживания или переработки ртутьсодержащие, нефтесодержащие отходы, отработанные покрышки и резинотехнические изделия, стеклобой, макулатуру, отходы пластмассы, отходы оргтехники.

Таблица 5

Затраты на охрану окружающей среды в Вологодской области в 2017 г.

Направление природоохранной деятельности	Затраты, тыс. руб.	Доля
Защита и реабилитация земель, поверхностных и подземных вод	62 058	1,7
Защита окружающей среды от шумового, вибрационного и других видов физического воздействия	5907	0,2
Научно-исследовательская деятельность и разработки по снижению негативных антропогенных воздействий на окружающую среду	4849	0,1
Обеспечение радиационной безопасности окружающей среды	107 204	2,9
Другие направления деятельности в сфере охраны окружающей среды	21 569	0,6
Обращение с отходами	1 089 739	29,0
Охрана атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата	740 671	19,7
Сбор и очистка сточных вод	1 725 618	45,9
Системы оборотного водоснабжения на действующих предприятиях	—	—
Сохранение биоразнообразия и охрана природных территорий	648	0,0
Всего	3 758 263	100,0

Источник: ЕМИСС.

Как отмечалось ранее, в функционировании ПХС нужно учитывать и обратные связи, в том числе неблагоприятное воздействие экологической подсистемы на экономическую. Часто это проявляется в опасных метеорологических явлениях, наносящих экономический ущерб. Кроме того, в ряде случаев они могут приостановить хозяйственную деятельность не только предприятий, но и населения. Экономический ущерб от опасных гидрометеорологических явлений на уровне регионов статистически не отслеживается. За 2017 г. в Вологодской области зафиксированы одна чрезвычайная ситуация и 11 опасных метеорологических явлений разной продолжительности (от 1—2 дней до месяца), создающих неблагоприятные и опасные условия ведения хозяйственной деятельности. Примером таких неблагоприятных условий являются выпревание, переувлажнение почвы, сказавшиеся главным образом на сельском хозяйстве Вологодской области. Кроме того, были отмечены факты подтопления приусадебных участков и домов и размывания в трех местах региональной автодороги Вологда — Медвежьегорск. Последствием чрезвычайной ситуации, а именно подъема уровня воды в ручье Вянг в городе Вытегра, стало подтопление семи улиц города. В зону подтопления попали 30 придомовых территорий жилых домов. Признаны пострадавшими 79 чел. Общий ущерб от чрезвычайной ситуации составил 3195,6 тыс. руб.¹

Если рассматривать такое явление, как лесные пожары, то, по данным Департамента лесного комплекса Вологодской области, в 2017 г. произошло шесть пожаров, общей площадью 4 га. Основная причина — антропогенный фактор. Данных об объеме сгоревшей древесины не представлено. Затраты на тушение составили 196,6 тыс. руб., что обусловлено хорошей организацией противопожарных мероприятий. В 2016 г. пожаром было охвачено 177 га, а затраты на тушение составили 2264,9 тыс. руб.¹

¹ Данные из Государственного доклада о состоянии и охране окружающей среды Вологодской области в 2017 году (Статистический сборник «Лесной комплекс регионов СЗФО» за 2017 год).

Таким образом, проведя расчет согласно предложенному способу, можно сделать вывод о том, что вклад ПХС в денежном эквиваленте составляет 446,02 млрд руб., или 87,6 % ВРП 2017 г. в текущих ценах. С учетом столь высокого вклада ПХС в экономическое развитие региона имеет смысл поддерживать ее сбалансированное функционирование, для того чтобы обеспечить воспроизводство природного капитала и сохранить возможность его использования для получения экономического эффекта. С этой целью рекомендуется развивать экологическое предпринимательство, то есть «инициативную хозяйственную деятельность с определяющей долей экологических инноваций в целях достижения максимальной прибыли в сочетании с положительным экологическим эффектом и удовлетворением экологических потребностей общества» [2. С. 6].

Экологическое предпринимательство находится во взаимодействии со всеми подсистемами региона. Внутри природно-хозяйственной подсистемы такой вид хозяйственной деятельности будет способствовать экологизации традиционного предпринимательства и сохранению окружающей среды. Для населения его польза будет состоять в экономии ресурсов (например, воды, тепло- и электроэнергии), а также в повышении экологической культуры. В свою очередь органы государственной власти способствуют формированию экологических потребностей и рынка спроса, а также через экономические инструменты стимулируют создание рынков сбыта. Инновационная подсистема взаимодействует с экологическим бизнесом через поток интеллектуальных ресурсов. На предыдущих этапах исследования было обосновано, что обеспечение успешного функционирования экопредпринимательства позволит сбалансировать природно-ресурсные возможности экосистем с потребностями социально-экономической системы региона [6. С. 39].

Список литературы

1. Бурков В. Н., Новиков Д. А., Щепкин А. В. Механизмы управления эколого-экономическими системами. М.: Физмалит, 2008. 245 с.
2. Варенникова Е. В. Экологически ориентированное и экологическое предпринимательство как экономические категории // Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. 2011. № 4. URL: <http://uecs.mcnir.ru> (дата обращения 01.07.2020).

3. Замятина М. Ф., Дьяков М. Ю. Развитие природно-хозяйственного комплекса муниципального образования на принципах эколого-экономической сбалансированности // Экономика и управление. 2014. Т. 102, № 4. С. 28—38.
4. Краснорова Б. А., Платонова С. Г., Скрипко В. В., Шарабарина С. Н. Региональные природно-хозяйственные системы Обь-Иртышского бассейна: конфликты и развитие // Известия АО РГО. 2015. Т. 39, № 4. С. 21—27.
5. Лаженцев В. Н. Хозяйство как объект исследований в системе общественных наук // Журнал экономической теории. 2017. № 3. С. 11—22.
6. Лебедева М. А. Экологическое предпринимательство как инструмент обеспечения эколого-экономической сбалансированности развития региона // Научный результат. Экономические исследования. 2019. Т. 5, № 4. С. 33—41.
7. Лемешев М. Я., Чепурных Н. В., Юрина Н. П. Региональное природопользование: на пути к гармонии. М.: Мысль, 1987. 262 с.
8. Нужина И. П., Юдахина О. Б. Концептуальная модель региональной эколого-экономической системы // Вестник Томского государственного университета. 2008. Т. 1, № 2. С. 54—67.
9. Петров А. В. Сущность природно-хозяйственных систем и особенности их формирования в рамках газовой отрасли // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2017. № 3. С. 41—44.
10. Позаченюк Е. А. Экологическая экспертиза (природно-хозяйственные системы): монография. Симферополь: Таврический экологический ин-т, 2003. 473 с.
11. Ускова Т. В., Лукин Е. В., Воронцова Т. В., Смирнова Т. Г. Проблемы экономического роста территории: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
12. Сактоев В. Е., Халтаева С. Р. Стратегическое управление устойчивым инновационно-ориентированным развитием социально-экономической системы региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 3. С. 35—42.
13. Севек В. К., Чульдун А. Э. К вопросу о понятиях «регион» и «региональная социально-экономическая система» // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 26. С. 10—14.
14. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / под ред. Д. С. Львова, А. Г. Гранберга, А. П. Егоршина. М.: Экономика, 2004. 605 с.
15. Суразакова С. П. Влияние природных условий на дифференциацию развития природно-хозяйственных систем в горном регионе // Современные тенденции развития науки и технологии. 2015. № 8. С. 74—81.
16. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 255 с.
17. Черных Д. В. Субрегиональные природно-хозяйственные системы Русского Алтая: ландшафтные основы выделения и оценки // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-6. С. 83—90.
18. Швец Г. И. Концепция природно-хозяйственных территориальных систем и вопросы рационального природопользования // География и природные ресурсы. 1987. № 7. С. 30—38.
19. Шимова О. С., Соколовский Н. К. Экономика природопользования. М.: Инфра-М, 2005. 377 с.
20. Эколого-экономическая сбалансированность регионального развития: методологические и методические основы: монография / под ред. проф. М. Ф. Замятиной. СПб.: ГУАП, 2013. 143 с.
21. Якобсон А. Я., Якобсон Б. Б. Эколого-экономические системы как объект информации управления и районирования. Новосибирск: ИЭИОПП, 1987. 19 с.
22. Banerjee O. Cicowiez M. Vargas R. Horridge M. The SEEA-Based Integrated Economic-Environmental Modelling Framework: An Illustration with Guatemala's Forest and Fuelwood Sector // Environmental and Resource Economics. 2019. № 2. P. 539—558.
23. Hardt L., O'Neill D. W. Ecological Macroeconomic Models: Assessing Current Developments. Ecological Economics. (Elsevier). 2017. Vol.134, pp. 198—211.
24. Klevakina E.A, Zabelina I. A., Murtazina M. S. Evaluation of development prospects of renewable energy: agent based modelling. // Journal of Physics: Conference Series. 2017. Vol. 803. URL: https://www.researchgate.net/publication/315630014_Evaluation_of_development_prospects_of_renewable_energy_agent_based_modelling (дата обращения 03.07.20).
25. Leontief W. National income, economic structure, and environmental externalities // The Measurement of Economic and Social Performance / ed. M. Moss. 1973. P. 565—576.

26. Ohrimenko O. I., Maltsev I. M., Rokotyanskaya V. V., Vilisova M. L., Basov V. O. The modelling of environmental-economic systems // Herald NAMSCA. 2015. Vol. 53, № 9. P. 1689—1699.

27. Victor P. A. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014. Ecological economics: A personal journey // Ecological Economics. 2015. Vol. 109. P. 93—100.

Сведения об авторе

Лебедева Марина Анатольевна — инженер-исследователь отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах Вологодского научного центра Российской академии наук, Вологда, Россия. lebedevamarina1@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 103—113.

CONTRIBUTION OF THE NATURAL AND ECONOMIC SYSTEM TO THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

M. A. Lebedeva

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia. lebedevamarina1@mail.ru

Nowadays the problem of unbalanced environmental and economic aspects of development is becoming more and more urgent. This imbalance is particularly pronounced in regional natural and economic systems, where the economy and nature have very close relationships. However, due attention is not paid to the assessment and understanding of the role of the natural and economic system in the regional development. Therefore, the aim of the work was to quantify the contribution of the natural and economic system to the economic development of the region. As a result of the work, an estimation method was proposed that allows taking into account direct and inverse relationships in the interaction of nature and economy. This method was tested on the example of the Vologda region. The results of the calculation showed that the contribution of the natural and economic system to the regional economy amounted to more than 80% of the gross regional product. The development of ecological entrepreneurship is justified as a tool for ensuring a balance between the natural resource capabilities of ecosystems and the needs of the socio-economic system of the region.

Keywords: *economic development, region, natural-economic system, ecological and economic system, industrial region.*

References

1. Burkov V. N., Novikov D. A., Shhepkin A. V. (2008) *Mehanizmy upravlenie jekologo-jekonomicheskimi sistemami* [Mechanisms for managing environmental and economic systems]. Moscow, FIZMALIT, 245 p. [in Russ.].
2. Varennikova E. V. (2011) *Upavlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 4. Available at: <http://uecs.mcnp.ru>, accessed 01.07.2020 [in Russ.].
3. Zamyatina M. F., D'jakov M. Ju. (2014) *Jekonomika i upravlenie*, vol. 102, no. 4, pp. 28—38 [in Russ.].
4. Krasnojarkova B. A., Platonova S. G., Skripko V. V., Sharabarina S. N. (2015) *Izvestija AO RGO*, vol. 39, no. 4, pp. 21—27 [in Russ.].
5. Lazhentsev V. N. (2017) *Zhurnal jekonomicheskoy teorii*, no. 3. pp. 11—22 [in Russ.].
6. Lebedeva M. A. (2019) *Nauchnyj rezul'tat. Jekonomicheskie issledovanija*, no. 4, pp. 33—41 [in Russ.].
7. Lemeshev M. Ya., Chepurnyh N. V., Jurina N. P. *Regional'noe prirodopol'zovanie: na puti k garmonii* [Regional environmental management: towards harmony]. Moscow, Mysl', 1987. 262 p. [in Russ.].
8. Nuzhina I. P., Judahina O. B. (2008) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 54—67 [in Russ.].
9. Petrov A. V. (2017) *Vestnik JuRGTU (NPI)*, no. 3, pp. 41—44 [in Russ.].
10. Pozachenjuk E. A. (2003) *Ekologicheskaja jekspertiza (prirodno-hozjajstvennyye sistemy): monografija* [Ecological expertise (natural and economic systems): a monograph]. Simferopol. 473 p. [in Russ.].

11. Uskova T. V., Lukin E. V., Vorontsova T. V., Smirnoava T. G. (2013) Problemy jekonomicheskogo rosta territorii: monografija [Problems of economic growth in the Territory: monograph]. Vologda. 170 p. [in Russ.].
12. Saktoev V. E., Haltaeva S. R. (2013) *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, no. 3, pp. 35—42 [in Russ.].
13. Sevek V. K., Chul'dum A. Je. (2012) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 26, pp. 10—14 [in Russ.].
14. L'vov D.S., Granberg A. G., A. P. Egorshin (eds.). (2004) *Strategicheskoe upravlenie: region, gorod, predpriatie* [Strategic management: region, city, enterprise]. Moscow, Ekonomika. 605 p. [in Russ.].
15. Surazakova S. P. (2015). *Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologii*, no. 8, pp. 74—81 [in Russ.].
16. Uskova T. V. (2009) *Upravlenie ustojchivym razvitiem regiona: monografija* [Regional sustainable development management: monograph]. Vologda. 255 p. [in Russ.].
17. Chernyh D. V. (2010) *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2-6, pp. 83—90 [in Russ.].
18. Shvebs G. I. (1987). *Geografija i prirodnye resursy*, no. 7, pp. 30—38 [in Russ.].
19. Shimova O. S., Sokolovskij N. K. (2005) *Jekonomika prirodopol'zovanija* [Economics of environmental management]. Moscow, Infra-M. 377 p. [in Russ.].
20. Zamjatin M. F (ed.) (2013) *Ekologo-jekonomicheskaja sbalansirovannost' regional'nogo razvitija: metodologicheskie i metodicheskie osnovy* [Ecological and economic balance of regional development: methodological and methodic foundations]. St. Petersburg, GUAP. 143 p. [in Russ.].
21. Jakobson A. Ya., Jakobson B. B. *Jekologo-jekonomicheskie sistemy kak ob'ekt informacii upravlenija i rajonirovanija* [Ecological and economic systems as a management and zoning information object]. Novosibirsk, 1987. 19 p. [in Russ.].
22. Banerjee O., Cicowiez M, Vargas. R., Horridge M. (2019) *Environmental and Resource Economics (Springer)*, vol. 72, no. 2, pp. 539—558.
23. Hardt L., O'Neill D. W. (2017). *Ecological Economics*, vol. 134, pp. 198—211.
24. Klevakina E. A., Zabelina I. A., Murtazina M. S. (2017) *Journal of Physics: Conference Series*. Vol. 803. URL: https://www.researchgate.net/publication/315630014_Evaluation_of_development_prospects_of_renewable_energy_agent_based_modelling (accessed 03.07.2020).
25. Leontief W. (1973) *The Measurement of Economic and Social Performance*. Pp. 565—576.
26. Ohrimenko O. I., Maltsev I. M., Rokotyanskaya V. V., Vilisova M. L., Basov V. O. (2015) *Herald NAM-SCA*, vol. 53, no. 9, pp. 1689—1699.
27. Victor P. A. (2015). *Ecological Economics*. vol. 109, pp. 93—100.

ОЦЕНКА ЦИКЛОВ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Е. Н. Лымарь, И. О. Коптелов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена анализу циклов роста российской экономики. Стадия развития экономики иногда может включать несколько циклов, которые в этом случае именуется циклами роста. Для более подробного изучения циклов роста необходимо разработать методику их анализа и определить фазы цикла роста российской экономики. В статье произведена оценка циклов роста российской экономики. Определена выборка идентификационных показателей, среди которых социально-экономические показатели: индекс потребительских настроений, индекс социальных настроений, индекс предпринимательских ожиданий и индекс развития человека; а также рыночные показатели: валовой внутренний продукт, индекс РТС, внешнеторговый оборот, инфляция. Проведена оценка темпов роста этих показателей. После анализа значений исследуемых показателей в динамике определены фазы цикла роста.

Ключевые слова: *экономический цикл, цикл роста, показатели оценки цикла роста.*

Процесс экономического развития любой отдельной страны и глобальной взаимосвязанной экономической системы в целом является циклическим. Стадия развития экономики нередко может включать несколько циклов, которые в этом случае именуется циклами роста. Природа циклов является одной из самых спорных и малоизученных проблем.

До сих пор в экономической литературе нет единого подхода к пониманию сущности и определению категории циклов роста и механизма циклов роста.

На данном этапе развития экономики циклы роста приобретают специфические особенности. Возникает необходимость исследования особенностей циклов роста в соответствии с современными особенностями развития национальной и глобальной экономики, политики и общества, а также определение методики анализа циклов роста на примере российской экономики [6]. Необходимо отметить, что категория «цикл роста» неразрывно связана с категориями экономических циклов и цикличности.

В эндогенных теориях экономических циклов было заложено понятие цикла роста в работах таких авторов, как С. де Сисмонди, К. Маркс, К. Жугляр, К. Борю [10]. Впоследствии были подробно разобраны их исследова-

ния и получено дальнейшее развитие в работах У. С. Джевонса, Д. Китчена, М. И. Туган-Барановского, Н. Д. Кондратьева, Й. Шумпетера, Дж. М. Кейнса, М. Калецкого, М. Фридмана [13]. Современный этап изучения теории циклов роста — исследования таких ученых, как Ф. Кидланд, Э. Прескотт, В. В. Седов, В. И. Бархатов [2]. В рамках экзогенных теорий экономического цикла и циклов роста исследовали У. С. Джевонс, А. Л. Чижевский, В. А. Белкин [8]. Однако анализ экономической литературы показывает, что ни зарубежные, ни российские исследователи не пришли к единому мнению о категории циклов роста. В настоящее время не определена четкая методика анализа циклов роста, учитывающая современный этап развития экономики и его особенности.

Таким образом, на основе предыдущих теоретических исследований и современных особенностей развития экономики, необходимо проанализировать и обобщить критерии оценки цикла роста и предложить методику, позволяющую определить основные его фазы.

В процессе изучения экономической литературы, были проанализированы различные методики изучения экономических циклов. По мнению К. Маркса, цикл роста обуславливался выравниванием экономического равновесия, ростом спроса и цен на продукцию, расширением производства

и рынков сбыта, ростом основных экономических показателей страны.

В основе изучения промышленного среднесрочного цикла К. Жугляра лежал анализ изменения ставок процента и цен.

Цикл роста у Кондратьева определяется рядом показателей, обуславливающих рост НТП, коренные изменения способов производства, а также обновления основных фондов на предприятии [5].

Ф. Кидланд и Э. Прескотт причинами колебаний экономики выделили изменения «реальных» факторов, например производительности труда, мировых цен на нефть, реального объема ВВП, уровня занятости и др.

При изучении циклов роста российской экономики на основе многочисленных исследований было установлено, что исследуемые показатели демонстрируют длинноволновую динамику со средним периодом 67 лет. Основой для определения длинноволновой динамики является показатель валового внутреннего продукта (ВВП).

Экономисты, придерживающиеся теории длительных циклов развития российской экономики, выделяют следующие периоды:

1880—1890 — рецессия.

1890—1909 — долгий подъем, за которым последовал резкий стремительный спад вплоть до 1931 г.

В период с 1931 по 1938 г. можно наблюдать кратковременный подъем, связанный с периодом индустриализации.

За этим следует спад вплоть до 1946 г., обусловленный последствиями Великой Отечественной войны, перестройки и переориентацией промышленности на производство. С 1946 года наблюдался длительный подъем вплоть до 1977 года.

Затем произошел спад, который продолжался до 1996 г. [1].

Следовательно, можно выделить периоды длинных циклов в динамике ВВП России следующим образом: ... — 1874—1890; 1890—1909—1917—1931; 1931—1954—1977—1996; 1996—2005—2019—2036—2047.

В соответствии с данными периодами цикл роста приходится на 2005—2019 гг. При оценке циклов роста российской экономики осуществляется выборка идентификационных показателей, после анализа значений которых в динамике определяется фаза цикла роста. Проводится оценка темпов роста показателей [7].

Процедура оценки циклов роста российской экономики состоит из следующих этапов:

Во-первых, сбор аналитической информации, необходимой для оценки.

Основными источниками информации являются данные фондового рынка (РТС, ММВБ и др.) о ценах на продажу акций и финансовая информация о состоянии бизнеса (отчетность в периодической печати, на официальных сайтах корпораций).

Во-вторых, определение ключевых идентификационных показателей.

Для исследования цикла роста в данной работе в качестве рыночных показателей были взяты такие, как: ВВП, индекс РТС, внешнеторговый оборот, инфляция [4].

Также для методики оценки циклов роста используются социально-экономические показатели: индекс потребительских настроений, индекс социальных настроений, индекс человеческого развития и индекс предпринимательских настроений и ожиданий.

Индекс потребительских настроений (ИПН) — важнейший инструмент определения и прогноза поведения потребителей [8]. Он показывает насколько позитивно население воспринимает текущую социально-экономическую обстановку в стране.

ИПН рассчитывается на основе анкетирования. Респонденты отвечают на пять ключевых вопросов [9]. Выборка должна быть репрезентативной, отражать мнения взрослого городского и сельского населения страны. В России расчет индекса производится с 1996 г.

Индекс социальных настроений (ИСН) рассчитывается в аналитическом центре «Левада-Центр» с 1993 г. Расчет индекса социальных настроений основывается на интегральной оценке совокупности социальных, политических, экономических настроений, которые формируются в обществе. ИСН дает количественную оценку влияния массового сознания на развитие страны на основе регулярных опросов населения России.

Индекс человеческого развития (ИЧР) был разработан в 1990 г. В основе индекса лежат показатели уровня жизни, грамотности, образования и долголетия в разных странах. Индекс определяет уровень развития страны: очень высокий, высокий, средний и низкий [8].

Индекс предпринимательских настроений — это интегрированный показатель, который был

введен в 2015 г. и рассчитывается как совокупная оценка по трем параметрам, влияющим на намерение человека начать свой бизнес, а именно: желание вести свой бизнес, готовность заниматься предпринимательством с точки зрения нужных знаний и навыков и устойчивость против социального давления.

В табл. 1 обобщены показатели оценки цикла роста российской экономики [11]. С помощью их расчета, анализа и сравнения с нормативом можно определить фазы цикла роста российской экономики по годам.

Анализ динамики всех рассматриваемых показателей будет проводиться за период с 2005 по 2019 г., так как в этот период был определен цикл роста из длинноволнового цикла РФ.

Внутренний валовой продукт на протяжении всего периода показывает положительную динамику. С 2005 по 2019 г. ВВП растет на 88 752,5 трлн руб.

На рис. 1 представлена динамика внутреннего валового продукта [12].

На графике изменения ВВП видно, что темп роста в 2006—2008 и в 2010—2019 гг. составляет более 1, это свидетельствует о том, что в этот период наблюдается фаза ускоренного роста по показателям объема выпуска товаров и услуг за эти годы во всех отраслях экономи-

ки России. В 2009 г. темп роста составил менее 1, это свидетельствует о переходе цикла в фазу замедленного роста.

Далее рассмотрим динамику показателя РТС с 2005 по 2019 г.

На рис. 2 представлена динамика РТС с 2005 по 2019 г. [12].

Анализ динамики индекса РТС показал, что индекс на протяжении всего периода с 2005 по 2019 г. растет, прирост составляет 791,9 пункта. Можно говорить о наличии ускоренного роста в эти периоды. Однако в 2008, 2014, 2015 гг. происходит резкое снижение показателя, данное снижение свидетельствует о кризисных явлениях, где активность и эффективность крупных корпораций снижаются и экономическая ситуация ухудшается.

Минимальные значения темпа роста отмечены в 2008, 2014 гг., а максимальные — в 2009 г. Значение темпа роста меньше 1 в этих периодах свидетельствует о замедленной фазе цикла роста.

Далее рассмотрим динамику внешнеторгового оборота с 2005 по 2019 г. На рис. 3 представлена динамика внешнеторгового оборота.

С 2005 по 2008 г. происходит рост показателя внешнеторгового оборота на 394 501 млрд долл., что является хорошим значением и свидетельствует о том, что в этот период происходил рост экспорта и импорта; в 2009 г. произошел спад почти

Таблица 1

Показатели оценки цикла роста*

Показатель	Формула расчета	Норматив для фазы ускоренного роста	Норматив для фазы замедленного роста
ВВП	Номинальный ВВП / Индекс цен	> 1	< 1
РТС	$I_n = Z_n * I_1 * \frac{MC_n}{MC_1}$	> 1	< 1
Внешнеторговый оборот	Экспорт + Импорт	> 1	< 1
Инфляция	$P = (Q_c - Q_p) / Q_p \cdot 100$	–	–
ИПН	Среднее арифметическое индивидуальных индексов	> 1	< 1
ИСН	Совокупность социальных, политических, экономических настроений, формирующихся в обществе	> 1	< 1
ИЧР	$\frac{1/3}{\text{Индекс уровня продолжительности жизни} + \text{Индекс уровня образования} + \text{Индекс уровня жизни}}$	> 1	< 1
ИПН	Совокупная оценка намерения человека начать свой бизнес	> 1	< 1

* Составлено авторами.

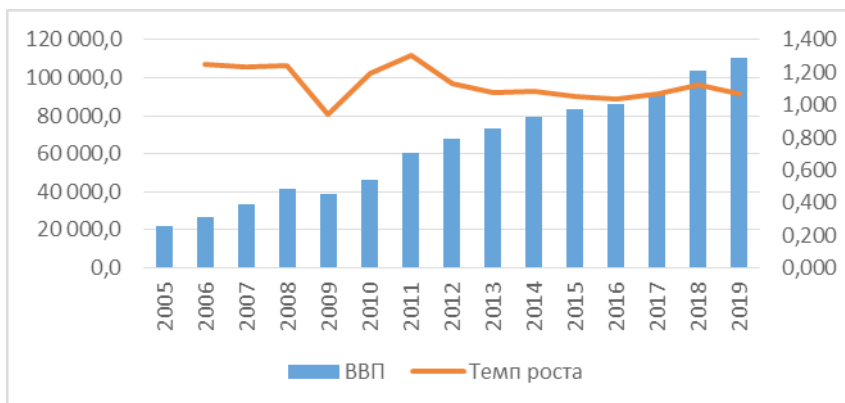

Рис. 1. Динамика внутреннего валового продукта России

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>).

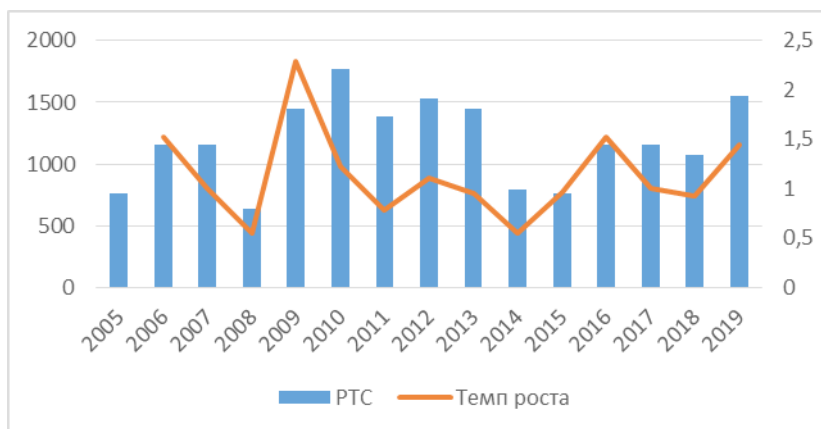

Рис. 2. Динамика индекса РТС

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>).

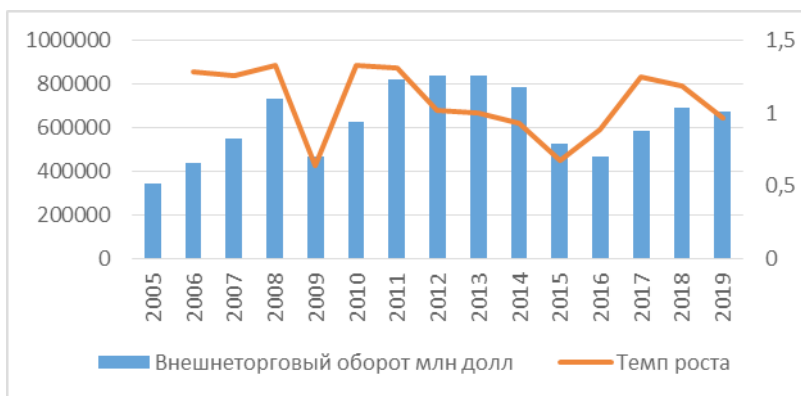

Рис. 3. Динамика внешнеторгового оборота России

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>).

до уровня 2006 г., это свидетельствует о кризисной ситуации и проблемах в экономике страны.

С 2010 г. показатель начинает активно расти, так как увеличивается объем экспорта и импорта до 2014 г.; в 2014, 2015, 2016 гг. снова происходит снижение внешнеторгового оборота до уровня 2006 г. С 2017 по 2019 г. происходит восстановление внешнеторгового оборота. Однако на текущий момент так и не удалось достигнуть максимального уровня внешнеторгового оборота, который был в 2011 г.

В динамике инфляции за период с 2005 по 2019 г. можно наблюдать постоянное (волнообразное) изменение показателя. Динамика изменения инфляции зависит в первую очередь от внешних макрофакторов (особенно от изменения курса валют). На протяжении всего периода максимальное значение инфляции приходится на кризисные периоды; на 2008 г. уровень инфляции 13,2 %;

2014, 2015 гг. уровень инфляции в среднем 12,5 %. Данный уровень инфляции негативно сказывается на экономике страны.

В динамике инфляции, где темп роста больше 1 % наблюдается фаза замедленного роста.

На рис. 4 представлена динамика инфляции.

На основе статистических данных была собрана информация об индексе потребительских настроений [14].

Индекс потребительских настроений меняется в течение исследуемого периода. Максимальные значения отмечены в 2005—2007, 2001, 2012 и 2019 гг. Максимальный темп роста приходится на 2009 г. Минимальные значения ИПН и темпа роста отмечены в 2008, 2014 гг. Динамика индекса потребительских настроений представлена на рис. 5.

Индекс социальных настроений формировался на основе обобщенных показателей (статистических данных) совокупности социальных, полити-

Рис. 4. Динамика инфляции в России

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>).

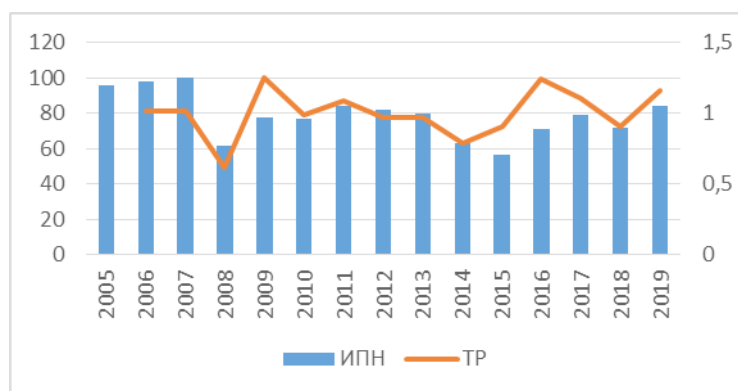

Рис. 5. Динамика индекса потребительских настроений в России

Источник: [14].

ческих, экономических настроений, формирующихся в обществе [14].

На рис. 6 представлена динамика индекса социальных настроений

Далее рассмотрим динамику индекса человеческого развития (рис. 7). Данные для индекса формировались за счет увеличения объемов вложений в отрасли социального комплекса, совершенствование распределения доходов от экономической деятельности, снижения социальной исключенности.

Данные для индекса предпринимательских настроений и ожиданий были взяты из статистических данных Росстата.

Можно отметить, что периоды, где наблюдаются фазы ускоренного роста (то есть темп роста более 1), приходится на 2007—2008, 2010—2013, 2017—2019 гг. Максимальные значения показателя отмечены в 2007, 2008, 2013 гг., а минимальные — в 2009, 2016 гг.

Динамика индекса за 2005—2019 гг. представлена на рис. 8.

В соответствии с предложенной методикой определим, в каких периодах наблюдались фаза ускоренного роста и фаза замедленного роста цикла роста. Обобщим полученные в процессе анализа результаты в табл. 2.

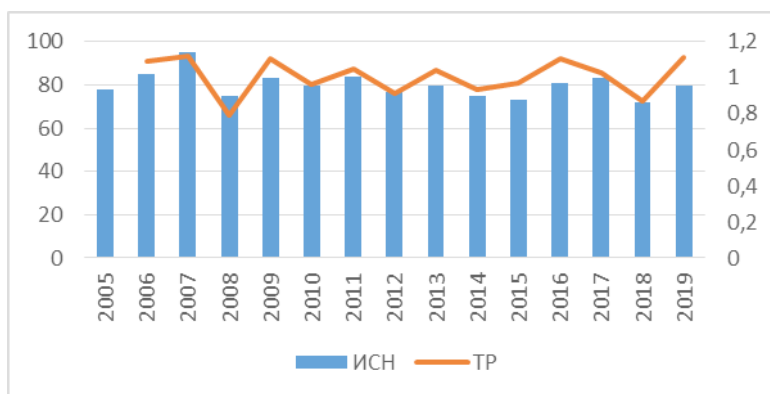

Рис. 6. Динамика индекса социальных настроений в России

Источник: [14].

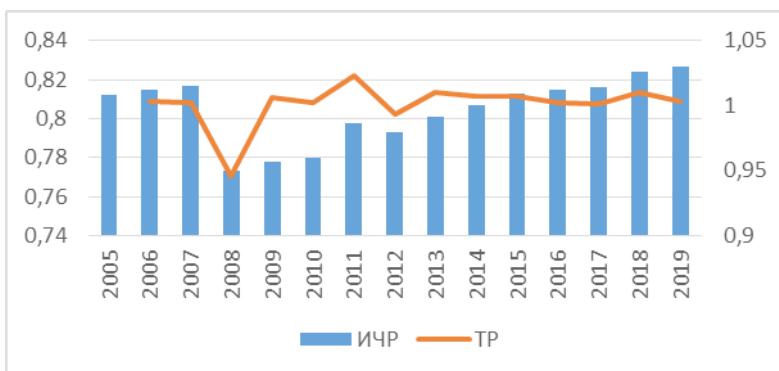

Рис. 7. Динамика индекса человеческого развития в России

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>) [15].

Рис. 8. Динамика индекса предпринимательских настроений и ожиданий в России

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>).

Таблица 2

Идентификация фазы цикла роста

Идентификационные показатели	Темп роста		Фаза цикла	
	>	<	Фаза ускоренного роста	Фаза замедленного роста
<i>Рыночные показатели</i>				
ВВП	2006—2008, 2010—2019	2009	2006, 2007, 2011, 2016, 2017, 2019	2008—2010, 2012—2015, 2018
РТС	2006, 2007, 2009, 2010, 2012, 2016, 2017, 2019	2008, 2011, 2013—2015, 2018		
Объем внешней торговли	2006—2008, 2010—2012, 2017, 2018	2009, 2013—2016, 2019		
Уровень инфляции	2007, 2008, 2012, 2014, 2015, 2018	2006, 2009—2011, 2013, 2016, 2017, 2019		
<i>Социально-экономические показатели</i>				
Индекс потребительских настроений	2006, 2007, 2009, 2011, 2016, 2017, 2019	2008, 2010, 2012—2015, 2018		
Индекс социальных настроений	2006, 2007, 2009, 2011, 2013, 2016, 2017, 2019	2008, 2010, 2012, 2014, 2015, 2018		
Индекс предпринимательских настроений и ожиданий	2007, 2008, 2010—2013, 2017—2019	2006, 2009, 2015, 2016		
Индекс развития человека	2006, 2007, 2009—2011, 2013—2019	2008, 2012		

Источник: составлено авторами на основании анализа показателей.

Фаза ускоренного роста идентифицируется в тех годах, где темп роста основных социально-экономических и рыночных показателей превышает 1. Совпадение по максимальному количеству (6,7) показателей из восьми исследуемых наблюдается в 2006, 2007, 2011, 2016, 2017, 2019 гг. В соответствии с предложенной методикой, можно сделать вывод, что в этих годах наблюдается фаза ускоренного роста. В остальные периоды (2008—2010, 2012—2015, 2018) отмечается фаза замедленного роста цикла.

В статье проведена оценка циклов роста российской экономики. Анализ идентификационных показателей позволил определить, что фаза

ускоренного роста наблюдается в 2006, 2007, 2011, 2016, 2017, 2019 гг., а фаза замедленного роста — в 2008—2010, 2012—2015, 2018 гг.

Полученные результаты станут фундаментом для дальнейших исследований циклов роста российской экономики, а также дадут возможность их прогнозирования. На основании полученных выводов можно сформулировать основные направления регулирования циклов роста национальной экономики, что в дальнейшем позволит разработать рекомендации по поведению в различных фазах цикла предприятиям и отраслям народного хозяйства.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал — два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017, № 4. С. 17—20.
2. Балацкий Е. В., Плискевич Н. М. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России: социология, этнология. 2017. Т. 26, № 4. С. 97—117.
3. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Интеграция теорий жизненных циклов в эволюционную теорию корпорации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013, № 3 (119). С. 150—157.
4. Бархатов В. И., Капкаев Ю. Ш., Плетнев Д. А. [и др.]. Развитие и экономический рост региона: монография. Челябинск, 2004.

5. Бархатов В. И. К вопросу о возможности и факторах экономического роста в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 7—10.
6. Журавлева Г. П., Поздняков Н. А., Поздняков Ю. А. Экономическая теория. Микроэкономика: учебник. М.: Инфра-М, 2019. 160 с.
7. Кондрусь Т. А., Козырькова А. В. Особенности и причины инфляции в современной России. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/4/economic-theory/Kondrus_Kozyrkova.pdf (дата обращения 26.01.2019).
8. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А., Бриллиантова В. В., Кулаева Н. М.-А. Модели российского экономического роста: тенденции личного потребления // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 2. С. 150—168.
9. Николаев И., Марченко Т., Точилкина О. Инвестиции как источник экономического роста // Общество и экономика. 2019. № 5. С. 5—27.
10. Современные буржуазные теории экономического роста и цикла. Критический анализ. М.: Наука, 2019. 344 с.
11. Щербинина Л. Ю., Пересько Ю. А. Обзор методик по оценке индексов деловой активности // Вопросы экономики и управления. 2016. № 3.1 (5.1).
12. Borio C. Macropprudential policies: What have we learnt? URL: http://www.bis.org/speeches/sp151124_slides.pdf (дата обращения 27.10.2020).
13. Song Shin H. (2013) Procyclicality and the Search for Early Warning Indicators // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13258.pdf> (дата обращения 27.10.2020).
14. Официальный сайт аналитического центра «Левада-центр». URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/> (дата обращения 27.10.2020).
15. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 27.10.2020).

Сведения об авторах

Лымарь Екатерина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Katee704@mail.ru

Коптелов Иван Олегович — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. koptelov@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 114—122.*

ASSESSMENT OF THE GROWTH CYCLES OF THE RUSSIAN ECONOMY

E. N. Lymar

Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk. Katee704@mail.ru

I. O. Koptelov

Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk. koptelov@csu.ru

The article analyzes the growth cycles of the Russian economy. The stage of economic development can sometimes include several cycles, which are called growth cycles. For a more detailed study of growth cycles, it is necessary to develop a methodology for their analysis and determine the phases of the Russian economy's growth cycle. The article evaluates the growth cycles of the Russian economy. A sample of identification indicators was determined, including socioeconomic indicators: consumer sentiment index, social sentiment index, business expectations index, and human development index; as well as market indicators: gross domestic product, RTS index, foreign trade turnover, and inflation. The growth rate of these indicators was estimated. After analyzing the values of the studied indicators in dynamics, the growth cycle phases are determined.

Keywords: *economic cycle, the growth cycle, the performance evaluation of growth cycle.*

References

1. Aganbegyan A. G. (2017) *Prob. of forecasting*, no. 4, pp. 17—20 [in Russ.].
2. Balatsky E. V., Pliskevich N. M. (2017) *World of Russia: Sociology, Ethnology*, vol. 26, no. 4, pp. 97—117 [in Russ.].
3. Barkhatov V. I., Pletnev D. A. (2013) *Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences*, no. 3 (119), pp. 150—157 [in Russ.].
4. Barkhatov V. I., Kapkaev Yu. Sh., Pletnev D. A. (2004) Razvitiye i ekonomicheskiy rost regiona [Development and economic growth of the region]. Chelyabinsk [in Russ.].
5. Barkhatov V. I. (2018) *Bulletin of the Chelyabinsk state University*, no. 3 (413), pp. 7—10 [in Russ.].
6. Zhuravleva G. P., Pozdnyakov N. A., Pozdnyakov Yu. A. (2019) *Ekonomicheskaya teoriya. Mikroekonomika* [Economic theory. Microeconomics]. Moscow, Infra-M. 160 p. [in Russ.].
7. Kondrus T. A., Kozyrkova A. V. Osobennosti i prichiny inflyatsii v sovremennoy Rossii [Features and causes of inflation in modern Russia]. Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/4/economic-theory/Kondrus_Kozyrkova.pdf, accessed 27.10.2020 [in Russ.].
8. Grigoriev L. M., Pavlyushina V. A., Brilliantova V. V., Kulaeva N. M.-A. (2019) *Spatial economics*, vol. 15, no. 2, pp. 150—168 [in Russ.].
9. Nikolaev I. Marchenko T., Tochilkina O. (2019) *Society and economy*, no. 5, pp. 5—27 [in Russ.].
10. (2019) *Sovremennyye burzhuznyye teorii ekonomicheskogo rosta i tsikla. Kriticheskiy analiz* [Modern bourgeois theories of economic growth and the cycle. Critical analysis]. Moscow, Nauka. 344 p. [in Russ.].
11. Shcherbinina L. Yu., Peresko Yu.A. (2016) *Economic and management issues*, no. 3.1 (5.1) [in Russ.].
12. Borio C. (2015) *Macprudential policies: What have we learnt?* Available at: http://www.bis.org/speeches/sp151124_slides.pdf, accessed 27.10.2020.
13. Song Shin H. (2013) *International Monetary Fund*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13258.pdf>, accessed 27.10.2020.
14. *Ofitsial'nyy sayt analiticheskogo tsentra Levada-tsentra* [Official website of the Levada center analytical center]. Available at <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>, accessed 27.10.2020 [in Russ.].
15. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*. [Federal state statistics service]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/>, accessed 27.10.2020 [in Russ.].

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕРМЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Е. В. Абилова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-29-07315).

Статья посвящена актуальным вопросам формирования человеческого капитала в малых формах аграрного бизнеса. Рассмотрена логическая модель взаимосвязи организации фермерской деятельности и формирования человеческого потенциала. Особое внимание уделено анализу социально-экономических показателей развития сельских территорий Челябинской области. Представлена методика расчета рейтинговой оценки некоторых сельских районов исследуемого региона. Приведена модель составляющих элементов человеческого капитала крестьянских (фермерских) хозяйств. Отмечено, что человеческий капитал является одновременно и фактором, и результатом развития аграрной экономики. Это определяющий фактор его формирования, использования и накопления.

Ключевые слова: *человеческий капитал сельских территорий, крестьянские (фермерские) хозяйства, сельское население, ожидаемая продолжительность жизни.*

Важнейшими задачами агропромышленного комплекса в настоящее время являются поиск инструментов развития человеческого капитала, его наполняемости и управление человеческим капиталом в условиях быстрой смены ценностных факторов развития личности. Развитие эмоционального интеллекта как приоритетного показателя современного руководителя — основа функционирования КФХ, которые сосредоточивают в себе огромный спектр разнообразных управленческих функций.

Человеческий капитал на селе определяет богатство поколения, благосостояние сельского жителя, отмечаются углубление общественного разделения труда, особенности сельскохозяйственного производства [14]. Человеческий капитал фермерства определяет в значительной мере и конкурентоспособность хозяйства. Благодаря развитию личных и профессиональных качеств, а главное, умению передать их следующему поколению КФХ создает прочную основу долгосрочного устойчивого функционирования. Знания и навыки фермер передает следующему поколению, и невозможно успешное развитие без наполнения новыми образовательными и обучающими ресурсами. По мнению Л. Н. Ивановой-Швец, Н. Н. Борисовой, управление человеческим капиталом должно быть инновационно-ориентированным [3], поскольку инновации сегодня неотъемлемая часть аграрного бизнеса. Накопление знаний и опыт — это важнейшие ус-

ловия стабильно развивающегося фермерского хозяйства в знаниевой экономике. Важно продолжить точку зрения А. Смита, которая заключается в том, что опыт и знания — это не только неотъемлемые характеристики отдельного человека, но еще и основа богатства страны [Цит. по: 2].

Уникальность человеческого капитала на селе заключается в том, что его развитие и накопление напрямую влияет на доходность хозяйства. Цель исследования — выявить факторы, влияющие на развитие человеческого капитала сельских территорий, а также проследить, как организация фермерской деятельности оказывает влияние на развитие и накопление человеческого потенциала.

Особую значимость приобретают государственные расходы на образование, медицинское сопровождение, профессиональное наполнение человека как носителя уникальных характеристик, составляющих основу дохода общества. Доход этот, безусловно, будет зависеть от инвестиций в человеческий капитал. Очевидно, что вклад государства в образование, здравоохранение, социальное развитие будет определять уровень развития человеческого капитала сельских территорий. В сложившихся динамично изменяющихся условиях развития экономики фермер должен обладать рядом важных характеристик, таких как трудовые привычки, опыт и способность его передавать, эмоциональный интеллект, инициатива, психологическое

и физическое здоровье, способность принимать инновационное решение. Высокий уровень знаний и опыта фермера — основа будущего успеха КФХ, безопасности и стабильности. Необходимым условием устойчивости развития является устойчивый рост доходов граждан и максимальное сокращение уровня бедности [10]. Подчеркнем тот факт, что важно не просто обладать вышеперечисленными характеристиками, а владеть инструментами их развития, накопления, поддержания и передачи будущему поколению.

Формирование человеческого капитала сельских территорий проходит с течением времени, а следовательно, каждое следующее поколение фермерства должно быть более адаптировано в отрасли при росте благосостояния и создаваемой ценности. В современном мире, где особое, первостепенное значение имеют конкурентные преимущества, фермер успешно должен сочетать в себе и предпринимательские способности, и высококлассное владение технологией производства. По нашему мнению, процесс формирования человеческого капитала сельских территорий несет в себе признаки сознательного решения и является неотъемлемой частью социальных процессов в отличие от физического капитала, который складывается в процессе технико-экономических преобразований.

Особенностью человеческого капитала является его неотделимость от владельца, в то время как физический капитал легко отделим от субъекта [6]. В связи с этим подчеркиваем, что накопленные фермером ценности должны быть воплощены в будущем поколении на селе. Только посредством передачи незаменимого личного опыта сформируется мощная платформа экономически эффективных фермерских хозяйств. Конечно, для успешного хозяйствования и человеческого, и физический капитал должны неотделимо сочетаться друг с другом, формируя ценностный вклад в полной мере. Важно отметить, что для достижения приоритетных целей развития социально-экономической системы необходимо проводить политику в отношении управления и развития интеллектуального капитала [4].

Проводимые нами исследования по оценке социальных страхов работников сельского хозяйства были направлены на раскрытие компонентов, формирующих личностные, профессиональные составляющие человеческого потенциала. Исследование проводилось с использованием метода анкетирования работников сельского хозяйства Челябинской области. В группу опрошенных вошли жители Сосновского, Чебаркульского,

Брединского и Октябрьского сельских районов. Исследование базировалось на анкетном опросе двух категорий сельских жителей Челябинской области. Выборочная совокупность в первом случае — 183 чел., работники сельского хозяйства, из них наемные работники — 102 чел., фермеры — 81 чел. В качестве основных квот были определены пол, возраст, уровень образования, организационно-правовая форма предприятия. Анализ результатов анкетирования показал, что сегодня фермеров отличает гибкость, особый поведенческий компонент, позволяющие преобразовывать имеющиеся ресурсы в конечный продукт. Умение адаптироваться в бизнес-среде дается сельскому жителю нелегко, поскольку уклад жизни, особенности сельских территорий, уникальные ценности села накладывают отпечаток на формирование личности сельского труженика. Категории российского фермерства присущи и социально-профессиональные страхи. В табл. 1 представлены данные, полученные в результате проводимого нами анкетирования.

Результаты исследования сельских жителей Челябинской области позволяют сделать выводы, что лидирующие положения и для наемных работников, и для фермеров занимают макро-детерминированные страхи, связанные с периодом введения санкций в российскую экономическую систему. Спад производства и падение доходов выступили в качестве основных социально-экономических факторов изменения в структуре и динамике страхов жителей села [2]. Однако фермерам в отличие от наемных работников не присущ страх безработицы на селе, страх самостоятельного принятия решений, страх оказаться в ситуации поиска новой работы. Современный российский фермер имеет достаточно высокий уровень профессиональной подготовки, 73 % респондентов среди фермеров имеют высшее образование. Им свойственна определенная напористость, страх самостоятельного принятия решений составляет лишь 2,3 % среди опрошиваемых фермеров. Это говорит о том, что они уверены в своих силах и достаточно оптимистичны. Фермеры испытывают недостаток знаний в финансовых и правовых вопросах, в меньшей степени — в практических навыках аграрного труда и в навыках ведения подворья. Необходимо подчеркнуть, что глобализация, изменение потребительского поведения, переход к сетевой цифровой экономике — это условия функционирования КФХ [7].

Изменчивые природные факторы, риски нестабильного рынка влияют на экономические навыки фермера. Наша экономика не обладает тем запа-

Таблица 1

Социальные страхи работников сельского хозяйства Челябинской области, %

Виды социальных страхов	Наемные работники	Фермеры
Падение уровня заработной платы в сельском хозяйстве	78,2	72,1
Оказаться в ситуации поиска новой работы на селе	64,3	10,2
Оказаться в ситуации смены сферы деятельности	42,7	30,1
Боязнь критики со стороны старшего поколения	11,3	29,3
Страх конфликтов	12,9	7,3
Страх выполнения принципиально нового задания	8,1	18,5
Боязнь нехватки профессиональных знаний и опыта	12,5	14,2
Страх самостоятельного принятия решений	6,3	2,3
Страх безработицы в сельской местности	76,2	1,7
Страх падения уровня доходов сельскохозяйственного производства	81,3	24,5
Страх оказаться в ситуации поиска новой работы	64,7	11,5
Потеря уважения коллег	29,3	18,0
Выполнять работу под присмотром начальства	46,7	2,5
Страх ответственности	49,2	4,3
Потеря расположения руководства	18,3	16,3

Источник: составлено по результатам авторского исследования страхов сельских работников Челябинской области с применением опросного инструментария.

сом прочности, что есть у лидеров современного мира [13].

Численность населения Челябинской области (рис. 1) составляла в 2019 г. 3 471 061 чел. Если сравнивать этот показатель с 1991 г., то выявим, что произошло сокращение постоянной численности населения на 233 886 чел. Причем в 1991 г. сельское население составляло 641 094 чел., а в 2019 г. — 600 505 чел. Все эти годы происходит отток жителей в город. Пиковым периодом мы называем 1999 г.,

когда численность жителей села была максимальной и составляла 678 618 чел. в Челябинской области.

Важно отметить, что сельские мужчины не доживают до конца трудоспособного возраста. А данные средней ожидаемой продолжительности жизни, приведенные на рис. 2, свидетельствуют о том, что к 2035 г. она составит 78,30 года, причем у мужчин — 74,07, у женщин — 82,17 года. Для сравнения, в Японии ожидаемая продолжительность жизни составляет 83,2 года [9].

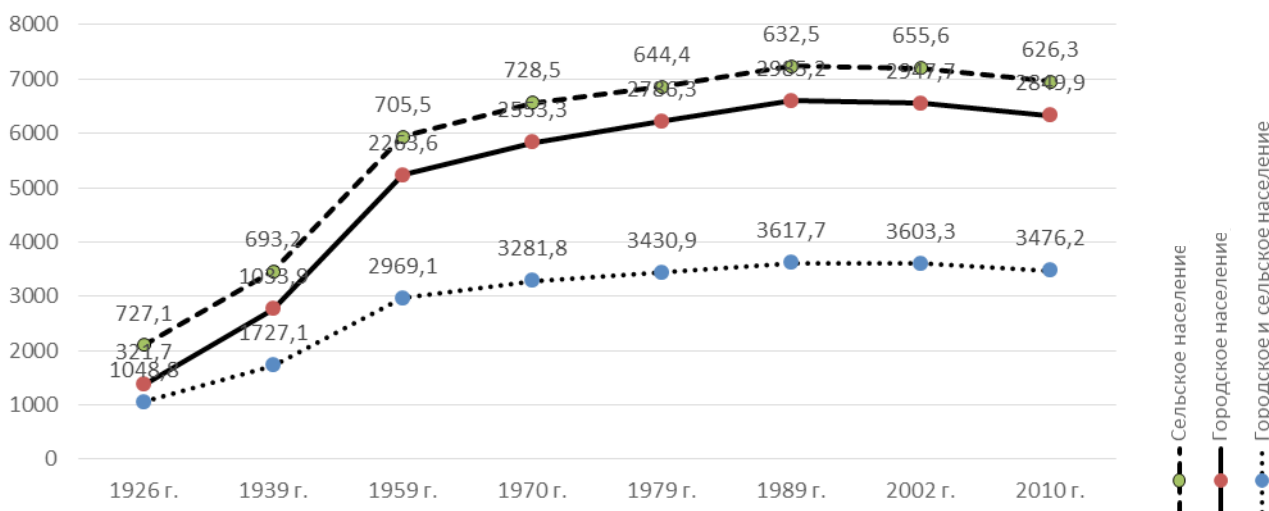

Рис. 1. Изменение численности постоянного населения Челябинской области, тыс. чел. (по данным переписей населения 1926—2010 гг., в территориальных границах соответствующих лет)

Источник: сборник «Численность населения Челябинской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 года» (2012).

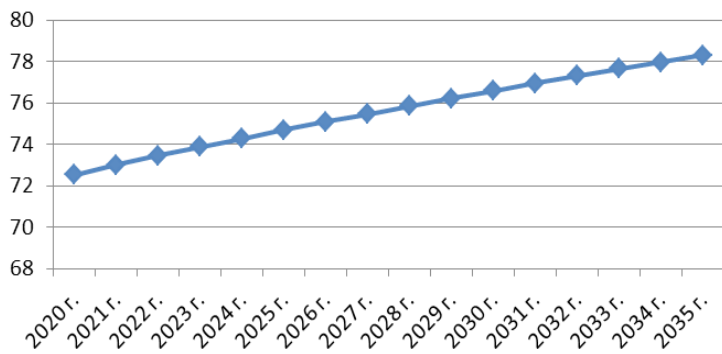

Рис. 2. Предполагаемая ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Челябинской области

Источник: сборник «Численность населения Челябинской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 года» (2012).

Данные по ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в Челябинской области представлены на рис. 3.

На воспроизводство человеческого капитала, безусловно, влияют образ жизни, генетика, состояние здоровья. Обеспеченность сельских территорий медицинскими учреждениями существенно отличается от города. Существует тенденция сокращения сельских жителей. Так, если в 1989 г. их численность составляла 632,5 тыс. чел., то в 2010 г. — 626,3 тыс. чел. Экологическая обстановка, условия пандемии, конечно, вносят свои изменения в процессы миграции населения.

Крестьянско-фермерские хозяйства занимают значительную долю в производстве сельскохозяйственной продукции Челябинской области. Владение навыками не только профессионального мастерства, но и экономическими, управленческими знаниями, лидерскими качествами определяет

основные составляющие развития человеческого потенциала в КФХ (рис. 4). Ряд авторов отмечают, что в составляющие человеческого капитала также входят инновационная культура, профессионально-трудовая мобильность, мотивация [1; 8].

Важно отметить, что необходимо повышение качественных показателей человеческого капитала крестьянских (фермерских) хозяйств [11]. Следует направлять инвестиции в человеческий капитал как со стороны самого фермера, так и со стороны государства.

Человеческий капитал как явление рассматривается в единстве с экономическими и социальными показателями развития сельских территорий. Ю. Г. Кобзистая отмечает, что оценка человеческого капитала — это популярный способ оценки интеллектуального уровня сотрудников [5]. Мы провели анализ фактического состояния сельской местности Челябинской области по основным социально-экономическим показателям. В рамках исследования оценивали состояние 15 районов Челябинской области за 2019 г. В выборку вошли сельские территории, по которым имелись обширные данные, необходимые для детального сравнительного анализа. Из имеющихся статистических данных выбрали «эталонный» [12] сельский район, показатели которого максимально близки к идеальным (лучшим) значениям. Затем на основе интегрального показателя определили рейтинги сельских районов Челябинской области. Сельский район, где интегральный показатель минимальный,

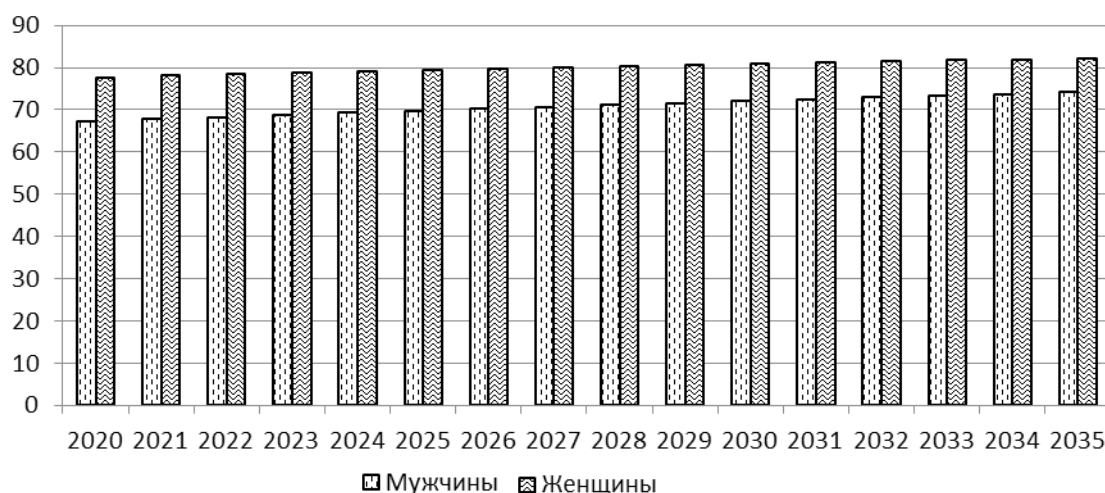

Рис. 3. Предполагаемая ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в Челябинской области

Источник: сборник «Численность населения Челябинской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 года» (2012).

Рис. 4. Составляющие элементы человеческого капитала крестьянских (фермерских) хозяйств

Составлено автором.

получил высокую рейтинговую оценку, так как расстояние до эталонного предприятия у исследуемого субъекта минимально. Исходные данные мы представили в виде табл. 2. Расчет интегрального показателя проводился по формуле (1) [15]:

$$\Delta_{IJ} = \frac{K_{идJ} - K_{фIJ}}{K_{идJ} - K_{наихJ}}, J = 1, \dots, N, \quad (1)$$

где I — номер объекта; J — номер критерия; N — количество критериев; Δ_{IJ} — расстояние от i -го объекта до «идеального» объекта по j -му критерию (показателю); $K_{идJ}$ — наилучшее значение j -го показателя среди всех объектов; $K_{фIJ}$ — фактическое значение j -го показателя для i -го объекта; $K_{наихJ}$ — наихудшее значение j -го показателя среди всех объектов.

На основе статистических данных мы определили относительные расстояния от каждого сельского района Челябинской области до «идеального» объекта по всем показателям. Результаты расчета представлены в табл. 3.

На основе расчетов с использованием метода относительных расстояний (или «эталонного» показателя), который подтверждает суждение о том, что чем ниже интегральный показатель, тем выше рейтинг социально-экономического развития сельской территории, рейтинг по социально-экономическому развитию сельских территорий Челябинской области выглядит следующим образом:

- 1-е место — Брединский район (5,78);

- 2-е место — Сосновский район (6,72);
- 3-е место — Еманжелинский район (7,39).

В этих районах сложились наиболее благоприятные условия для накопления и развития человеческого потенциала. В решении задач развития человеческого потенциала огромная роль принадлежит социальной политике на селе. И если количественно мы можем оценить показатели социально-экономического развития, то задача оценки качественных характеристик более сложная. Необходимо учитывать не только трудовой, творческий потенциал работника сельского хозяйства, но и аспекты его внутреннего развития. Социальные страхи работников сельского хозяйства отражают весь спектр проблем, существующих на селе: низкая доходность аграрного производства, отсутствие материально-технической базы, инновационной составляющей. Потому необходимо развивать инновационную восприимчивость, уровень эмоционального интеллекта, предпринимательские способности, заложенные в личности фермера. Особенности организации фермерской деятельности напрямую влияют на формирование человеческого капитала и потенциала, служат основой для достижения экономических целей и определяют потенциал человеческих ресурсов сельских территорий. Фермеры как носители человеческого капитала обладают уникальными способностями, навыками, умениями, опытом, знаниями, которые необходимо развивать, накапливать и передавать следующим поколениям.

Таблица 2

Значение показателей социально-экономического развития сельских районов Челябинской области за 2019 г.

Муниципальные районы Челябинской области	Показатели													
	Валовой сбор зерна, тыс. т	Валовой сбор картофеля, тыс. т	Валовой сбор овощей по городским округам и муниципальным районам, тыс. т	Производство скота и птицы на убой (в живом весе), тыс. т	Производство молока, тыс. т	Производство яиц, млн шт.	Ввод в действие жилья, кв. м общей площади	Протяженность автомобильных дорог общего пользования местного значения, тыс. чел.	Численность населения, тыс. чел.	Среднегодовая численность работников организаций, чел.	Численность не занятых трудовой деятельностью граждан, зарегистрированных в государственной службе занятости, чел.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Численность врачей на 10000 чел. населения	Основные фонды, млн руб.
Сосновский	19,9	44,20	9,50	87,60	3,20	1,60	9787,0	463,30	60,40	14404,0	1021,0	27560,9	15,9	51526,2
Еманжельинский	1,1	17,30	2,00	42,00	5,20	1,40	31486,0	460,30	81,70	20158,0	1413,0	24299,3	19,8	35076,2
Красноармейский	26,3	58,30	21,30	22,40	3,60	1,50	6039,0	144,60	51,20	8240,0	619,0	21469,1	16,0	32621,2
Еткульский	47,1	25,80	8,70	6,40	21,40	6,20	7172,0	368,00	25,40	5451,0	323,0	23200,8	23,3	24794,4
Брединский	201,1	20,90	3,60	5,90	20,60	58,60	267967,0	234,80	67,70	11129,00	920,0	29630,9	17,9	21632,8
Кизильский	147,5	23,10	7,00	5,80	15,90	4,00	13264,0	427,80	47,30	8895,0	1108,0	25912,1	22,0	16377,5
Варненский	129,5	17,90	5,10	5,80	23,80	4,50	10182,0	241,60	34,70	7273,0	721,0	28758,2	13,3	13513,6
Верхнеуральский	100,0	26,10	8,40	4,00	25,80	2,50	8063,0	174,60	30,70	4591,0	275,0	23275,9	22,8	10868,0
Октябрьский	139,3	13,20	4,10	3,50	15,90	3,80	32741,0	62,60	42,20	5496,0	550,0	19813,1	22,0	10012,4
Карталинский	90,6	15,30	6,20	3,40	9,90	2,00	13488,0	368,00	33,10	6659,0	302,0	22296,7	20,9	5559,2
Уйский	71,2	12,80	3,80	3,20	22,10	5,90	2736,0	223,10	26,00	4017,0	705,0	19192,0	17,7	4355,4
Каслинский	8,8	19,10	5,60	1,40	26,30	5,10	2638,0	439,60	19,90	2785,0	700,0	19942,8	17,1	2597,6
Саткинский	0,6	12,60	7,30	0,90	3,50	1,10	5793,0	60,90	27,50	3500,0	688,0	18881,4	18,5	2054,4
Ашинский	0,0	17,30	3,90	0,70	22,10	2,50	1830,0	225,70	23,90	2787,0	498,0	19157,0	14,7	1635,0
Кусинский	0,0	19,70	4,90	0,60	24,80	4,80	3949,0	221,20	23,40	2029,0	577,0	20474,9	14,5	1031,8

Таблица 3

Результаты расчета интегрального показателя

Муниципальные районы Челябинской области	Показатели														
	Валовой сбор зерна, тыс. т	Валовой сбор картофеля, тыс. т	Валовой сбор овощей по городским округам и муниципальным районам, тыс. т	Производство скота и птицы на убой (в живом весе), тыс. т	Производство молока, тыс. т	Производство яиц, млн шт.	Ввод в действие жилья, кв. м общей площади	Протяженность автомобильных дорог общего пользования местного значения	Численность населения, тыс. чел.	Среднегодовая численность работников организаций, чел.	Численность не занятых трудовой деятельностью граждан, зарегистрированных в государственной службе занятости, чел.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Численность врачей на 1000 чел. населения	Основные фонды, млн руб.	Интегральный показатель
Сосновский	0,90	0,31	0,61	0,00	1,00	0,99	0,97	0,00	0,34	0,32	0,34	0,19	0,74	0,00	6,72
Еманжельинский	0,99	0,90	1,00	0,52	0,91	0,99	0,89	0,01	0,00	0,00	0,00	0,50	0,35	0,33	7,39
Красноармейский	0,87	0,00	0,00	0,75	0,98	0,99	0,98	0,79	0,49	0,66	0,70	0,76	0,73	0,37	9,08
Еткульский	0,77	0,71	0,65	0,93	0,21	0,91	0,98	0,24	0,91	0,81	0,96	0,60	0,00	0,53	9,21
Брединский	0,00	0,82	0,92	0,94	0,25	0,00	0,00	0,57	0,23	0,50	0,43	0,00	0,54	0,59	5,78
Кизильский	0,27	0,77	0,74	0,94	0,45	0,95	0,96	0,09	0,56	0,62	0,27	0,35	0,13	0,70	7,78
Варненский	0,36	0,88	0,84	0,94	0,11	0,94	0,97	0,55	0,76	0,71	0,61	0,08	1,00	0,75	9,50
Верхнеуральский	0,50	0,70	0,67	0,96	0,02	0,98	0,98	0,72	0,83	0,86	1,00	0,59	0,05	0,81	9,66
Октябрьский	0,31	0,99	0,89	0,97	0,45	0,95	0,88	1,00	0,64	0,81	0,76	0,91	0,13	0,82	10,51
Карталинский	0,55	0,94	0,78	0,97	0,71	0,98	0,96	0,24	0,79	0,74	0,98	0,68	0,24	0,91	10,47
Уйский	0,65	1,00	0,91	0,97	0,18	0,92	1,00	0,60	0,90	0,89	0,62	0,97	0,56	0,93	11,09
Каслинский	0,96	0,86	0,81	0,99	0,00	0,93	1,00	0,06	1,00	0,96	0,63	0,90	0,62	0,97	10,68
Сапкинский	1,00	1,00	0,73	1,00	0,99	1,00	0,99	1,00	0,88	0,92	0,64	1,00	0,48	0,98	12,58
Ашинский	1,00	0,90	0,90	1,00	0,18	0,98	1,00	0,59	0,94	0,96	0,80	0,97	0,86	0,99	12,07
Кусинский	1,00	0,84	0,85	1,00	0,06	0,94	0,99	0,60	0,94	1,00	0,73	0,85	0,88	1,00	11,70

Источник: рассчитано автором на основе статистических данных сельских территорий Челябинской области.

Список литературы

1. Голева Т. В., Данакин Н. С. Структура человеческого капитала организации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Т. 117, № 1. С. 221—226.
2. Зайцев Е. В., Колобанова М. А., Пазюк А. В. Рост уровня жизни населения как приоритет развития посткризисной экономики РФ // Виттевские чтения-2012: сборник. М.: ЧОУ ВПО МБИ, 2012. С. 256—258.
3. Иванова-Швец Л. Н., Борисова Н. Н. Инновационно-ориентированное управление человеческими ресурсами: сущность, принципы, модель // Креативная экономика. 2014. № 3 (87). С. 23—34.
4. Казакова О. Б., Исхакова Э. И., Кузьминых Н. А. Интеллектуальный капитал: понятие, сущность, структура // Экономика и управление: науч.-практ. журн. 2014. № 5 (121). С. 68—72.
5. Кобзистая Ю. Г. Исследование методов оценки величины человеческого капитала // Фундаментальные исследования. 2016. № 5—1. С. 148—155.
6. Морев М. В. Опыт региональных социологических исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5 (41). С. 54—72.
7. Нагибина Н. И. HR-DIGITAL: цифровые технологии в управлении человеческими ресурсами // Наукоеведение. 2017. № 1 (38). С. 24.
8. Новиков И. С., Бухалов Д. И. Роль агробизнеса в устойчивом развитии сельских территорий // Международный сельскохозяйственный журнал. 2011. № 6. С. 26—28.
9. Нуреев Р. М. Человеческий капитал и проблемы его развития в современной России // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 5—20.
10. Порфирьев Б. Н. Перспективы экономического роста России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221, № 1. С. 83—91.
11. Родиков А. В. Обеспечение безопасности общества от внешних и внутренних угроз // Виттевские чтения-2012: сборник. М.: ЧОУ ВПО МБИ, 2012. С. 49—56.
12. Сапрунова Е. В., Неведник М. Н., Зыкова О. Б. Информационно-методологическая база оценки эффективности управления человеческим капиталом // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 405—410.
13. Смоленская С. В. Инвестиции в человеческий капитал: проблемы и перспективы // Влияние инновационных процессов на совершенствование структуры общественного воспроизводства: материалы всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск: УлГТУ, 2012. С. 115—120.
14. Соловьева Т., Толмачев Е. Сельские территории: эволюция структуры понятия // Международный сельскохозяйственный журнал. 2011. № 6. С. 25—26.
15. Чупина С. В. Человеческий капитал и современная экономика России // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. № 12 (144). С. 71—74.

Сведения об авторе

Абилова Екатерина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ekaterina.abilova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 123—131.*

INFLUENCE OF FEATURES OF THE ORGANIZATION OF FARMING ACTIVITIES ON THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL OF RURAL TERRITORIES

E. V. Abilova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ekaterina.abilova@csu.ru

The article is devoted to topical issues of human capital formation in small forms of agricultural business. A logical model of the relationship between the organization of farming activities and the formation of human potential is considered. Particular attention is paid to the analysis of socio-economic indicators of the development of rural areas in the Chelyabinsk region. The methodology for calculating the rating assessment of some

rural areas of the studied region is presented. The model of the constituent elements of human capital of peasant (farmer) households is presented. It is noted that human capital is both a factor and a result of the development of the agricultural economy. This is the determining factor in its formation, use and accumulation.

Keywords: *human capital of rural areas, peasant (farm) households, rural population, life expectancy.*

References

1. Goleva T. V., Danakin N. S. (2013) *Vestnik Tambovskogo universiteta*, no. 1, pp. 221—226 [in Russ.].
2. Zajcev E. V., Kolobanova M. A., Pazyuk A. V. (2012) Rost urovnya zhizni naseleniya kak prioritet razvitiya postkrizisnoj ekonomiki RF [The growth of living standards as a priority for the development of the post-crisis economy of the Russian Federation]. *Vittevskie chteniya-2012*. Moscow, CHOU VPO MBI. Pp. 256—258 [in Russ.].
3. Ivanova-Shvets L. N. (2014) *Kreativnaya ekonomika*, no. 3 (87), pp. 23—34 [in Russ.].
4. Kazakova O. B., Iskhakova E. I., Kuz'minyh N. A. (2014) *Ekonomika i upravlenie*, no. 5 (121), pp. 68—72 [in Russ.].
5. Kobzistaya YU.G. (2016) *Fundamental'nye issledovaniya*, no. 1, pp. 148—155 [in Russ.].
6. Morev M. V. (2015) *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 5 (41), pp. 54—72 [in Russ.].
7. Nagibina N. I., Shhukina A. A. (2017) *Naukovedenie*, no. 1 (38) [in Russ.].
8. Novikov I. (2011) *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal*, no. 6, pp. 26—28 [in Russ.].
9. Nureev R. M. (2009) *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 5—20 [in Russ.].
10. Porfiryev B. N. (2020) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 221, no. 1, pp. 83—91 [in Russ.].
11. Rodikov A. V. (2012) Obespecheniye bezopasnosti obshchestva ot vneshnikh i vnutrennikh ugroz [Ensuring the safety of society from external and internal threats]. *Witte readings-2012*. Moscow, CHOU VPO MBI. Pp. 49—56 [in Russ.].
12. Saprunova E. V., Nevednik M. N., Zykova O. B. (2017) *Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovanij: perspektivy razvitiya sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Pp. 405—410 [in Russ.].
13. Smolenskaya S. V. (2012) Investicii v chelovecheskij kapital: problemy i perspektivy [Information and methodological basis for evaluating the effectiveness of human capital management]. Ulyanovsk, UIGTU. Pp. 115—120 [in Russ.].
14. Solov'eva T., Tolmachev E. (2011) *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal*, no. 6, pp. 25—26 [in Russ.].
15. Chupina S. V. (2011) *Vestnik TGPU (TSPUBulletin)*, no. 12 (144), pp. 71—74 [in Russ.].

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2020. № 11 (445). Экономические науки. Вып. 71. С. 132—144.

УДК 338.43
ББК 65.32-64

DOI 10.47475/1994-2796-2020-11115

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В МЕЛИОРАТИВНОЙ ОТРАСЛИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Угрюмова, М. П. Замаховский, Т. А. Капустина, Л. Е. Паутова

ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Коломна, Россия

Цель исследования — изучение структуры кадров Департамента мелиорации, изменений и тенденции кадрового потенциала отрасли с учетом федеральных округов (ФО) РФ. Проведен научно-практический и статистический анализ структуры кадров ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”» за период 2015—2017 гг. Выявлены элементы и особенности структуры кадров по категориям: руководители, специалисты, другие служащие и рабочие. Рассчитан и актуализирован коэффициент управляемости структуры кадров ФГБУ. Выявлены тренды формирования структуры кадров ФГБУ. На основе результатов научно-практического исследования структуры кадров мелиорации определены ведущие тренды формирования кадровой политики Департамента мелиорации. Выявленные особенности целесообразно учитывать при разработке и реализации отраслевых, территориальных программ по формированию и управлению трудовым потенциалом отрасли на разных уровнях.

Ключевые слова: *кадры мелиорации, структура кадров, кадровый потенциал, тренды развития, коэффициент управляемости, профессиональные стандарты.*

В условиях снижения значимости экстенсивных факторов развития орошаемого земледелия в первую очередь необходимо обратить внимание на активизацию факторов, обеспечивающих интенсивные условия развития и роста. Именно таким фактором, согласно результатам исследований Е. В. Сенченко [13], И. Н. Примышева, С. Г. Черемисиной, С. С. Скараник [14] и А. Н. Чекавинского [15], является кадровый потенциал отрасли [14—16]. В научных исследованиях А. А. Угрюмовой, М. П. Замаховского, Л. Е. Паутовой, Л. М. Тюриной [11], G. V. Olgarenko, A. A. Ugryumova, M. P. Zamakhovsky, L. E. Pautova [18], M. Ghasemi, I. Keykha, A. A. Nezhad, H. M. Niya [19] доказано, что необходимость изучения структурных сдвигов кадров в орошаемом земледелии связана с такими тенденциями изменения на отраслевом рынке труда, как введение профессиональных стандартов, компетентностного подхода, профессионально-квалификационные изменения кадрового потенциала.

Выделение характерных тенденций изменения кадрового потенциала по ФО и регионам РФ позволяет выработать унифицированные подходы

к управлению данным ресурсом развития отрасли.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О развитии сельского хозяйства» [1], Постановлением Правительства РФ № 375 от 31 марта 2020 г. «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [2], Приказом Минсельхоза России от 07.03.2019 № 104 (ред. от 06.02.2020) «О создании Совета по кадровому обеспечению агропромышленного комплекса при Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации» [3] и Концепцией социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [4], основными задачами, определяющими направление развития современного мелиоративного комплекса РФ (см. также результаты научно-практического анализа А. В. Лавренова [5], С. А. Бельченко, В. Е. Торикова, В. Ю. Симонова, И. Н. Белоуса, С. Н. Поцепай [6], А. В. Козлова [8], И. Дашковского [9], И. А. Хлусовой, В. Н. Хлусова [10]) являются: по-

вышение конкурентоспособности, рентабельности и устойчивости сельскохозяйственного производства средствами комплексной мелиорации в условиях изменения климата и природных аномалий за счет реконструкции и строительства мелиоративных систем на инновационной технологической основе и эффективного использования природных ресурсов.

Все обозначенные направления развития мелиорации РФ требуют тщательного анализа причин, вызывающих снижение потенциала мелиоративного комплекса страны.

К объективным причинам, вызывающим уменьшение мелиорированных земель и, как следствие, снижение потребности в специализированных кадрах, Т. А. Капустина, А. А. Угрюмова [7], А. А. Угрюмова, М. П. Замаховский, Л. Е. Паутова, Л. М. Тюрина [11] относят следующее: перевод мелиорированных земель в немелиорированные на основании списания мелиоративных систем и ГТС по причинам износа (в некоторых субъектах РФ износ оросительных систем доходит до 90%), различная аварийность основного капитала отрасли, утрата источника орошения и др.

Деструктивным фактором развития мелиорации в стране также выступают высокая стоимость технических средств орошения и значительные сроки их окупаемости; проблемы согласования с различными проверяющими и контролирующими организациями, а также нехватка квалифицированных работников, способных обслуживать высокопроизводительные и сложные мелиоративные системы.

К сожалению, наиболее отрицательным трендом кадрового потенциала Департамента мелиорации является снижение фактической численности кадров по сравнению с необходимой (научно обоснованной). Эту тенденцию [11] подтверждает информация по структуре кадров Департамента мелиорации по ФГБНУ в разрезе федеральных округов за 2015—2017 гг., позволившая рассчитать региональные дефициты/профициты кадрового обеспечения.

Задача исследования заключается в изучении и определении наиболее существенных изменений, происходящих в современном развитии отраслевой структуры кадров, выявлении основных ее элементов, трендов развития персонала и уточнении нормы управляемости на отраслевых предприятиях по регионам Российской Федерации.

Авторы провели статистический анализ возрастной структуры кадров 52 ФБГУ «Управление «Мелиоводхоз»» по федеральным округам Рос-

сийской Федерации за 2015—2017 гг. Общая выборка исследования составила 31 533 чел. — сотрудников 52 ФБГУ «Управление «Мелиоводхоз»».

В процессе исследования применялись методы: теоретического и практического анализа, разработки и систематизации информационно-аналитических материалов по кадрам, системе обучения, логического и ситуационного анализа, SWOT-анализ, статистический анализ, метод обработки и обобщения результатов.

Проведен сбор и анализ статистической и нормативной документации, содержащие характеристики текущего состояния и перспектив развития кадрового потенциала Департамента мелиорации, выявлены структура и тенденции развития отраслевой системы профессионального образования.

Мониторинг позволил сформировать информационную базу данных для исследования влияния кадровых структурных сдвигов в орошаемом сельском хозяйстве РФ на переподготовку и повышение квалификации персонала.

Составными частями рассматриваемой структуры кадров являются: работники в возрасте: до 25 лет; от 25 до 29 лет; от 30 до 39 лет; от 40 до 49 лет; от 50 до 59 лет; от 60 до 64 лет; 65 лет и старше.

В табл. 1 приведены минимальные и максимальные значения среднегодовых удельных весов составных частей структуры кадров рассмотренных ФГБУ, их разности (размах), средние значения среднегодовых удельных весов и их средние приросты по федеральным округам РФ за 2015—2017 гг.

Из табл. 1 следует, что наименьший ненулевой среднегодовой удельный вес руководителей наблюдался в ПФО, специалистов — в СибФО, других служащих — в ДФО, а наибольший среднегодовой удельный вес руководителей, специалистов, других служащих и рабочих наблюдался соответственно в ЦФО, СКФО, ПФО и ЮФО.

В случае когда среднегодовые удельные веса в структуре кадров некоторой группы ФГБУ совпадают, группу ФГБУ можно считать однородной по этой структурной части. Если группа ФГБУ однородна по некоторой составной части структуры кадров, то минимальный и максимальный среднегодовые удельные веса совпадают, и, следовательно, размах среднегодовых удельных весов этой структурной части равен нулю. Отсюда размах среднегодовых удельных весов составной части структуры кадров можно рассматривать в качестве индикатора, характеризующего степень отличия группы ФГБУ от однородности по этой структурной части: при

Таблица 1

**Среднегодовые удельные веса структурных частей структуры кадров
ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз»» за 2015—2017 гг. и их средние приросты, %**

Показатели	Структурные части			
	Руководители	Специалисты	Другие служащие	Рабочие
<i>ЦФО</i>				
Минимальный среднегодовой удельный вес	6,70	9,00	0,00	9,09
Максимальный среднегодовой удельный вес	39,01	54,05	27,27	61,51
Средний среднегодовой удельный вес	18,91	29,27	9,51	42,30
Размах среднегодовых удельных весов	32,31	45,05	27,27	52,42
Средний прирост среднегодовых удельных весов	-0,03	-0,48	-0,17	0,94
<i>СЗФО</i>				
Минимальный среднегодовой удельный вес	3,53	23,21	0,00	15,00
Максимальный среднегодовой удельный вес	22,5	62,5	31,75	65,39
Средний среднегодовой удельный вес	12,78	37,89	10,92	38,41
Размах среднегодовых удельных весов	18,97	39,29	31,75	50,39
Средний прирост среднегодовых удельных весов	-0,12	0,04	0,00	-0,41
<i>СКФО</i>				
Минимальный среднегодовой удельный вес	3,64	22,94	2,13	0,00
Максимальный среднегодовой удельный вес	20,17	72,26	7,56	71,28
Средний среднегодовой удельный вес	9,65	43,64	4,09	42,62
Размах среднегодовых удельных весов	16,53	49,32	5,43	71,28
Средний прирост среднегодовых удельных весов	0,09	0,15	0,05	-0,21
<i>ЮФО</i>				
Минимальный среднегодовой удельный вес	3,68	14,89	0,00	43,91
Максимальный среднегодовой удельный вес	8,70	25,52	26,9	80,87
Средний среднегодовой удельный вес	6,06	20,29	6,14	67,51
Размах среднегодовых удельных весов	5,02	10,63	26,9	36,96
Средний прирост среднегодовых удельных весов	-0,09	1,67	-0,06	-1,52
<i>ПФО</i>				
Минимальный среднегодовой удельный вес	2,18	13,78	0,00	15,93
Максимальный среднегодовой удельный вес	36,03	48,04	45,92	84,04
Средний среднегодовой удельный вес	12,37	26,65	9,31	51,67
Размах среднегодовых удельных весов	33,85	34,26	45,92	68,11
Средний прирост среднегодовых удельных весов	0,15	0,10	0,16	-0,41
<i>УФО</i>				
Минимальный среднегодовой удельный вес	13,21	32,50	0,00	26,42
Максимальный среднегодовой удельный вес	28,92	54,72	5,66	38,58
Средний среднегодовой удельный вес	21,07	43,61	2,83	32,50
Размах среднегодовых удельных весов	15,71	22,22	5,66	12,16
Средний прирост среднегодовых удельных весов	0,27	-1,52	0,00	1,26
<i>СибФО</i>				
Минимальный среднегодовой удельный вес	8,33	6,40	0,00	51,81
Максимальный среднегодовой удельный вес	15,26	33,33	21,91	80,28
Средний среднегодовой удельный вес	10,54	20,72	6,42	62,32
Размах среднегодовых удельных весов	6,93	26,93	21,91	28,47
Средний прирост среднегодовых удельных весов	-0,06	-0,92	0,66	0,51
<i>ДФО</i>				
Минимальный среднегодовой удельный вес	2,55	19,16	4,61	14,51
Максимальный среднегодовой удельный вес	16,67	59,02	33,33	68,43
Средний среднегодовой удельный вес	11,34	32,07	14,63	41,96
Размах среднегодовых удельных весов	14,12	39,86	28,72	53,92
Средний прирост среднегодовых удельных весов	0,17	1,26	-0,46	-0,97

Источник: расчеты авторов на основе данных, полученных от 52 ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз»».

увеличении размаха, увеличивается степень отличия от однородности.

На гистограмме (рис. 1) наглядно представлена степень отличия входящих в федеральные округа рассмотренных ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”» от однородности по каждой составной части их структуры кадров.

Анализ рис. 1 позволяет сделать следующие выводы:

1) наименьшая степень отличия от однородности по руководителям и специалистам наблюдалась в ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”», входящих в ЮФО, по другим служащим — в СКФО, по рабочим — в УФО;

2) наибольшая степень отличия от однородности по руководителям и по другим служащим наблюдалась в ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”», входящих в ПФО, по специалистам и по рабочим — в СКФО.

Отрицательные и положительные средние значения приростов среднегодовых удельных весов структурных частей определяют соответственно их убывающий (↓) и возрастающий (↑) тренд за рассматриваемый период (табл. 2).

Таблица 2

Тренды среднегодовых удельных весов структурных частей структуры кадров ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”» за 2015—2017 гг., %*

ФО	Руководители	Специалисты	Другие служащие	Рабочие
ЦФО	↓	↓	↓	↑
СЗФО	↓	↑	–	↓
СКФО	↑	↑	↑	↓
ЮФО	↓	↑	↓	↓
ПФО	↑	↑	↑	↓
УФО	↑	↓	–	↑
СибФО	↓	↓	↑	↑
ДФО	↑	↑	↓	↓

* Составлено авторами.

Для сравнительного анализа в разрезе федеральных округов минимальные, средние и максимальные значения среднегодовых удельных весов составных частей структуры кадров рассмотренных ФГБУ представлены соответственно на нижних, средних и верхних графиках (рис. 2). На рис. 3 изображены графики средних значений среднегодовых приростов удельных весов составных частей структуры кадров ФГБУ.

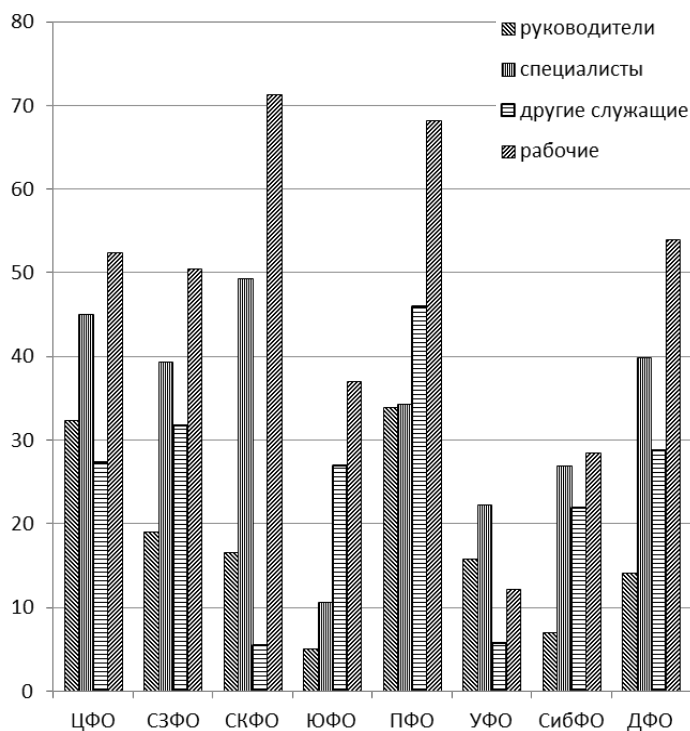

Рис. 1. Степень отличия ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”» от однородности по структурным частям их структуры кадров

Составлено авторами.

Одной из важных характеристик структуры кадров является величина коэффициента управляемости — отношение числа всех специалистов и других служащих к числу всех руководителей, показывающий количество подчиненных, приходящихся на одного руководителя [16].

Для каждого из рассматриваемых ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”» были вычислены коэффициенты управляемости, их приросты, минимальное, среднее и максимальное значения коэффициентов управляемости и их приростов (табл. 3). На рис. 4 представлены минимальные, средние и максимальные коэффициенты управляемости соответственно на нижних, средних и верхних графиках.

Анализ табл. 2 показывает, что в структуре кадров ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”» среднегодовые удельные веса:

— руководителей — увеличивались в СКФО, ПФО, УФО, ДФО и уменьшались в ЦФО, СЗФО, ЮФО, СибФО;

— специалистов — увеличивались в СЗФО, СКФО, ЮФО, ПФО, ДФО и уменьшались в ЦФО, УФО, СибФО;

— других служащих — увеличивались в СКФО, ПФО, СибФО, уменьшались в ЦФО, ЮФО, ДФО и не изменялись в СЗФО, УФО;

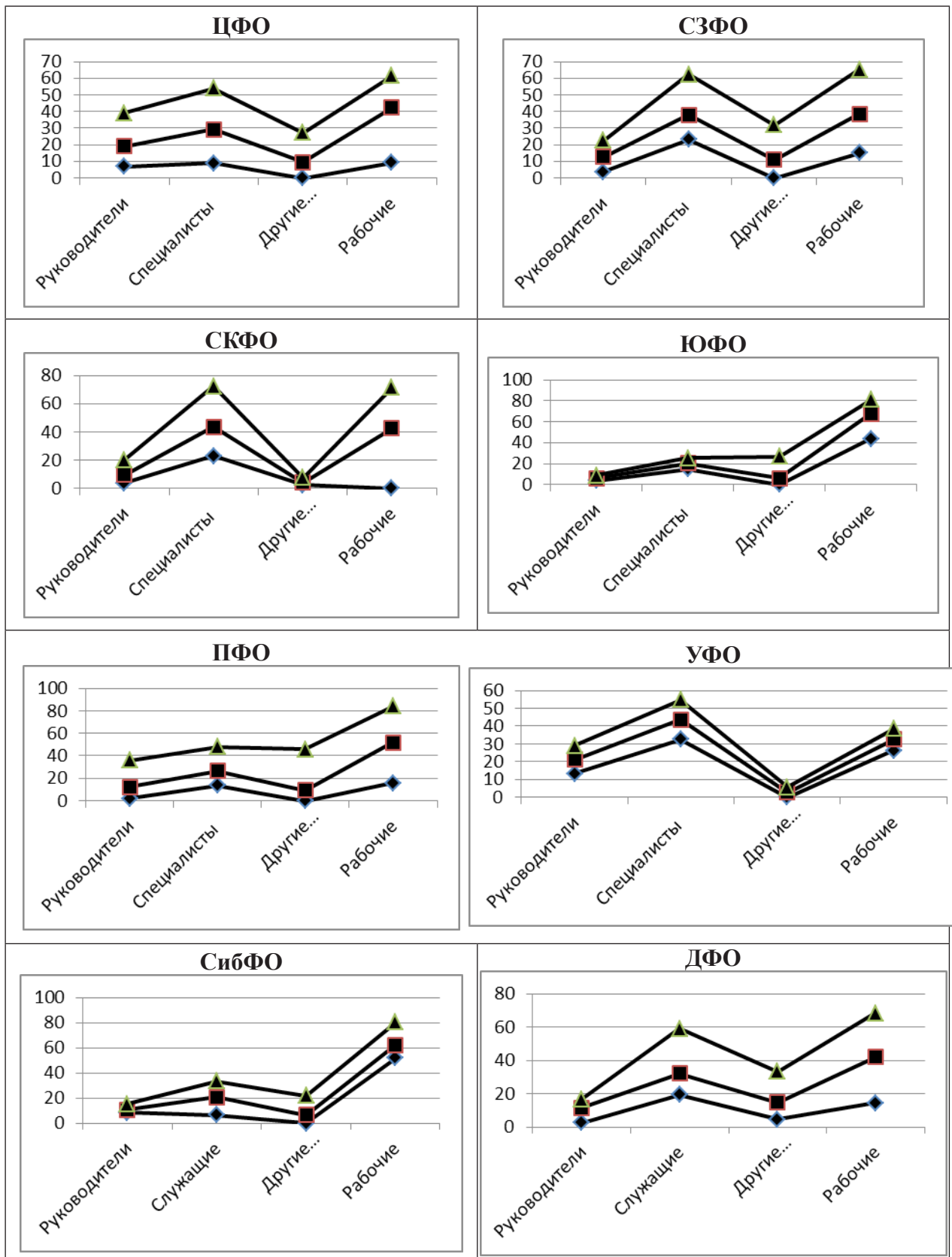

Рис. 2. Минимальные, средние и максимальные значения среднегодовых удельных весов структуры кадров ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз» по федеральным округам РФ за 2015–2017 гг.

Составлено авторами.

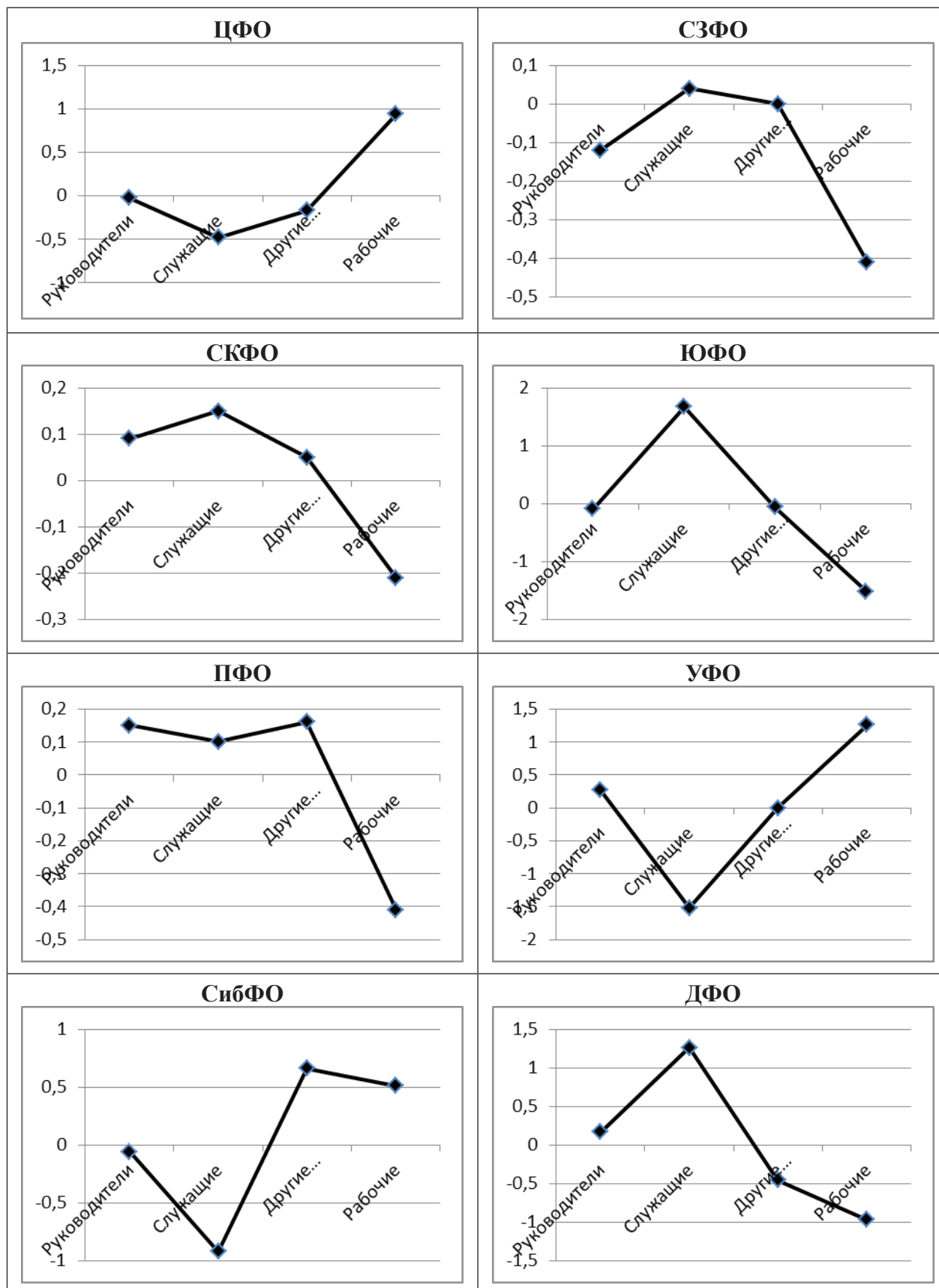

Рис. 3. Средние значения приростов среднегодовых удельных весов структуры кадров ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз»» по ФО РФ за 2015–2017 гг.

Составлено авторами.

Таблица 3

Коэффициенты управляемости ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”» и их приросты по ФО РФ за 2015—2017 гг.*

ФО	ФГБУ «Управление»	Коэффициенты управляемости			Приросты коэффициентов управляемости	
		2015	2016	2017	2016	2017
ЦФО	«Белгородмелиоводхоз»	1,00	1,00	0,83	0,00	-0,17
	«Владимирмелиоводхоз»	4,50	4,00	4,00	-0,50	0,00
	«Ивановомелиоводхоз»	4,33	4,00	3,67	-0,33	-0,33
	«Костромамелиоводхоз»	1,15	0,93	1,00	-0,23	0,07
	«Курскмелиоводхоз»	0,23	0,23	0,23	0,00	0,00
	«Липецкмелиоводхоз»	5,67	5,33	4,33	-0,33	-1,00
	«Орелмелиоводхоз»	2,33	2,33	2,33	0,00	0,00
	«Рязаньмелиоводхоз»	6,00	6,00	6,25	0,00	0,25
	«Смоленскмелиоводхоз»	2,50	2,50	2,50	0,00	0,00
	«Туламелиоводхоз»	5,00	5,00	5,00	0,00	0,00
	«Ярославльмелиоводхоз»	0,56	0,71	0,77	0,15	0,05
	Минимальное значение	0,23	0,23	0,23	-0,50	-1,00
	Среднее значение	3,03	2,91	2,81	-0,11	-0,10
Максимальное значение	6,00	6,00	6,25	0,15	0,25	
СЗФО	«Вологдамелиоводхоз»	2,78	2,78	2,78	0,00	0,00
	«Калининградмелиоводхоз»	8,75	8,75	8,88	0,00	0,13
	«Карелмелиоводхоз»	2,67	2,00	2,67	-0,67	0,67
	«Комимелиоводхоз»	4,33	7,00	5,50	2,67	-1,50
	«Ленмелиоводхоз»	10,33	11,00	6,33	0,67	-4,67
	«Новгородмелиоводхоз»	2,75	3,25	3,67	0,50	0,42
	«Исковмелиоводхоз»	3,50	3,75	3,75	0,25	0,00
	Минимальное значение	2,67	2,00	2,67	-0,67	-4,67
	Среднее значение	5,02	5,50	4,80	0,49	-0,71
	Максимальное значение	10,33	11,00	8,88	2,67	0,67
СКФО	«Карачаевчеркескмелиоводхоз»	4,00	4,00	3,88	0,00	-0,13
	«Ставропольмелиоводхоз»	6,62	7,06	6,97	0,44	-0,09
	«Чеченмелиоводхоз»	7,44	7,44	7,44	0,00	0,00
	Минимальное значение	4,00	4,00	3,88	0,00	-0,13
Среднее значение	6,02	6,17	6,10	0,15	-0,07	
Максимальное значение	7,44	7,44	7,44	0,44	0,00	
ЮФО	«Адыгемелиоводхоз»	15	15,4	12,67	0,4	-2,73
	«Астраханьмелиоводхоз»	1,59	5	6,44	3,41	1,44
	«Вологоградмелиоводхоз»	2,73	2,75	2,67	0,03	-0,09
	«Кубаньмелиоводхоз»	2,31	3,88	3,4	1,57	-0,48
	«Ростовмелиоводхоз»	3,19	2,59	2,57	-0,6	-0,01
	Минимальное значение	1,59	2,59	2,57	-0,6	-2,73
	Среднее значение	4,96	5,92	5,55	0,96	-0,37
Максимальное значение	15	15,4	12,67	3,41	1,44	
ПФО	«Башмелиоводхоз»	3,06	3,18	3,24	0,12	0,06
	«Кировмелиоводхоз»	1,33	1,33	1,33	0,00	0,00
	«Мармелиоводхоз»	2,50	2,50	2,50	0,00	0,00
	«Мордовмелиоводхоз»	6,80	6,80	6,80	0,00	0,00
	«Нижегородмелиоводхоз»	7,00	7,00	4,33	0,00	-2,67
	«Оренбургмелиоводхоз»	2,70	2,90	3,00	0,20	0,10
	«Пензамелиоводхоз»	1,60	1,50	1,40	-0,10	-0,10
	«Саратовмелиоводхоз»	5,90	5,88	7,15	-0,02	1,27
	«Татмелиоводхоз»	21,14	21,14	21,14	0,00	0,00
	«Удмуртмелиоводхоз»	2,25	2,25	2,25	0,00	0,00
	«Ульяновскмелиоводхоз»	5,50	7,00	5,00	1,50	-2,00
	«Чуваشمелиоводхоз»	0,59	0,63	0,72	0,04	0,09
	Минимальное значение	0,59	0,63	0,72	-0,10	-2,67
	Среднее значение	5,03	5,18	4,91	0,14	-0,27
Максимальное значение	21,14	21,14	21,14	1,50	1,27	
УФО	«Курганмелиоводхоз»	1,25	1,13	1,00	-0,13	-0,13
	«Свердловскмелиоводхоз»	4,57	4,57	4,57	0,00	0,00
	Минимальное значение	1,25	1,13	1,00	-0,13	-0,13
	Среднее значение	2,91	2,85	2,79	-0,06	-0,06
Максимальное значение	4,57	4,57	4,57	0,00	0,00	
СибФО	«Алтаймелиоводхоз»	2,28	2,32	2,45	0,04	0,13
	«Иркутскмелиоводхоз»	3,67	3,67	3,67	0,00	0,00
	«Красноярскмелиоводхоз»	3,00	2,71	2,71	-0,29	0,00
	«Мелиоводхоз по Республике Алтай»	2,25	2,00	2,25	-0,25	0,25
	«Новосибирскмелиоводхоз»	3,86	3,14	3,57	-0,71	0,43
	«Омскмелиоводхоз»	0,67	0,58	0,57	-0,08	-0,02
	«Томскмелиоводхоз»	4,00	4,00	4,00	0,00	0,00
	Минимальное значение	0,67	0,58	0,57	-0,71	-0,02
	Среднее значение	2,82	2,63	2,75	-0,18	0,11
Максимальное значение	4,00	4,00	4,00	0,04	0,43	
ДФО	«Амурмелиоводхоз»	5,60	5,80	5,60	0,20	-0,20
	«Биробиджанмелиоводхоз»	3,00	3,33	3,33	0,33	0,00
	«Бурятмелиоводхоз»	2,27	2,32	2,08	0,05	-0,23
	«Магаданмелиоводхоз»	4,00	4,00	4,00	0,00	0,00
	«Приммелиоводхоз»	11,83	11,33	11,00	-0,50	-0,33
	Минимальное значение	2,27	2,32	2,08	-0,50	-0,33
Среднее значение	5,34	5,36	5,20	0,02	-0,15	
Максимальное значение	11,83	11,33	11,00	0,33	0,00	

* Расчеты авторов.

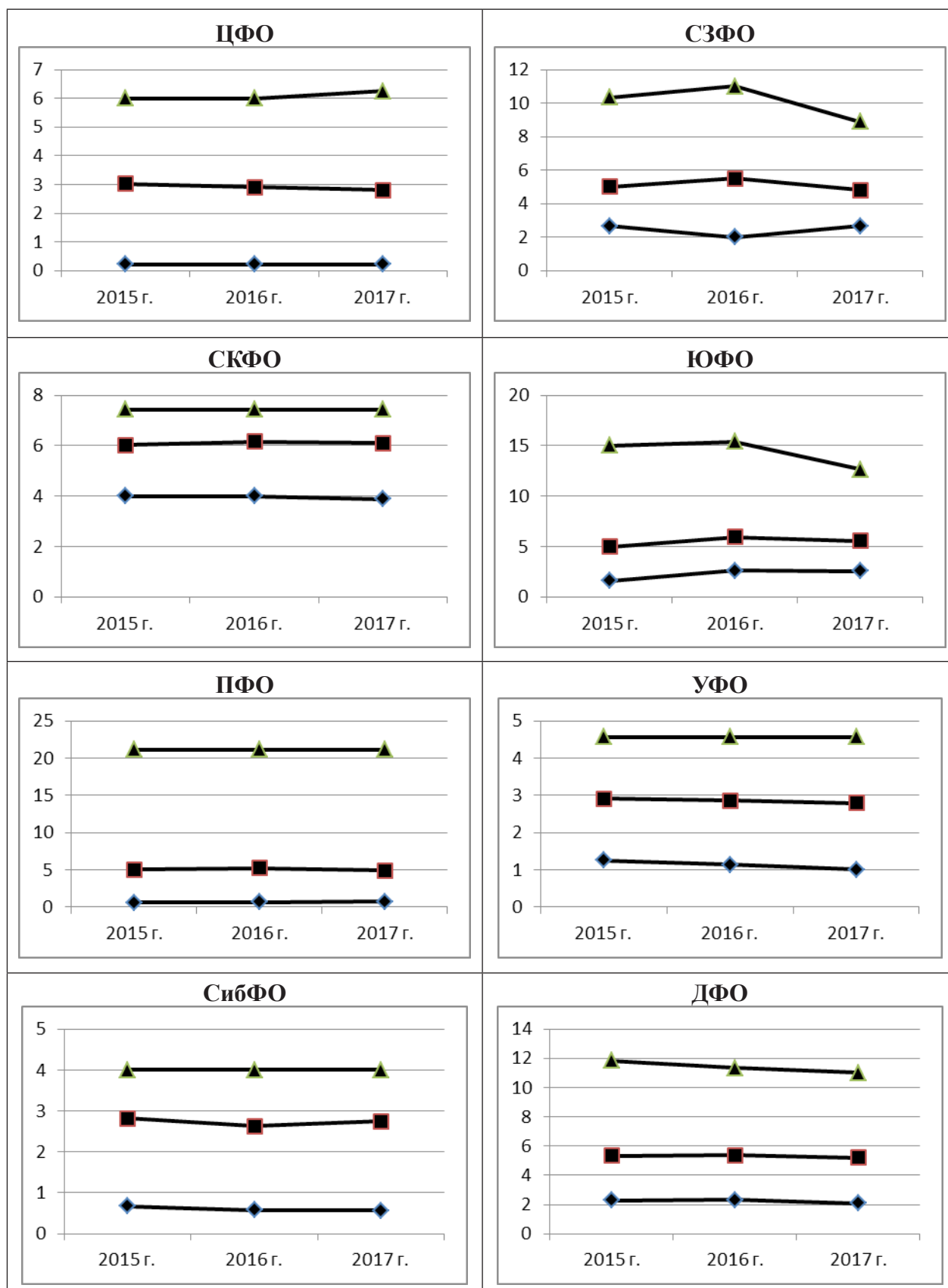

Рис. 4. Коэффициенты управляемости ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз» по ФО РФ за 2015—2017 гг.

Составлено авторами.

— рабочих — увеличивались в ЦФО, УФО, СибФО и уменьшались в СЗФО, СКФО, ЮФО, ПФО, ДФО.

Следует отметить, что преобладающими трендами были увеличение численности специалистов и уменьшение численности рабочих.

Анализ табл. 3 и рис. 4 показывает, что коэффициенты управляемости ФГБУ в 2015, 2016 и 2017 гг.:

— в ЦФО — колебались соответственно от 0,23 до 6,0, от 0,23 до 6,0 и от 0,23 до 6,25 включительно, при этом средний коэффициент управляемости, равный соответственно 3,03, 2,91 и 2,81, имел в 2016—2017 гг. убывающий тренд;

— в СЗФО — колебались соответственно от 2,67 до 10,33, от 2,0 до 11,0 и от 2,67 до 8,88 включительно, при этом средний коэффициент управляемости, равный соответственно 5,02, 5,50 и 4,80, имел в 2016 г. возрастающий, а в 2017 г. убывающий тренд;

— в СКФО — колебались соответственно от 4,0 до 7,44, от 4,0 до 7,44 и от 3,88 до 7,44 включительно, при этом средний коэффициент управляемости, равный соответственно 6,02, 6,17 и 6,10, имел в 2016 г. возрастающий, а в 2017 г. убывающий тренд;

— в ЮФО — колебались соответственно от 1,59 до 15,0, от 2,59 до 15,40 и от 2,57 до 12,67 включительно, при этом средний коэффициент управляемости, равный соответственно 4,96, 5,92 и 5,55, имел в 2016 г. возрастающий, а в 2017 г. убывающий тренд;

— в ПФО — колебались соответственно от 0,59 до 21,14, от 0,63 до 21,14 и от 0,72 до 21,14 включительно, при этом средний коэффициент управляемости, равный соответственно 5,03, 5,18 и 4,91,

имел в 2016 г. возрастающий, а в 2017 г. убывающий тренд;

— в УФО — колебались соответственно от 1,25 до 1,13, от 0,63 до 4,57 и от 1,0 до 4,57 включительно, при этом средний коэффициент управляемости, равный соответственно 2,91, 2,85 и 2,79, имел в 2016—2017 гг. убывающий тренд;

— в СибФО — колебались соответственно от 0,67 до 4,0, от 0,58 до 4,0 и от 0,57 до 4,0 включительно, при этом средний коэффициент управляемости, равный соответственно 2,82, 2,63 и 2,75, имел в 2016 г. убывающий, а в 2017 г. возрастающий тренд;

— в ДФО — колебались соответственно от 2,27 до 11,83, от 2,32 до 11,33 и от 2,08 до 11,0 включительно, при этом средний коэффициент управляемости, равный соответственно 5,34, 5,36 и 5,20, имел в 2016 г. возрастающий, а в 2017 г. убывающий тренд.

В табл. 4 приведены ранги федеральных округов по возрастанию среднегодового среднего коэффициента управляемости, входящих в них ФГБУ, позволяющие распределить федеральные округа по трем кластерам:

— первый кластер содержит СибФО, УФО и ЦФО, где средние коэффициенты управляемости ФГБУ колебались от 2,73 до 2,92 включительно;

— второй кластер содержит ПФО, СЗФО и ДФО, где среднегодовые коэффициенты управляемости ФГБУ колебались от 5,04 до 5,30 включительно;

— третий кластер содержит ЮФО и СКФО, где коэффициенты управляемости ФГБУ колеблются от 5,48 до 6,10 включительно.

На основании приведенных расчетов можно выделить ряд тенденций изменения среднего коэф-

Таблица 4

Ранжирование федеральных округов по возрастанию среднего коэффициента управляемости ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз»»*

ФО	Средний коэффициент управляемости ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз»»			Среднегодовой коэффициент управляемости	Ранг
	2015 г.	2016 г.	2017 г.		
ЦФО	3,03	2,91	2,81	2,92	3
СЗФО	5,02	5,50	4,80	5,11	5
СКФО	6,02	6,17	6,10	6,10	8
ЮФО	4,96	5,92	5,55	5,48	7
ПФО	5,03	5,18	4,91	5,04	4
УФО	2,91	2,85	2,79	2,85	2
СибФО	2,82	2,63	2,75	2,73	1
ДФО	5,34	5,36	5,20	5,30	6

* Расчеты авторов.

фициента управляемости по рассмотренным ФГБУ «Управление “Мелиоводхоз”».

Как видно из табл. 4, среднегодовой коэффициент управляемости по ФГБУ в разрезе федеральных округов колебался от 2,7 до 6,1. При сложившейся в научной литературе доминирующей точке зрения о том, что средняя норма управляемости на одного менеджера не должна превышать семи подчиненных (Р. Дафт), полученные данные в исследованиях А. К. Khodzhaevich, К. S. Davlyatovich, М. А. Yuldashevich [17], V. I. Trukhachev, I. Y. Sklyarov, J. M. Sklyarova, L. A. Latysheva, Н. N. Lapina [20] позволяют сделать вывод о соблюдении в отрасли базовых критериев управляемости.

Однако специфика сельского хозяйства (и конкретно мелиорации) позволяет выделить наиболее характерные черты отраслевого управленческого труда:

- динамичный, изменчивый характер, формируемых заданий для подчиненных, обусловленный высокотехнологичной особенностью работы;

- подчиненные рассредоточены по территории (месту выполнения работы);

- уровень подготовленности подчиненных значительно варьируется;

- далеко не все рабочие задания имеют регламентированные правила и процедуры;

- имеет место периодическая необходимость в координации персонала с другими отделами или подразделениями.

Все вышперечисленное предполагает необходимость повышения отраслевой средней нормы управляемости на одного менеджера свыше обозначенной.

«Кроме того, методическими указаниями Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, посвященными [теме] “Нормирование управленческого труда и определение штатной численности работников управления в сельскохозяйственных организациях”», также были выделены особенности, присущие сельскохозяйственному труду и отражающиеся на его нормировании:

- большая степень самостоятельности управленческого персонала по сравнению с работниками физического труда в пределах установленного распорядка рабочего дня;

- наличие элементов творческой деятельности, трудно поддающейся непосредственному наблюдению и измерению;

- сезонность производства, которая обуславливает определенную сложность в планировании и оперативности управления, а также в равномерности загрузки работников по периодам года;

- большое разнообразие выполняемых одним исполнителем управленческих процессов и незначительная повторяемость составляющих их элементов и многообразие решаемых производственных задач, вызывающих необходимость в различных видах управленческой деятельности;

- необходимость использования непрерывно поступающей информации, не позволяющей заранее предвидеть и устанавливать весь комплекс составляющих функций элементов, их четкое содержание и порядок выполнения;

- большая сложность управленческого труда, которая влечет за собой необходимость принятия в отдельных случаях коллективного решения;

- трудность определения степени интенсивности труда и отсутствие резко выраженных признаков расхода энергии» [12].

В качестве норм коэффициента управляемости данные методические рекомендации устанавливают следующие критерии: для руководителей сельскохозяйственных предприятий 5—10 чел., для управляющих отделениями, начальников цехов, производственных участков — 4—8 чел., для бригадиров, руководителей ферм — 20—30 чел. [Там же].

При этом количество необходимых специалистов мелиоративных подразделений привязывается к площади орошаемых или осушенных земель из расчета: главный инженер-гидротехник — один на хозяйство, имеющее свыше 2000 га орошаемых или осушенных земель, инженер-гидротехник — на 2000 га орошаемых или от 250 до 2500 осушенных земель.

Таким образом, учитывая имеющиеся методические подходы к определению среднего коэффициента управляемости и реально сложившуюся ситуацию, можно сделать вывод об существующем дефиците управленческих кадров в мелиоративной отрасли РФ и необходимости коррекции отраслевых подходов к комплектации персонала организаций.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О развитии сельского хозяйства» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/097c9352354889397eb58eef402b7918f4f6a49d/ (дата обращения 23.10.2020).
2. Постановление Правительства РФ № 375 от 31 марта 2020 г. «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия».
3. Приказ Минсельхоза России от 07.03.2019 № 104 (ред. от 06.02.2020) «О создании Совета по кадровому обеспечению агропромышленного комплекса при Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации».
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р «Концепция социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».
5. Лавренов А. В. Аналитические исследования перспектив развития техники орошения в России: Информационно-аналитическое издание. 2020. 128 с.
6. Бельченко С. А., Ториков В. Е., Симонов В. Ю., Белоус И. Н., Поцепай С. Н. Актуальные проблемы земельных отношений // XV Международная научная конференция «Агрэкологические аспекты устойчивого развития АПК»: материалы. 2018. С. 277—285.
7. Капустина Т. А., Угрюмова А. А. Развитие орошаемого земледелия как фактор конкурентоспособности сельского хозяйства // Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 73—78.
8. Козлов А. В. Кадровое обеспечение сельского хозяйства в условиях инновационного развития: дис. ... д-ра экон. наук. 2015. 349 с.
9. Дашковский И. Один в поле. Количество людей, занятых в сельском хозяйстве, будет сокращаться // Агротехника и технологии. 2018. № 5. URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/30401-odin-v-pole> (дата обращения 19.09.2020).
10. Хлусова И. А., Хлусов В. Н. Отраслевая специфика формирования и перспективы развития кадрового потенциала агропромышленного комплекса // Экономические исследования. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otraslevaya-spetsifika-formirovaniya-i-perspektivy-razvitiya-kadrovogo-potentsiala-agropromyshlennogo-kompleksa> (дата обращения 19.09.2020).
11. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Исследование влияния структуры кадров в орошаемом земледелии на систему повышения квалификации и переподготовки персонала». ФГБНУ ВНИИ «Радуга». 2019. 366 с.
12. Развитие орошаемого земледелия по регионам России: тенденции и перспективы: монография / под ред. Г. В. Ольгаренко, А. А. Угрюмовой. М.: РУСАЙНС, 2019. 250 с.
13. Сенченко Е. В. Кадровый потенциал отрасли: основные общетеоретические аспекты // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2015. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyy-potentsial-otrasli-osnovnyie-obscheteoreticheskie-aspekty> (дата обращения 19.09.2020).
14. Примышев И. Н., Черемисина С. Г., Скараник С. С. Современное состояние производственного и кадрового потенциала агропромышленного комплекса Крыма // Российское предпринимательство. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-proizvodstvennogo-i-kadrovogo-potentsiala-agropromyshlennogo-kompleksa-kryma> (дата обращения 19.09.2020).
15. Чекавинский А. Н. Подготовка и закрепление кадров в сельском хозяйстве: проблемы и решения // Молочнохозяйственный вестник. 2016. № 3 (23). С. 134—143.
16. Anisimov A. Y., Obukhova A. S., Aleksakhina Y. V., Zhaglovskaya A. V., Kudra A. A. Strategic approach to forming a human resource management system in the organization // International Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 11, iss. 2. P. 442—448.
17. Khodzhaevich A. K., Davlyatovich K. S., Yuldashevich M. A. The role of the international labor organization in the human resource management system // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 8, iss. 9. Special iss. 3. P. 169—175.
18. Olgarenko G. V., Ugryumova A. A., Zamakhovsky M. P., Pautova L. E. Methodological approaches to the formation of the meliorative complex's personnel support in the Russian federal districts // International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM. 2019. Vol. 19, no. 3.1. P. 369—377.

19. Ghasemi M., Keykha I., Nezhad A. A., Niya H. M. The Strategies and Challenges of Human Resources Management // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2015. № 12-5. С. 152—157.
20. Trukhachev V. I., Sklyarov I. Y., Sklyarova J. M., Latysheva L. A., Lapina H. N. Contemporary state of resource potential of agriculture in South Russia // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6, iss. 5. P. 33—41.

Сведения об авторах

Угрюмова Александра Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Коломна, Россия. feminaa@mail.ru

Замаховский Михаил Петрович — кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Коломна, Россия. zamakhovskii@mail.ru

Капустина Татьяна Алексеевна — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Коломна, Россия. kapustina_tat@inbox.ru

Паутова Людмила Евгеньевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, руководитель УМЦ ДПО ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Коломна, Россия. cosidanie35@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences*. Iss. 71. Pp. 132—144.

PERSONNEL POLICY DEVELOPMENT TRENDS IN THE LAND RECLAMATION AREA OF THE RUSSIAN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

A. A. Ugryumova

FGBNU VNII Raduga, Kolomna, Russia. feminaa@mail.ru

M. P. Zamakhovsky

FGBNU VNII Raduga, Kolomna, Russia. zamakhovskii@mail.ru

T. A. Kapustina

FGBNU VNII Raduga, Kolomna, Russia. kapustina_tat@inbox.ru

L. E. Pautova

FGBNU VNII Raduga, Kolomna, Russia. cosidanie35@yandex.ru

The goal of the article is to study the personnel structure of the Department of land reclamation, as well as the changes and trends in the human resources of the industry, taking into account the Federal districts of Russia. A scientific, practical and statistical analysis of the FSBI «Meliovodkhoz Management» personnel structure for 2015—2017 was carried out. Elements and features of the personnel structure were categorized into the following groups: managers, specialists, other employees and workers. The authors updated and calculated the FSBI personnel structure manageability index. Trends in the FSBI personnel structure development were identified. Conclusion. The key trends in the personnel policy of the Department of land reclamation were determined based on the results of the scientific and practical study of the reclamation personnel. The identified features are important for developing and implementing sectoral and territorial programs on the labor potential creation and management at various levels.

Keywords: *land reclamation personnel, personnel structure, human resources, development trends, manageability index, professional standards.*

References

1. Federal'nyj zakon ot 29.12.2006 N264-FZ (red. ot 25.12.2018) «O razvitii sel'skogo hozjajstva» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2020). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/097c9352354889397eb58eef402b7918f4f6a49d/ [in Russ.].

2. Postanovlenie Pravitel'stva RF № 375 ot 31 marta 2020. «O vnesenii izmenenij v Gosudarstvennuju programmuz razvitiya sel'skogo hozjajstva i regulirovaniya rynkov sel'skohozjajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stvija» [in Russ.].
3. Prikaz Minsel'khoza Rossii ot 07.03.2019 № 104 (red. ot 06.02.2020) «O sozdanii Soveta po kadrovomu obespecheniyu agropromyshlennogo kompleksa pri Ministerstve sel'skogo khozyaystva Rossiyskoy Federatsii» [in Russ.].
4. Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17 noyabrya 2008 goda № 1662-r «Kontseptsiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda» [in Russ.].
5. Lavrenov A. V. (2020) Analiticheskie issledovaniya perspektiv razvitiya tehniki orosheniya v Rossii: Informacionno-analiticheskoe izdanie. 128 p. [in Russ.].
6. Bel'chenko S. A., Torikov V. E., Simonov V. Ju., Belous I. N., Pocepaj S. N. (2018) XV Mezhdun. nauch. konf. Agrojekologicheskie aspekty ustojchivogo razvitiya APK: materialy. Pp. 277—285 [in Russ.].
7. Kapustina T. A., Ugryumova A. A. (2017) *Sbornik nauchnykh statey po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Pp. 73—78 [in Russ.].
8. Kozlov A. V. (2015) Kadrovoye obespecheniye sel'skogo khozyaystva v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya: dis. na soiskaniye uchenoy stepeni doktora ekonomicheskikh nauk [Staffing in agriculture in the context of innovative development: PhD thesis]. Moscow [in Russ.].
9. Dashkovskiy I. (2018) *Agrotekhnika i tekhnologii*, no. 5. Available at: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/30401-odin-v-pole>, accessed 19.09.2020 [in Russ.].
10. Khlusova I. A., Khlusov V. N. (2017) *Ekonomicheskiye issledovaniya*, no. 2 [in Russ.].
11. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: «Issledovaniye vliyaniya struktury kadrov v oroshayemom zemledelii na sistemu povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki personala» [Research report on the topic «Research of the irrigated agriculture personnel structure influence on the continuing education and personnel retraining»]. FGBNU VNII «Raduga», 2019. 366 p. [in Russ.].
12. Ol'garenko G. V., Ugryumova A. A. (2019) Razvitiye oroshayemogo zemledeliya po regionam Rossii: tendentsii i perspektivy: monografiya [Development of irrigated agriculture by regions of Russia: Trends and prospects: Monograph]. Moscow, RUSAYNS. 250 p. [in Russ.].
13. Senchenko Ye. V. (2015) *Ekonomika i upravleniye: analiz tendentsiy i perspektiv razvitiya*, no. 22 [in Russ.].
14. Primyshev I. N., Cheremisina S. G., Skaranik S. S. (2018) *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*, no. 5 [in Russ.].
15. Chekavinskiy A. N. (2016) *Molochnokhozyaystvennyy vestnik*, no. 3 (23), pp. 134—143 [in Russ.].
16. Anisimov A. Y., Obukhova A. S., Aleksakhina Y. V., Zhaglovskaya A. V., Kudra A. A. (2017) *International Journal of Economic Perspectives*, vol. 11, iss. 2, pp. 442—448.
17. Khodzhaevich A. K., Davlyatovich K. S., Yuldashevich M. A. (2019) *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, vol. 8, iss. 9, special iss. 3, pp. 169—175.
18. Olgarenko G. V., Ugryumova A. A., Zamakhovsky M. P., Pautova L. E. (2019) *International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM*, vol. 19, no. 3.1, pp. 369—377.
19. Ghasemi M., Keykha I., Nezhad A. A., Niya H. M. (2015) *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya v sovremennom mire*, no. 12-5, pp. 152—157.
20. Trukhachev V. I., Sklyarov I. Y., Sklyarova J. M., Latysheva L. A., Lapina H. N. (2016) *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 6, iss. 5, pp. 33—41.

КОМПАНИИ-«ЗОМБИ» В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

С. Ю. Коровин

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия*

В условиях нестабильной экономической ситуации и при снижении ликвидности для компаний становится актуальным рассмотрение их финансового положения с точки зрения возможности обеспечивать взятые на себя обязательства. Основным источником погашения обязательств рассматривается операционная прибыль. В работе представлены теории оценки оптимального уровня заимствования для компаний. В целях определения уровня их кредитоспособности предлагается использовать коэффициент покрытия процентов. Он рассчитан на основании предложенной модификации. В ходе исследования проведен анализ его применения и предложен адаптивный метод расчета для российских компаний. Обосновывается причина такого изменения и отличие от текущего метода расчета. Результатом исследования является формирование пула компаний в строительной отрасли, относящихся к компаниям-«зомби». Предлагаемую методику возможно применить и к другим сферам деятельности экономики для анализа возможной закредитованности и недостатка операционной прибыли для обслуживания обязательств.

Ключевые слова: коэффициент покрытия процентов, ICR, уровень долга, компании-«зомби», финансовая стабильность предприятий.

Формирование оптимального соотношения собственного и заемного капитала актуально для определения источников финансирования компании. Нарастание кредитного плеча и более активное принятие рисков за счет быстрой кредитной экспансии компаниям необходимо компенсировать повышением их прибыльности. Высокая долговая нагрузка является опасной для компании и ее инвесторов [3]. При деятельности компании, генерирующей более высокую норму прибыли, выше процентной ставки по ее кредитам, долг способствует стимулированию роста. Для этого необходимо оценить объем прибыли, направляемый на обслуживание взятых на себя обязательств. Одним из показателей, определяющих уровень задолженности, является коэффициент покрытия процентов [7]. В связи с тем что кредитные средства используются в качестве инвестиций, необходимо оценить, каково их покрытие от основной деятельности компаний. Актуальность темы обосновывается снижением уровня дохода в сложившихся мировых экономических условиях. В настоящее время существует риск снижения прибыльности компаний, поэтому необходимо оценить, насколько высока их долговая нагрузка. Целью данной работы является обоснование применимости скорректированного коэффициента покрытия процентов и возможность его реализации при анализе закредитованности компаний.

Заемный капитал является важной составляющей реализации компаниями своей деятельности. Формирование долга позволяет в конкретный момент использовать денежные средства в качестве инвестиций. Эти средства компания может получить через банки или финансовые организации. Заемный капитал обеспечивает потенциальный рост компании [8], что происходит за счет эффекта налогового щита, заключающегося в корпоративном налоге на собственный капитал, уменьшаемый за счет роста доли заемного капитала. Данное положение подтверждается теорией компромисса, описывающей выбор структуры капитала компании за счет компромисса между налоговой защитой по процентным платежам и издержкам по обеспечению долга. Балансировка компании между положительной стоимостью налогового щита и ухудшением финансового положения позволяет выбрать оптимальный уровень долга. Данная теория главным образом не отвечает на вопрос о необходимой структуре капитала. В ее основе заложена оценка уровня долга в соответствии с надежностью активов компании. Надежность активов обуславливает долю заемного капитала компании [4]. Одним из возможных вариантов определения обеспечения оптимального уровня заемных средств является эффект финансового рычага, который должен составлять долю заемного

капитала на уровне 0,5—0,7. При этом расширение долга одновременно создает уязвимые места, связанные с его обслуживанием и выплатой. Заемные средства не только ускоряют финансовое развитие, но и несут в себе риски, а именно снижение финансовой стабильности. Активы, формируемые компанией, приносят меньше прибыли на единицу за счет суммы уплаты процентов по займам. С ростом уровня задолженности способность заемщиков погасить взятые на себя обязательства становится все более чувствительной к падению доходов и продаж и повышению процентных ставок по заемным средствам [10]. Компании увеличивают выплаты по заемным средствам, что приводит к снижению остатка прибыли в качестве собственных средств [5]. При возникновении данной ситуации долги становятся чрезмерными для компаний и неподъемными в обеспечении. На снижение доходности компаний влияют как внутренние, так и внешние факторы. В сложившейся экономической ситуации компании лишены возможности получать стабильный доход. Компании с низким уровнем долга и высокими финансовыми показателями имеют преимущества перед компаниями, чьи значения ниже нормативных.

Увеличение компаниями уровня заемного капитала не во всех случаях является отрицательным фактором. Каждая отрасль имеет свою капиталоемкость, и повышение уровня долга для конкретной компании в первую очередь необходимо рассматривать в качестве инвестиций, которые в будущем приведут к увеличению прибыли. Однако существует как положительная, так и отрицательная сторона внешнего финансирования. Негативным фактором долговой тенденции является уязвимость балансов компаний из-за использования рычагов воздействия на высокие и растущие цены активов [6]. При формировании неустойчивых цен на активы компании будут обременены долгами и большими расходами на их обслуживание. Такая предпосылка приводит к повышению риска при формировании спада финансового состояния компании и к риску банкротства.

Для оценки финансового состояния компаний в настоящее время актуальной является возможность обслуживать взятые на себя обязательства. Один из таких показателей оценки финансового состояния — коэффициент покрытия процентов (ICR) [1]. Данный коэффициент помогает собственникам и заинтересованным лицам определить, насколько легко компания может выплачивать проценты по своим непогашенным долгам. Он относит-

ся к коэффициентам определения задолженности и дает оценку финансовой структуры и финансовых рисков, которые возможны в процессе деятельности компании. Показатель ICR представляет собой запас безопасности и возможности привлечения заемного капитала в отношении процентных платежей компании. Коэффициент покрытия процентов является одним из показателей платежеспособности компании. Он определяет количество выплат процентов с учетом прибыли компании. Более высокий коэффициент означает, что организация имеет достаточный буфер даже после уплаты процентов. Значение данного коэффициента должно находиться на высоком уровне в связи с тем, что чем ниже значение, тем больше нагрузка на организацию, и существенная часть прибыли тратится на расходы по долгу [9]. Снижение данного коэффициента с течением времени оказывает негативное влияние на репутацию компании, поскольку кредиторы, оценивая риски невозврата выданных денежных средств, не будут предоставлять новые займы. Рассмотрение на протяжении нескольких периодов дает возможность выявить тенденции данного коэффициента, показать, в каком направлении развивается ситуация, и определить причины снижения или повышения.

Основные направления, в которых актуально рассматривать коэффициент ICR [2]:

1. Анализ способности компании оплачивать свои процентные расходы по непогашенной задолженности.
2. Анализ рисков по предоставленным денежным средствам инвесторами, кредиторами или кредитными организациями.
3. Анализ финансовой стабильности компании. Снижение данного показателя является сигналом невозможности выполнять свои долговые обязательства.
4. Анализ краткосрочного финансового состояния компании.

Опираясь на международные принципы расчета данный показатель определяется по следующей формуле (1):

$$ICR = \frac{EBIT}{Interest\ expense}, \quad (1)$$

где EBIT — прибыль до вычетов процентов и налогов; Interest expense — процентные расходы.

Так как не все российские компании публикуют отчетность по МСФО, расчетная реализация предлагаемой формулы не может быть реализована. Поэтому формула имеет другой вид, как формула (2)

$$ICR = \frac{\text{Прибыль до налогообложения} + \text{Проценты к уплате}}{\text{Проценты к уплате}} \quad (2)$$

Для расчета в данной формуле в числителе фигурирует «прибыль до налогообложения», что подразумевает учет таких показателей, как доходы от участия в других организациях, проценты к получению, прочие доходы и прочие расходы, что в итоге искажает реальную ситуацию в связи с возможными доходами по иным видам деятельности. Формирование положительной прибыли от продаж не позволяет с полной уверенностью утверждать, что компания имеет положительную операционную прибыль, и не формирует положительные денежные потоки из других источников, что является неверным с точки зрения получения прибыли по основному виду деятельности, так как получаемые заемные средства необходимо расходовать на развитие компании, а не на вложения, например, в другие компании. На этом основании предлагается скорректировать показатели в числителе и на прибыль по основной деятельности компании. Расчетной является следующая формула (3):

$$ICR = \frac{\text{Прибыль (убыток) от продаж}}{\text{Проценты к уплате}} \quad (3)$$

Предлагаемый метод расчета наглядно показывает эффективность основной деятельности компании и возможность формирования необходимого уровня прибыли для покрытия процентов. Основная задача формулы (3) — показать возможность компании оплачивать проценты по заемному капиталу, не прибегая к получению процентов и доходов от иной деятельности, а также эффективно существовать без заемного капитала и иметь возможность обслуживать свои обязательства в полном объеме. Минимально допустимое значение, ниже которого предприятиям рискованно обращаться за заемным капиталом, поскольку риск дефолта компании ста-

новится высоким, — это 1,5. В данном исследовании анализируется отрасль строительства и девелопмента — девять компаний на протяжении четырех лет с 2016 по 2019 г. (см. таблицу ниже).

Выборочный анализ показал, что шесть компаний из девяти имеют значение по показателю ICR меньше нормативного. Компании АО «ПИК-Индустрия», ПАО «Группа ЛСР» и ПАО «Орелстрой» можно считать финансово устойчивыми по данному показателю. На конец 2018 г. одна компания — ПАО «Орелстрой» — не имеет значения по данному коэффициенту в связи с тем, что у нее не было заемных средств. В 2019 г. компания снова обратилась к данному источнику финансирования, однако это не сказалось на возможности обслуживать взятые на себя обязательства, что показало значение в 6,04.

Остальные компании необходимо рассматривать как зависимые от внешнего финансирования, так как их операционной прибыли не хватает для покрытия процентов. Данные компании могут обслуживать свои проценты из прочих источников дохода, но они не всегда стабильны и сложно прогнозируемы.

Как положительную тенденцию можно отметить рост показателя за последние четыре года у ПАО «ИНГРАД». Показатель вырос с отрицательного значения, что говорит о получении отрицательной операционной прибыли, до 1,08. Однако этого роста не хватает для того, чтобы говорить о возможности существования компании без заимствований. Значительный рост выручки компании с опережающими темпами роста себестоимости привел к повышению данного показателя. Это позволило получить существенную валовую прибыль, а коммерческие и управленческие расходы не сильно скорректировали итоговую операционную прибыль. На конец 2019 г. компания заплатила «процентов к уплате» на 61 % больше, чем в 2018 г., что связано в определенной степени с увеличением

Коэффициент покрытия процентов компаний строительной отрасли*

Компания	2019	2018	2017	2016
ПАО «ИНГРАД»	1,08	-0,07	-0,13	-0,14
АО «ПИК-Индустрия»	3,04	5,34	-1,63	1,55
АО «ХК Главмосстрой»	-0,14	-0,25	-1,10	2,56
ПАО «МОСТОТРЕСТ»	0,09	0,71	2,34	0,63
АО «ААК Вологдаагрозстрой»	0,40	0,84	1,36	0,96
ПАО «Группа ЛСР»	2,68	2,45	2,52	3,58
ПАО «Галс-Девелопмент»	0,21	0,41	0,96	0,22
ПАО «Дорисс»	1,03	1,06	1,25	1,75
ПАО «Орелстрой»	6,04	—	36,72	28,58

* Расчеты автора на основе годовых отчетов компаний.

долгосрочной и краткосрочной задолженности на 57 и 35%. Если бы проценты остались на уровне 2018 г. при операционной прибыли 2019 г., то компания смогла бы получить значение 1,74. Существующее значение 1,08 не позволяет говорить о том, что данная компания может в полном объеме обеспечивать обслуживание заемного капитала и иметь возможность функционировать без его повторного привлечения.

В результате анализа финансовой отчетности АО «ХК Главмосстрой» установлено, что на протяжении последних трех лет компания имеет отрицательные значения ICR. Это связано с тем, что АО «ХК Главмосстрой» имеет отрицательную операционную прибыль за эти периоды. Так, в описанный период компания сократила выручку на 85%, себестоимость на 93%, управленческие расходы на 77%. При этом «проценты к уплате» снизились только на 43%. Такие существенные снижения, формирующие операционную прибыль, не позволили компании выйти из отрицательной зоны независимо от снижения процентов. Для данной компании нахождение в отрицательной зоне говорит о том, что она полностью зависима от заемного капитала и возможность его обслуживать есть только при получении доходов от иного вида деятельности. Это также подтверждают отрицательные значения коэффициента автономии. Положительным фактором для компании является то, что по итогам 2019 г. она не имеет долгосрочной задолженности, а краткосрочная увеличилась только на 6%.

В ходе исследования ПАО «Мостотрест» установлено, что за последние три года коэффициент ICR существенно снизился — с 2,34 до 0,09. Это произошло на фоне снижения выручки и, как следствие, операционной прибыли. Выручка за три года снизилась на 48%, себестоимость — на 46%, а управленческие расходы практически остались на том же уровне, снизившись всего на 7%. Это привело к тому, что по итогам 2019 г. компания получила операционную прибыль 5% от уровня 2017 г. При этом «проценты к уплате» компания увеличила за три года на 39%, несмотря на снижение относительно 2018 г. на 7%, что не позволило компании выйти на нужный уровень ICR. Для того чтобы достичь минимального значения, компании необходимо вернуться к уровню операционной прибыли 2017 г. В настоящее время компания является зависимой от заемного капитала, и ей необходимо либо рассмотреть вариант сокращения управленческих расходов, либо существенно повысить составляющие, которые положительно влияют на рост операционной прибыли.

Значения АО «ААК Вологдаггострой» также не попадают под нормативные за рассматриваемые периоды, а в 2019 г. компания показала самый низкий уровень. Это связано с тем, что компания сокращает свою выручку уже третий год подряд, себестоимость тоже снижается, но более низкими темпами. Основная нагрузка приходится на управленческие расходы, которые относительно прошлого года увеличились на 7%, а за три года увеличились на 21%. Все эти изменения привели к тому, что операционная прибыль компании снизилась на 42% относительно 2018 г. Также на снижение показателя ICR по итогам 2019 г. повлияло увеличение «процентов к уплате» на 22%. Данные изменения в снижении операционной прибыли и росте процентов не позволяют компании достичь минимального уровня по показателю. Компания имеет высокую зависимость от внешнего финансирования, что может быть рискованным в случае невозможности обслуживать свои долги в будущем из-за снижения прибыли компании при растущем уровне долга и возможном его удорожании.

ПАО «Галс-Девелопмент» также по итогам 2019 г. имеет значение показателя ниже нормативного. Невозможность достичь нужного уровня ICR связана с тем, что компания существенно снижает показатели, формирующие операционную прибыль. Как итог, относительно 2017 г. компания снизила операционную прибыль на 88%, а относительно 2018 г. — на 65%. Необходимо отметить, что и проценты к уплате также снижаются, но темпы данного снижения не такие стремительные, чтобы говорить об оптимальном их обслуживании. За три года они снизились всего на 47%. Данная компания полностью зависит от заемного капитала, что может быть рискованно, так как существует вероятность невозможности обслуживания взятых на себя обязательств.

Анализ ПАО «Дорисс» показал несоответствие текущего значения нормативному. За последние три года компания снизила значение на 0,72. Это произошло за счет снижения операционной прибыли более опережающими темпами, чем процентов к уплате. За три года снижение операционной прибыли составило 31%, при этом «проценты к уплате» снизились только на 16%. При анализе двух последних лет выявлено, что компания смогла увеличить операционную прибыль на 10%, но рост «процентов к уплате» также оказался выше и составил 13%.

Проведенный выборочный анализ показал, что в строительной отрасли российской экономики

существуют компании, которые имеют высокий уровень заемного капитала и в связи с этим не могут его обслуживать из операционной прибыли. Это вызывает беспокойство, так как их наличие говорит о болезненном финансово-экономическом состоянии отрасли. Не все компании показывают нужную уверенность и формируют риски, которые могут перерасти в банкротство таких компаний. Для снижения рисков для отрасли в целом необходимо оценить масштаб пребывания таких компаний на рынке. На начальном этапе следует осуществлять постоянный мониторинг долговой нагрузки на компании и процентный риск. Это связано с тем, что расходы на обслуживание долга могут быть слишком высоки, что не позволяет компаниям оставлять средства на развитие и заставляет прибегать к новым (в том числе скрытым) заимствованиям для продолжения существования, без надежды выйти из состояния «зомби».

Также рекомендацией может стать слияние нескольких компаний в одну, что позволит оптимизировать расходы, а более сильное предприятие сможет эффективнее управлять ресурсами. Компании с низкими финансовыми показателями не смогут выдержать конкуренцию во время кризиса, поэтому банкротство таких компаний неизбежно. При этом следует сохранять рабочие места на прежнем уровне, для того чтобы безработица не получала агрессивного роста, так как это скажется на покупательской способности населения.

Для сохранения и эффективного развития стратегически важных компаний необходимо определение таковых для экономики страны и увеличение контроля со стороны государства. Это позволит направить ресурсы на поддержание и сохранение компаний и быть уверенными в эффективности использования ресурсов. Необходимо, чтобы в момент наступления кризиса они были подготовлены и имели достаточный уровень ликвидности. Рекапитализация должна происходить сразу, без задержек и долгих рассмотрений, чтобы спасти компании и сохранить ключевые позиции отраслей на мировом рынке. При этом следует в большей степени отказаться от выплаты дивидендов, чтобы

сохранить денежные средства внутри компании и быть готовыми к продолжению деятельности за счет собственного капитала.

Следующая рекомендация — это сохранение и эффективное развитие компаний в отраслях, которые в настоящее время имеют устойчивую финансовую систему. Это позволит направить ресурсы на поддержание и сохранение отрасли и быть уверенными в их эффективном использовании. Необходимо, чтобы компании имели достаточный уровень ликвидности, накопленный в прошлом в связи с низкими денежными потоками от их деятельности в существующей обстановке. Далее предлагается внешний контроль за ростом кредитования компаний, находящихся в критическом финансовом положении на предмет закрепитованности. Данная процедура поможет оценить масштаб долговой нагрузки в настоящий момент. Необходимо комплексно подходить к оценке, а не обращать внимание на «локальные» всплески. Установка порогов выдачи кредитов поможет держать под контролем ресурсы, которыми обладают финансовые учреждения, и перенаправлять их при необходимости. В руках Центрального банка могут быть инструменты для ведения постоянного учета всей кредитной деятельности любой организации, имеющей возможность выдавать ссуды в любых формах. В настоящее время существуют варианты ссуд, которые иногда не учитываются при анализе долговой нагрузки, а также существует вероятность отсутствия информации по деривативам.

В рамках поддержания предприятий необходимо предоставить возможность отсрочки платежей по кредитам, «банковские каникулы», чтобы предприятия могли направить денежные потоки на формирование финансовой устойчивости и иметь возможность дальнейшего пребывания на рынке. При этом компании должны быть ответственными за формирование денежных потоков в рамках компаний, а не выводить ликвидность за пределы страны, удовлетворяя потребности акционеров по дивидендам, или формировать ложное впечатление на финансовых рынках для увеличения стоимости акций и общей капитализации компании.

Список литературы

1. Коровин С. Ю. Грозный кризис и «компании-зомби» // Вестник НГИЭИ. 2019. № 6 (97). С. 5—12.
2. Коровин С. Ю. Оценка кредитоспособности компаний машиностроительной отрасли в российской экономике // Экономические и гуманитарные науки. 2020. № 5 (340). С. 44—49.
3. BIS Quarterly Review. International banking and financial market developments. 2020.

4. Avdjiev S., Binder S., Sousa R. External debt composition and domestic credit cycles // BIS Working Papers. 2017. № 627. P. 1—44.
5. Agarwal R., Kimball M. Enabling deep negative rates to fight recessions: a guide // IMF Working Paper. 2019. № 19/84. P. 1—89.
6. Andrews D., Petroulakis F. Breaking the shackles: Zombie firms, weak banks and depressed restructuring in Europe // ECB Working Paper Series. 2019. № 2240. P. 1—56.
7. Banerjee R. N., Hofmann B. The rise of zombie firms: causes and consequences // BIS Quarterly Review. 2018. P. 67—78.
8. Bank for International Settlements. 87th Annual Report, 2016/17 // BIS Annual Economic Report. 2017. P. 1—249.
9. Lipton D. IMF Annual Report 2019 // Annual Report. 2019. P. 1—106.
10. Mathias D., Mikael J., Anton K. Accounting for debt service: the painful legacy of credit booms // BIS Working Papers. 2017. № 645. P. 1—54.

Сведения об авторе

Коровин Степан Юрьевич — аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия. stepkor@inbox.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 145—150.

ASSESSMENT OF THE EXISTENCE «ZOMBIE» COMPANIES IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY OF THE RUSSIAN ECONOMY

S. Yu. Korovin

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia. stepkor@inbox.ru*

The article shows the reasons for the formation of financial shocks caused by the growth of debt capital. Debt servicing is always a difficult component, since it reduces the company's money in advance. The article discusses the theory of estimating the optimal level of borrowing for companies, as well as indicators that assess the debt load, one of which is the interest coverage ratio (ICR). In the study, the analysis of its application and proposed adaptive method of calculating for Russian companies. The reason for this change and the difference from the current calculation method are explained. The result is an assessment of the current presence of companies that have a low operating profit and do not have enough to cover the interest on borrowed capital. Modern conditions of companies' existence expose them to a decrease in cash flows from their main activities, which is a risk of insolvency.

Keywords: *interest coverage ratio, ICR, debt level, «zombie» companies, financial stability of companies.*

References

1. Korovin S. Yu. (2019) *Vestnik NGIEI*, no. 6 (97), pp. 5—12 [in Russ.].
2. Korovin S. Yu. (2020) *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, no. 5 (340), pp. 44—49 [in Russ.].
3. BIS Quarterly Review. (2020) *International banking and financial market developments*.
4. Avdjiev S., Binder S., Sousa R. (2017) *BIS Working Papers*, no. 627, pp. 1—44.
5. Agarwal R., Kimball M. (2019) *IMF Working Paper*, no. 19/84, pp. 1—89.
6. Andrews D., Petroulakis F. (2019) *ECB Working Paper Series*, no. 2240, pp. 1—56.
7. Banerjee R.N., Hofmann B (2018) *BIS Quarterly Review*. Pp. 67—78.
8. Bank for International Settlements. (2017) *87th Annual Report*. Pp. 1—249.
9. Lipton D. (2019) *IMF Annual Report*. Pp. 1—106.
10. Mathias D., Mikael J., Anton K. (2017) *BIS Working Papers*, no. 645, pp. 1—54.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ И ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ОППОРТУНИЗМА БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ

Д. А. Плетнев, Е. В. Козлова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00653.

Рынок труда претерпевает существенные изменения. Несмотря на то что молодые специалисты обладают меньшим опытом работы, их характеризуют быстрая обучаемость, коммуникабельность, инициативность и желание развиваться в профессиональной деятельности. Ориентир руководителей на молодых работников способен обеспечить конкурентные преимущества и перспективы развития организации за счет их высоких компетенций в области информационных технологий, актуальных знаний и нестандартного мышления. В статье представлены результаты исследования основных типов мотивации и готовности к поведенческому оппортунизму будущих работников. На основе проведенного анализа выявлена взаимосвязь типов мотивации и проявления оппортунистического поведения в активной и пассивной формах.

Ключевые слова: *оппортунизм, мотивация, оппортунистическое поведение, будущие работники.*

На сегодняшний день вопросы повышения производительности труда и снижения издержек, вызванных недобросовестным поведением работников, обсуждаются наравне с технологическим обновлением производства. Существенное внимание уделяется анализу внешних и внутренних факторов, способных усилить или уменьшить вероятность проявления оппортунизма работниками. Повышение склонности к оппортунизму сотрудников компании существенно снижает ее эффективность, а также приводит к росту взаимного недоверия в коллективе. Проявления оппортунистического поведения не только на индивидуальном, но и на групповом уровне значительно осложняют проблемы его обнаружения и ограничения. Кроме того, действия руководителей предприятий направлены только на изменение внутрифирменных условий, в то время как проявление оппортунизма также зависит от внутриличностных характеристик каждого работника.

Изучение оппортунистического поведения зачастую ограничивается исследованием внутрифирменного оппортунизма. Тем не менее такое поведение может проявляться и в других сферах человеческой жизни, при любых взаимодействиях. Для ограничения и предотвращения оппортунистического поведения необходимо оценивать готовность к проявлению оппортунизма индивидов. Очевидным представляется тот факт, что склонность к оппортунизму индивидов различна и вероятность его возникновения существенно

зависит не только от наличия возможности его проявить, но и от внутренних мотивов человека. Мотивация и стимулирование персонала являются одним из ключевых направлений кадровой политики любого предприятия. Специфика трудовой мотивации молодых работников заключается в ориентации на их ключевые потребности и возможность самореализации. Переосмысление стандартных методов мотивации персонала требует поиска новых подходов к анализу стимулов поведения работника. Снижение мотивации работника к добросовестному выполнению трудовых обязанностей приводит к падению эффективности его работы и росту вероятности проявления оппортунистического поведения.

Оппортунизм является одним из ключевых понятий теории трансакционных издержек, получившей свое развитие в середине XX в. Сам термин широкоупотребим не только в экономической литературе, но и в психологии, философии, медицине, менеджменте и социологии [4]. О. Уильямсон выделил три уровня эгоистического поведения, среди которых оппортунизм является наиболее сильной [19]. Определив его как «преследование личного интереса с использованием коварства» [18], он указывает на скрытый характер такого поведения. Проблема обнаружения и измерения оппортунизма связана с тем, что оппортунизм может проявляться не только в активной, но в пассивной формах [17]. Среди наиболее распространенных форм оппортунизма в экономической литературе

выделяют: обман, сокрытие важной информации, нарушение соглашений (формальных и неформальных) или выполнение их не в полном объеме, небрежность, использование непредвиденных обстоятельств в свою пользу (см. подробнее: Р. Эчрол, Г. Гандлах [5], Э. Андерсон [6; 9], Р. Дальстром, Э. Нюгард [8], Д.-Дж. Ли [10], Э. Роккан и коллеги [15], О. Уильямсон [19]. Целый ряд исследований, посвященных анализу оппортунистического поведения работников современного предприятия (включая работы В. И. Бархатова [1], В. Н. Белкина [2], Д. Нэйджин и коллег [11], Е. В. Попова и коллег [12; 13], а также наше более раннее исследование [3], указывают на негативное влияние оппортунизма на эффективность работы компании.

В январе — марте 2020 г. в Челябинском государственном университете проведено исследование, посвященное оценке готовности будущих специалистов к оппортунизму, а также изучению их мотивации. В исследовании проводится анализ наиболее типичных моделей поведения участников опроса в различных ситуациях, складывающихся в трудовой деятельности, в которых можно проявить оппортунистическое поведение в его активной или пассивной форме либо выбрать добросовестное поведение. Активные формы оппортунистического поведения рассматриваются как действия, наносящие ущерб контрагенту, в то время как пассивные предусматривают бездействие индивида, приводящие к потерям противоположной стороны. В соответствии с методологией [16] производилась оценка шести активных и четырех пассивных форм оппортунистического поведения (табл. 1).

Таблица 1

**Проявления оппортунизма
в активной и пассивной формах***

Оппортунизм	Форма проявления	Обозначение
Активный	Ложь	C ₁
	Нарушение формальных и неформальных договоренностей	C ₂
	Искажение фактов	C ₃
	Ложные обвинения	C ₄
	Преувеличение трудностей	C ₅
	Использование непредвиденных событий для получения выгод	C ₆
Пассивный	Невыполнение обещаний	O ₁
	Соккрытие информации	O ₂
	Говорить частичную правду (недоговаривать)	O ₃
	Небрежность	O ₄
Отсутствие	Добросовестное поведение	H

* Составлено авторами.

На основе анализа частоты выбора форм активного и пассивного оппортунизма, а также варианта добросовестного поведения производилась оценка склонности респондента к оппортунизму.

Одним из существенных факторов, способных повлиять на вероятность проявления индивидом оппортунистического поведения, является его мотивация. Поиск эффективных способов мотивации персонала с учетом меняющихся условий и тенденций на современном рынке труда является одной из важнейших задач руководителя. Стандартные способы мотивации, используемые на предприятии без учета возрастных особенностей, могут не давать должного эффекта. Более гибкий подход в вопросе мотивации персонала позволит эффективнее использовать потенциал молодых работников. Особенности привлечения и удержания молодых специалистов в компании связаны с учетом их потребностей и изучением основных стимулов к добросовестной трудовой деятельности. Количественная оценка мотивации и ее влияние на оппортунистическое поведение является важной практической задачей [11; 14]. Оценки мотивации молодых специалистов производилась на основе методики, рассматривающей четыре основных типа трудовой мотивации, определяющих ценность работы: 1) как процесса, доставляющего удовольствие (Int); 2) как средства достижения жизненных целей (Ident); 3) как способа самореализации и достижения статуса в обществе (Intro); 4) как средства заработка (Ext) [7].

В исследовании приняли участие студенты Челябинского государственного университета, обучающиеся по очной форме. Анкетирование прошло 183 студента направлений подготовки «Экономика», «Менеджмент», «Управление качеством», «Юриспруденция», «Психология» и специальности «Таможенное дело» (рис. 1).

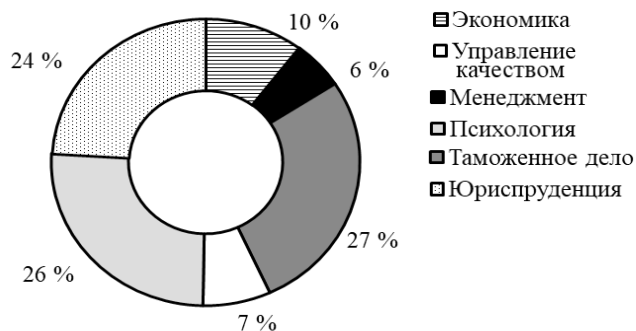

Рис. 1. Распределение студентов по направлениям подготовки и специальностям

Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

Основными участниками опроса стали студенты выпускных курсов бакалавриата и специалитета (рис. 2). Благодаря этому исследование позволило охватить студентов, имеющих опыт работы или уже работающих регулярно (рис. 3).

Большинство опрошенных студентов в качестве наиболее привлекательных мест работы рассматривают государственные учреждения, администрации, органы власти, крупные промышленные компании или планируют открыть собственный бизнес (рис. 4).

Активное развитие рынков удаленной работы и фриланса в последние несколько лет привело к существенному росту доверия к такой форме занятости у молодых специалистов. Несмотря на высокую конкуренцию на рынке удаленной работы в последние несколько лет популярность такого вида занятости только растет. Среди основных преимуществ фриланса выделяют свободный график, существенную экономию времени и затрат, связанных с дорогой до места работы, возможность работы в крупных компаниях, располагающихся в других городах и странах. Согласно результатам исследования, четверть опрошенных рассматривают фриланс как основную форму занятости в своей дальнейшей трудовой деятельности (рис. 5).

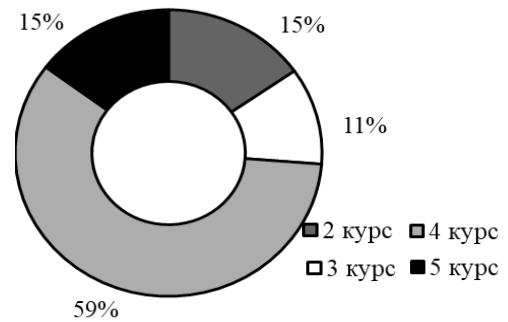

Рис. 2. Распределение студентов по курсам
Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

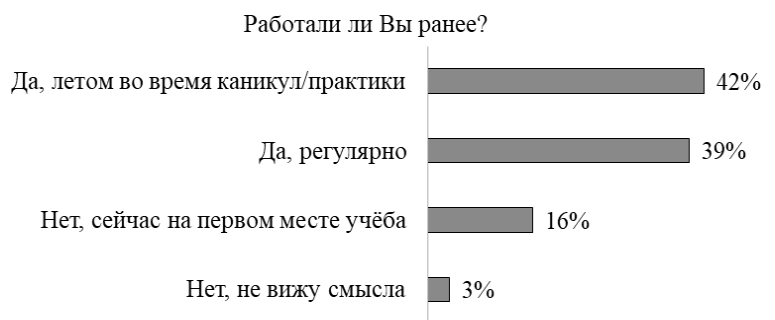

Рис. 3. Распределение студентов по опыту работы
Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

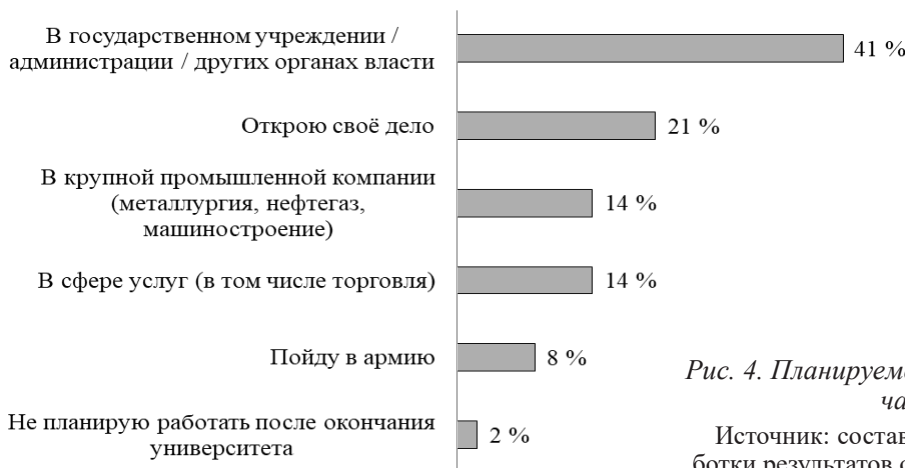

Рис. 4. Планируемое место работы после окончания обучения
Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

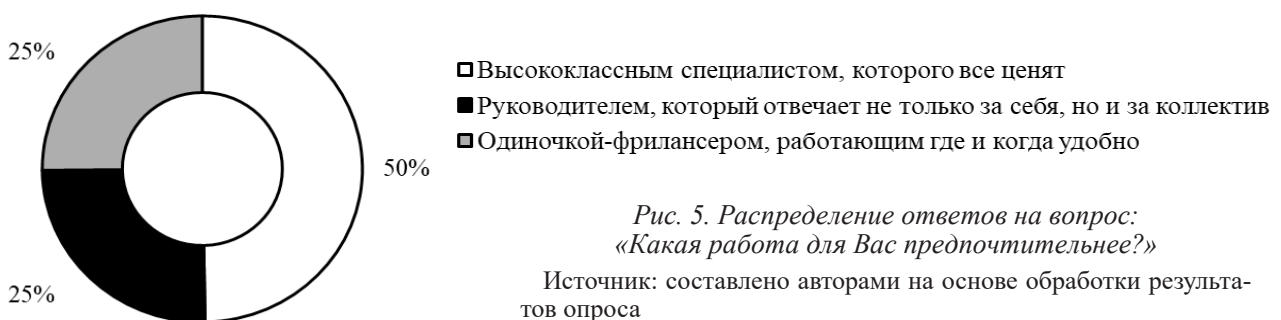

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Какая работа для Вас предпочтительнее?»
Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса

При этом средний ожидаемый уровень дохода будущих фрилансеров заметно выше, чем у рядовых сотрудников и даже руководителей (рис. 6).

Молодым специалистам при трудоустройстве свойственна высокая трудовая мотивация, но в ее основе лежат различные типы. Понимание природы и содержания данных типов позволяет оказывать управляющее воздействие на стимулы к добросовестному выполнению своих трудовых обязанностей. Основными типами мотивации для студентов являются ценность работы как средства заработка (Ext) и как средства достижения жизненных целей (Ident) (рис. 7).

Несмотря на то что молодые специалисты являются одной из наиболее уязвимых категорий работников, даже в начале своей карьеры они готовы проявлять

оппортунизм на достаточно высоком уровне. По результатам исследования выявлено, что наиболее часто активная форма оппортунизма проявляется в виде преувеличения трудностей и использования непредвиденных событий для получения выгод, в то время как наиболее популярной формой пассивного оппортунизма является частичная правда (рис. 8).

При этом в среднем по всей совокупности проявления активного оппортунизма (46,55%) в два раза превышают пассивный (25,73%) и добросовестное поведение (27,72%). Склонность к поведенческому оппортунизму молодых специалистов существенно различается в зависимости от планируемой должности, основного типа мотивации, предшествующего опыта работы и курса обучения (табл. 2). Так, буду-

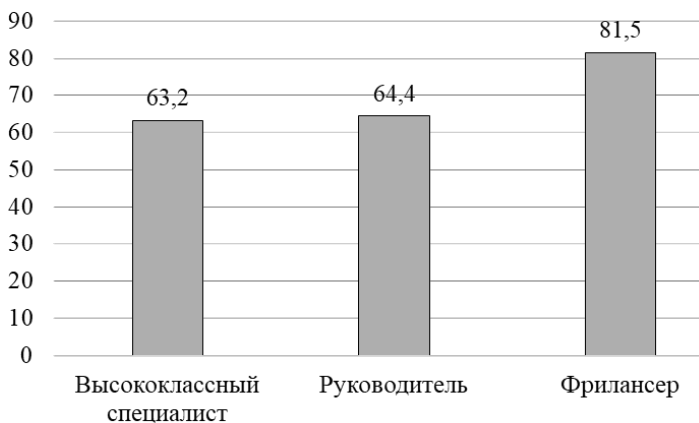

Рис. 6. Ожидаемый уровень заработной платы, тыс. руб.

Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

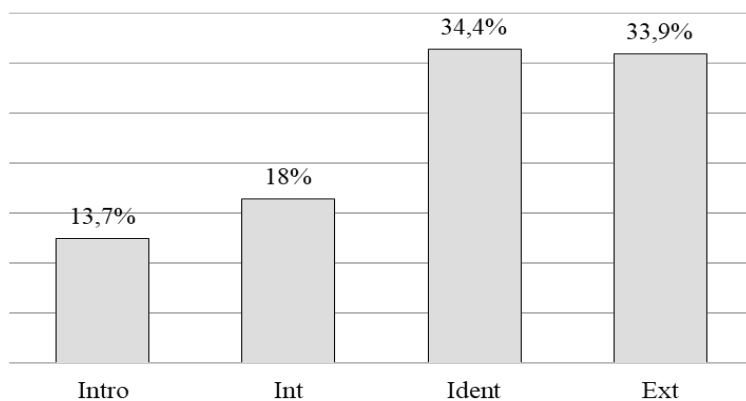

Рис. 7. Преобладающий тип мотивации

Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

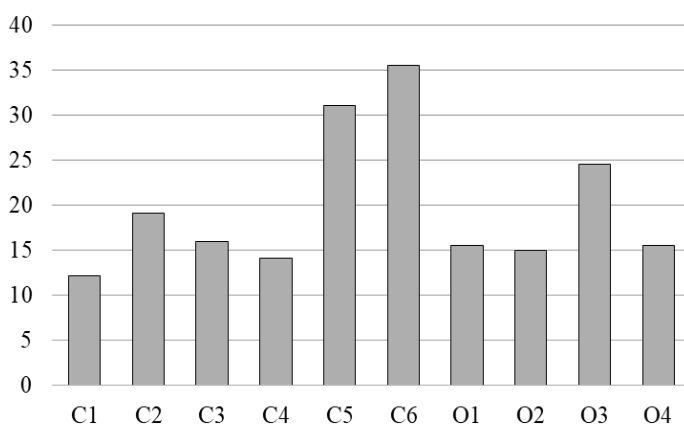

Рис. 8. Частота проявления оппортунизма в различных формах

Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

Таблица 2

Склонность к добросовестному поведению, оппортунизму в активной и пассивной форме

Фактор	Добросовестное поведение, %	Активный оппортунизм, %	Пассивный оппортунизм, %
<i>1. Предпочтительный формат работы</i>			
Высококласный специалист	29,6	44,9	25,6
Руководитель	26,7	46,2	27,1
Фрилансер	25,1	50,2	24,7
<i>2. Преобладающий тип мотивации</i>			
Ext	28,9	46,0	25,1
Ident	29,7	45,6	24,7
Int	19,8	49,9	30,3
Intro	30,2	45,8	24,0
<i>3. Опыт работы</i>			
Да, летом во время каникул / практики	26,1	46,7	27,3
Да, регулярно	29,7	46,0	24,3
Нет, сейчас на первом месте учёба	27,6	46,1	26,3
Нет, не вижу смысла	25,8	54,5	19,7
<i>4. Курс обучения</i>			
2-й курс	29,2	48,1	22,7
3-й курс	23,6	46,8	29,5
4-й курс	26,6	46,6	26,8
5-й курс	33,7	44,4	21,9

Источник: составлено авторами на основе обработки результатов проведенного опроса.

щие фрилансеры склонны проявлять оппортунизм в активной форме больше, чем рядовые сотрудники и руководители. Молодые работники, для которых ценность работы заключается в получении от нее удовольствия, существенно больше склонны к оппортунизму, причем в активной его форме. Студенты, не имеющие опыта по причине отсутствия смысла в работе во время учебы, готовы проявлять оппортунизм в активной форме чаще остальных, демонстрируя при этом наименьшую склонность к пассивному оппортунизму. Студенты пятого курса демонстрируют готовность к добросовестному поведению выше, чем младшие курсы, при этом существенно снижается только готовность к пассивному оппортунизму.

Анализ влияния типа мотивации (рис. 9) на готовность к поведенческому оппортунизму выявил, что в большей степени к активному оппортунизму

склонны индивиды, для которых работа рассматривается как процесс, доставляющий удовольствие. Для таких работников отмечается и превышение склонности к оппортунизму в пассивной форме над добросовестным поведением. Кроме того, для всех групп работников можно отметить большую готовность проявлять оппортунизм действия, то есть в активной его форме. При этом добросовестное поведение и пассивный оппортунизм несущественно отличаются по своему уровню вне зависимости от типа мотивации для оставшихся трех групп.

На рис. 10 видно, что не только тип мотивации оказывает существенное влияние на готовность проявлять оппортунизм, но и величина ожидаемой заработной платы. В группе респондентов с уровнем заработной платы не более 40 тыс. руб. в большей степени склонны к проявлению оппортунизма

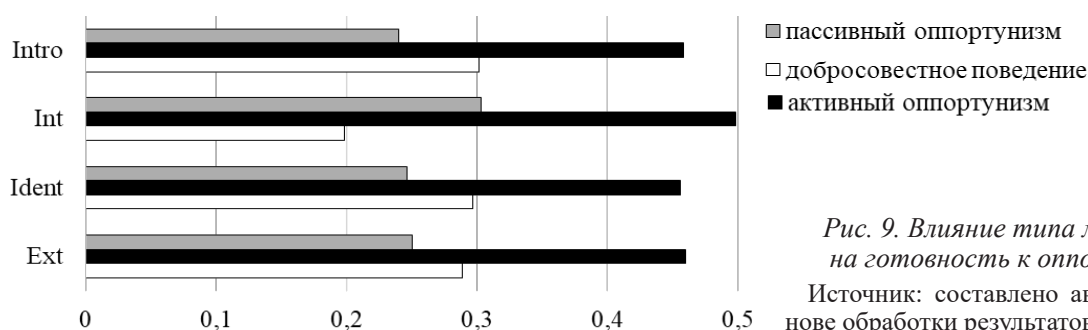

Рис. 9. Влияние типа мотивации на готовность к оппортунизму

Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

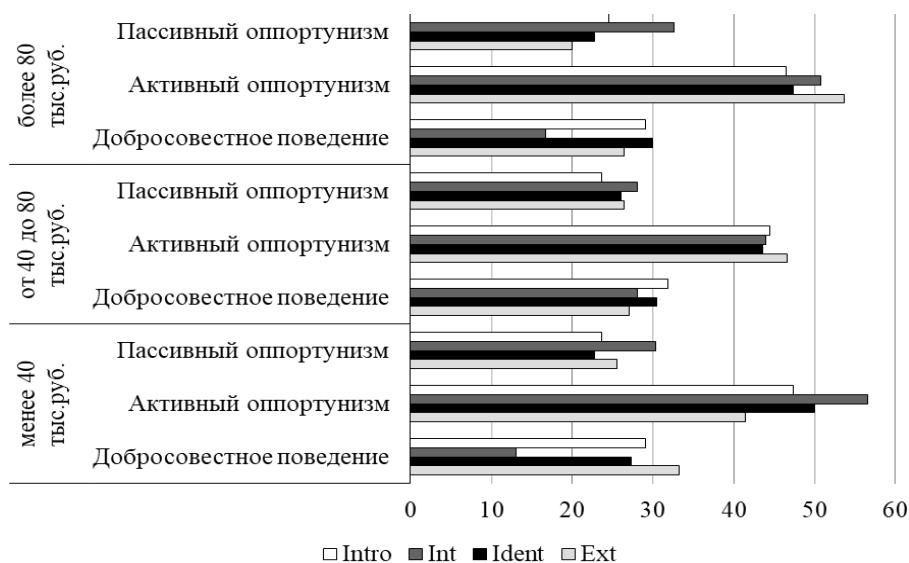

Рис. 10. Влияние типа мотивации и величины ожидаемой заработной платы на готовность к оппортунизму

Источник: составлено авторами на основе обработки результатов опроса.

в активной форме будущие работники, для которых основной ценностью работы является получение удовольствия от нее, а в наименьшей степени — для которых будущая работа представляет собой только средство заработка, однако им в меньшей степени свойственно добросовестное поведение. Готовность проявлять пассивный оппортунизм в данной группе практически не зависит от основного типа мотивации. Средняя группа, характеризующаяся средним уровнем заработной платы (от 40 тыс. до 80 тыс. руб.), демонстрирует отсутствие влияния типа мотивации на готовность проявлять оппортунизм либо вести себя добросовестно. При этом склонность к активному оппортунизму в данной группе по-прежнему существенно выше, чем к пассивному оппортунизму и честному поведению, в то время как будущие специалисты, ожидающие более высокого уровня оплаты труда (свыше 80 тыс. руб.), демонстрируют высокую готовность к активному оппортунизму вне зависимости от типа мотивации, а к пассивному больше

склонны будущие специалисты, рассматривающие работу как процесс, доставляющий удовольствие. Остальные в равной степени демонстрируют склонность к пассивному оппортунизму и добросовестному поведению.

Высокая готовность к оппортунизму среди будущих работников дает возможность предположить, что склонность к оппортунизму формируется еще до начала трудовой деятельности и зависит в том числе от факторов, не связанных с условиями работы в конкретной компании. Понимание основных стимулов и мотивов трудовой деятельности работника дает возможность руководителям выработать наиболее эффективные способы ограничения и предотвращения оппортунизма. Учет основного типа мотивации позволяет выбрать наиболее эффективную систему стимулирования персонала для каждого работника. Формирование правильных трудовых мотивов в начале профессиональной деятельности является важным фактором построения успешной карьеры молодого специалиста.

Список литературы

1. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Особенности проявления оппортунизма в российских машиностроительных корпорациях // Организатор производства. 2013. № 2 (57). С. 15—20.
2. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А. Отчуждение труда работников российских предприятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 1 (356). С. 80—88.
3. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. К вопросу оценки отчуждения и поведенческого оппортунизма работников предприятий и корпораций // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 3. С. 141—157.
4. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Оппортунизм как ключевое понятие институциональной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). С. 28—37.

5. Achrol R. S., Gundlach G. T. Legal and social safeguards against opportunism in exchange // *Journal of Retailing*. 1999. № 75 (1). P. 107—121.
6. Anderson E. Transaction costs as determinants of opportunism in integrated and independent sales forces // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1988. № 9 (3). P. 247—264.
7. Cagne M., Forest J., Gilbert M.-H., Aube C., Morin E., Malorni A. The Motivation at Work Scale: Validation Evidence in Two Languages. // *Educational and Psychological Measurement*. 2010. № 70 (4). P. 628—646.
8. Dahlstrom R., Nygaard A. An empirical investigation of ex post transaction costs in franchised distribution channels // *Journal of Marketing Research*. 1999. № 36. P. 160—70.
9. Jap S., Anderson E. Safeguarding interorganizational performance and continuity under ex post opportunism // *Management Science*. 2003. № 49 (12). P. 1684—1701.
10. Lee D.-J. Developing international strategic alliances between exporters and importers: The case of Australian exporters // *International Journal of Research in Marketing*. 1998. № 15 (4). P. 335—348.
11. Nagin D., Rebitzer J., Sanders S., Taylor L. Monitoring, Motivation, and Management: The Determinants of Opportunistic Behavior in a Field Experiment // *American Economic Review*. American Economic Association. 2002. № 92 (4). P. 850—873.
12. Popov E. V., Ersh E. V. Institutions for Decreasing of Employee Opportunism // *Montenegrin Journal of Economics*. 2016. № 12 (2). P. 131—146.
13. Popov E., Simonova V. Forms of opportunism between principals and agents // *International Advances in Economic Research*. 2006. № 12. P. 115—123.
14. Posch L. Bleier A., Strohmaier M. Measuring motivations of crowdworkers: The multidimensional crowdworker motivation scale. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1702.01661.pdf> (дата обращения 15.10.2020).
15. Rokkan A. I., Heide J. B., Wathne K. H. Specific investments in marketing relationships: expropriation and bonding effects // *Journal of Marketing Research*. 2003. № 40 (2). Pp. 210—224.
16. Seggie S., Griffith D., Jap S. Passive and Active Opportunism in Interorganizational Exchange. // *Journal of Marketing*. 2013. 77 (6). P. 73—90.
17. Wathne K., Heide J. Opportunism in Interfirm Relationships: Forms, Outcomes, and Solutions // *Journal of Marketing*. 2000. № 64 (October). P. 36—51.
18. Williamson O. E. *Markets and hierarchies: Analysis and antitrust implications*. New York: Free Press, 1975. 286 p.
19. Williamson O. E. *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting*. N. Y.: The Free Press, 1985. 450 p.

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Козлова Елена Викторовна — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kozlova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 151—158.*

STUDY OF MOTIVATION AND BEHAVIORAL OPPORTUNISM OF FUTURE EMPLOYEES

D. A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

E. V. Kozlova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kozlova@csu.ru

The labor market is undergoing significant changes. Despite the fact that young specialists have less work experience, they are characterized by quick learning ability, communication skills, initiative and desire to develop in professional activity. The orientation of managers towards young workers is able to provide competitive advantages and prospects for the development of the organization due to their high competencies in the field

of information technology, relevant knowledge and innovative thinking. The article presents the results of a study of the main types of motivation and readiness for behavioral opportunism of future employees. On the basis of the analysis, the relationship between the types of motivation and the manifestation of opportunistic behavior in active and passive forms was revealed.

Keywords: *opportunism, motivation, opportunistic behavior, future employees.*

References

1. Barkhatov V. I., Pletnev D. A. (2013) *Organizator proizvodstva*, no. 2 (57), pp. 15—20 [in Russ.].
2. Belkin V. N., Belkina N. A., Antonova O. A. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (356), pp. 80—88 [in Russ.].
3. Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2020) *Nauchno-tehnicheskkiye vedomosti SPbGPU*, vol. 13, no. 3, pp. 141—157 [in Russ.].
4. Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (440), pp. 28—37 [in Russ.].
5. Achrol R. S., Gundlach G. T. *Journal of Retailing*, 1999, no. 75 (1), pp. 107—121.
6. Anderson E. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 1988, no. 9 (3), pp. 247—264.
7. Cagne M., Forest J., Gilbert M.-H., Aube C., Morin E., Malorni A. (2010) *Educational and Psychological Measurement*, no. 70 (4), pp. 628—646.
8. Dahlstrom R., Nygaard A. (1999) *Journal of Marketing Research*, no. 36, pp. 160—70.
9. Jap S., Anderson E. (2003) *Management Science*, no. 49 (12), pp. 1684—1701.
10. Lee D.-J. (1998) *International Journal of Research in Marketing*, no. 15 (4), pp. 335—48.
11. Nagin D., Rebitzer J., Sanders S., Taylor L. (2002) *American Economic Review. American Economic Association*, no. 92 (4), pp. 850—873.
12. Popov E. V., Ersh E. V. (2016) *Montenegrin Journal of Economics*, no. 12 (2), pp. 131—146.
13. Popov E., Simonova V. (2006) *International Advances in Economic Research*, no. 12, pp. 115—123.
14. Posch L., Bleier A., Strohmaier M. Measuring motivations of crowdworkers: The multidimensional crowd-worker motivation scale, 2017. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1702.01661.pdf>, accessed 25.10.2020.
15. Rokkan A. I., Heide J. B., Wathne K. H. (2003) *Journal of Marketing Research*, no. 40 (2), pp. 210—224.
16. Seggie S., Griffith D., Jap S. 2013 *Journal of Marketing*, no. 77 (6), pp. 73—90.
17. Wathne K., Heide J. (2000) *Journal of Marketing*, no. 64 (October), pp. 36—51.
18. Williamson O. E. (1975) *New York: Free Press*. 286 p.
19. Williamson O. E. (1985) *N.Y.: The Free Press*. 450 p.

БАНКРОТСТВО КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ: АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ И ПРИЧИН ОТЗЫВА ЛИЦЕНЗИЙ

Д. А. Федотов, А. А. Егорова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Актуальность исследования состоит в том, что зарубежные и российские авторы исследовали причины банкротства не на уровне отдельных кредитных организаций, а на уровне отдельно взятых стран (в виде банковских кризисов). В результате регуляторы банковского рынка несвоевременно применяют меры надзорного реагирования. Это приводит к сверхконцентрации банковского капитала и снижению уровня доверия населения к банковской системе. Поэтому целью работы стало исследование оснований и причин банкротства отдельных кредитных организаций в России. Индивидуальный подход дает возможность разработать более эффективный надзорный инструментарий для выявления нарушений в области банковского законодательства и предупреждения новых случаев банкротства.

Ключевые слова: *банкротство банков, основания отзыва лицензии, кредитные организации, противдействие отмыванию доходов.*

Банкротство представляет собой естественный процесс в условиях капиталистических рыночных отношений, целью которого является устранение неэффективных хозяйствующих субъектов [13. С. 56]. Однако банкротство некоторых видов организаций создает большое число негативных последствий не только для определенных хозяйствующих субъектов, но и в целом для всей финансовой системы страны. К числу таких организаций в первую очередь относятся кредитные организации. В связи с тем что кредитные организации аккумулируют почти все денежные средства физических и юридических лиц, несостоятельность первых неизбежно приводит к потере значительных финансовых ресурсов последних. Учитывая, что средний уровень удовлетворения требований кредиторов по всем российским кредитным организациям не превышает 40%, потери клиентов в 60% создают потенциальный риск для запуска цепочки банкротств в других секторах экономики [14. С. 57].

Мировая практика показывает, что банкротство банков вызывает совокупные убытки в среднем в размере от 10 до 20% ВВП страны. В некоторых случаях (например, во время Аргентинского банковского кризиса в 1980—1982 гг.) потери достигали 55% ВВП [2. Р. 1]. При этом одним из основных отличий механизма банкротства банков в России является то, что сама процедура банкротства всегда происходит за счет государственных финансовых ресурсов путем их докапитализации (санации).

По такому же принципу существует китайская система банкротства кредитных организаций, где органы надзора наложили административный запрет на банкротство большинства банков страны.

Поэтому в Китае нет ни одного судебного прецедента, когда какой-либо банк был признан банкротом. Чрезмерное административное вмешательство приводит к тому, что фактически правительство Китая берет на себя наибольшие убытки при банкротстве банков [11. Р. 303].

В других странах данный подход активно использовался в 1980—90-х гг., так как правительства также неохотно допускали банкротство крупных банков и в основном предпочитали спасать их. Неэффективность данных процедур и несправедливое распределение убытков приводят к необоснованным и безрезультатным тратам средств налогоплательщиков и в конечном итоге не только искажают механизм рыночной конкуренции, но и существенно снижают механизм доверия населения к финансовой системе.

В результате в настоящее время большинство стран стремятся использовать другие инструменты спасения банков. Так, в последние годы активно используются такие механизмы реструктуризации банковской задолженности, как передача контрольного пакета акций проблемного банка новым инвесторам или его слияние с другим, «здоровым» банком [3. Р. 2].

В целом следует отметить, что в зарубежной литературе широко исследуются причины возникновения именно банковских кризисов в различных странах [2; 5—8]. Среди зарубежных исследователей до сих пор не сложилось единого мнения о причинах начала банковских кризисов. Согласно первоначальной точке зрения, основной причиной является снижение объемов 3—4 основных позиций экспорта страны (чем выше доля данных позиций, тем выше концентрация

экономики). Неустойчивые условия в международной торговле для стран с высокой концентрацией экспорта приводят к тому, что в случае, если отечественные банки ограничены лишь внутренними инвестициями, (данное обстоятельство часто проявляется в таких странах в результате усиления контроля над капиталом), они не могут самостоятельно защититься от рисков нестабильности [2. Р. 4].

В более поздних исследованиях основной причиной возникновения банковского кризиса становится наличие тесной взаимосвязи между кредитными организациями на межбанковском кредитном рынке [5. Р. 2]. Авторы приходят к выводу, что существуют более сложные и неявные причины, которые проявляются только в результате воздействия какого-либо внешнего события (шока):

1. Неплатежеспособность, вызванная слабыми банками (с низким уровнем достаточности капитала). Данная причина рассматривалась исследователями на примере финансового кризиса в США в 2007—2008 гг., когда неплатежеспособность одного банка приводила к банкротству других банков, тем самым создавая потенциально бесконечную цепочку. Такой эффект получил понятие «заражение неплатежеспособностью». При этом авторы отмечают, что, во-первых, даже эффективный банковский надзор не может полностью нивелировать риски и причины банкротства банков [3. С. 1], и, во-вторых, как показала практика, прогнозирование путем моделирования различных процессов неспособно предвидеть неминуемый финансовый кризис [10].

2. Проблема финансирования ликвидности, вызванная банками со слабой денежной позицией. Ее основу составляют финансовые потрясения для банков-должников, когда банки-кредиторы останавливают межбанковское краткосрочное финансирование [1. Р. 2206]. Индикатором данной проблемы, позволяющим выявить негативную ситуацию на рынке, является рост ставки на межбанковском кредитном рынке [12. С. 29].

3. Распродажа активов (в западной литературе — *asset fire sales*). Крупномасштабная волатильность на рынке начинается, когда проблемные кредитные организации начинают сокращать свои раздутые балансы, выставляя на продажу труднореализуемые (неликвидные) активы. Это приводит к резкому падению текущей рыночной стоимости активов и, соответственно, значительным убыткам для других банков, на балансе которых находятся схожие виды активов [4. Р. 472].

4. «Набеги вкладчиков» на банки (в зарубежной литературе — *bank run*). Массовое изъятие денежных

средств появляется в результате паники населения, которая сопровождается закрытием депозитных счетов в банках или отказом крупных инвесторов от пролонгирования финансирования [9. С. 1118].

Однако в зарубежной и отечественной литературе не исследуются конкретные причины банкротства отдельно взятых кредитных организаций в определенной стране. В основе этого лежит существенное различие в законодательстве о банкротстве и о проведении мероприятий банковского надзора. Например, в России, США и Италии при банкротстве банков действует специальная система урегулирования споров (в российском законодательстве о банкротстве есть отдельная глава, посвященная кредитным организациям), в то время как в Германии, Франции и большинстве европейских стран банки, как и остальные коммерческие организации, подчиняются общим законам о банкротстве. Однако мировой финансовый кризис 2008 г. показал, что процедуры банкротства банков из-за большого числа мелких вкладчиков намного сложнее, чем в других видах организаций [11. Р. 303—304].

Поэтому целью данной работы является исследование основных причин банкротства кредитных организаций в России. В основу статистических данных были положены приказы об отзыве лицензий Банка России, пресс-релизы Агентства по страхованию вкладов, решения и определения арбитражных судов, балансы кредитных организаций (форма 806), а также макроэкономические данные Росстата и Банка России. Методологической основой стали научные труды зарубежных и отечественных авторов в области банковского дела.

Российский банковский сектор начиная с 2004 г. ежегодно терял значительное число кредитных организаций. По состоянию на 1 сентября 2020 г. совокупное число прекративших деятельность кредитных организаций достигло более 68% от максимума 2003 г. Особенностью банкротства российских банков является то, что с 2013 г. по настоящее время по инициативе самого регулятора, Банка России, активно проводится «зачистка» банковского сектора, целью которой является устранение с рынка субъектов с плохой ликвидностью, недобросовестными действиями менеджмента, случаями систематического нарушения законодательства и раздутыми балансами. Последствием такой стратегии Банка России стало резкое сокращение кредитных организаций в 2014—2019 гг. (в среднем 11,5% ежегодно). Таким образом, можно утверждать, что в России с 2014 г. продолжается банковский кризис, результатом которого становится существенное замедление темпов роста экономики (рис. 1).

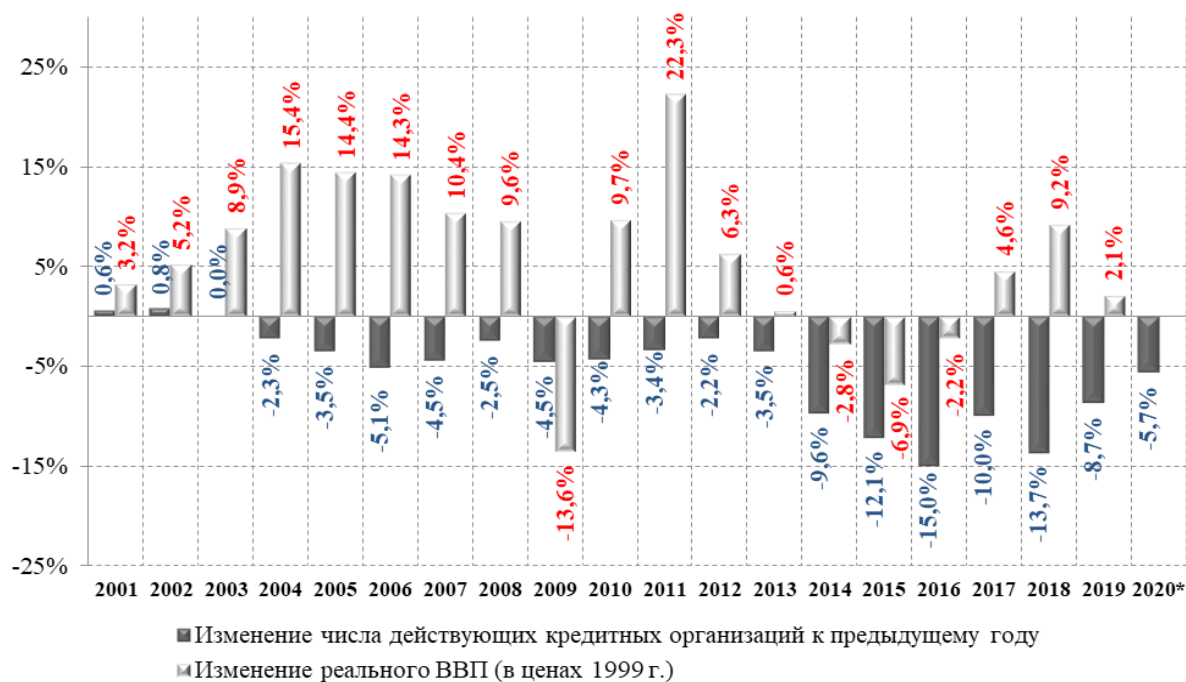

Рис. 1. Сопоставление динамики числа кредитных организаций с реальным ВВП России за период 2001—2020 гг.

* По состоянию на 1 сентября 2020 г.

Составлено авторами. Источники: Количественные характеристики банковского сектора Российской Федерации (https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/; дата обращения 21.09.2020); Национальные счета (<https://rosstat.gov.ru/accounts>; дата обращения 21.09.2020); Федотов Д. А., Стародубова Н. Н. Банкротство кредитных организаций в России: основные тенденции и проблемные аспекты // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 2. С. 55—59.

В последние годы наметилась тенденция сокращения количества кредитных организаций, прекративших свою деятельность в результате отзыва лицензий. Если в 2016 г. лицензия была отозвана у 97 кредитных организаций, то в 2019 г. таких случаев стало почти в 4 раза меньше, а за неполный 2020 г. данная тенденция еще более усилилась. В то же время стоит отметить, что возросла доля случаев, когда банки уходили с рынка по собственной инициативе в результате ликвидации (рис. 2).

Причинами этого являются, во-первых, деятельность Банка России и Агентства по страхованию вкладов по привлечению собственников и руководителей кредитных организаций-банкнотов к субсидиарной ответственности. Например, в 2020 г. 289,5 млрд руб. было взыскано

Рис. 2. Динамика оснований прекращения деятельности кредитных организаций за период 2016—2020 гг.

* По состоянию на 1 сентября 2020 г.

Составлено авторами. Источники: Отзыв лицензий на осуществление банковских операций (https://www.cbr.ru/banking_sector/likvidbase/PartSelectorState1/; дата обращения 21.09.2020); Прекратившие существование кредитные организации (<https://www.banki.ru/banks/memory/>; дата обращения 21.09.2020); Федотов Д. А., Стародубова Н. Н. Банкротство кредитных организаций в России...

Арбитражным судом Московского округа в пользу ПАО Банк «Финансовая корпорация Открытие» с бывших акционеров, совладельцев и руководителей организации¹. Другим примером является банк «Траст», в пользу которого Высокий суд Лондона обязал бывших владельцев вернуть активы на сумму более 900 млн долл.² При этом в судебном процессе находится большое число других субсидиарных дел таких банков, как Бинбанк (283,8 млрд руб.), «Югра» (1,9 млрд руб.) и др.³. Поэтому в последние годы увеличилось число добровольных ликвидаций, когда банки самостоятельно сдают лицензию. Таким образом, работа Банка России начинает плавно переходить от «зачистки» банковского сектора к возмещению потерь, понесенных на санацию (рис. 3).

Во-вторых, в условиях «ястребиного» банковского надзора и ужесточения нормативных требований к деятельности кредитных организаций

¹ Судебное дело № А40-170390/2019 (<https://kad.arbitr.ru/Card/cf7e2595-39b7-4c15-ab90-748967446d35>; дата обращения 21.09.2020).

² «Траст» выиграл спор в Лондоне на \$900 млн у бывших собственников (<https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/01/23/821308-trast-viigral>; дата обращения 21.09.2020).

³ АСВ потребовало взыскать с экс-руководства банка «Югра» 1,9 млрд рублей (<https://www.vedomosti.ru/finance/news/2020/05/18/830474-asv-poprosilo-sud-vziskats-eks-rukovodstva-banka-yugra-19-mlrd-rublei>; дата обращения 21.09.2020); Банк России подал иск к бывшим топ-менеджерам Бинбанка (<https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/09/22/840861-bank-rossii>; дата обращения 21.09.2020).

мелкие банки неспособны выдерживать конкуренцию с ведущими игроками рынка. В некоторых случаях достаточно одной неподтвержденной новости о финансовых проблемах банка для того, чтобы он полностью утратил собственные средства в течение нескольких дней (например, ОАО «АКБ «Экопромбанк»»)⁴. Все это приводит к массовому присоединению мелких кредитных организаций к крупным.

Однако уход мелких кредитных организаций приводит к сверхконцентрации капитала в банковском секторе. Это становится основой для перетекания капитала из продолжающих действовать мелких банков в крупные. Следовательно, сверхконцентрация является индикатором недоверия населения к банковской системе.

На российском банковском рынке наблюдается устойчивая тенденция к увеличению доли 30 крупнейших банков (рис. 4). Олигополизация банковского рынка усиливается и тем, что в ходе спасения кредитных организаций, фактически все saniруемые банки перешли в собственность Банка России [16. С. 65]. Олигополизация приводит прежде всего к снижению конкуренции. На конкуренцию также оказывают негативное влияние слишком высокие барьеры для входа на банковский рынок. С одной стороны, это является одним из инструментов защиты банковского сектора, так как только зрелые кредитные организации с достаточным капиталом могут входить на рынок. С другой стороны, это

⁴ Как развивалась история «Экопромбанка»: от создания до уголовных дел (<https://59.ru/text/gorod/53554491/>; дата обращения 21.09.2020).

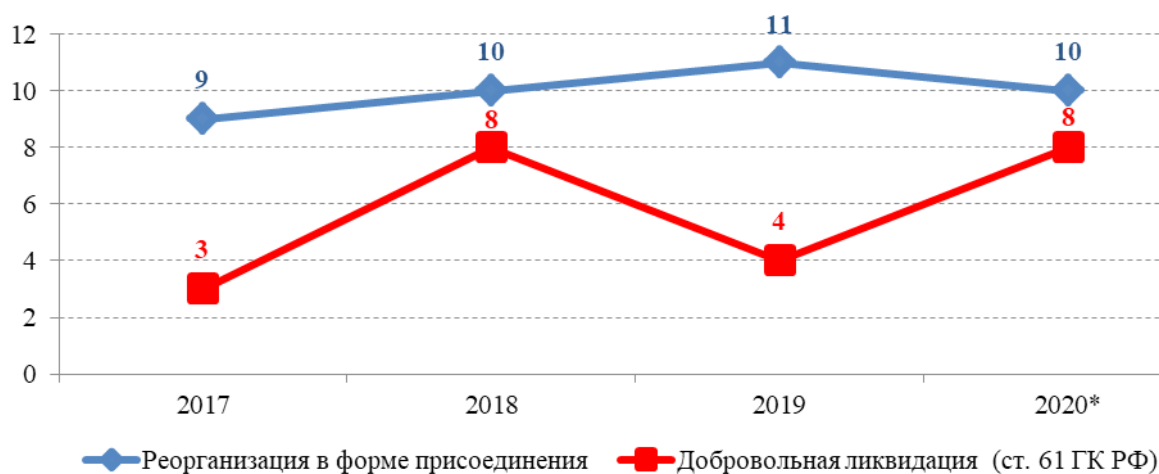

Рис. 3. Изменение оснований ликвидации кредитных организаций

* По состоянию на 1 сентября 2020 г.

Составлено авторами. Источник: Прекратившие существование кредитные организации (<https://www.banki.ru/banks/memory/>; дата обращения 21.09.2020).

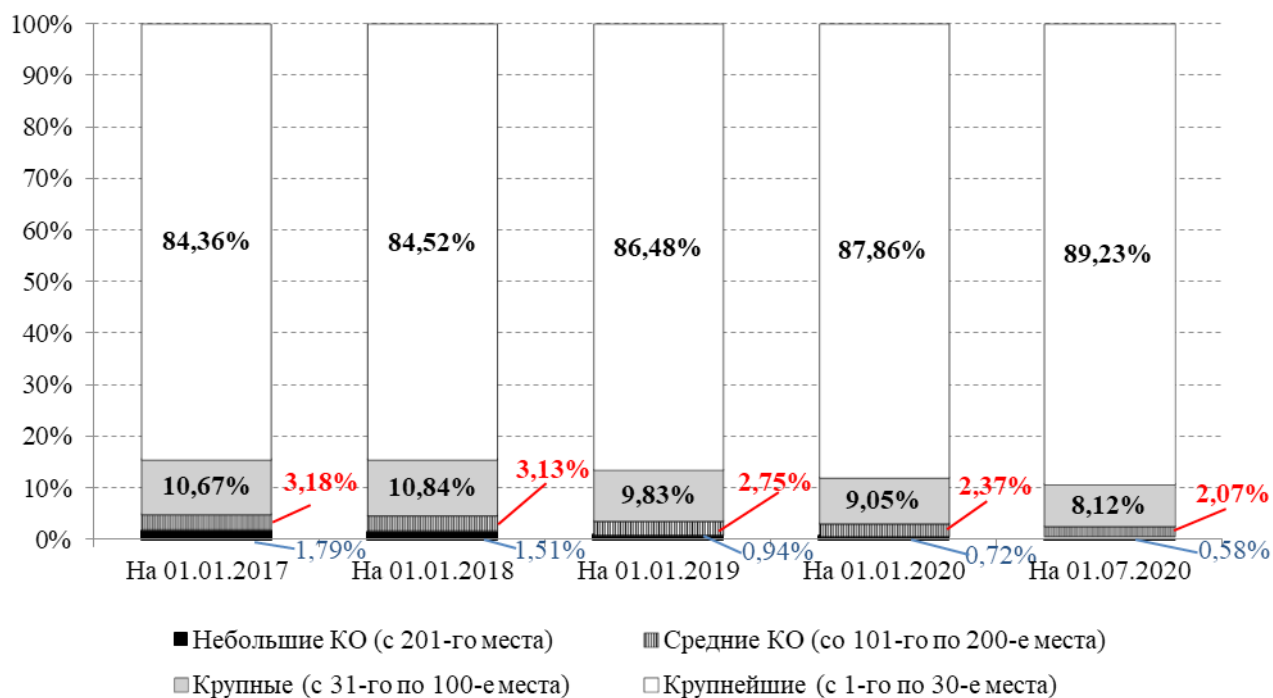

Рис. 4. Изменение структуры банковского сектора по размеру кредитных организаций

Составлено авторами. Источник: Таблица значений показателя «Всего активов» (<https://analizbankov.ru/rating.php?PokId=4763&orderby=Sum&Date=2019-01-01>; дата обращения 21.09.2020).

стало причиной того, что за более чем пять лет в России был учрежден только один банк¹.

Отзыв лицензии кредитной организации на осуществление банковских операций создает две противоположные ситуации. В первом случае, когда имущества банка достаточно для покрытия всех своих обязательств, начинается процедура принудительной ликвидации. Во втором, наоборот, когда имущества недостаточно, начинается процедура банкротства.

Исследуя данные табл. 1, можно заметить, что в подавляющем большинстве случаев Банк России отзывал лицензию на основании п. 6 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (далее — Закон № 395-1) — нарушение банковского законодательства при одновременном применении в течение года надзорных мер. В большинстве случаев регулятор вводил одно, два или три ограничения на привлечение вкладов физических лиц. При этом в последние два года Банк России не вводил запреты на привлечение средств населения (данный показатель является главным индикатором запущенного финансового состояния банка), что

указывает на некоторую стабилизацию банковского сектора.

Среди основных причин отзыва лицензии из-за нарушений банковского законодательства можно выделить следующие виды:

— Повсеместное занижение величины резервов на возможные потери. В большинстве случаев банки занижали величину кредитного риска, в некоторых случаях — репутационного.

— Вывод активов собственниками банка, при котором зачастую заключаются нерыночные сделки (например, фиктивные договоры аренды имущества или схемы с банковскими гарантиями), а также сделки, направленные на замещения ликвидных активов.

— Схемные операции (сделки), целями которых являются формальное соблюдение обязательных нормативов, искусственное поддержание уставного капитала, сокрытие реального объема кредитных рисков, сокрытие реального финансового положения банка, уклонение от исполнения требований Банка России по доформированию резервов и иные виды.

— Кэптивный характер деятельности, когда основные заемщики банка имели признаки связанности с ним, при этом кредитование явно носило высокорискованный характер. Другим примером

¹ Общество с ограниченной ответственностью «Банк 131» (https://www.cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/?id=512052393; дата обращения 21.09.2020).

Таблица 1

Анализ оснований отзыва лицензий кредитных организаций* (ст. 20 Закона № 395-1)

Основание	Годы	2017		2018		2019		2020	
		Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %
<i>1. Банк России вправе отозвать лицензию</i>									
п. 3 ч. 1 (факты существенной недостоверности в отчетности)		5	10	–	–	–	–	–	–
п. 6 ч. 1 (неисполнение требований законодательства, регулирующих банковскую деятельность). Если в течение года применялись надзорные меры: Ограничения на привлечение вкладов населения		46	90	56	93	28	100	7	100
		27	57	43	77	14	50	2	29
Запрет на привлечение вкладов населения		8	17	10	18	–	–	–	–
Иные меры надзорного воздействия		19	41	13	23	14	50	5	71
п. 6.1 ч. 1 (неисполнение требований противодействия легализации доходов)		24	47	35	58	15	54	3	43
<i>2. Банк России обязан отозвать лицензию</i>									
п. 1 ч. 2 (значение всех нормативов достаточности собственного капитала ниже 2%)		15	29	8	13	4	14	1	14
п. 2 ч. 2 (размер собственного капитала ниже минимального значения уставного капитала)		15	29	8	13	4	14	1	14
п. 3 ч. 2 (неисполнение в срок приведения в соответствие величины УК и СК)		1	2	2	3	1	4	–	–
п. 4 ч. 2 (неспособность удовлетворить требования кредиторов в течение 14 дней на сумму не менее 100 тыс. руб.)		7	14	–	–	–	–	–	–
п. 6 ч. 2 (банк с универсальной лицензией после 01.01.2019 в течение 4 месяцев допустил снижение СК ниже минимального)		–	–	2	3	–	–	–	–
п. 12 ч. 2 ст. 20 (небанковская кредитная организация не выполнила требования)		–	–	–	–	2	7	–	–

* В большинстве случаев Банк России отзывал лицензию сразу по нескольким основаниям, поэтому число оснований превышает число отзывов лицензий.

Составлено авторами. Источники: Отзыв лицензий на осуществление банковских операций (https://www.cbr.ru/banking_sector/likvidbase/PartSelectorState1/; дата обращения 21.09.2020); Пресс-релизы Агентства по страхованию вкладов (https://www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/; дата обращения 21.09.2020).

является ситуация, когда используется рискованная бизнес-модель по обслуживанию интересов основного собственника, вследствие чего на балансе банка появляется существенный объем активов сомнительного качества.

— Нарушение требований ведения бухгалтерского учета, где среди видов нарушений можно отметить следующие: неотражение валютно-обменных операций или неотражение денежных средств на корреспондентских счетах в иностранных банках, искажение финансового результата деятельнос-

ти (банки не могут быть продолжительное время убыточными), некорректное отражение кассовых операций и др. (табл. 2).

Отдельно следует отметить, что у достаточно большого числа банков в результате доначисления резервов был полностью утрачен собственный капитал (см. табл. 2). Эти данные тесно перекликаются с основаниями отзыва лицензии по п. 1, 2 ч. 2 ст. 20 Закона № 395-1, когда Банк России обязан был отозвать лицензию (см. табл. 1). Прежде всего это указывает на слишком позднее вмешательство

Таблица 2

**Анализ причин отзыва лицензии на основании п. 6 ч. 1 ст. 20 Закона № 395-1
(неисполнение требований законодательства, регулирующих банковскую деятельность,
если в течение года применялись надзорные меры)***

Причины	Годы	2017		2018		2019		2020	
		Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %
Занижение величины резервов на возможные потери		32	70	35	63	13	46	4	57
Нарушение обязательных нормативов текущей ликвидности		8	17	3	5	2	7	1	14
Завышение стоимости имущества		–	–	5	9	2	7	2	29
Полностью утратил собственные средства в результате доначисления резервов		14	30	9	16	4	14	1	14
Вывод активов		10	22	16	29	4	14	1	14
Нарушение порядка ведения бухгалтерского учета		3	7	7	13	2	7	–	–
Нарушения порядка расчета капитала		–	–	–	–	1	4	–	–
Схемные сделки		9	20	17	30	8	29	–	–
Кэптивный характер деятельности		8	17	11	20	4	14	1	14
Нарушение ограничений и запретов, введенных Банком России		3	7	–	–	1	4	–	–
Низкое качество внутреннего контроля		4	9	1	2	–	–	–	–
Хищение активов или их недостача		5	11	3	5	2	7	–	–
Убыточность на протяжении длительного периода		–	–	2	4	–	–	1	14
Предоставление недостоверных данных отчетности		4	9	–	–	–	–	–	–
Противодействие проведению инспекторской проверки		1	2	–	–	–	–	–	–

* Во всех случаях Банк России отзывал лицензию сразу по нескольким причинам, поэтому число причин превышает число отзывов лицензий на основании п. 6 ч. 1 ст. 20 Закона о банках и банковской деятельности.

Составлено авторами. Источник: Отзыв лицензий на осуществление банковских операций (https://www.cbr.ru/banking_sector/likvidbase/PartSelectorState1/; дата обращения 21.09.2020); Прекратившие существование кредитные организации (<https://www.banki.ru/banks/memory/>; дата обращения 21.09.2020); Пресс-релизы Агентства по страхованию вкладов (https://www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/; дата обращения 21.09.2020).

Банка России и, как следствие, неэффективность надзорных мер реагирования и мер по предупреждению банкротства кредитных организаций.

Также, согласно данным табл. 1, у значительного числа банков была отозвана лицензия в результате неоднократного нарушения требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (п. 6.1 ч. 1 ст. 20 Закона № 395-1). В данном случае наиболее опасной причиной отзыва лицензии является проведение сомнительных операций банками (табл. 3). Согласно информации Банка России, структура сомнительных операций включает себя следующие элементы:

1. Вывод денежных средств за рубеж: переводы по сделкам с услугами или с ценными бумагами, авансирование импорта товаров, импорт товаров через страны Таможенного союза и др.

2. Обналичивание денежных средств: сделки с наличной иностранной валютой и прямая выдача хозяйствующим субъектам.

3. Различные транзитные операции: вывод денежных средств за рубеж, незаконное обращение драгоценных металлов, теневая продажа розничными торговыми предприятиями наличной выручки третьим лицам и др.¹

¹ Структура сомнительных операций в банковском секторе в первом полугодии 2019 года (https://cbr.ru/Content/Document/File/83380/2019_1.pdf; дата обращения 21.09.2020).

Таблица 3

**Анализ причин отзыва лицензии на основании п. 6.1 ч. 1 ст. 20 Закона № 395-1
(неисполнение требований противодействия легализации доходов)***

Причины	Годы	2017		2018		2019		2020	
		Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %	Число случаев	Доля, %
Проведение сомнительных операций		12	50	19	54	9	60	2	67
Несвоевременное направление информации по операциям, подлежащим обязательному контролю		10	42	9	26	2	13	2	67
Направление недостоверной (некорректной) информации по операциям, подлежащим обязательному контролю		17	71	29	83	11	73	3	100
Направление неполной информации по операциям, подлежащим обязательному контролю		8	33	16	46	8	53	1	33

* Во всех случаях Банк России отзывал лицензию сразу по нескольким причинам, поэтому число причин превышает число отзывов лицензий на основании п. 6 ч. 1 ст. 20 Закона о банках и банковской деятельности.

Составлено авторами. Источники: Отзыв лицензий на осуществление банковских операций (https://www.cbr.ru/banking_sector/likvidbase/PartSelectorState1/; дата обращения 21.09.2020); Прекратившие существование кредитные организации (<https://www.banki.ru/banks/memory/>; дата обращения 21.09.2020); Пресс-релизы Агентства по страхованию вкладов (https://www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/; дата обращения 21.09.2020).

Среди причин отзыва по основанию «нарушение требований противодействию отмыванию доходов» особенно следует отметить, что значительное число кредитных организаций направляют в Банк России и Росфинмониторинг недостоверную информацию по операциям, подлежащим обязательному контролю или не выявляют данные операции, не проводят идентификацию клиентов, не указывают существенные реквизиты и в конечном итоге даже не направляют эту информацию.

Таким образом, результаты исследования показывают, что большая часть проблем банков началась в связи с переходом к новому пакету стандартов «Базель III» (Basel III: Finalising post-crisis reforms), согласно которому существенно ужесточаются требования к риску. Недобросовестные действия собственников и руководства кредитных организаций еще сильнее ухудшают финансовое положение банков. Банк России стал заложником собственной стратегии, так как потребовались огромные государственные расходы на спасение кредитных организаций и поддержание стабильности финансовой системы страны. При этом изначально планировалось, что в будущем понесенные расходы будут взысканы с собственников кредитных организаций. Однако практика показывает, что, во-первых, данные судебные процессы длятся годами (иногда десятками лет), и, во-вторых, даже в случае успешного завершения дела фактически возратить активы не представляется возможным.

Поэтому в первую очередь необходимо повышать скорость применения мер надзорного воздействия со стороны Банка России. Несвоевременность приводит к раздуванию дыр в собственных капиталах банков [15. С. 144].

Другой проблемой для Банка России в ближайшем будущем станет вопрос продажи банков, которые попали под санацию. Необходимость продажи продиктована сверхконцентрацией банковского капитала в руках государства. Однако разразившийся во II квартале 2020 г. кризис существенно сдвинет сроки реализации. Так, потенциальные претенденты на покупку Азиатско-Тихоокеанского банка выразили неуверенность в целесообразности этой сделки сейчас¹.

Банкротства кредитных организаций за последние несколько лет существенно подорвали доверие населения к банкам. Продолжение данной тенденции приведет не только к сокращению кредитных ресурсов самих банков, но и к дальнейшему закрытию мелких банков, которые создают фундамент для конкуренции на банковском рынке.

¹Банк России рассмотрел обращения о намерении принять участие в процедурах реализации акций «Азиатско-Тихоокеанский Банк» (ПАО) (http://www.cbr.ru/press/PR/?file=01062020_100000pr.htm; дата обращения 21.09.2020).

Список литературы

1. Brunnermeier M. K., Pedersen L. H. Market Liquidity and Funding Liquidity // *Review of Financial Studies*. 2009. Vol. 22, № 6. P. 2201—2238.
2. Caprio G., Klingebiel C. Bank Insolvencies: Cross-Country Experience // *Policy Research Working Paper*. Washington: World Bank. 1996. № 1620.
3. Cetin N. Restructuring an Insolvent Bank // *Financial Crises Journal*. 2014. P. 1—29.
4. Greenwood C. Landier C., Thesmar D. Vulnerable Banks // *Journal of Financial Economics*. 2015. Vol. 115, № 3. P. 471—485.
5. Hurd T. D. Bank Panics and Fire Sales, Insolvency and Illiquidity // *International Journal of Theoretical and Applied Finance*. 2017. Vol. 21, № 6. P. 1—29.
6. Kaminsky G., Reinhart C. The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance-of-Payments Problems // *American Economic Review*. 1999. Vol. 89, № 3. P. 473—500.
7. Laeven L., Valencia F. Systemic Banking Crises Database // *IMF Economic Review*. 2013. № 61. P. 225—270.
8. Reinhart C., Rogoff K. *This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2009. 512 p.
9. Rochet J-C., Vives X. Coordination Failures and the Lender of Last Resort: Was Bagehot Right after All? // *Journal of the European Economic Association*. 2004. Vol. 2, № 6. P. 1116—1147.
10. Upper C. Simulation Methods to Assess the Danger of Contagion in Interbank Markets // *Journal of Financial Stability*. 2011. Vol. 7, № 3. P. 111—125.
11. Zhang J. A comparative analysis of application of bank insolvency // *Arizona Journal of International & Comparative Law*. 2016. Vol. 33, № 1. P. 301—316.
12. Егоров А. В., Меркурьев И. Л., Чекмарева Е. Н. Индикаторы ставок межбанковского кредитного рынка и их использование в экономическом анализе // *Деньги и кредит*. 2012. № 8. С. 28—34.
13. Полисюк Г. Б., Чистопашина С. С. Характеристика банкротства как важнейшей экономической категории в условиях кризиса и основные причины его возникновения // *Экономический анализ: теория и практика*. 2011. № 47 (254). С. 52—56.
14. Федотов Д. А., Стародубова Н. Н. Банкротство кредитных организаций в России: основные тенденции и проблемные аспекты // *Научное обозрение. Экономические науки*. 2019. № 2. С. 55—59.
15. Федотов Д. А., Стародубова Н. Н. Проблемы функционирования института банкротства кредитных организаций в России // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 6-2. С. 142—145.
16. Якунин С. В. Доминирование банков с государственным участием в России: современные тенденции // *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. 2019. № 3 (49). С. 64—74.

Сведения об авторах

Федотов Данил Александрович — магистрант кафедры учета и финансов экономического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. danil.fedotov25@yandex.ru

Егорова Александра Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития экономического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. aleksandra_csu@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 159—168.

BANKRUPTCY OF CREDIT ORGANIZATIONS IN RUSSIA: ANALYSIS OF THE GROUNDS AND REASONS FOR REVOCATION OF LICENSES

D. A. Fedotov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. danil.fedotov25@yandex.ru

A. A. Egorova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. aleksandra_csu@mail.ru

The relevance of the research is that foreign and Russian authors investigated the causes of bankruptcy not at the level of individual credit institutions, but at the level of individual countries (in the form of banking crises). As a result, banking market regulators do not apply supervisory response measures in a timely manner. This leads to an over-concentration of bank capital and a decrease in the level of public confidence in the banking system. Therefore, the aim of the work was to study the reasons and causes of bankruptcy of individual credit institutions in Russia. An individual approach makes it possible to develop more effective supervisory tools for detecting violations of banking legislation and preventing new cases of bankruptcy.

Keywords: *bank bankruptcy, grounds for revocation of licenses, credit organizations, anti-money laundering.*

References

1. Brunnermeier M.K., Pedersen L. H. (2009) *Review of Financial Studies*, vol. 22, no. 6, pp. 2201—2238.
2. Caprio G., Klingebiel C. (1996) *Policy Research Working Paper*, no. 1620.
3. Cetin N. (2014) *Financial Crises Journal*, pp. 1—29.
4. Greenwood C., Landier C., Thesmar D. (2015) *Journal of Financial Economics*, vol. 115, no. 3, pp. 471—485.
5. Hurd T. D. (2017) *International Journal of Theoretical and Applied Finance*, vol. 21, no. 6, pp. 1—29.
6. Kaminsky G., Reinhart C. (1999) *American Economic Review*, vol. 89, no. 3, pp. 473—500.
7. Laeven L., Valencia F. (2013) *IMF Economic Review*, no. 61, pp. 225—270.
8. Reinhart C., Rogoff K. (2009) *Na etot raz vse po-drugomu: vosem' vekov finansovogo bezumiya* [This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly]. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2009. 512 p.
9. Rochet J-C., Vives X. (2004) *Journal of the European Economic Association*, vol. 2, no. 6, pp. 1116—1147.
10. Upper C. (2011) *Journal of Financial Stability*, vol. 7, no. 3, pp. 111—125.
11. Zhang J. (2016) *Arizona Journal of International & Comparative Law*, vol. 33, no. 1, pp. 301—316.
12. Yegorov A. V., Merkur'yev I. L., Chekmareva Ye. N. (2012) *Den'gi i kredit*, no. 8, pp. 28—34 [in Russ].
13. Polisyuk G. B., Chistopashina S. S. (2011) *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika*, no. 47 (254), pp. 52—56 [in Russ].
14. Fedotov D. A., Starodubova N. N. (2019) *Nauchnoye obozreniye. Ekonomicheskiye nauki*, no. 2, pp. 55—59 [in Russ].
15. Fedotov D. A., Starodubova N. N. (2019) *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, no. 6-2, pp. 142—145 [in Russ].
16. Yakunin S. V. (2019) *Nauchno-issledovatel'skiy finansovyy institut. Finansovyy zhurnal*, no. 3 (49), pp. 64—74 [in Russ].

КОНТРОЛЛИНГ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Т. А. Куприянова

Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

Активное развитие любого предприятия, в том числе угледобывающего, зависит от эффективности действующей системы управления. И чем активнее происходят изменения во внешней среде, усиливается конкуренция на рынке энергоресурсов, тем острее встает вопрос выживания предприятия. Зачастую темпы изменения систем управления существенно отстают от темпов технологического развития предприятий. Разработка и внедрение контроллинга как технологии управления направлены на обеспечение достижения необходимого уровня развития как в оперативном, так и в стратегическом плане. Рассматриваются теоретические аспекты контроллинга, проводится сравнительный анализ существующих моделей, показана роль контроллинга в системе управления предприятием, описаны основные направления, по которым может осуществляться контроллинг. Представлены практические аспекты внедрения контроллинга в различных коммерческих структурах, в том числе на угледобывающих предприятиях.

Ключевые слова: *системы управления предприятием, контроллинг, угледобывающие предприятия, управление.*

Глобализация экономики и, как следствие, усиление конкурентной среды предъявляют к предприятиям все более жесткие требования, заставляя все больше внимания уделять поиску современных, эффективных и качественных моделей управления их деятельностью как в текущих аспектах, так и в сфере стратегического планирования.

Среди современных инструментов стратегического управления, применяемых в деятельности предприятий и организаций, одно из ключевых мест занимает контроллинг, который все более активно внедряется в хозяйственную деятельность предприятий.

Мировая практика применения контроллинга предусматривает использование двух моделей:

- англо-американской;
- немецкой (рис. 1).

Отличительной чертой англо-американской модели контроллинга является ее прикладной характер, проявляющийся в тесной взаимосвязи между менеджментом и контроллингом, а также в ориентированности на требования рынка и потребности клиентов. Кроме того, контроллинг рассматривается как один из обязательных элементов системы управленческого учета, включающий в себя планирование, оценку, обеспечение достоверности отчетности и подготовку внешней отчетности. Таким образом, англо-американская модель контроллинга отводит ему роль качественной характеристики управленческого учета (*management accounting*).

Немецкая модель контроллинга на раннем этапе своего развития, рассматривала контроллинг преимущественно как инструмент информационного обеспечения, ориентированный на результат и позволяющий осуществлять координацию системы управления. На современном этапе в немецкой модели контроллинг рассматривается как «совокупность целей, задач, инструментов, субъектов и организационных структур» [15]. Кроме того, сторонники немецкой модели придерживаются полностью диаметрально противоположного мнения о связи контроллинга и управленческого учета, поскольку рассматривают управленческий учет как один из элементов контроллинга.

Таким образом, в немецкой модели наибольшее внимание уделяется планированию с использованием интегрированной системы планово-контрольных расчетов на основе данных управленческого учета.

Российская практика использования контроллинга предусматривает конгломерацию как немецкой, так и англо-американской модели. В результате российская модель контроллинга представляет собой информационно-аналитическую и методическую систему поддержки менеджмента в процессе осуществления планирования, контроля, анализа и принятия решений. Стратегия развития контроллинга в России одобрена и поддержана программой Европейского Союза «Программа содействия и технической поддержки новых независимых государств бывшего Советского Союза и Монголии»

Рис. 1. Сравнительная характеристика моделей контроллинга

Источник: составлено автором на основе [4].

(ТАСИС) [13]. В результате этого в системе бухгалтерского учета происходят существенные изменения, которые способствуют более широкому применению управленческого учета и контроллинга российскими предприятиями.

Необходимость внедрения контроллинга в деятельность российских предприятий обусловлена такими факторами, как:

- своевременность и оперативность выявления негативных условий внутри организации;
- правильность постановки целей как перед руководством, так и перед менеджерами нижестоящих звеньев;
- необходимость выявления причин и оценка последствий в результате возникновения негативных ситуаций;
- обеспечение информационной поддержки производственного процесса на предприятии;
- необходимость прогнозирования результатов принимаемых управленческих решений под влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

Основной целью контроллинга является ориентация процесса управления предприятием на достижение поставленных целей. Как правило, цели организации образуют «дерево целей», и для каждого уровня «дерева целей» формируется своя цель. Поэтому эффективность контроллинга в рыночных условиях значительно выше по сравнению с другими системами планирования и учета (рис. 2).

На сегодняшний день ситуация с контроллингом сложилась таким образом, что в теоретическом аспекте проводится достаточно много исследований, однако практических примеров применения контроллинга в деятельности российских предприятий очень мало.

Вопросам теории контроллинга посвящено достаточно большое количество научных работ как зарубежных, так и российских авторов. Так, основоположники концепции контроллинга Р. Манн [7] и Э. Майер, Г. Пич и Э. Шерм [11], Й. Вебер [2], Х.-Ю. Кюпер [1] и П. Хорват [16] рассматривают как теорию, так и практику применения контроллинга.

Рис. 2. Роль контроллинга в системе управления

Составлено автором.

Кроме того, их работы выступают в качестве основы для российских разработок в сфере контроллинга. Эти разработки сформулированы такими учеными, как С. Г. Фалько [14] и А. М. Карминский [5], Ю. Г. Одегов [9] и другие, внесшими существенный вклад в формирование философии контроллинга и возможности его применения в практической деятельности российских предприятий.

Анализ практики применения контроллинга свидетельствует о том, что в практической деятельности предприятий используется стратегический контролинг, притом что в теории контроллинга выделяют такие виды, как:

- стратегический;
- тактический;
- диспозитивный;
- оперативный.

Данный факт обусловлен тем, что в сложных экономических условиях собственники и менеджеры предприятий стараются не только сохранить текущее финансовое положение, но и обеспечить устойчивое финансовое положение в перспективе [3]. Кроме того, есть все основания утверждать, что данная тенденция сохранится и в дальнейшем.

Универсальность контроллинга как управленческой технологии состоит в том, что его могут использовать предприятия различных масштабов и видов деятельности. Кроме того, контролинг может осуществляться в разрезе различных объектов, функционирующих в структуре предприятия (рис. 3).

Наиболее часто внедрение контроллинга в России осуществляется на крупных предприятиях или в холдингах, объединяющих несколько крупных производителей.

Так, АО «ЕВРАЗ Объединенный Западно-Сибирский металлургический комбинат» (ЕВРАЗ ЗСМК), входящее в холдинг «ЕвразХолдинг», осуществляющее производство металлопроката строительного сортамента и являющееся крупнейшим металлургическим комбинатом России, разработало целую концепцию контроллинга. Данная концепция представляет собой систему управления финансово-хозяйственной деятельностью предприятия на базе синтеза управленческого учета и экономики предприятия. В рамках системы осуществляются постановка целей (по предприятию в целом и по всем структурным подразделениям),

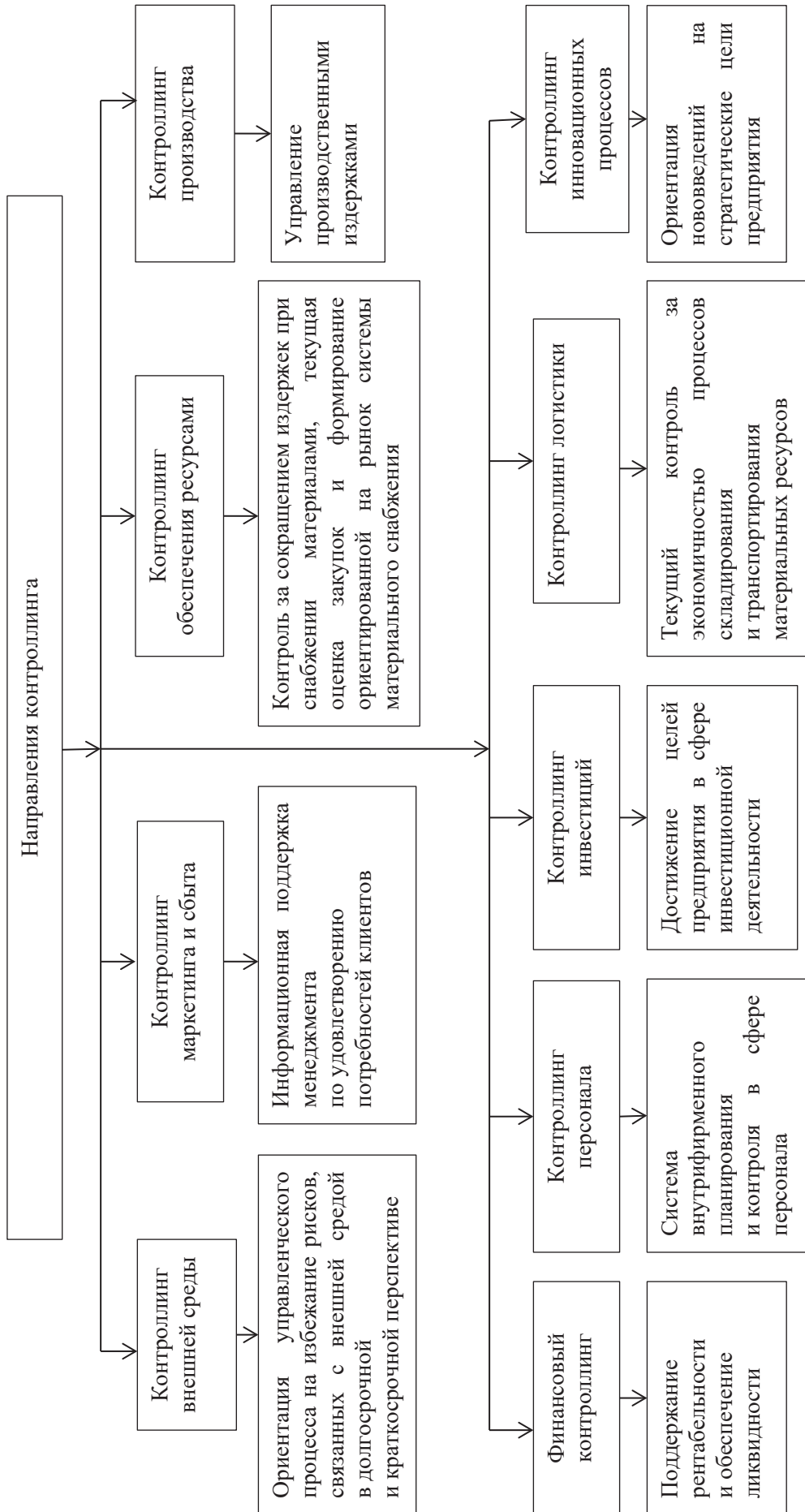

Рис. 3. Направления контроллинга
Составлено автором.

текущий сбор и обработка информации для принятия управленческих решений, проведение функций оперативного контроля отклонений фактических показателей деятельности предприятия от плановых, их оценка и анализ, а также выработка возможных вариантов управленческих решений, позволяющих провести оптимизацию затрат.

В рамках внедрения контроллинга в деятельность ЕВРАЗ ЗСМК были осуществлены следующие мероприятия:

- разработан стандарт и положение по контроллингу, включающие перечень методик по применению различных инструментов контроллинга;
- внедрена система управленческого учета с выделением центров ответственности, контролируемых показателей, первичных документов управленческого учета, разработкой учетных регистров, группировкой данных и формы управленческой отчетности, разработкой процедуры сбора, обработки и предоставления информации;
- освоены модули ERP-систем, связанные с контроллингом;
- проведена работа с персоналом по вопросам внедрения системы контроллинга.

В рамках контроллинга в ЕВРАЗ ЗСМК используют такие инструменты управленческого учета, как:

- бюджетирование;
- калькулирование себестоимости металлопродукции и услуг;
- маржинальный анализ;
- план-фактный анализ (контроль) плановых и бюджетных показателей;
- анализ доходности по видам металлопродукции;
- факторный анализ себестоимости и прибыли предприятия;
- анализ эффективности деятельности предприятия;
- ревизия и аудит в подразделениях предприятия и его дочерних обществах;
- прогнозирование цен;
- анализ эффективности договоров аренды и оказания услуг и др.

Ключевая роль в ЕВРАЗ ЗСМК в рамках реализации системы контроллинга отводится дирекции по учету и дирекции по финансам и экономике.

В процессе внедрения контроллинга в свою деятельность АО «ЕВРАЗ ЗСМК» получило следующие результаты:

- рациональное распределение и использование финансово-экономических ресурсов, связанных с основной деятельностью предприятия;

- оптимизация структуры дебиторской и кредиторской задолженности;
- снижение кредитных рисков и процентных ставок за кредиты;
- выявление узких мест и обеспечение эффективности деятельности предприятия не связанной с основным видом деятельности;
- оптимизация процесса управления организацией в целом.

Анализ деятельности российских нефтяных предприятий, таких как ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть»», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»», ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина, ПАО НК «РуссНефть», ПАО «Новатэк», позволяет говорить о том, что в своей работе они также достаточно активно используют инструменты контроллинга. Поскольку сфера деятельности нефтяных компаний не ограничивается разведкой и добычей сырой нефти, а включает в себя полный цикл переработки и реализации нефтепродуктов, использование контроллинга в рамках многоуровневого управления позволяет значительно повысить эффективность управления [10].

Кроме того, при формировании системы контроллинга в нефтяных компаниях необходимо учитывать особенности ведения деятельности, такие как:

- жесткое государственное регулирование;
- присутствие крупных монополий;
- длительный период окупаемости затрат;
- высокие затраты в процессе добычи и при транспортировке;
- природно-климатические и горно-геологические условия и др.

Существенное внимание в нефтяных компаниях уделяется такому направлению контроллинга, как инвестиционный контроллинг, поскольку инвестиционные проекты имеют длительный период реализации и требуют существенных финансовых вложений. Так, в ПАО «НК «Роснефть»» разработана Политика по управлению инвестициями, являющаяся частью стратегического контроллинга развития предприятия. В рамках реализации инвестиционного контроллинга в ПАО «НК «Роснефть»» были достигнуты следующие задачи:

- разработана система показателей оценки эффективности инвестиционных проектов;
- сформированы принципы построения инвестиционных программ;
- проведена оценка соответствия предлагаемых бизнес-проектов целям предприятия, а также влияния реализуемых инвестиционных проектов на общую стратегию развития;

— проведена оценка воздействия внутренних и внешних факторов на реализацию инвестиционных проектов.

В качестве показателей инвестиционного контроллинга в ПАО «НК «Роснефть»» используются:

- качество подготовки и принятия инвестиционных решений;
- наличие и исполнение корпоративных требований;
- сбалансированность инвестиционного портфеля.

Применение инвестиционного контроллинга позволило ПАО «НК «Роснефть»» существенно увеличить объем капитальных вложений, а применение контроллинга в сфере промышленной безопасности — снизить тяжесть травматизма на 20 % в 2017 г.

Применение контроллинга в ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина позволило изыскать дополнительные резервы для создания мини-стабфондов, а в ПАО «Газпром» были созданы условия оптимального перехода на стандарты международной финансовой отчетности.

Помимо предприятий нефтяной отрасли, контроллинг как инструмент управления и менеджмента активно используется на предприятиях угольной промышленности. Угольные предприятия имеют сложную организационную структуру, включающую большое количество дочерних структур, шахт и разрезов, а это, в свою очередь, существенно усложняет процедуру получения полноценной и достоверной информации о результатах деятельности. Так, одним из крупнейших угольных предприятий в России является АО «Сибирская угольная энергетическая компания», реализующее бизнес-модель, в рамках которой проводятся разработка угольных месторождений, добыча, обогащение и транспортировка угля, торговля, генерация тепла и электроэнергии, а также рекультивация и восстановление поврежденных земель.

Основной целью использования контроллинга в угольной промышленности является определение проблемных мест при добыче угля как в угольных шахтах, так и на разрезах на основе их сопоставления по бизнес-процессам.

Реализация контроллинга в холдинге АО «СУЭК» осуществляется посредством специализированной информационной системы, интегрированной в систему менеджмента предприятия. Исходя из основных приоритетных направлений, заявленных в политике развития компании, а именно: высокие показатели производительности труда, передовые и экологически чистые тех-

нологии, современные стандарты качества и безопасности и др., — в АО «СУЭК» используется система менеджмента качества в соответствии с требованиями стандарта ISO 9001:2015, система экологического менеджмента в соответствии с требованиями стандарта ISO 14000:2004, система менеджмента производственного здоровья и безопасности в соответствии с требованиями стандарта OHSAS 18000:2007 [6].

В качестве показателей эффективности внедрения контроллинга и информационных систем менеджмента в АО «СУЭК» можно выделить:

- повышение техничности информационного процесса;
- возможность совмещения бизнес-процессов;
- возможность построения прогнозов добычи на основе информации о горно-геологической модели шахты или разреза;
- возможность формирования прогнозной себестоимости добычи;
- возможность планирования инвестиционной деятельности.

Несмотря на то что применительная практика контроллинга на российских предприятиях с каждым годом увеличивается, до сих пор многие руководители совершают большие ошибки как на стадии разработки, так и в процессе реализации контроллинга. Данное положение дел обусловлено тем, что не только руководство, но и персонал предприятий не имеют достаточных знаний и навыков внедрения и применения данной системы, а использование опыта иностранных компаний зачастую неприемлемо для российских предприятий.

Кроме того, можно выделить ряд факторов, существенно ограничивающих использование контроллинга в России, а именно:

- недостаточное количество информации о практическом опыте применения контроллинга на российских предприятиях;
- отсутствие достаточного количества российских разработок по комплексному информационному сопровождению, а это, в свою очередь, заставляет предприятия использовать иностранные программные продукты, что приводит к росту затрат на обслуживание системы;
- отсутствие единой политики развития и, как следствие, несогласованность работы подразделений предприятия;
- наличие неадаптированной организационной структуры, включающей множество не просто ненужных отделов, а отделов, дублирующих функции друг друга, что не только повышает опе-

рационные издержки, но и значительно снижает эффективность бизнес-процесса [12];

— отсутствие нормативно-правового регулирования в сфере контроллинга;

— длительная процедура внедрения контроллинга в деятельность предприятий — 2—3 года [8].

Применение контроллинга в условиях постоянного спроса на достоверную и актуальную ин-

формацию позволит предприятиям обеспечить успешное развитие за счет качественного улучшения управления в рамках планирования, контроля и анализа. А интеграция контроллинга и управленческого учета как единого механизма позволит руководству предприятий принимать оперативные и экономически обоснованные управленческие решения.

Список литературы

1. Kupper H.-U., Weber J., Zund A. Zum Verstandis und Selbstverstandnis des Controlling. Thesen zur Konsensbildung. Muenchen: Gabler, 1990. 256 с.
2. Weber J. Einführung in das Controlling. Stuttgart: Poeschel, 2002. 158 с.
3. Жердев А. Практика применения контроллинга в отечественной и зарубежных коммерческих структур // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10 (52). С. 20—22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-kontrollinga-v-otchestvennoy-i-zarubezhnyh-kommercheskih-struktur/viewer> (дата обращения 05.10.2020).
4. Жилина Н. Н., Загидуллина Т. С. Зарубежные модели контроллинга и возможности их применения в России // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 36 (186). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnye-modeli-kontrollinga-i-vozmozhnosti-ih-primeneniya-v-rossii/viewer> (дата обращения 05.10.2020).
5. Карминский А. М., Фалько С. Г., Жевага А. А., Иванова Н. Ю. Контроллинг. М.: Финансы и статистика, 2006. 336 с.
6. Кожарский П. В. Применение оперативного контроллинга в угольно-энергетическом холдинге (на примере ОАО «СУЭК-Кузбасс») // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2012. № S2-5. С. 61—72. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22666435_69935586.pdf (дата обращения 06.09.2020).
7. Манн Р. Контроллинг для начинающих. Система управления прибылью: пер. с нем. М.: Финансы и статистика, 2004. 365 с.
8. Мельник Е. С. Особенности внедрения контроллинга на предприятии // Экономика, управление, финансы: материалы II Междунар. науч. конф. Пермь: Меркурий, 2012. С. 132—134. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/57/3160/> (дата обращения 03.10.2020).
9. Одегов Ю. Г., Никонова Т. В. Аудит и контроллинг персонала. М.: Альфа-пресс, 2006. 560 с.
10. Пельменёва А. А. Возможности применения концепции контроллинга в нефтяных компаниях // Альманах современной науки и образования. 2008. № 9 (16). С. 171—174. URL: www.gramota.net/materials/1/2008/9/53.html (дата обращения 08.09.2020).
11. Пич Г., Шерм Э. Уточнение содержания контроллинга как функции управления и его поддержки // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 3. С. 102—107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrolling-kak-tehnologiya-tselenapravlennoy-upravleniya-izmeneniyami/viewer> (дата обращения 24.09.2020).
12. Соколова О. Н. Контроллинг в менеджменте российских организаций // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 1 (85), т. 2. С. 177—180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrolling-v-menedzhmente-rossijskih-organizatsiy/viewer> (дата обращения 03.10.2020).
13. Уваров Г. Национальные модели контроллинга // Экономика бизнеса. 2009. № 42 (9308). URL: <https://www.eg-online.ru/article/80640/> (дата обращения 26.09.2020).
14. Фалько С. Г. Контроллинг для руководителей и специалистов. М.: Финансы и статистика, 2008. 272 с.
15. Хан Д. Планирование и контроль: концепция контроллинга: пер. с нем. М.: Финансы и статистика, 1997. 800 с.
16. Хорват П. Концепция контроллинга: Управленческий учет. Системы отчетности. Бюджетирование. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 269 с.

Сведения об авторе

Куприянова Татьяна Анатольевна — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета Сибирского государственного университета науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева. Красноярск, Россия. kupriyanowa@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 169—176.

CONTROLLING AND ITS ROLE IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF A COAL MINING ENTERPRISE

T. A. Kupriyanova

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia. Kupriyanowa@list.ru

The active development of any enterprise, including coal mining, depends on the effectiveness of the current management system. And the more active the changes in the external environment are, and competition in the energy resources market increases, the more acute the issue of the enterprise's survival is. Often, the pace of change in management systems significantly lags behind the pace of technological development of enterprises. Therefore, the development and implementation of controlling as a management technology is aimed at ensuring that the necessary level of development is achieved both operationally and strategically. The article discusses the theoretical aspects of controlling, in particular the comparative analysis of existing models, shows the role of controlling in the enterprise management system, describes the main areas that could be controlling. In addition, practical aspects of controlling implementation in various commercial structures, including coal mining enterprises, are presented.

Keywords: *enterprise management systems, controlling, coal mining enterprises, management.*

References

1. Kupper H.-U., Weber J., Zund A. (1990) Zum Verstandis und Selbstverstandnis des Controlling. Thesen zur Konsensbildung. Muenchen, Gabler. 256 p.
2. Weber J. (2002) Einführung in das Controlling. Stuttgart, Poeschel. 158 p.
3. Zherdev A. (2016) *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, no. 10 (52), pp. 20—22 [in Russ.].
4. Zhilina N. N. (2011) *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet*, no. 36 (186) [in Russ.].
5. Karminsky A. M. (2006) *Kontrolling [Controlling]*. Moscow, Finance and statistics. 336 p. [in Russ.].
6. Kozharsky P. V. (2012) *Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten*, no. S2-5, pp. 61—72. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22666435_69935586.pdf, accessed 05.10.2020 [in Russ.].
7. Mann R. (2004) *Kontrolling dlya nachinayushchih. Sistema upravleniya pribyl'yu [Controlling for beginners. Profit management system]*. Moscow, Finance and statistics. 365 p. [in Russ.].
8. Melnik E. S. (2012) *Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* Pp. 132—134. Available at: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/57/3160/>, accessed 03.10.2020 [in Russ.].
9. Odegov Yu. G. (2006) *Audit i kontrolling personala [Audit and controlling of personnel]*. Moscow, Alfa-press publishing house. 560 p. [in Russ.].
10. Pelmeneva A. A. (2008) *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*, no. 9 (16), pp. 171—174. Available at: www.gramota.net/materials/1/2008/9/53.html, accessed 08.09.2020 [in Russ.].
11. Peach G. (2001) *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no. 3, pp. 102—107 [in Russ.].
12. Sokolova O. N. (2015) *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (85), vol. 2, pp. 177—180 [in Russ.].
13. Uvarov G. (2009) *Ekonomika biznesa*, no. 42 (9308). Available at: <https://www.eg-online.ru/article/80640/>, accessed 26.09.2020 [in Russ.].
14. Falco S. G. (2008) *Kontrolling dlya rukovoditelej i specialistov [Controlling for managers and specialists]*. Moscow, Finance and statistics. 272 p. [in Russ.].
15. Khan D. (1997) *Planirovanie i kontrol': koncepciya kontrollinga [Planning and control: the concept of controlling]*. Moscow, Finance and statistics. 800 p. [in Russ.].
16. Horvat P. (2005) *Koncepciya kontrollinga: Upravlencheskij uchet. Sistemy otchetnosti. Byudzhetirovanie [The concept of controlling: Management accounting. Reporting system. Budgeting]*. Moscow, Alpina Business books. 269 p. [in Russ.].

ГЕТЕРОМАЦИЯ КАК ФОРМА КОНЦЕНТРАЦИИ КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Д. А. Сорокин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается такое проявление автоматизации и цифровизации процессов промышленного производства, являющихся условием и фактором концентрации капитала, как гетеромация, которая определяется как разделение труда между людьми и компьютерными системами. Актуальность выбранного для обзора направления обусловлена тем, что отношения между людьми и компьютерами имеют когнитивные, технические и социальные аспекты, но, кроме того, они имеют и большую экономическую значимость, которая часто теряется в дискуссиях о технологиях и этике. Однако сложившиеся экономические условия, связанные с экономическими ограничениями эпидемиологического характера, существенно обостряют проблему взаимоотношений «машины» и «человека» в процессе производства, проявляя при этом ее экономическую суть и подчеркивая необходимость всестороннего анализа. В статье дан обзор взглядов отечественных и зарубежных ученых на вопросы автоматизации производства, востребованности труда как фактора производства, а также выявляются сложности, возникающие в результате вытеснения рабочей силы из производственных процессов.

Ключевые слова: *гетеромация, концентрация производства, автоматизация производства, цифровизация экономики.*

Особенность большинства процессов в экономике — то, что это социальные явления, основанные на природе человека, его целеполагании и мотивации. Методологический аппарат экономической теории и его методический исследовательский инструментарий хорошо адаптированы к этой особенности. Однако, на наш взгляд, за этой простой чертой всех экономических событий кроется намного больший смысл, в том числе скрываемый нарочитой преемственностью всех экономических научных теорий, разрабатываемых на основе их описания. И раз в «экономической» природе так много «человеческого», то и определить эту особенность можно таким не совсем научным термином, как «привычность» или «обыденность». Так, рассматривая вопросы концентрации капитала, мы традиционно определяем в качестве базиса процессы концентрации производства, технологический способ производства, уровень развития производственных отношений и прочее, и даже если критикуем значимость данных постулатов или отрицаем ее, то в любом случае обращаем внимание именно на эти процессы, упуская из виду другие существенные аспекты. В частности, рассматривая современные технологии и подчеркивая значимость инноваций для расширенного воспроизводства, мы умышленно или ошибочно упускаем, что эти технологии являются результатом изобретательности и творчества человека (см.: П. Э. Драчук,

Д. А. Сорокин [2]). И главным является именно «человеческое» происхождение инноваций, так как при решении вопроса о разделении труда между людьми и машинами на организационном, технологическом и финансовом уровнях, то есть при последующем разделении доходов, «человеческий» труд остается недооцененным, а высокая технологичность может рассматриваться как фактор экономического риска.

Компьютеризация экономики, наблюдаемая в последние годы, изменила отношения людей с цифровыми машинами, подтолкнув подавляющее большинство людей к важным, но маргинальным функциям. Большинство видов деятельности, осуществляемых в рамках нового разделения труда, скрыты, низкооплачиваемы либо классифицируются как «общебытовое использование» компьютерной техники, что не может быть отнесено к элементам квалифицированного труда и не признается работой. Капитализм при этом действует так же, как и всегда, массово внедряя новые механизмы накопления богатства, асимметрично и несправедливо трансформирует условия жизни и труда участников этого роста. Такая логика понятна и вкладывается в рамки «обыденности» поведения капиталиста: инновации — это результат труда конкретного человека, за который им было получено вознаграждение, а то, что при этом инновации повысили производительность труда в экономике

в целом или даже стали базой для дальнейшей технологической революции, что многократного увеличило прибыль, — это заслуга капиталиста, который смог их (инновации) для этого использовать. При этом ухудшение финансового положения работников технологически растущей отрасли, которых сокращают за ненадобностью, работников, чей труд автоматизируется и, как следствие, девальвируется с позиций значимости и ценности, — это лишь рыночная экстерналия, к которой необходимо приспособиться, например, изменив пропорции рынка труда (см.: Ю. Ш. Капкаев, Д. А. Сорокин, В. С. Лешинина [4]).

Сложность возникает тогда, когда исключенность человека из товарного производства и маргинализация его труда начинают носить глобальный характер, вызывая нормальную, с точки зрения экономической теории, структурную и циклическую безработицу, однако массовость этих явлений не позволяет решить проблему финансовой невостребованности работников за счет перераспределения пропорций рынка труда лишь в рамках одной национальной экономики. Проблема усугубляется перенаселением отдельных географических территорий, толерантными эмиграционными политиками отдельных стран и всеобщей пандемией, которая рассматривает «человеческий» труд как фактор эпидемиологического риска. Все это свидетельствует о системности проблемы, которая должна рассматриваться именно с позиции сохранения востребованности и высокой ценности «человеческого» труда в экономическом производстве, что связано с его «гетеромацией» (см.: Х. Р. Экбиа, Б. А. Нарди [10]).

Фактически гетеромация извлекает выгоду из бесплатной или дешевой работы, опосредованной цифровыми технологиями, что, по сути, формирует новую логику накопления капитала. К современным примерам расширения видов гетероматизированных работ и масштабов их внедрения в повседневный быт можно отнести технологии самообслуживания. Повседневная жизнь все больше заполняется так называемыми «автоматическими» машинами: банкоматами, голосовыми консультантами в банках, страховых компаниях, магазинах, аэропортах и больницах, кассами самообслуживания в супермаркетах, фастфудах и на автозаправочных станциях. Все эти машины позволяют обойтись без кассиров и ряда других сотрудников, автоматизируя процесс производства, но реальность сложнее. «Сэкономленная» работа на самом деле выполняется другими людьми — вами, членами

ваших семей, то есть самим покупателем в процессе потребления, в результате можно говорить о формировании нового типа работника — «случайный» (см.: Х. Р. Экбиа, Б. А. Нарди [11]). Такие «случайные» работники практически бесплатны для капиталиста, так как качественные характеристики товара при этом не меняются, а следовательно, потребительская ценность и цена продажи, остаются неизменными. При этом, заменяя людей, которые когда-то использовались на основе трудовых контрактов, самообслуживание позволяет существенно экономить на их зарплатах, формируя дополнительную прибыль в распоряжении исключительно капиталиста. К сожалению, вопросы потери работы, снижения уровня дохода и покупательной способности рассматриваются пока как проблемы отдельного работника, а не системные проблемы «человека» на современном рынке труда. Это лишь первый и самый поверхностный вопрос, требующий внимания экономистов, поскольку вытесненная с рынка труда рабочая сила не обладает необходимой покупательной способностью для формирования необходимого платежеспособного спроса для поддержания роста новых высокотехнологичных рынков, представители которых ориентированы на массовое производство, положительный эффект масштаба и высокий уровень концентрации всех производственных факторов (см.: Ю. Ш. Капкаев, Д. А. Сорокин [3]; И. П. Добровольский, Д. А. Сорокин [1]).

С технологической точки зрения, гетеромация — это следующий уровень развития автоматизации, к которой стремилась промышленность, формируя свои новые стандарты — «Шестой технологический уклад», «Предприятие 4.0» и т. д. С одной стороны, внедрение систем искусственного интеллекта дает доступ к новой социотехнической общественной структуре в отношении как технологий, организации, навыков, так и разделения труда между человеком и машиной. И, хотя автоматизация обвиняется в сокращении рабочих мест, на самом деле она только изменяет их. В результате выявленная К. Марксом непреодолимая потребность в труде для накопления капитала продолжает нарастать. Гетеромация также подчиняется закону стоимости труда, а капиталист использует цифровые технологии для извлечения из сетей бесплатного или дешевого труда, который позволяет поддерживать рост прибыли, в том числе на стагнирующих рынках. «Человек» в такой системе производства не лишен работы, но работает иначе, часто способами, которые усугубляют нестабильность рабочих мест,

снижают ценность его труда и размеры оплаты. Сложность заключается в том, что расширение гетероматизированного труда фактически отбрасывает человека на второстепенное положение по отношению к машинам и цифровой организации общества. В результате получается, что автоматизация освобождает человека от работы, а гетеромация показывает ее необходимость, но в другой, «измененной» форме, часто в форме маргинализированного труда (см.: Х. Р. Экбиа, Б. А. Нарди [12]).

Рассмотрим экономические аспекты этого явления более подробно. Разделение труда между людьми и компьютерными системами значительно, но не совсем заметно изменилось как в техническом, так и в человеческом измерениях. Технически произошел сдвиг от технологий автоматизации, таких как банковское дело, розничная торговля и производство, целью которых было запретить вмешательство человека почти во всех точках системы, к технологиям гетеромации, которые выдвигают критические задачи конечным пользователям в качестве незаменимых посредников. Можно даже противопоставить гетеромацию, которая создает технические системы, функционирующие посредством действий разнородных субъектов, автоматизации, ориентированной на самостоятельные действия машин. Гетероматизированные системы включают в себя видеоигры, социальные сети, некоторые краудсорсинговые приложения, системы выполнения микроработы, такие как Mechanical Turk, личные медицинские записи, устройства, которые требуют посредничества для некоторых пользователей (например, сотовые телефоны), а также различные способы количественной самооценки, предоставляющие личные данные в пользование страховых, финансово-кредитных и прочих компаний. Поскольку этот сдвиг произошел, большая популяция людей, которые были вытеснены первым типом технологий, на этапе автоматизации, или никогда не привлекались в цифровую среду, возвращаются в вычислительную отрасль вторым типом. Таким образом, гетероматизированная технология заполняет пробел, созданный автоматизацией, но с удвоенной силой, что нарушает установленные механизмы вознаграждения, удовлетворения и компенсации. Это существенно изменяет социальные отношения, превращая людей в вычислительные компоненты, поднимая при этом не только экономические и социальные, но и этические вопросы.

С одной стороны, мы наблюдаем вытягивание дешевой рабочей силы из сегментов, занятых структурной и циклической безработицей, что позволя-

ет оплачивать их, хотя и значительно ниже минимальной заработной платы (см.: Г. Стендинг [18]). С другой стороны, та же самая схема позволяет использовать неоплачиваемый труд от ряда участников, часть из которых высокообразованны и квалифицированы, предлагая участникам вместо денежного эмоциональное вознаграждение в виде, например, сопричастности к становлению новых технологий или отнесения к «прогрессивному» классу (см.: Х. Р. Экбиа, Б. А. Нарди [12]). Таким образом, гетероматизированные системы, принося выгоду предприятиям, скрывают асимметричные трудовые отношения, в которых выгода для капиталиста значительно больше, чем для работника. При этом можно подчеркнуть, что существенной характеристикой гетеромации является то, что кто-то (как правило, капиталист) извлекает сверхвыгоду, или дополнительную выгоду, из труда других.

Основоположником изучения гетероматизированного труда можно считать Герберта Саймона, который, изучая вопросы экономики, психологии, искусственный интеллект, менеджмент и науку принятия решений, в первые дни цифровых технологий утверждал, что «в ближайшем будущем — гораздо менее двадцати пяти лет — мы будем обладать технической способностью заменять машинами любую человеческую функцию» (см.: Г. Саймон [15]). Этот взгляд был основан на убеждении, что «компьютеры смогут выполнить любую когнитивную задачу, которую может выполнить человек» (см.: Г. Саймон [16]). Видение Саймона, которое характеризовалось как технологически радикальное, но традиционное в социальном и экономическом отношении, пока не материализовалось, но массовое привлечение людей на службу машинам, заставляющим их работать, — это реальность (см.: Г. Саймон [17]). Конечно, в ряде вопросов разделение труда между людьми и машинами основано на том, что свойственно каждому из них: познавательная функция, в которой компьютер превосходит человека, закрепляется за цифровой средой, а социальная, творческая и коммуникативная функция — за человеком. Социальный робот PARO, например, предоставляет объекты стимуляции для больных с диагнозом Альцгеймера, но он не может функционировать без посредничества профессиональных и семейных опекунов (см.: Р. Н. Ланглуа [13]).

В результате именно когнитивная работа является объектом перемещения при распределении функций между людьми и компьютерами, особенно по мере того, как последние приобретают новые способности. Например, платформа TextBroker нанимает

работников, пишущих простые тексты, за минимальную плату, но машины учатся очень хорошо выполнять ту же задачу, используя структуру ранее написанных людьми текстов, что вытесняет человека даже за рамки творческого процесса (см.: Т. Теранова [19]). В результате уникальной творческой функцией человека остается только целеполагание, или «объектное ориентирование», согласно теории деятельности Л. С. Выготского. Это делает его интересным для экономики в качестве рабочей силы и потребителя (см.: Дж. Бенигер [6]). По отношению к развитию автоматических систем и современным процессам гетеромации, когда в широком смысле машины ничего не делают сами, пока их не запустит человек, после того как человек их придумал, спроектировал и построил, это позволяет закрепить за человеком ведущие позиции — функции инициатора или творца. Но сложность заключается в том, что, как говорилось ранее, это закрепление носит разовый характер и большая масса человеческого общества формирует гетероматизированную рабочую силу, состоящую из армии безработных, занятых на неполный рабочий день или домашних работников, которые ищут доход, выполняя задачи, которые машины могут выполнить, но с помощью более дорогостоящего, чем человеческий труд, программирования. Например, распознавание изображений для Amazon Mechanical Turk. Другая форма гетеромации — это такая работа, которую мы выполняем в системах «самообслуживания». Они эффективны и выгодны для торговых предприятий, банков или страховых компаний, но не с точки зрения качества предоставляемых услуг и оплаты трудового фактора. В результате можно выделить две группы гетероматизированных технологий, которые либо фрагментируют людей внутренне (например, личное здоровье), либо суммируют их как предметы в рамках общей логики взаимодействия (например, компьютерная игра).

Частично экономическая сущность гетеромации была рассмотрена в работе по «обратному инструментированию», в которой авторы наблюдали, что «некоторые большие, сложные технологии... перешли к стратегическому включению людей в технологические системы, чтобы позволить системам функционировать по назначению» (см.: Р. Андре, Х. Чанг, Дж. Ким и др. [5]). На основе этого можно рассмотреть такой пример гетеромации, как видеогри и личные медицинские записи как продукт человеческого труда. Например, сложные видеогри, как правило, предоставляют мало или вообще не предоставляют никакой подготовки и докумен-

тации для пользователя. И все же игроки вовлекаются в них, при этом пробел в обучении заполняется самими игроками, которые пишут руководства, создают видеоролики на YouTube, заполняют форумы полезной информацией и предоставляют множество форм неформального обучения, получая за это в основном неденежное, эмоциональное вознаграждение (см. Б. А. Нарди [14]). В результате гетеромацию можно понимать, как численный механизм извлечения экономической ценности из разнообразных форм человеческого труда с помощью всеохватывающей логики, активного вовлечения труда и его невидимого контроля. Эти три ключевых атрибута гетеромации: включение, участие и невидимость — делают ее одновременно новаторской, мощной и опасной. Особенно с учетом того, что в основе гетероматизированной работы используются потоки личных данных, которые мы генерируем и которые могут быть, с одной стороны, ценны для рекламы, страховщиков, здравоохранения, правительства, а с другой — и для менее уважаемых видов деятельности, таких как взлом банковских счетов, шантаж и вымогательство на основе кражи личных данных и многие другие.

Запутанная история цифровых технологий и социально-экономического роста последних десятилетий показывает, как технологические инновации изменили значимость человеческого труда, переопределив механизмы извлечения его ценности на каждом этапе. Новые технологии приводят к автоматизации, которая, в свою очередь, стимулирует гетеромацию, которая приводит к значительному перераспределению трудовых функций и добавленной стоимости. Например, потоки данных и сетевая инфраструктура, автоматизирующие бухгалтерский учет, банковское дело и финансовые операции, избавляют людей от трудоемких и повторяющихся расчетов, а также освобождают банковскую отрасль от заработной платы, пособий и других затрат на рабочую силу. В свою очередь эти же технологии и инфраструктура делают возможным внедрение банкоматов, онлайн-сервисов и банков самообслуживания (личных кабинетов), которые обязательны для клиента и требуют его участия в их работе в качестве «случайного» работника.

Основное утверждение, которое можно сформулировать по результатам рассмотрения различных взглядов на развитие цифровой промышленной среды, состоит в том, что гетеромация — это новый инструмент концентрации капитала. С одной стороны, понятие гетеромации согласуется с подходом «торговой цепи», производственной

интеграции и кооперации, который описан в трудах И. Валлерстайна о рабочих, потребительских и производственных процессах в глобальной экономике (см.: И. Валлерстайн [20]). Этот же подход получил дальнейшее развитие в работах, в которых «цепочка создания стоимости», глубоко укоренившаяся в экономических работах с 1980-х гг., суммирует экономическую ценность (см.: О. Каттанео, Г. Геретфи, С. Стариц [8]). При этом гетеромация связана с «постоянной перекомпоновкой трудовых факторов в процессе капиталистического накопления». Таким образом, гетеромация, как форма оцифрованного труда, интегрируется в марксистскую теорию в двух аспектах: классовая структура капиталистической экономики и человеческий труд как источник ценности (см.: Х. Р. Экбиа [9]).

Во-первых, нынешний капитализм, как и все его предыдущие формы, связан с классовым обществом. Хотя классовые структуры прошли огромный эволюционный путь от семейных предприятий до мощных корпораций и монополистических картелей. Сегодня они стали гораздо более динамичными, во многом воплощенными в глобальных сетях цифрового посредничества. Сети олицетворяют классовые образования современного капитализма. Одно из основных последствий этого изменения — то, что капитализм является инклюзивным, а не эксклюзивным, формируя ценность за счет участия значительной части населения в неоплачиваемом, бесплатном или низкооплачиваемом труде. Во-вторых, если обычный наемный труд был и остается основным источником создания стоимости капитализма, то этот принцип оставался неизменным только «для обеспечения и сокрытия извлечения прибавочной стоимости» (см.: М. Буравой [7]). Методы извлечения ценности изменились со временем. Историческая тенденция капитала состояла в использовании более косвенных и дискретных форм контроля, позволяющих одновременно маскировать и расширять круг тех, чьим трудом обеспечиваются. Гетеромация конкретизирует эту тенденцию, выявляя малоразли-

чимые механизмы извлечения ценности. Несмотря на свою невероятную повсеместность, гетеромация не заменяет и не противоречит тем формам извлечения ценности, которые были выделены теориями Маркса о наемном труде. Гетеромация и эксплуатация, в марксистском смысле этого слова, представляют собой две отдельные формы извлечения стоимости в рамках современного капитализма. Гетеромация предполагает свободный или минимальный труд, а не наемный труд с его классическими контрактными классовыми отношениями между рабочими и собственниками.

С одной стороны, можно осуждать негативную и принудительную угрозу эксплуатации в новых технологиях неоплаченного труда, но, с другой стороны, нельзя не подчеркнуть значимость этих технологий для повышения качества жизни. Именно для решения этой проблемы необходимо дальнейшее изучение понятия гетеромации. Таким образом, концепция гетеромации представляет определенный баланс между этими двумя воззрениями. Во-первых, это отдает должное трудовому интеллекту и творчеству растущего числа людей, которые производят ценность в современной экономике, но при этом получают мало или вообще не получают дохода, признания или выгоды от своего труда. Во-вторых, подтверждает силу цифровых технологий и значимость их потенциала для социально-экономических, культурных, политических изменений при сохранении доминирующего положения человека. В-третьих, обеспечивает удовлетворительное понимание социокультурных механизмов, которые приводят к участию и вовлечению, но в то же время скрывают тонкие основные методы контроля и даже принуждения в повседневной жизни. В-четвертых, гетеромация позволяет понять социальные и экономические аспекты проблем, с которыми мы сталкиваемся, ориентируясь в современной жизни, как на личном, так и на коллективном уровне, что делает актуальным дальнейшее всестороннее рассмотрение вопросов гетеромации.

Список литературы

1. Добровольский И. П., Сорокин Д. А. Производство моторного биотоплива как инновационный способ преодоления последствий гиперконцентрации капитала предприятий топливно-энергетического комплекса // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3. С. 197—205.
2. Драчук П. Э., Сорокин, Д. А. Технология как объект исторического и политэкономического анализа // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2. С. 21—33.
3. Капкаев Ю. Ш., Сорокин, Д. А. Суверенитет интересов миноритарного инвестора в корпоративной среде крупных собственников // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7. С. 133—140.

4. Kapkaev I., Sorokin D., Leshinina V. Information Opacity and Investment Attractiveness of Enterprises // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production. FarEastCon. 2018. Vol. 138.
5. André P., Zhang H., Kim J., Chilton L., Dow S., Miller R. Community clustering: Leveraging an academic crowd to form coherent conference sessions // First AAAI Conference on Human Computation and Crowdsourcing. 2003. URL: <http://www.aaai.org/ocs/index.php/HCOMP/HCOMP13/paper/view/7512> (дата обращения 01.11.2020).
6. Beniger J. The control revolution: Technological and economic origins of the information society. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.
7. Burawoy M. Manufacturing Consent: Changes in the Labour Process under Monopoly Capitalism. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
8. Cattaneo O., Gereffi G., Staritz C. Global value chains in a post-crisis world: a development perspective // The International Bank for Reconstruction and Development. Washington, 2010.
9. Ekbia H. R. Artificial dreams: The quest for non-biological intelligence. New York: Cambridge University Press, 2008.
10. Ekbia H. R., Nardi B. A. Inverse Instrumentality: How Technologies Objectify Patients and Players // Materiality and Organizing: Social Interaction in a Technological World. 2012. URL: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199664054.001.0001/acprof-9780199664054-chapter-8> (дата обращения 01.11.2020).
11. Ekbia H. R., Nardi B. A. Heteromation and its (dis)contents: The invisible division of labor between humans and machines // First Monday. 2014. Vol. 19.
12. Ekbia H. R., Nardi B. A. Heteromation // Multitudes. 2018. Vol. 70. P. 112—121.
13. Langlois R. N. Cognitive comparative advantage and the organization of work: Lessons from Herbert Simon's vision of the future // Journal of Economic Psychology. 2003. Vol. 24. P. 167—187. URL: <http://www.elsevier.com/locate/joepr> (дата обращения 01.11.2020).
14. Nardi B. A. My life as a Night Elf Priest: An anthropological account of world of Warcraft. 2010. URL: <http://muse.jhu.edu/books/9780472026715> (дата обращения 01.11.2020).
15. Simon H. A. The new science of management decision. New York: Harper, 1960.
16. Simon H. A. The organization of complex systems // Hierarchy theory: The challenge of complex systems. New York: Braziller, 1973. P. 3—27.
17. Simon H. A. Rational decision-making in business organizations // Nobel Memorial Lecture. 1978. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1978/simon-lecture.pdf (дата обращения 01.11.2020).
18. Standing G. The precariat: The new dangerous class. London: Bloomsbury Academic, 2011.
19. Terranova T. Free labor: Producing culture for the digital economy // Electronic Book Review. 2003. URL: <http://www.electronicbookreview.com/thread/technocapitalism/voluntary> (дата обращения 01.11.2020).
20. Wallerstein I. Historical capitalism. London: Verso, 1983. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000475254/ (дата обращения 01.11.2020).

Сведения об авторе

Сорокин Дмитрий Алексеевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. r90r@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 177—183.

HETEROMATION AS A FORM OF CAPITAL CONCENTRATION IN THE NEW ECONOMIC REALITY

D. A. Sorokin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. r90r@mail.ru

The article considers and defines such a manifestation of automation and digitalization of industrial production processes, which are a condition and factor of capital concentration, as heteromation, which is defined as the division of labor between people and computer systems. The relevance of the direction chosen for the review is determined

by the fact that the relationship between people and computers has cognitive, technical and social aspects, but they also have a great economic significance, which is often lost in discussions about technology and ethics. However, the current economic conditions associated with economic restrictions of an epidemiological nature significantly exacerbate the problem of the relationship between «machine» and «man» in the production process, while showing its economic essence and emphasizing the need for a comprehensive analysis. The article reviews the views of domestic and foreign scientists on the issues of automation of production, the demand for labor as a factor of production, and also identifies the difficulties that arise in the process of displacing labor from production processes.

Keywords: *heteromation, the concentration of production, production automation, digitalisation of the economy.*

References

1. Dobrovolsky I. P., Sorokin D. A. (2019) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 197—205 [in Russ.].
2. Drachuk P. E., Sorokin D. A. (2020) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 21—33 [in Russ.].
3. Kapkaev I. Sh, Sorokin D. A. (2018) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7, pp. 133—140 [in Russ.].
4. Kapkaev I., Sorokin D., Leshinina V. (2018) *Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production. FarEastCon*, no. 138.
5. André P., Zhang H., Kim J., Chilton L., Dow S., Miller R. (2003) *First AAAI Conference on Human Computation and Crowdsourcing*. Available at: <http://www.aaai.org/ocs/index.php/HCOMP/HCOMP13/paper/view/7512>, accessed 01.11.2020.
6. Beniger J. (1986) *The control revolution: Technological and economic origins of the information society*. Cambridge, Mass., Harvard University Press.
7. Burawoy M. (1979) *Manufacturing Consent: Changes in the Labour Process under Monopoly Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Cattaneo O., Gereffi G., Staritz C. (2010) *The International Bank for Reconstruction and Development*. Washington.
9. Ekbia H. R. (2008) *Artificial dreams: The quest for non-biological intelligence*. New York: Cambridge University Press.
10. Ekbia H.R, Nardi B. A. (2012) *Materiality and Organizing: Social Interaction in a Technological World*. Available at: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199664054.001.0001/acprof-9780199664054-chapter-8>, accessed 01.11.2020.
11. Ekbia H. R., Nardi B. A. (2014) *First Monday*, no. 19.
12. Ekbia H. R., Nardi B. A. (2018) *Multitudes*, no. 70, pp. 112—121.
13. Langlois R. N. (2003) *Journal of Economic Psychology*, no. 24, pp. 167—187. Available at: <http://www.elsevier.com/locate/joep>, accessed 01.11.2020.
14. Nardi B. A. (2010) *My life as a Night Elf Priest: An anthropological account of world of warcraft*. Available at: <http://muse.jhu.edu/books/9780472026715>, accessed 01.11.2020.
15. Simon H. A. (1960) *The new science of management decision*. New York, Harper.
16. Simon H. A. (1973) *Hierarchy theory: The challenge of complex systems*, New York: Braziller. Pp. 3—27.
17. Simon H. A. (1978) Nobel Memorial Lecture, 8 December. Available at: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1978/simon-lecture.pdf, accessed 01.11.2020.
18. Standing G. (2011) *The precariat: The new dangerous class*. London, Bloomsbury Academic.
19. Terranova T. (2003) *Electronic Book Review*, 20 June. Available at: <http://www.electronicbookreview.com/thread/technocapitalism/voluntary>, accessed 01.11.2020.
20. Wallerstein I. (1983) *Historical capitalism*. London: Verso. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000475254/, accessed 01.11.2020.

РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИИ 4.0

М. В. Подшивалова, Д. В. Подшивалов

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Представлена попытка идентификации перспектив внедрения передовых технологий в отечественной маломасштабной промышленности. Методологической базой исследования стали новейшая концепция четвертой промышленной революции — Индустрия 4.0 и теории постиндустриального общества. Авторами идентифицирована специфика отечественных малых предприятий промышленности. Исследованы современные тренды внедрения цифровых технологий маломасштабной промышленностью европейских стран. Основные результаты работы заключаются в том, что авторами выявлены особенности перехода на «цифру» европейскими малыми производителями, которые могут быть экстраполированы на российскую бизнес-практику, а также обозначены проблемы, с которыми могут столкнуться отечественные малые производители в ближайшей перспективе при внедрении Индустрии 4.0. С теоретической точки зрения, полученные результаты значимы для развития методологии внедрения концепции Индустрии 4.0 в секторе малых промышленных предприятий. Практическая значимость связана с задачами формирования адекватных инструментов государственной поддержки этих процессов.

Ключевые слова: *малый бизнес, малая промышленность, Индустрия 4.0, цифровизация, малые промышленные предприятия.*

Главный вопрос исследования, который поставили перед собой авторы, заключается в изучении специфики внедрения технологий Индустрии 4.0 на малых промышленных предприятиях (МПП) России. Ответ на этот вопрос затрагивает необходимость понимания и того, что они представляют собой для отечественной маломасштабной промышленности: угрозу или возможности выхода на новый уровень развития? Научным объектом исследования стал сектор малых предприятий промышленности (обозначаемый в рамках статьи синонимом «маломасштабная промышленность») как сектор, имеющий, по мнению Правительства РФ, существенное значение для реализации основных стратегических задач — активизации импортозамещения и институциональных преобразований в экономике.

При этом в отношении маломасштабной промышленности сегодня наблюдается явное противоречие между ее высокой востребованностью для структурных преобразований в экономике и дефицитом теоретико-методологических разработок, направленных на изучение специфики и сложностей развития этих форм производства в цифровых условиях. Сегодня можно отметить постепенный рост интереса к специфике развития МПП не только в РФ, но и в странах Европейского Союза, поскольку число эмпирических исследований по данной

тематике хотя и незначительно, но увеличивается с каждым годом. При этом азиатские авторы осваивают эту тему более активно. Данная работа отражает попытку авторов восполнить образовавшийся пробел в отношении отечественного малого предпринимательства. Целью исследования стала идентификация специфики внедрения цифровых технологий в рамках Индустрии 4.0 малыми производителями России. Мы поставили следующие задачи для достижения указанной цели: идентифицировать специфику МПП России, современные тренды и особенности внедрения цифровых технологий на данных видах производств в развитых странах и на основании этого определить ключевые проблемы перехода на «цифру» для отечественных малых производителей.

Финансовое состояние и специфика малых промышленных предприятий России

Передовые производственные технологии сопряжены прежде всего с обрабатывающей промышленностью, в силу чего мы уделили основное внимание в исследовании именно этому типу МПП. Согласно данным Росстата¹, структура обрабатывающих от-

¹ Малое и среднее предпринимательство в России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359; дата обращения 04.06.2020).

раслей маломасштабной промышленности России выглядит следующим образом: малые предприятия наиболее развиты в металлургическом производстве, производстве и ремонте машин и оборудования, пищевой промышленности, производстве неметаллической минеральной продукции, а также в обработке древесины.

Абсолютное большинство малых производителей сегодня имеют неустойчивое финансовое состояние и низкую инвестиционную активность, о чем свидетельствуют данные Росстата. Значения индикаторов финансового состояния МПП также подтверждают вывод о недоступности для этого сектора роста, основанного на инвестициях в расширение производств. Так, рентабельность активов МПП варьировалась в диапазоне 3—6%, что в 2 раза ниже ставок по кредитам, предлагаемым банками субъектам МСП, по данным РА «Эксперт», несмотря на их положительную динамику. Следует отметить, что среди кредитного портфеля МСП лишь 12% приходится на малые предприятия обрабатывающих отраслей, что на фоне их более высокой фондоемкости, означает меньшую доступность кредитов.

На фоне финансовой ограниченности развитие МПП тормозит ненадежность связей с контрагентами. По замерам консорциума GEM установление контактов у предпринимателей России происходит значительно труднее, чем в остальных странах¹. Однако малые предприниматели обрабатывающих отраслей, по данным «Опоры России», считают, что поиск поставщиков оборудования, комплектующих и бизнес-услуг для них не затруднен. По мнению самих предпринимателей, основная проблема в отношениях с контрагентами — это слабый механизм защиты их интересов при нарушении договорных условий². Деловые связи как фактор стоимости бизнеса отмечали 64% респондентов [4]. По данным более поздних опросов, 76% россиян полагают, что без нали-

чия таких связей организовать бизнес в России невозможно³.

Нехватка квалифицированного персонала — другая проблема малых производителей. По данным «Опоры России» доступность производственного персонала остается крайне низкой. Лишь каждая третья компания не испытывает существенных проблем с поиском квалифицированных инженеров и технических специалистов, и лишь каждая пятая малая производственная фирма относительно легко может подобрать для себя квалифицированных рабочих. Наиболее популярный источник пополнения кадров для владельцев малых предприятий — ближайшее окружение (знакомые, родственники, бывшие коллеги). Ярмарки вакансий используются ими достаточно редко [1].

Таким образом, многолетние исследования авторов [2; 3; 7], данные эмпирических работ [1; 5; 6; 8—11] и субъективной статистики⁴ сектора МПП в РФ позволяют нам идентифицировать современную специфику отечественных маломасштабных производств следующим образом:

1. В целом консервативная политика финансирования, ориентированная прежде всего на самофинансирование, средства учредителей и бесплатный заемный капитал в форме коммерческого кредита.
2. Высокая значимость наличия персонифицированных деловых связей для поддержания стабильности бизнеса и возможностей его развития.
3. Страх публичности, отказ от получения государственной помощи и кредитов банков из-за необходимости представления финансовой отчетности и дополнительной информации о бизнесе,

¹ Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2013 г.» в рамках проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor, GEM) (http://www.gsom.spbu.ru/images/cms/data/faculty/gem_2013_final20_all.pdf; дата обращения 6 ноября 2019 г.)

² «Опора России», Евразийский институт по конкурентоспособности, Strategy Partners Group. 2012. Предпринимательский климат в России: Индекс ОПОРЫ — 2012 г. Москва. 162 с. (<http://opora.ru/analytics/analiticheskie-materialy/predprinimatelskiy-klimat-v-rossii-indeks-opory-2012/>; дата обращения 6 ноября 2019 г.)

³ Инновационный и предпринимательский потенциал общества. 2012 г. «Левада Центр» по заказу Центра макроэкономических исследований (https://www.sbrf.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/2012/1/IRPS.pdf; дата обращения 10 мая 2020 г.)

⁴ «Опора России». 2008 г. Развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России «Индекс ОПОРЫ», 2007—2008 гг. Москва. 72 с. URL: <https://rcsme.ru/ru/library/show/4940/> (дата обращения 6 ноября 2019 г.); «Опора России», Евразийский институт по конкурентоспособности, Strategy Partners Group. 2012 г. Предпринимательский климат в России: Индекс ОПОРЫ — 2012 г. Москва. 162 с. (<http://opora.ru/analytics/analiticheskie-materialy/predprinimatelskiy-klimat-v-rossii-indeks-opory-2012/>; дата обращения 6 ноября 2019 г.); Аналитический центр НАФИ. 2016 г. Малое и среднее предпринимательство в России. Социология. Статистика. Публикации. № 4. Москва. 48 с. (<https://nafi.ru/analytics/otraslevoy-obzor-maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-rossii/>; дата обращения 10 ноября 2019 г.)

что приводит к потерям выгод от нахождения «в тени».

4. Активное использование неформальных рынков труда и капитала.

5. Высокий уровень недобросовестной конкуренции в отношении малых производителей, блокирование входа на новые рынки, связанное с нарушениями антимонопольного законодательства.

6. Нехватка квалифицированного персонала, в частности технических специалистов. Это связано в том числе с низкой конкурентоспособностью малых предприятий в качестве работодателей. Средняя заработная плата на этих предприятиях, как правило, в два раза ниже, чем на крупных, ниже социальная защищенность и соблюдение норм трудового законодательства. Все это приводит к более высокой текучести кадров на малых предприятиях.

7. Низкая доступность производственных помещений и земельных участков.

8. Кроме того, основная часть проблем, связанных с нехваткой финансирования и высоким налоговым бременем, на наш взгляд, производна от проблемы низкого спроса на продукцию МПП.

Таким образом, предстоящий переход на технологии Индустрии 4.0 будет реализовываться в маломасштабной промышленности России в рамках серьезных эндогенных и экзогенных ограничений этого сектора.

Умные производства в условиях Индустрии 4.0

Мы изучили полезность и преимущества новых технологий для малых производителей.

По мнению немецких исследователей [28], Индустрия 4.0 имеет три ключевые особенности: а) высокая цифровизация процессов, прежде всего производственных; б) умное производство с функциями самоконтроля; в) межкорпоративные связи между поставщиками и потребителями внутри одной цепочки создания ценности. Перечень продукции, при производстве которой успешно внедряются технологии нового поколения, сегодня довольно широк: авиадвигатели, электродвигатели, ветрогенераторы, станочное оборудование, аккумуляторы, редукторы, подшипники, электронасосы, а также индустриальные роботы [25]. Отметим, что среди обрабатывающих производств России, в которых, с одной стороны, распространены малые предприятия, а с другой — будут наиболее востребованы новые технологии, следует признать отрасль электрооборудования, включающую такие

виды деятельности, как производство компьютеров, электронных и оптических изделий, производство электрического оборудования (коды 26—27 по ОКВЭД-2). Однако это не означает, что такие традиционные для МПП отрасли, как производство пищевых продуктов, машин и оборудования, металлургия, не имеют возможности извлекать выгоду от внедрения технологий Индустрии 4.0. Как известно, киберфизические системы (CPS), на которых основаны новые технологии, достаточно универсальны. Встраивание таких систем в производственный процесс компании означает, что оборудование оснащается специальными сенсорными датчиками, антеннами, портами, микропроцессорами, программным обеспечением, которые позволяют осуществлять сбор данных и их анализ. В целом такие машины и продукты, основанные на CPS-технологиях, позволяют сопровождать физические процессы виртуальными (цифровыми). Кроме того, они могут быть реализованы в различных видах продукции, производственного оборудования, сетях поставщиков, приводя в итоге к созданию ценности в режиме реального времени.

Внедрение виртуальных процессов позволяет осуществлять взаимодействие как между оборудованием, так и между человеком и оборудованием, реализовывать автономное принятие решений. Очевидно, что основное назначение Индустрии 4.0 — трансформировать производство товаров и услуг таким образом, чтобы оно стало более эффективным. Задача эта решается сегодня в том числе путем обеспечения менеджмента информацией об эффективности использования оборудования. По мнению ряда исследователей, Индустрия 4.0 — это новый подход к производству [31], позволяющий принимать более точные управленческие решения [22].

Отличительные признаки производств на базе Индустрии 4.0 заключаются в том, что сенсоры, контроллеры и сетевые производственные системы становятся теперь источниками сбора данных, предоставляющими новые возможности. Так, в рамках Индустрии 4.0 сенсоры позволяют предсказывать оставшийся срок годности комплектующих, контроллеры — своевременный мониторинг состояния оборудования, а производственные системы в целом будут обладать высокой производительностью из-за отсутствия проблем, связанных с конфигурацией, техобслуживанием и организацией [25]. Однако, как отмечают эксперты, само по себе наличие датчиков и интеграции оборудования не дает полезного эффекта. Важно, чтобы нужная информация по-

ступала в нужное время и соответствовала поставленным целям. Для этого информационные системы Индустрии 4.0 усиливаются так называемыми 6С-системами: Connection (сенсоры и датчики); Cloud (данные по запросу); Cyber (память и модели); Content (смысловое содержание и взаимосвязи); Community (взаимодействие и совместное пользование); Customization (персонализация и ценность).

С финансовой точки зрения отличительной чертой затрат на внедрение технологий, основанных на киберфизических системах, является наличие затрат на защиту данных (шифрование, контроль доступа, системы авторизации, носители данных), а также расходы на программное обеспечение. С точки зрения риск-менеджмента при внедрении новых технологий проблематичным является использование технологий передачи риска — страхование от киберпреступлений. Сектор киберстрахования на российском страховом рынке сегодня находится в начальной стадии¹, в то время как в США — в стадии активного роста. Отсутствием конкуренции (перечень страховщиков киберрисков существенно ограничен) объясняется незначительный набор страховых инструментов и высокая стоимость услуг.

Особенности внедрения Индустрии 4.0 маломасштабной промышленностью

Флагманами в вопросах внедрения новых, передовых технологий сегодня являются США, Германия, Китай². К сожалению, России приходится пока выступать в роли догоняющего. Мы предприняли попытку оценить специфические особенности маломасштабных производств в контексте Индустрии 4.0, опираясь на исследования прежде всего зарубежных авторов, поскольку в отечественной научной литературе подобных эмпирических исследований просто нет. Отметим, что работы, посвященные трудностям внедрения технологий Индустрии 4.0 европейскими МПП, незначительны числом [15; 21; 23; 25; 27; 28; 30; 32]. В итоге мы отобрали те из особенностей МПП, внедряющих передовые технологии, которые могут быть экстраполированы на российскую действительность:

¹ Страховщики РФ ждут роста киберстрахования, развитие сегмента тормозит низкий спрос и отсутствие законодательной базы (<http://www.finmarket.ru/insurance/?nt=1&id=5068604>; дата обращения 10 мая 2020 г.).

² The World Economic Forum. Networked Readiness Index (<http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/networked-readiness-index/>; дата обращения 10 мая 2020 г.).

1) МПП имеют более низкий уровень цифровизации (внедрение ERP-систем), чем крупные организации, что, в свою очередь, влияет на внедрение киберфизических систем (CPS) в этом секторе промышленности; в частности, многие из МПП не готовы к управлению большими данными из-за отсутствия интеллектуальных аналитических инструментов.

2) Многие МПП работают на нишевых рынках, предлагая продукцию в малых партиях или на заказ, при этом ими используются базовые версии оборудования, типичного для крупных производств.

3) Осведомленность МПП об основных возможностях Индустрии 4.0 гораздо ниже, чем среди крупных организаций. Это является одной из причин неуспеха при внедрении новых технологий. МПП, как правило, испытывают недостаток оперативной, точной и постоянной информации о производственных ресурсах, что затрудняет для них оценку собственной производительности и, как следствие, осознание необходимости внедрения Индустрии 4.0. С одной стороны, ограниченность финансовых и трудовых ресурсов, свойственная малым предприятиям как таковым, препятствует их выходу за пределы текущих производственных возможностей, в силу чего МПП слабо интересуются технологиями будущего. Так, согласно опросам [28], в Германии 38% МПП не проявляют никакого интереса к технологиям Индустрии 4.0. С другой стороны, можно резюмировать более высокую вовлеченность в процесс «перехода на цифру» малых производителей Германии, так как оставшаяся часть опрошенных находится на различных стадиях внедрения этой концепции. Согласно недавним опросам британских МПП [27], большинство из них высказали желание перейти на новые технологии. Отметим, что соотношение между заинтересованными и незаинтересованными в цифровизации МПП, безусловно, существенно зависит от отраслевой и страновой принадлежности бизнеса, но мы выделяем сам факт существования подобной диверсификации как естественный закон развития.

4) МПП, как правило, имеют единственную бизнес-модель в отличие от крупных организаций, реализующих несколько моделей одновременно, поэтому изменения бизнес-модели затрагивают всю компанию в целом. В свою очередь это позволяет принимать более точные решения, связанные с изменениями в процессах создания ценности, предложения и ее удержания.

5) Для МПП Индустрия 4.0 — это скорее комплекс адаптационных решений, чем реальная революция в производстве, как это наблюдается в отношении крупных компаний. Кроме того, МПП свойственно придерживаться консервативной инвестиционной стратегии и избегать технологий с неопределенными и рискованными результатами.

6) МПП нуждаются в дополнительных мерах поддержки со стороны государственных институтов в вопросах финансовых и технологических аспектов внедрения CPS-технологий.

7) Малые производители в большей мере опираются на квалификацию своего производственного персонала, чем крупные компании с высоким уровнем автоматизации процессов. При этом МПП более ориентированы на выпускников учреждений среднего профессионального образования, как на поставщика трудовых ресурсов.

Есть ли у МПП России предпосылки развития в направлении, способствующем получению выгод от внедрения Индустрии 4.0? Для ответа на этот вопрос мы систематизировали опыт европейских

малых производителей и сопоставили его с особенностями развития МПП в России (см. таблицу).

Как видно из таблицы, семь ключевых аспектов опыта внедрения Индустрии 4.0 МПП европейских стран связаны с широким перечнем управленческих задач и затрагивают все традиционные сферы менеджмента: финансы, кадры, логистику, производство, маркетинг и риски. В целом можно резюмировать, что сегодня МПП России имеют больше преград, чем возможностей для внедрения передовых технологий. По всем рассмотренным аспектам видно, что в краткосрочном периоде Индустрия 4.0 — это прежде всего высокозатратная стратегия развития, требующая новых знаний и навыков, а в долгосрочном — ее следует признать неизбежным фактором развития, без учета которого невозможно будет повышение конкурентоспособности.

Эти выводы вполне коррелируют с позицией субъектов малого предпринимательства промышленности ведущих европейских стран. Так, согласно опросам [27; 28], многие из них воспринимают Индустрию 4.0 в краткосрочном периоде скорее

Сравнительный анализ российской и европейской специфики малых промышленных предприятий

Аспекты Индустрии 4.0	Опыт МПП Европы	Специфика МПП России
Объем инвестиций в технологии	Высокий уровень инвестиционных затрат на формирование парка оборудования и его ИТ-инфраструктуру, включая затраты на организацию сбора данных на протяжении всего жизненного цикла продукции и их последующий анализ	По данным Росстата ¹ , каждое третье МПП испытывает недостаток финансовых ресурсов для инвестиционной деятельности. Лишь 16% малых фирм направляют свои инвестиции на автоматизацию и механизацию производственного процесса, а 10% — на внедрение новых технологий. Индекс предпринимательской уверенности в обрабатывающей маломасштабной промышленности находится в отрицательной зоне последние 10 лет
Безопасность данных	Высокие риски утечки информации и вероятности сбоя производства извне из-за высокой информационной прозрачности бизнеса. В частности, Индустрия 4.0 способна предоставить потребителям беспрецедентный доступ к информации каждого этапа производства заказанной продукции в режиме реального времени	Большинство крупных российских промышленных компаний тратят на информационную безопасность менее 50 млн руб. в год ² . При этом специализированные инструменты обеспечения безопасности используются достаточно редко (в пределах не более 20% опрошенных). Логично предположить, что в силу указанной специфики МПП их затраты на обеспечение кибербезопасности крайне скудны
Высококвалифицированные кадры и обучение персонала	Высокие затраты на обучение персонала, потребность в высококвалифицированных кадрах, включая управленческое звено. Требуются новые навыки устранения сбоев в умном производстве. При этом CPS могут заменить нехватку лишь низкоквалифицированных кадров. Значимость экспертных знаний существенно повышается	Каждое четвертое МПП, по данным Росстата, испытывает недостаток высококвалифицированных кадров. Кроме того, в России в среде малого бизнеса доля затрат на обучение персонала значительно ниже, чем в целом по экономике. По данным опросов МПП, считают затраты на обучение персонала чрезмерно высокими [1]

Окончание таблицы

Аспекты Индустрии 4.0	Опыт МПП Европы	Специфика МПП России
Отношения с клиентами	Автоматизированные онлайн-платформы упрощают контакт с потребителями и размещение ими заказов, но открытость данных может привести к деградации клиентской базы из-за переключения покупателей на более выгодные предложения конкурентов	CRM-системы и новое поколение маркетинговых систем CDP достаточно затратны для МПП. Так, система CRM обходится от 50 тыс. до 2 млн руб. в месяц, стоимость системы DMP составляет от 250 тыс. до 2 млн руб. в месяц. Платформа CDP будет стоить от 1,5 млн руб. ³
Состояние имеющегося парка оборудования	Неравномерность изношенности и уровня автоматизации оборудования создает дополнительные трудности по внедрению	По данным Росстата ⁴ , изношенность машин и оборудования в обрабатывающей промышленности в целом достигает 60%. При этом в секторе МПП ситуация лучше — 40% компаний работают на оборудовании «не самом современном, однако используемом в мире достаточно широко». И еще 26% использует «самое современное оборудование». ⁵ По итогам сплошного обследования МПП 2015 г. ⁶ , степень износа в основных отраслях этого сектора варьируется от 36 до 45%
Стандартизация	Крайне важно наличие единых национальных стандартов, например, в сфере электронного обмена данными (EDI)	В 2019 г. техническим комитетом «Киберфизические системы» при Росстандарте разработан проект национального стандарта (ПНСТ) «Информационные технологии. Интернет вещей. Протокол обмена для высокоскоростных сетей с большим радиусом действия и низким энергопотреблением», который получил высокую оценку международных экспертов. Планируются дальнейшая разработка и принятие национальных стандартов
Размер партии	Малый размер партии может стать препятствием к внедрению Индустрии 4.0, особенно при внедрении умного производства из-за низкой производительности в расчете на одну производственную линию	Это позволит снять внедрение аддитивных технологий, для которых минимально допустимый размер партии — одна единица. В РФ аддитивные технологии способны импортозаместить продукцию, которая импортируется из других стран. Пока в РФ 3D-печать используют ювелирные предприятия, медучреждения, а также предприятия ВПК ⁷

Источник: составлено автором на основе анализа [12—20; 24; 26; 29].

¹ Малое и среднее предпринимательство в России URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (дата обращения 04.06.2020).

² Кибербезопасность 2019—2020. URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-2019-2020/?sphrase_id=73163 (дата обращения 02 февраля 2020).

³ Что такое CDP URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/marketing/2019/05/20/272116.phtml> (дата обращения 02.02.2020 г.).

⁴ Малое и среднее предпринимательство в России URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (дата обращения 04.06.2020);

⁵ «Опора России», Евразийский институт по конкурентоспособности. URL: <http://opora.ru/analytics/analiticheskie-materialy/predprinimatelskiy-klimat-v-rossii-indeks-opory-2012/> (дата обращения 6 ноября 2019 г.).

⁶ Итоги сплошного обследования субъектов МСП. Степень износа основных фондов по видам экономической деятельности. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/7-mp.htm (дата обращения 04 июня 2020 г.).

⁷ Секреты трехмерного бизнеса: реальный объем рынка 3D-принтеров может оказаться выше номинального. URL: https://www.dp.ru/a/2018/06/12/Trehmernij_biznes (дата обращения 02 февраля 2020 г.).

как опасность, чем возможность успешного развития. При этом долгосрочные перспективы этого феномена для большинства малых предприятий положительны с точки зрения эффективности производства. При этом немецкие специалисты отмечают важность поддержки кооперации МПП с научными организациями и компаниями-партнерами, а также облегченного для них доступа к опыту внедрения Индустрии 4.0 на специальных интернет-платформах.

Заключение

Мы полагаем, что ответом на поставленный в начале исследования вопрос все же стоит признать факт угрозы стабильности развития МПП в России в большей мере, чем возможностей получения выгод от внедрения Индустрии 4.0. Резюмируя вышеизложенные рассуждения, можно с достаточной степенью уверенности утверждать следующее:

1) Все традиционные отрасли МПП могут быть признаны привлекательными с точки зрения получения выгод от внедрения цифровых технологий, но в первую очередь это касается отраслей производства электрооборудования, машин и оборудования.

2) Ограниченность финансовых ресурсов, с одной стороны, и существенная изношенность основных фондов МПП — с другой, повышают актуальность задач поиска приемлемых источников финансирования для обновления производственных мощностей. В данном случае существенно возрастает роль государственных институтов как главной инфраструктуры поддержки.

3) Следует ожидать, что первыми перейти на технологии Индустрии 4.0 будут вынуждены МПП, которые являются участниками цепей поставок крупных холдинговых структур. Этот шаг окажется для них скорее вынужденным, чем осознанным, поскольку в противном случае они рискуют потерять наиболее значимых для бизнеса клиентов.

4) На фоне выявленных экзогенных и эндогенных ограничений преимуществом МПП по-прежнему остается гибкость принимаемых решений и высокая способность адаптации к изменениям рыночной конъюнктуры.

5) Высокие киберриски МПП в случае отсутствия развитых механизмов их передачи окажутся запредельными и послужат ключевым фактором отказа от инвестиций в технологии Индустрии 4.0.

6) Без решения хронических проблем сектора МПП, среди которых ограниченность квалифицированных кадров, финансовых ресурсов и спроса, перспективы внедрения передовых технологий остаются прерогативой только отдельно взятых малых производителей, аффилированных с корпорациями с государственным участием.

В качестве направлений дальнейших исследований следует обозначить задачи поиска наилучших институциональных форм перехода к технологиям Индустрии 4.0 маломасштабной промышленности, учитывающих специфику и проблемы развития малых производств. Кроме того, встает проблема формирования государственной программы с адекватным инструментарием прямой и косвенной поддержки процессов перехода на «цифру» в этом секторе экономики.

Список литературы

1. Баева О. Н., Хлебович Д. И. Обучение персонала в малом бизнесе: проблемы и возможные решения (мнение предпринимателей) // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15, № 12. С. 123—134.
2. Вайсман Е. Д., Подшивалова М. В. Малые промышленные предприятия России в современных условиях // Научные исследования и разработки. Экономика. 2016. Т. 4, № 1. С. 18—28.
3. Вайсман Е. Д., Подшивалова М. В. Управление малыми промышленными предприятиями в условиях нарастания конкуренции // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. 2018. Т. 12, № 1. С. 80—88.
4. Долгопятова Т. Г. Институциональное развитие сектора малого бизнеса в российской экономике // Экономическая наука современной России. 1999. № 3. С. 49—63.
5. Манухина А. В. Статистический анализ состояния и перспектив развития малого предпринимательства в регионах Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. 195 с.
6. Минеева В. М. Цифровизация предпринимательских структур как основа их конкурентоспособности // Путеводитель предпринимателя. 2019. № 42. С. 143—150.
7. Подшивалова М. В., Подшивалов Д. В. Институциональная среда малых промышленных предприятий России: монография. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 109 с.

8. Пятков А. Н., Кельчевская Н. Р. Контроллинг как система повышения результативности промышленных организаций малого бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2017. № 6 (83). С. 929—933.
9. Ходов Л. О. О структуре малого бизнеса и особенностях его мотивации // Вопросы экономики. 2002. № 7. С. 147—151.
10. Шеховцов А. Законодательство и развитие малого бизнеса в регионах // Вопросы экономики. 2001. № 4. С. 84—91.
11. Шлычков В. В., Нестулаева Д. Р., Алафузов И. Г. Малый бизнес о векторе социально-экономического развития экономики России: взгляд из региона // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 97—102.
12. Barkhatov V. I., Kampa A., Pletnev D. A. The impact of internet-technologies development on small business success in Russia // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2018. Vol. 238. P. 552—561.
13. Bouwman H., Nikou S., Reuver M. Digitalization, business models, and SMEs: How do business model innovation practices improve performance of digitalizing SMEs? Telecommunications Policy. 2019. Vol. 43, iss. 9. P. 1—18.
14. Cordes C., Richerson P., McElreath R., Strimling P. How does opportunistic behavior influence firm size? An evolutionary approach to organizational behavior // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7, iss. 01. P. 1—21.
15. Davis J., Edgar T., Porter J., Bernaden J., Sarli M. Smart manufacturing, manufacturing intelligence and demand-dynamic performance // Computers & Chemical Engineering. 2012. Vol. 47. P. 145—156.
16. Freel M. S. Patterns of innovation and skills in small firms // Technovation. 2005. Vol. 25. P. 123—134.
17. Freitas R., Chamy P., Dumith C. R. Institutional design of small-scale fisheries in marine protected areas applied to sustainable territorial development on the Brazilian coast // Ocean & Coastal Management. 2017. Vol. 139. P. 92—101.
18. Gao Y. Institutional Environment and MNEs' strategy in transitional China // Managing Global Transitions. 2008. Vol. 6, iss. 1. P. 5—21.
19. Golovko E., Valentini G. Exploring the complementarity between innovation and export for SMEs' growth // Journal of International Business Studies. 2011. Vol. 42 (3). P. 362—380.
20. Hartkamp D., Zalewska-kurek K., Loohuis R., Haaker T. Business Model Innovation for SMEs. 2017. 84 p. URL: https://essay.utwente.nl/72936/1/Hartkamp_MA_BMS.pdf. (дата обращения 22.10.2020).
21. Hirsch-Kreinsen H. Digitization of industrial work: Development paths and prospects // Journal for Labour Market Research. 2016. Vol. 49 (1). P. 1—14.
22. Kang H. S., Lee J. Y., Choi S., Kim H., Park J. H., Son J. Y., Kim B. H., Noh S. D. Smart manufacturing: past research, present findings, and future directions // International Journal of Precision Engineering and Manufacturing — Green Technology. 2016. 3 (1). P. 111—128.
23. Kowalkowski C., Witell L., Gustafsson A. Any way goes: identifying value constellations for service infusion in SMEs // Industrial Marketing Management. 2013. Vol. 42 (1). P. 18—30.
24. Lee Y., Shin J., Park Y. The changing pattern of SME's innovativeness through business model globalization // Technological Forecasting & Social Change. 2012. Vol. 79 (5). P. 832—842.
25. Lee J., Bagheri B., Kao H-A. Recent Advances and Trends of Cyber-Physical Systems and Big Data Analytics in Industrial Informatics // Proceeding of International Conference on Industrial Informatics (INDIN). 2014. URL: <https://www.researchgate.net/publication/266375284> (дата обращения 22.10.2020).
26. Liu Y., Ndubisi N. O., Liu Y., Barrane F. Z. New product development and sustainable performance of Chinese SMMEs: The role of dynamic capability and intra-national environmental forces // International Journal of Production Economics, 230. 2020.
27. Masood T., Sonntag P. Industry 4.0: Adoption challenges and benefits for SMEs // Computers in Industry. 2020. Vol. 121.
28. Müller J. M., Buliga O, Voigt K. Fortune favors the prepared: How SMEs approach business model innovations in Industry 4.0 // Technological Forecasting & Social Change. 2018. Vol. 132. P. 2—17.
29. Prashar A., Sunder V. M. A bibliometric and content analysis of sustainable development in small and medium-sized enterprises // Journal of Cleaner Production, 2451. 2020.
30. Shin S.-J., Woo J., Rachuri S. Predictive analytics model for power consumption in manufacturing // Procedia CIRP. 2014. Vol. 15. P. 153—158.

31. Veza, I., Mladineo, M., Gjeldum, N. Managing innovative production network of smart factories // IFAC-Papers OnLine. 2015. Vol. 48 (3). P. 555—560.
32. Zhang Y., Zhang G., Wang J., Sun S., Si S., Yang T. Real-time information capturing and integration framework of the internet of manufacturing things // International Journal of Computer Integrated Manufacturing. 2014. Vol. 28 (8). P. 811—822.

Сведения об авторах

Подшивалова Мария Владимировна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансовых технологий Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. podshivalovamv@susu.ru

Подшивалов Дмитрий Викторович — кандидат экономических наук, доцент кафедры современных образовательных технологий Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. poshivalovdv@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 184—193.*

DEVELOPMENT OF SMALL INDUSTRIAL ENTERPRISES IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF INDUSTRY 4.0

M. V. Podshivalova

South Ural State University, Russia. Chelyabinsk. podshivalovamv@susu.ru

D. V. Podshivalov

South Ural State University, Russia. Chelyabinsk. podshivalovdv@susu.ru

The paper presents an attempt to identify the prospects for the introduction of advanced technologies in the domestic small-scale industry. The research methodological basis is the latest concept of the fourth industrial revolution-Industry 4.0 and post-industrial society theory. The authors identified the specifics of domestic small industrial enterprises. Modern trends in the introduction of digital technologies by small-scale industry in European countries have been studied. The main work results are that the authors identified digitalization features of European small producers, which can be extrapolated to Russian business practices, and also identified the problems that domestic small producers may face in the near future when implementing Industry 4.0. On the theoretical side the research results matter for methodology of implementing Industry 4.0 in the sector of small industrial enterprises. Practical significance of the results is associated with forming adequate tools for state support of these processes.

Keywords: *small business, small industry, Industry 4.0, digitalization, small industrial enterprises.*

References

1. Baeva O. N., Hlebovich D. I. (2014) *Russian business*, vol. 15, no. 12, pp. 123—134 [in Russ.].
2. Vaisman E. D., Podshivalova M. V. (2016) *Research and development. Economics*, vol. 4, no. 1, pp. 18—28 [in Russ.].
3. Vaisman E. D., Podshivalova M. V. (2018) *Vestnik YUUrGU. Seriya Ekonomika i menedzhment*, vol. 12, no. 1, pp. 80—88 [in Russ.].
4. Dolgopyatova T. G. (1999) *Economic science of modern Russia*, no. 3, pp. 49—63 [in Russ.].
5. Manukhina A. V. (2012) *Statisticheskiy analiz sostoyaniya i perspektiv razvitiya malogo biznesa v regionakh Rossiyskoy Federatsii* [Statistical analysis of the state and development prospects of small business in the regions of the Russian Federation]. Moscow. 195 p. [in Russ.].
6. Mineeva V. M. (2019) *Cifrovizacija predprinimatel'skih struktur kak osnova ih konkurentosposobnosti* [Digitalization of business structures as the basis for their competitiveness], no. 42, pp. 143—150 [in Russ.].
7. Podshivalova M. V., Podshivalov D. V. (2019) *Institucional'naya sreda malyh promyshlennykh predpriyatij Rossii: monografiya*. [Institutional environment of small industrial enterprises in Russia: monograph]. Chelyabinsk, 2019. 109 p. [in Russ.].

8. Pyatkov A. N., Kelchevskaya N. R. (2017) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 6 (83), pp. 929—933 [in Russ.].
9. Hodov L. (2002) *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 147—151 [in Russ.].
10. Shekhovtsov A. (2001) *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 84—91 [in Russ.].
11. Shlychkov V., Nestulaeva D., Alafuzov I. (2015) *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, no. 2, pp. 97—102 [in Russ.].
12. Barkhatov V. I., Kampa A., Pletnev D. A. (2018) *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, vol. 238, pp. 552—561.
13. Bouwman H., Nikou S., Reuver M. (2019). *Telecommunications Policy*, vol. 43, no. 9, pp. 1—18.
14. Cordes C, Richerson P., McElreath R., Strimling P. (2011) *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, iss. 01, pp. 1—21.
15. Davis J., Edgar T., Porter J., Bernaden J., Sarli M. (2012). *Computers & Chemical Engineering*, 47, pp. 145—156.
16. Freel M. S. (2005) *Technovation*, vol. 25, pp. 123—134.
17. Freitas R., Chamy P., Dumith C. R. (2017) *Ocean & Coastal Management*, 139, pp. 92—101.
18. Gao Y. (2008) *Managing Global Transitions*, vol. 6, no. 1, pp. 5—21.
19. Golovko E., Valentini G. (2011) *Journal of International Business Studies*, vol. 42 (3), pp. 362—380.
20. Hartkamp D., Zalewskakurek K., Loohuis R., Haaker T. (2017) *Business Model Innovation for SMEs*. 84 p. Available at: https://essay.utwente.nl/72936/1/Hartkamp_MA_BMS.pdf (accessed 22.10.2020).
21. Hirsch-Kreinsen H. (2016). *Journal for Labour Market Research*, 49 (1), pp. 1—14.
22. Kang H. S., Lee J. Y., Choi S., Kim H., Park J. H., Son J. Y., Kim B. H., Noh S. D. (2016) *International Journal of Precision Engineering and Manufacturing — Green Technology*, 3 (1), pp. 111—128.
23. Kowalkowski C., Witell L., Gustafsson A. (2013) *Industrial Marketing Management*. 42 (1), pp. 18—30.
24. Lee Y., Shin J., Park Y. (2012) *Technological Forecasting & Social Change*, vol. 79 (5), pp. 832—842.
25. Lee J., Bagheri B., Kao H-A. (2014) *Proceeding of Int. Conference on Industrial Informatics (INDIN)*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/266375284> (accessed 22.10.2020).
26. Liu Y., Ndubisi N. O., Liu Y., Barrane F. Z. (2020) *International Journal of Production Economics*, 230.
27. Masood T., Sonntag P. (2020) *Computers in Industry*, vol. 121.
28. Müller J. M., Buliga O, Voigt K. (2018) *Technological Forecasting & Social Change*, 132, pp. 2—17.
29. Prashar A., Sunder V. M. (2020) *Journal of Cleaner Production*.
30. Shin S.-J., Woo J., Rachuri S. (2014) *Procedia CIRP*, 15, pp. 153—158.
31. Veza I., Mladineo M., Gjeldum N. (2015) *IFAC-Papers OnLine*, 48 (3), pp. 555—560.
32. Zhang Y., Zhang G., Wang J., Sun S., Si S., Yang T. (2014) *International Journal of Computer Integrated Manufacturing*, 28 (8), pp. 811—822.

ИННОВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ТУРБУЛЕНТНЫХ УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

И. В. Лаврентьева¹, О. С. Буторина¹, Ю. Ш. Капкаев², Д. С. Руденко²

¹ Челябинский филиал Российской академии наук народного хозяйства и государственной службы,
Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

На современном этапе развития экономики воспроизводство человеческих ресурсов — наиглавнейшая задача. Проблема поиска и разработки моделей, стимулирующих расширенное воспроизводство будущей рабочей силы, становится все более актуальной. Обосновывается тезис об устаревшей методологии решения задач по воспроизводству человеческих ресурсов. Предлагается решение актуальных задач по расширенному воспроизводственному циклу через первый и второй контуры управления. В статье определена необходимость перехода на второй контур управления. Авторами предложены адаптивные к современным требованиям механизмы и инструменты для реализации расширенного воспроизводства ЧР. Предложены три инновационные модели воспроизводства человеческих ресурсов в турбулентных условиях внешней среды и разработаны четыре авторские программы, гарантирующие переход из суженного воспроизводства человеческих ресурсов к расширенному.

Ключевые слова: *включенность родительского труда в национальную экономику, воспроизводственный цикл человеческих ресурсов, управленческие механизмы и контуры, инновационные модели воспроизводственного процесса.*

На сегодняшний день насущные вопросы реализации стратегии информационного, цифрового общества требуют глубокого осмысления воспроизводства человеческих ресурсов [1; 14]. В условиях рыночной экономики ученые подчеркивают важность человеческих ресурсов для экономического роста, так как именно они являются основой конкурентного и устойчивого развития национальной экономики [2]. Воспроизводство человеческих ресурсов усугубляется увеличением нагрузки на работающее население, снижением коэффициента рождаемости, старением населения, увеличением коэффициента смертности, возникновением пандемии [3]. Проблема поиска и разработки моделей, стимулирующих расширенное воспроизводство будущей рабочей силы, становится все более актуальной.

На государственном уровне стоит множество задач по стабилизации воспроизводственного цикла человеческих ресурсов. Правительством Российской Федерации разработаны национальные проекты, включающие в себя такие проекты как: «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Производительность труда и поддержка занятости» и т. д. [4].

Меры государственные поддержки рождаемости, а именно: увеличение материнского капитала

на второго ребенка, материнский капитал на первого ребенка, ситуативные детские пособия в условиях пандемии, пособия нуждающимся и другие — носят ситуативный характер управления и решают сиюминутные задачи по воспроизводственным процессам. Однако эти меры не помогают достичь максимально удовлетворительного уровня по воспроизводству человеческих ресурсов и не гарантируют достижения целевых показателей поставленных национальных проектов [5]. Расчетные прогнозы показывают усугубление проблемы рождаемости, о чем свидетельствуют расчеты показателя коэффициента «жизненность» (показатели Панкратова) на прогнозируемый период (рис. 1), а также не позволяют выйти на целевые показатели коэффициента рождаемости до 1,8 [3].

Ситуация усложняется новыми сигналами внешней среды, требующими адаптации воспроизводственного процесса. Помимо того что сдвинулся срок вступления в материнство, опросы общественного мнения подтверждают, что 40% женщин фертильного возраста не хотят рожать детей [6].

Для того чтобы достичь поставленных целей по воспроизводственному процессу человеческих ресурсов, необходима разработка альтернативных подходов [7]. Практика управленческой деятельнос-

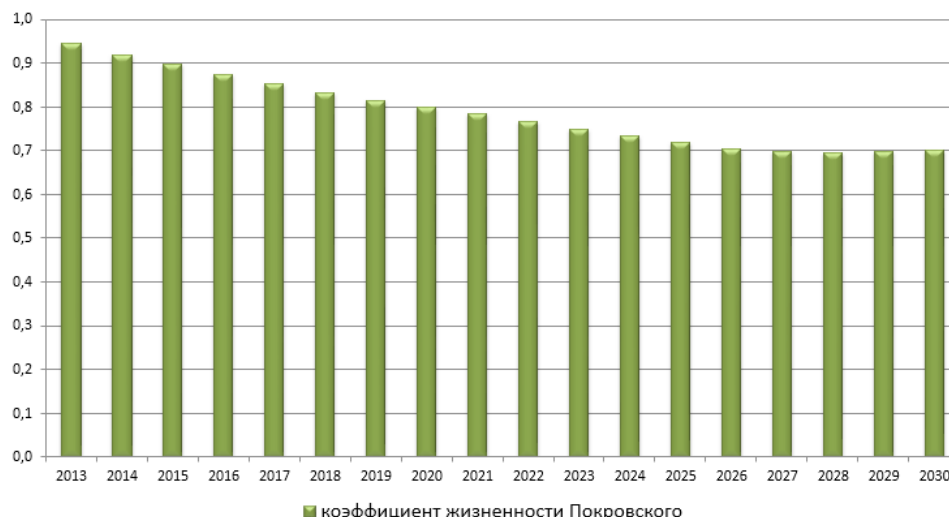

Рис. 1. Коэффициент жизненности по Челябинской области (прогноз)
Составлен авторами.

ти показывает тот факт, что в решении этой проблемы все усилия сосредоточены только на тактике. Понять причину такого положения дел поможет обращение к классике управления, а именно работы Н. Винера [8]. Для решения управленческих задач предлагается два контура управления, позволяющих достичь поставленных целей (рис. 2).

Первый контур субъект-объектных отношений включается при стабильных сигналах внешней среды и, как правило, присутствует программа действий по выполнению поставленных задач. Так было при стабильной внешней среде в условиях плановой экономики. Резкое изменение внешней среды 30 лет назад и переход на рыночную

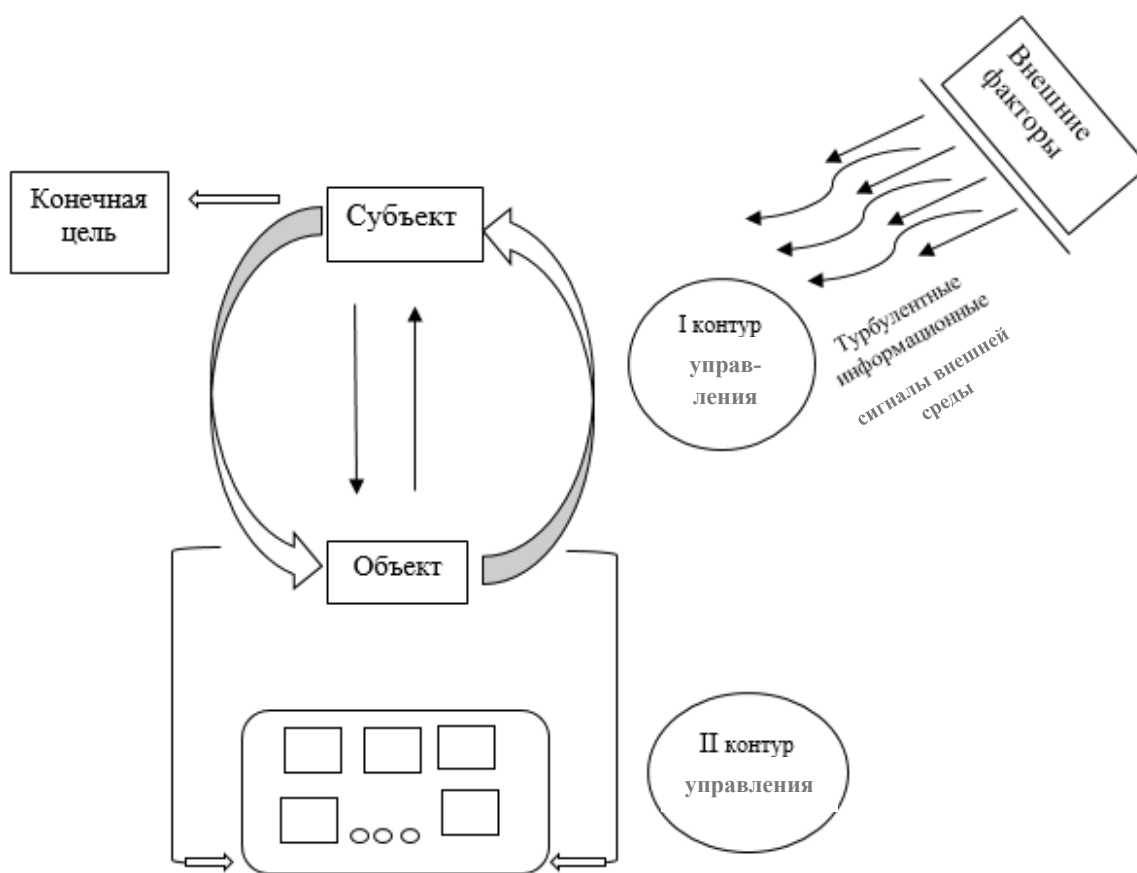

Рис. 2. Схема управленческих задач по Н. Винеру
Составлен авторами.

экономику вынуждает систему управления для достижения поставленных целей использовать многообразные (в отличие от первого контура управления) действия, заключенные в специальные программы. Основная причина управленческих действия первого и второго контура — адекватная реакция субъекта управления на стабильные или турбулентные сигналы внешней среды. Принципиальное различие первого и второго контура управления заключается в количестве накопленных управленческих программ, влияющих на многообразное изменение условий внешней среды. Гарантия достижения целей состоит в различных вариантах применения тезауруса управленческих программ, весь континуум в котором консолидирует как прошлый управленческий опыт отечественного и зарубежного управления, так и новые сгенерированные программные действия.

Анализ реализации управленческих решений по изменению ситуации воспроизводственного цикла человеческих ресурсов свидетельствует о том, что преимущественно большая часть из них реализуется в первом контуре управления [9]. К ним относятся текущие модели, используемые во всем мире, включающие в первую очередь социальную помощь семьям и вспоможение одиноким лицам, воспитывающим детей дошкольного возраста. Если задача воспроизводственного цикла будет происходить в стабильной среде — включается первый контур управления. Если же возникает задача по расширенному производству человеческих ресурсов в турбулентной среде — включается второй контур управления. Игнорирование адекватного соответствия информационных сигналов внешней среды и выбора контура управления снижает в большой степени вероятность достижения целей, которые стоят перед системой управления [10].

Можно с уверенностью сказать, что реализация управленческих решений правительственных программ по воспроизводству человеческих ресурсов большей частью реализуется в первом контуре управления. Новые управленческие вызовы решаются старыми управленческими структурами, методами и инструментарием.

Все вышесказанное требует разработки новой методологии воспроизводства человеческих ресурсов, основополагающим принципом которого является включение родительского труда в национальную экономику России, как условие расширенного производства человеческих ресурсов [11; 12]. Учет родительского труда в системе национального счетоводства, предание ему юридического статуса,

введение стажа за этот труд и оплата родительского труда — основополагающие принципы методологии, гарантирующие расширенное воспроизводство человеческих ресурсов (рис. 3).

Для выполнения поставленных стратегических задач, включая рост народонаселения, российскому правительству необходимо сформировать основанные на фактических данных инновационные модели воспроизводства человеческих ресурсов, реализуемые во втором контуре управления.

Авторами предлагаются разработанные инновационные модели интеграции родительского труда в национальную экономику. Новые модели включают в себя все движущие силы, способствующие решению задач расширенного воспроизводства человеческих ресурсов: институт родительства, образование, здравоохранение, культура, бизнес-сообщества [13].

Новые модели представлены как набор механизмов и инструментов, обеспечивающих стимулирование оплачиваемого родительского труда и его интеграцию в национальную финансовую систему, а также гибкую реакцию бизнес-сообщества на потребности работников, имеющих несовершеннолетних детей. Ниже представлены инновационные модели интеграции родительского труда в реальный сектор экономики. Они охватывают ранний детский и дошкольный возраст. Данные модели носят системный характер и комплексно охватывают весь воспроизводственный цикл:

1) модель тотального включения (рис. 4); репродуктивный труд полностью интегрирован в экономику; родители, воспитывающие дошкольников, получают финансовую компенсацию своих репродуктивных затрат; другими словами, репродуктивный труд становится оплачиваемой работой с зарплатой;

2) модель частичного включения; в рамках этой модели родителю предоставляется хорошо оборудованное рабочее место с компьютером, чтобы он или она могли продолжить образование или работать дома, воспитывая детей;

3) модель расширенной социальной помощи; работникам с детьми и семейными обязанностями уделяется приоритетное внимание при повышении квалификации, переподготовке, продвижении по службе и улучшении жилищных условий.

Для реализации данных моделей возможны следующие программы:

1) Программа всемерной поддержки, работников с семейными обязанностями при активной включенности бизнес-сообщества. Целевая

Рис.4. Модель тотального включения

Составлен авторами.

аудитория — работники с семейными обязанностями (PCO) — работники, выполняющие обязанности в отношении «находящихся на иждивении несовершеннолетних детей» и «других ближайших родственников — членов семьи, которые действительно нуждаются в уходе или помощи». Решаемая проблема: гармонизация социально-трудовых отношений формирование защитных механизмов для работников с семейными обязанностями, которые несут двойное бремя — они включены в продуктивный и родительский труд. В стратегическом плане обеспечит восстановление износа человеческих ресурсов PCO предприятия через разработку подпрограмм, создающих преференции и льготы для работников с семейными обязанностями. Результат — перспективное замещение ныне работающего поколения родителей поколением их детей.

2) Программа поддержки отцовства, требующая новых форматов в отношении института отцовства в России. Состояние института отцовства в России свидетельствует о снижении роли и авторитета отца

в современных семьях; неравные права отца и матери в получении и реализации средств материнского (семейного) капитала; отсутствие поддержки молодых отцов со стороны работодателей, в ряде случаев и их дискриминация; снижение ответственности многих мужчин в функциях развития и воспитания детей. Кроме того, продолжительность жизни мужчин, меньше, чем женщин. Больше 70% смертей в трудоспособном возрасте — это мужчины. Совершенствование механизмов поддержки отцовства должно осуществляться в реализации модели развития института отцовства в решении задачи расширенного воспроизводства человеческих ресурсов.

3) Программа интеграции родительского труда в информационное пространство. При возмущающих воздействиях внешней среды (приоритеты демографии и семьи, расширенного воспроизводства человеческих ресурсов) ответные информационные сигналы достаточно слабы и носят линейный, а не системный принцип решения задач информационного сопровождения данной пробле-

матики. Данная модель предлагает стратегическое и тактическое решения проблемы интеграции родительского труда в информационное пространство с применением концепции «мягкой силы» в решении проблемы создания положительного информационного поля.

4) Программа института профессионального родительства, целью которого предлагается формирование родительской компетенции. Существующее противоречие между невозможностью получения образцов поведения «родительства» в семье в силу кризиса института семьи и настоятельной потребностью и спросом на такого рода образовательную услугу обусловило необходимость разработки вышеназванной модели путем комплексной и системной просветительской работы посредством

накопления знаний, навыков и умений по реализации родительского труда и закрепления семейных ценностей, гарантирующих высокий уровень родительской компетенции.

Реагирование на турбулентные сигналы внешней среды может расширять этот список моделей. Вышеперечисленные модели, требующие немедленного решения для исправления ситуации в воспроизводственном цикле человеческих ресурсов, гарантируют повышение эффективности.

Таким образом, переход с I контура при разработке и реализации новых программ II контура гарантирует эффективное управление и достижение целевых показателей системы управления воспроизводственного цикла человеческих ресурсов.

Список литературы

1. Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Развитие теории человеческого капитала в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). С. 38—43.
2. Плетнев Д. А. Трудная судьба российских быстрорастущих компаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 132—139.
3. Epshteyn N., Karmanov M., Smelov P., Egorova E., Prokhorov P. Statistical analysis of Russian demographic security // SGEM 2016, BK 2: political sciences, law, finance, economics and tourism conference proceedings, IV. 2016. Pp. 633—640.
4. Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения 06.10.2020).
5. Angelov N., Johansson P., Lindahl E. Parenthood and the Gender Gap in Pay // Journal of labor economics. 2016. vol. 34. pp. 545—579.
6. Сёмин К. «Галопам по Европам» URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5065822/post461170672/> (дата обращения 06.10.2020).
7. Zakharov A., Kozlov V., Shamin A., Sysoeva Y. The Impact of Motivation on Labor Resources Reproduction // Integrated science in digital age. 2020. Vol. 78. Pp. 3—10.
8. Винер Н. Кибернетика и общество. Тайдекс Ко, 2003.
9. Лаврентьева И. В., Внуковская Т. Н. Риски репродуктивного труда и ценность человеческих ресурсов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 345.
10. Lavrentieva I., Ryazantseva O., Voronina S., Dolinskaia A. Theory and practice of regulation of reproductive (parental) labor in maintaining the balance of family and work behavior // Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018: Innovation management and education excellence through vision 2020. 2018. Pp. 4043—4051.
11. Лопатина И. Ю., Ларионова Д. О. Управление воспроизводством человеческих ресурсов на региональном уровне // Сфера услуг: инновации и качество. 2019. № 43. С. 70—81.
12. Цикин А. М. Направления трансформации воспроизводственного процесса в современной российской экономике // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2020. Т. 22. № 2. С. 17—27.
13. Илышев А. М., Лаврентьева И. В. Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России: монография. М., 2005.
14. Varnavskii V. G. Drivers of global economy // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. Vol. 64. Pp. 5—16.

Сведения об авторах

Лаврентьева Ирина Викторовна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента Челябинского филиала Российской академии наук народного хозяйства и государственной службы, Челябинск, Россия. astralavr@mail.ru

Буторина Ольга Сергеевна — кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Челябинского филиала Российской академии наук народного хозяйства и государственной службы, Челябинск, Россия. bos@mail.ru

Капкаев Юнер Шамильевич — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zam@csu.ru

Руденко Дарья Сергеевна — аспирантка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. eds@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 194—201.*

INNOVATIVE MODELS OF HUMAN RESOURCES REPRODUCTION UNDER TURBULENT EXTERNAL CONDITIONS

I. V. Lavrentyeva

*Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of Sciences of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk, Russia. astralavr@mail.ru*

O. S. Butorina

*Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of Sciences of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk, Russia. bos@mail.ru*

Yu. Sh. Kapkaev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zam@csu.ru

D. S. Rudenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. eds@csu.ru

At the present stage of economic development, the reproduction of human resources is the most important task. The problem of finding and developing models that stimulate the expanded reproduction of the future labor force is becoming more and more urgent. The thesis about an outdated methodology for solving problems of reproduction of human resources is substantiated. The solution of urgent tasks for an extended reproduction cycle through the first and second control loops is proposed. The article identifies the need to switch to the second control loop. The authors have proposed mechanisms and tools adaptive to modern requirements for the implementation of expanded reproduction of the CR. Three innovative models of reproduction of human resources in turbulent conditions of the external environment have been proposed and four author's programs have been developed that guarantee the transition from a narrowed reproduction of human resources to an expanded one.

Keywords: *the involvement of parental labor in the national economy, the reproduction cycle of human resources, management mechanisms and contours, innovative models of the reproduction process.*

Reference

1. Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. (2020) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, vol. 6 (440), pp. 38—43 [in Russ].
2. Pletnev D. A. (2019) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, vol. 3 (425), pp. 132—139 [in Russ.].
3. Epshteyn N., Karmanov M., Smelov P., Egorova E., Prokhorov P. (2016) *SGEM 2016, BK 2: political sciences, law, finance, economics and tourism conference proceedings, IV*. 2016. Pp. 633—640.
4. *Government of the Russian Federatio*, available at: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (accessed 06.10.2020) [in Russ.].

5. Angelov N., Johansson P., Lindahl E. (2016) *Journal of labor economics*, vol. 34. pp. 545—579.
6. Semin K. «Gallop across Europe». Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/5065822/post461170672/>, accessed 06.10.2020 [in Russ.].
7. Zakharov A., Kozlov V., Shamin A., Sysoeva Y. (2020) *Integrated science in digital age*, vol. 78, pp. 3—10.
8. Viner N. (2003) *Cybernetics and Society*. Tydex Co. [in Russ.].
9. Lavrentieva I. V., Vnukovskaya T. N. (2014) *Modern problems of science and education*, no. 3 [in Russ.].
10. Lavrentieva I., Ryazantseva O., Voronina S., Dolinskaia A. (2018) *Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018: Innovation management and education excellence through vision 2020*. Pp. 4043—4051.
11. Lopatina I. Yu., Larionova D. O. (2019) *Service industry: innovation and quality*, no. 43, pp. 70—81 [in Russ.].
12. Tsikin A. M. (2020) *Bulletin of the Volgograd State University. Economy*, vol. 22, no. 2, pp. 17—27 [in Russ.].
13. Ilyshev A. M., Lavrentyeva I. V. (2005) *Strategiya vklyucheniya reproduktivnogo truda v ekonomiku Rossii* [Strategy for the inclusion of reproductive labor in the Russian economy]. Moscow [in Russ.].
14. Varnavskii V. G. (2020) *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, pp. 5—16.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

К. А. Санникова, Е. К. Торосян

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

Инвестиционная деятельность играет существенную роль в функционировании экономики и развитии каждой отдельной организации. В статье представлен анализ инвестиционных вложений российских компаний, а именно: динамика и структура инвестиций, источники финансирования и цели инвестирования, классификация российских организаций по уровню инвестиционной активности, основные сдерживающие факторы для реализации инвестиционной деятельности, прогноз инвестиционной активности организаций на ближайшие три года. Кроме того, отдельное внимание уделяется структуре инвестиций по субъектам РФ и инструментам, способствующим росту инвестиционных вложений в регионах. Необходимо предпринять ряд мер как со стороны государства, так и со стороны организаций для ускорения роста инвестиций. Проведенный анализ может использоваться в последующих исследованиях в качестве сравнения в динамике за ряд лет.

Ключевые слова: *инвестиционная активность, инвестиции в основной капитал, финансовые вложения организаций, инвестиционная деятельность российских организаций, инвестиционная привлекательность регионов.*

Под инвестиционной активностью понимается результат взаимодействия двух ключевых параметров: возможности инвестирования и вероятности достижения целей инвестирования, которые, в свою очередь, тесно взаимосвязаны с внутренними факторами (в частности, с потенциалом субъекта инвестирования) и внешними факторами (с возможностями и угрозами рынка). Повышение инвестиционной активности обеспечивает устойчивый экономический рост страны, способствует росту уровня конкурентоспособности и эффективности предприятий в долгосрочной перспективе [9. С. 78].

Принимая во внимание высокую значимость развития инвестиционной деятельности организаций для всех субъектов рынка, целью данного исследования авторы поставили детальную характеристику и анализ инвестиционной активности российских организаций. В частности, для более глубокого понимания состояния инвестиционной деятельности в России в статье представлены динамика и структура инвестиционных вложений организаций в разрезе отраслей и регионов, их источники и цели, а также основные сдерживающие факторы для реализации инвестиционной деятельности. Немаловажной является также оценка прогноза инвестиционной активности организаций на ближайшие несколько лет, а также классификации российских организаций по уровню инвестиционной активности.

На основании исследований Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), Росстата и других можно утверждать, что снижение инвестиционной активности российских организаций, начавшееся в 2014 г., протянулось до 2016 г. Данный процесс исследователи [Там же] охарактеризовали как стагнационный; он был сопряжен со снижением величины платежеспособного спроса, увеличением производственных затрат и ухудшением деловой активности на рынке. С 2016 г. ситуация начинает стабилизироваться, инвестиции в основной капитал ежегодно растут (рис. 1).

В I квартале 2020 г. годовой темп прироста инвестиций в основной капитал снизился — с 2,3 % I квартала 2019 г. до 1,2%. Замедление роста было обусловлено усилением неопределенности в условиях введения ограничительных мер по сдерживанию пандемии коронавируса, а также ослаблением курса рубля. По оценке ЦМАКП, в начале 2020 г. слабый восстановительный рост инвестиционной активности продолжился (после декабря 2019 г.). Прирост предложения инвестиционных товаров составил 0,3 % к декабрю (сезонность устранена), или 3,5 % в годовом выражении [12]. Поддержку инвестиционной активности оказала активизация капитальных расходов федерального бюджета, направленных в том числе на реализацию национальных проектов.

По состоянию на май 2020 г. инвестиционная активность промышленных предприятий России характеризуется стадией «выживания». Падение

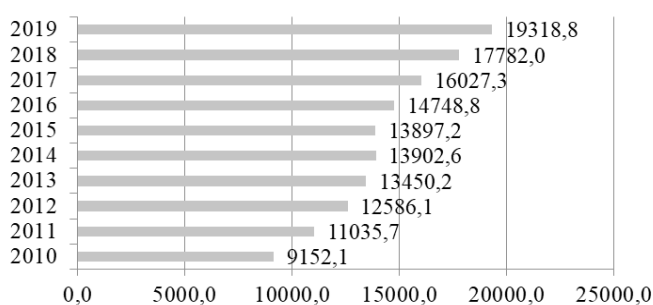

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал, млрд руб.

Источник: составлено авторами на основании [11. С. 198].

инвестиций в 2020 г. будет весьма сильным (спад в 2020 г. может составить более 25%), как за счет дефицита ресурсов, так и вследствие отсутствия понятных среднесрочных перспектив для бизнеса (рис. 2). Соответственно, прирост инвестиций в последующие годы (существенно опережающий ВВП: в 2023 г. до 5,5—5,8%) едва перекрывает их спад в 2020 г. [4].

Сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка в стране и кризис на внешнем рынке приведут к продолжающемуся кризису инвестиций в основной капитал (в особенности это касается частных инвестиций). В отличие от оптимистичного в базисном сценарии кризисный период в инвестициях не восстанавливается в последующие годы (прирост в 2021 г.: 2,7—3,0%, в 2022 г.: 4,2—4,5%) [4].

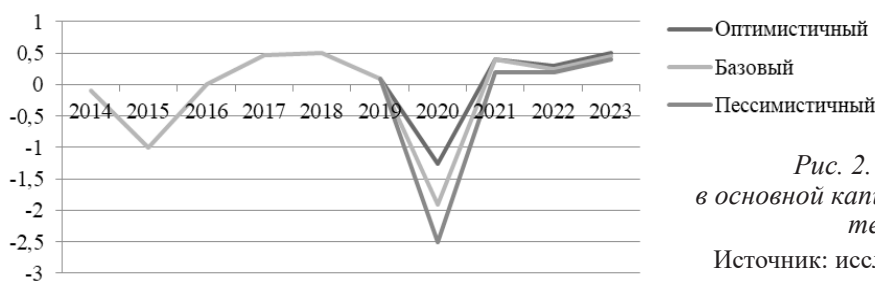

Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал по вариантам сценариев, темпы прироста, %
Источник: исследование ЦМАКП [4].

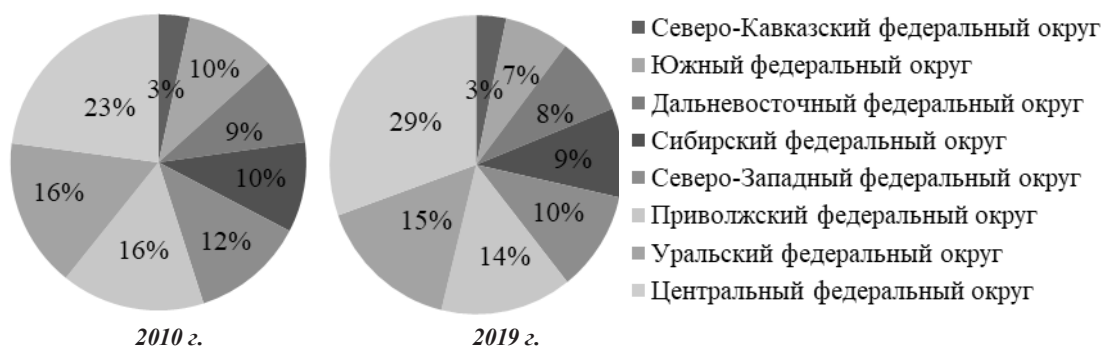

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал по субъектам РФ в 2010 и 2019 гг.

Источник: составлено авторами на основании [11. С. 40—51].

На инвестиционную активность предприятий оказывает влияние множество факторов. Например, это зависит от инвестиционной привлекательности и климата региона. На рис. 3 представлена структура инвестиционных вложений в основной капитал в разрезе федеральных округов РФ за 2010 и 2019 гг.

Наиболее существенное увеличение доли наблюдается в Центральном федеральном округе, что напрямую связано с ростом инвестиций в Москве — практически в 4 раза за последнее десятилетие. Это объясняется низкими транспортными издержками, доступностью финансовых и кадровых ресурсов, благоприятным бизнес-климатом.

Стоит отметить, что Москва является единственным субъектом России (по состоянию на конец 2019 г.), который относится к группе IC1 (рейтинг инвестиционной привлекательности регионов Национального рейтингового агентства (НРА)). Раньше в данную группу входил Санкт-Петербург, но в 2019 г. ранг был понижен до IC2. Несмотря на это, Северная столица (равно как и Москва) относится к категории регионов с высоким уровнем инвестиционной привлекательности (группы IC1-IC3), как и другие 23 субъекта РФ, на которые приходится 62% вложений в основной капитал.

Увеличение доли Южного федерального округа напрямую связано с вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Эксперты НРА отмечают, что именно Севастополь совершил рекордный прорыв в 2019 г. — из группы IC8 (категория: регионы с умеренным уровнем привлекательности) в группу IC5 (категория: регионы со средним уровнем привлекательности), что связано с увеличением объема промышленного производства и ростом инвестиций, причем наибольшую роль играли вложения федерального центра и государственных компаний, а частные инвестиции были минимальны.

В целом, по итогам 2019 г., 24 субъекта РФ относятся к регионам с высокой инвестиционной привлекательностью (Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий АО, Республика Татарстан и др.), наибольшее количество регионов (35) входит в категорию «средняя инвестиционная привлекательность» (Новосибирская, Ростовская, Мурманская области и др.), а инвестиционная привлекательность 26 регионов оценивается как «умеренная» (Орловская, Омская, Псковская области, Республика Коми и др.). За 2018—2019 гг. 20 регионов повысили свой рейтинг, 56 — остались на прежнем уровне, у 9 субъектов РФ рейтинг понижен. На инвестиционную привлекательность влияние оказывает семь факторов, начиная от географического положения региона и заканчивая финансовой устойчивостью субъекта и его предприятий. В целом для оценки используются 56 показателей, источником которых являются статистические данные, опросы предпринимателей и экспертные оценки¹.

В целях содействия привлечению инвестиций в экономику России и ее субъектов, ускорения темпов роста инвестиционных вложений в основной капитал регионы используют разнообразные инструменты, которые направлены на реализацию данных целей. К основным из них относятся:

— налоговые льготы и преференции (например, ставка налога на имущество в Костромской области составляет 0% на срок окупаемости инвестиционного проекта; снижение ставки налога на прибыль для региональных инвестиционных проектов до 10% в Кемеровской области; освобождение от уплаты земельного налога в Нижегородской области);

¹ VII ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2019 // Национальное рейтинговое агентство, 2019 (http://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf; дата обращения 17.10.2020).

— субсидии на возмещение части затрат (например, в Ростовской области субсидии касаются уплаты процентов по рублевым и валютным кредитам на реализацию инвестпроектов, а также предоставляются инженерные субсидии);

— создание и развитие особых экономических зон (ОЭЗ «Алабуга», «Липецк», «Дубна», «Технополис «Москва» и др.) и территорий опережающего социально-экономического развития, осуществляющие помощь и поддержку инвестиционных проектов посредством выгодных условий для резидентов, устранения административных барьеров и т. д., а также деятельность индустриальных парков, инкубаторов и иных институтов развития (например, Корпорация развития Удмуртской Республики), оказывающих помощь с финансированием, информационно-консультационной поддержкой и т. д. [15].

Что касается нормативно-правовой базы в области государственной поддержки инвестиционных проектов в регионах, то ее можно охарактеризовать как достаточно проработанную; в дальнейшем требуется регулярная, соответствующая времени корректировка имеющейся базы и организационных механизмов ее реализации [14].

Ключевым отличием инвестиционной деятельности в России является неравномерное распределение инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (ВЭД). Наблюдается дисбаланс в возможностях формирования и распределения ресурсов между секторами, что, в свою очередь, вновь подтверждает наличие проблемы многоукладности отечественной экономики, когда разные отрасли оказываются в совершенно противоположных условиях управления в разрезе доступа к ресурсам [5].

Лидером по уровню инвестиционной активности на территории РФ являются перерабатывающие производства, на втором месте располагается транспортная инфраструктура, причем растущие вложения в транспортную отрасль является ярко выраженным трендом последних лет: государственные средства инвестируются в строительство и модернизацию метрополитена и железных дорог, обновляется подвижной состав, частные инвестиции направлены на строительство и обновление морских и речных портов и аэропортов. Кроме того, отмечаются темпы роста инвестиций в строительство платных автомагистралей.

Постепенно замедляется рост частных инвестиций в отрасли электроэнергетики; многие предприятия, сформированные в ходе реорганизации

РАО «ЕЭС России», приостановили строительство. Инвестиционную паузу выдерживают телекоммуникационные и коммунальные предприятия. Несмотря на ежегодный рост капитальных вложений в обрабатывающей промышленности, они по-прежнему остаются на уровне инфляции. У предприятий розничной торговли снижаются темпы роста инвестиций в динамике. Инвестиционные вложения сельскохозяйственных, строительных компаний, IT-компаний незначительны, несмотря на то что отрасли не являются капиталоемкими [6. С. 15].

Аналитики ЦМАКП [3] классифицировали российские организации по уровню инвестиционной активности в четыре группы, проанализировав отраслевые тенденции инвестиций в основной капитал в 2004—2018 гг.:

1) «Отдыхающие» — группа предприятий, которые находятся в нижней фазе инвестиционного цикла и обладают большей частью свободных ресурсов. На участников данной группы приходится около 27 % инвестиций, к ним относятся компании в сфере электроэнергетики, нефтепереработки, производства стройматериалов и транспорта. «Инвестиционная яма», которая присуща предприятиям данной группы, объясняется капитальными вложениями в предшествующие годы и является результатом разнородных решений (вынужденная модернизация в электроэнергетической отрасли, строительство нефтепроводов, целью которого было снижение геополитических рисков и др.).

2) «Лидирующие» — группа предприятий, которые находятся в верхней фазе инвестиционного цикла. На участников данной группы приходится около 60 % инвестиций. К ним относятся экспортеры сырья, производители электрооборудования и транспорта, компании в сфере строительства, торговли и финансовых услуг. Их инвестиционная активность характеризуется максимальными масштабами или близка к ним. Однако бум в этих отраслях не покрывает общую динамику инвестиций в положительную сторону из-за низкой нормы накопления капитала.

3) «Группа середнячков» — группа предприятий, на которую приходится около 11 % от общей суммы инвестиций в основной капитал. К «середнячкам» относятся ВЭД, направленные на потребление товаров и услуг внутри страны, среди которых пищевая и легкая промышленность, машиностроение, а также образование. Перспективы роста инвестиций в этих отраслях ограничены вследствие низкого внутреннего спроса.

4) «Явный аутсайдер», по мнению ЦМАКП, — здравоохранение с долей 1,4 % от инвестиционных всех вложений в основной капитал. Инвестиции в данной отрасли в динамике за 2015—2019 гг. в 2 раза ниже максимального значения 2012 г., что меньше среднего показателя стран ОЭСР.

Иную классификацию предлагают аналитики В. Дубовская, Е. Огородников, М. Ремизов [6. С. 21; 10. С. 20]: они распределяют компании по уровню инвестиционной активности по мультипликатору Р/Е и коэффициенту Тобина (лидерами здесь являются «Яндекс», «Норникель», «НоваТЭК», Сбербанк, «Мегафон»), а также по рентабельности EBITDA и темпам роста инвестиций (в данной классификации выделяется четыре группы предприятий: «щедрые» («НоваТЭК», ГУП «Петербургский метрополитен»), «Новая перевозочная компания»), «скупые» («Магистраль Северной столицы», НМТП, Каспийский ТК), «разумные» (Каменск-Уральский металлургический завод), «романтики» («Трансойл», «Нефтехимсервис», S7).

Инвестиции крупнейших компаний по отраслям (топ-3 в каждой отрасли по объему инвестиций) в 2018—2019 гг. представлены на рис. 4.

Что касается источников финансирования, то с течением времени в структуре начали преобладать собственные средства (до 2015 г. большую долю имели привлеченные средства). Сравнение в динамике представлено на рис. 5.

Анализ данных Росстата о структуре источников финансирования инвестиций свидетельствует о том, что сегодня к основным заемным источникам относятся прочие средства (в частности, вложения материнских компаний), средства из бюджета субъектов РФ и федерального бюджета. За два десятилетия структура заемных источников претерпела существенные изменения: в 2 раза сократилась доля инвестиций из бюджетов субъектов РФ, значительно увеличилась часть средств на доленое строительство, выросла доля кредитных займов, несмотря на увеличение процентных ставок в динамике за ряд лет.

Сейчас фокус внимания сместился в сторону собственного капитала, так как основные проблемы с получением заемного капитала для предприятий напрямую коррелируют с недостаточными объемами и сроками, на которые привлекаются заемные средства: 84 % опрошенных представителей компаний отмечают, что не могли привлечь необходимую сумму, 69 % опрошенных имеют ограничения по срокам займа, 20 % считают кредит недоступным в силу высоких процентных ставок, поэтому не подают даже заявку на его получение [8].

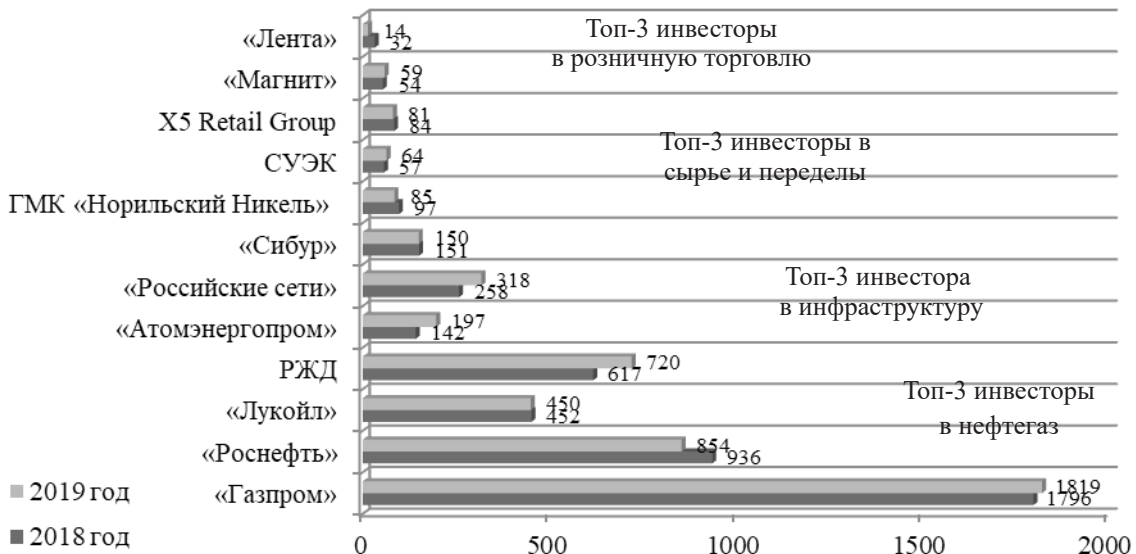

Рис. 4. Крупнейшие предприятия по осуществлению инвестиционной деятельности в разрезе отраслей (инвестиции в основной капитал, млрд руб.)

Источник: составлено авторами на основании анализа годовых отчетов компаний и статьи [6. С. 25—27].

Рис. 5. Источники финансирования инвестиций, 2019 г., %

Источник: составлено авторами на основании [11. С. 202].

Немаловажным аспектом является анализ структуры вложений по видам основных фондов (ОФ). Наибольшую долю в структуре занимают инвестиции в здания (кроме жилых), сооружения (39,5%), машины и оборудования (36,9%) [11. С. 214], что напрямую связано с высокой изношенностью основных фондов. Инвестиционные вложения носят в основном вынужденный характер и направлены на поддержание и обновление существующих мощностей.

По состоянию на конец 2019 г. средний износ по предприятиям всех видов экономической деятельности составил 46,8%, что на 0,2 п. п. выше,

чем в 2018 г. Наибольшая степень износа наблюдается в области информации и связи (61,6%), добычи полезных ископаемых (55,6%), транспортировки и хранения (55,7%) [Там же. С. 237].

Именно замена изношенной техники и оборудования является основной целью осуществления инвестиционной деятельности (68% опрошенных предприятий). Ежегодно растет количество предприятий, осознающих важность автоматизации существующего производства — с 45% в 2017 г. до 49% в 2019 г. Третье место в рейтинге разделили экономия энергоресурсов и снижение себестоимости продукции — 40% предприятий в 2019 г.

отдали предпочтение именно этим целям. Далее идут увеличение производственной мощности с неизменной номенклатурой, внедрение новых производственных технологий и охрана окружающей среды — по 35 % в каждой категории. В качестве наименее популярной цели инвестирования можно выделить создание новых рабочих мест — ее отмечают лишь 22 % опрошенных предприятий [13. С. 88].

Диаметрально противоположные цели имеют предприятия, осуществляя инвестиции в государственные и муниципальные ценные бумаги, ценные бумаги других организаций. Речь идет о финансовых вложениях предприятий, которые подразделяются на долгосрочные и краткосрочные вложения в зависимости от срока вложений (более или менее года соответственно), основной целью которых является получение дохода в виде дивидендов. На рис. 6 представлена динамика финансовых вложений организаций (в фактически действовавших ценах), не относящихся к субъектам малого бизнеса.

За 5 лет рост финансовых вложений составил 94,5 %, причем наибольшую долю в структуре занимают вложения на срок не более одного года в дочерние и зависимые организации, инвестиции в ценные бумаги других организаций, государственные ценные бумаги и т. д.

Наибольший интерес для организаций представляют банковские вклады сроком более года. Компании неохотно инвестируют в паи и акции

(6,1 % в общей структуре), 5 лет назад доля данного вида вложений была в 2 раза выше (11,7 % в 2015 г.). Компании активнее стали предоставлять займы и вкладываться в долговые ценные бумаги и депозитные сертификаты. В силу снижения ставок банковских вкладов компании стали также меньше интересоваться ими (падение 5,9 п. п. за 5 лет). Выбор срока вложений зависит и от масштаба бизнеса — например, крупные компании вкладывают средства на долгосрочную перспективу [2].

Наибольшую роль играют финансовые вложения организаций, деятельность которых связана с финансами и страхованием (29 %), оптовой и розничной торговлей (18 %), а также с наукой и техникой (16 %) [7. С. 118—121].

Рассматривая структуру финансовых вложений нефтяных лидеров России (ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть» и др.), можно отметить следующую тенденцию: наибольшую долю в структуре долгосрочных вложений занимают инвестиции в дочерние и зависимые общества, инвестиции в другие организации крайне незначительны, краткосрочные вложения представлены краткосрочными банковскими депозитами.

Несмотря на восстановление с 2015 г. положительной динамики инвестиций, в экономике сохранились последствия рецессии. Поэтому важно выявить факторы, оказывающие влияние на осуществление инвестиционной деятельности (рис. 7).

Инфляционная политика в стране, недостаток собственных средств, нестабильность

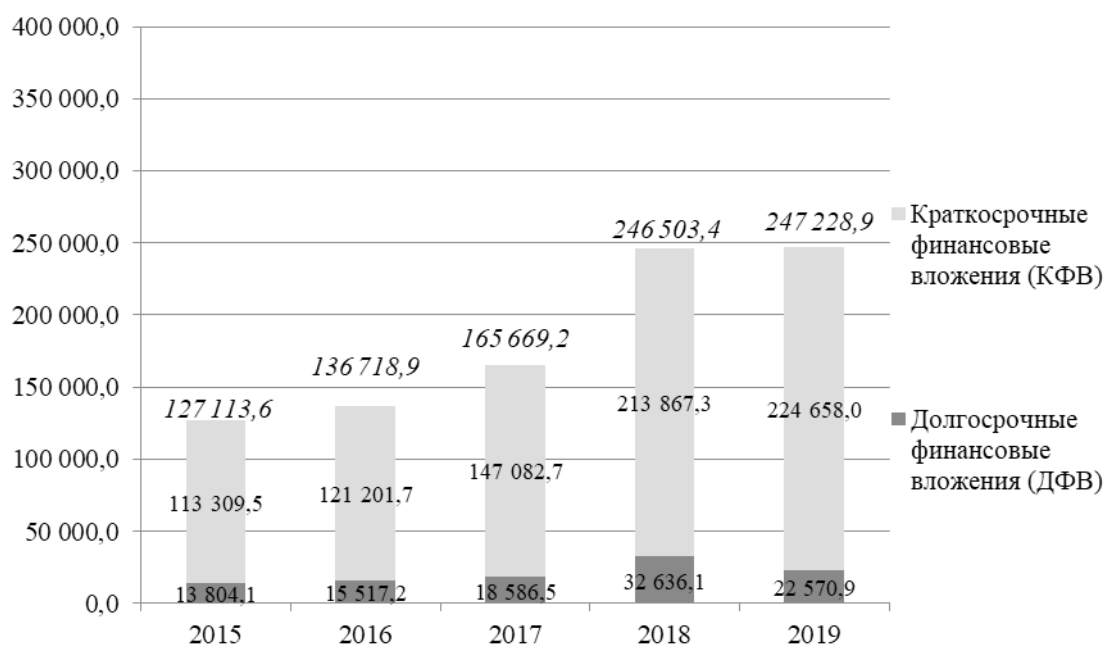

Рис. 6. Финансовые вложения организаций 2015—2019 гг., млрд руб.

Источник: составлено авторами на основании [7. С. 113].

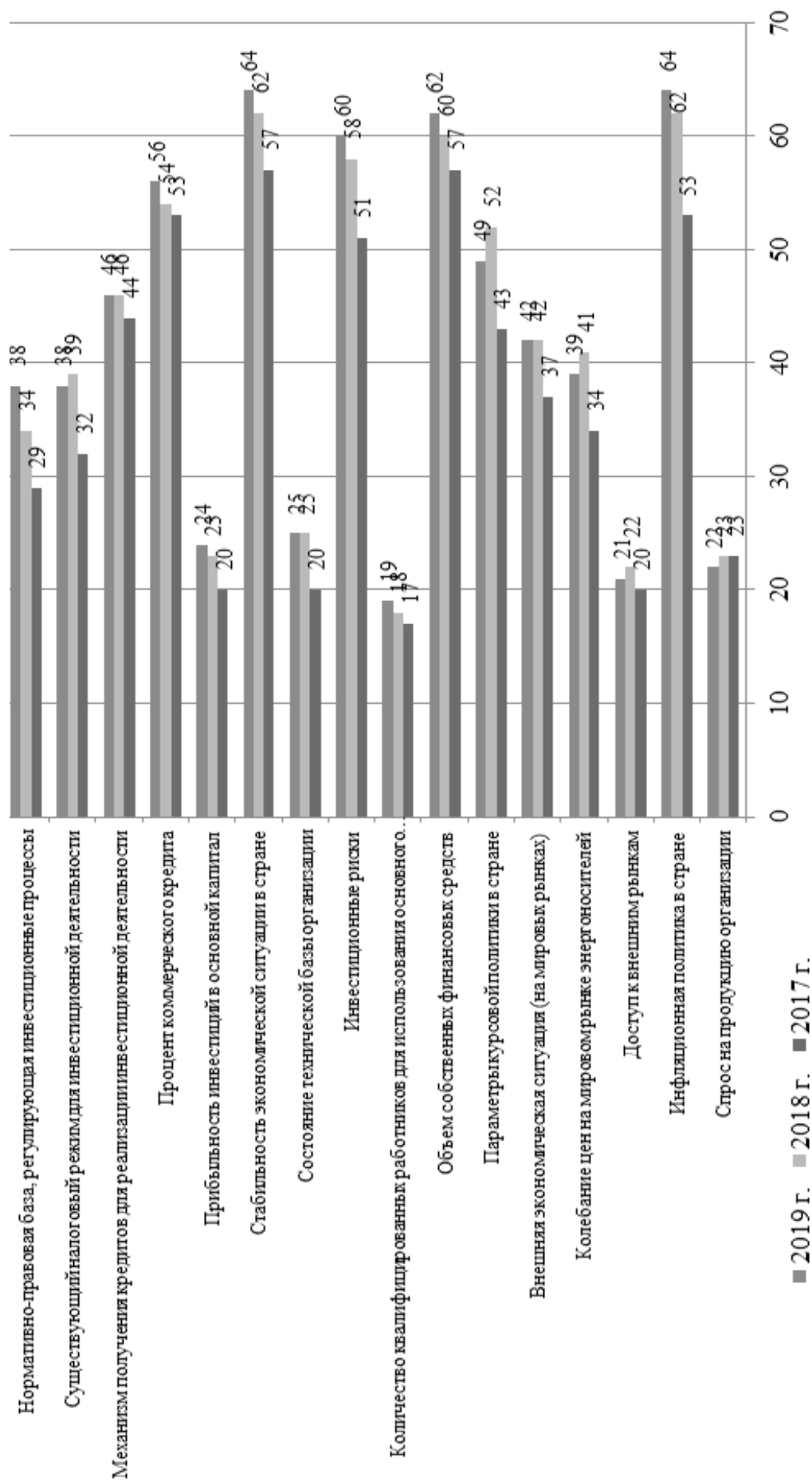

Рис. 7. Распределение предприятий по факторам, влияющим на осуществление инвестиционной деятельности, в динамике за 2017—2019 гг., %
 Источник: составлено авторами на основании [7. С. 106].

экономической ситуации, высокие проценты банковского кредита являются основными сдерживающими факторами для реализации инвестиционной деятельности.

Исследование, проведенное Банком России в январе 2020 г., констатирует, что большинство организаций (51,2 %) указали, что инвестировали в недостаточном объеме последние несколько лет (2016—2018 гг.); 47,3 % представителей промышленных компаний инвестировали достаточно; 1,5 % опрошенных посчитали, что уровень инвестиций за этот период можно охарактеризовать как крайне высокий. Стоит заметить, что среди предприятий с достаточным уровнем финансирования доля крупных организаций (с численностью более 1000 чел.) составляет более 1/3 структуры опрошенных (36 %), а среди тех, кто отметил недостаточный уровень инвестиционных вложений, выявлена высокая доля субъектов МСП (37 %) [8].

Низкая инвестиционная активность российских организаций по сравнению с зарубежными компаниями обусловлена сочетанием целого ряда ограничений. К ним относятся финансовые (высокая

стоимость инвестиционных проектов, их длительный срок окупаемости, ограниченный доступ к финансированию, недостаток собственных средств и др.) и нефинансовые характеристики (нехватка квалифицированных кадров, неопределенность на международной арене, низкая защищенность прав собственности). Для осуществления более активной инвестиционной деятельности российскими предприятиями необходимо решать структурные проблемы экономического роста России (непредсказуемость цен на нефть и газ и высокая зависимость от них, высокая степень централизации государственного управления, старение населения и низкая производительность труда, высокая доля государства в реальном секторе экономики и др.); проводить меры, ориентированные на улучшение делового климата (они представлены по 12 направлениям в плане «Трансформация делового климата» до 2024 года), развитие конкуренции и снижение доли государственного сектора. Благоприятный инвестиционный климат необходим для устойчивого экономического роста, достижения поставленных целей организаций и страны в целом.

Список литературы

1. Aris B. The Trouble with Investing into Russia // *The Moscow Times*. 2019. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/08/29/the-trouble-with-investing-into-russia-a67068> (дата обращения 17.10.2020).
2. Malykh N., Klimovskikh N., Ismagilova T., Salpagarova S., Smirnova E., Wang Bing. Management of Investments in the Activities of a Commercial Enterprise // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. Serials Publications Pvt. Ltd. 2017. № 11. P. 41—50.
3. Белоусов Д. Р., Сальников В. А., Солнцев О. Г., Гнидченко А., Медведев И. Тринадцать тезисов об экономике: июль 2019 // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 2019. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2019/072019.pdf (дата обращения 17.10.2020).
4. Белоусов Д. Р., Сальников В. А., Солнцев О. Г., Пенухина Е. А., Михайленко К. В., Шабанова Ю. Р., Апокин А. Ю. О среднесрочном прогнозе развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможного кризиса мировой экономики // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 2019. URL: <http://www.forecast.ru/Forecast/fore052020.pdf> (дата обращения 17.10.2020).
5. Довыденко К. В. Оценка инвестиционной активности промышленных предприятий России // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2015. URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015008923> (дата обращения 17.10.2020).
6. Дубовская В., Огородников Е., Ремизов М. Рейтинг инвестиционной активности российских предприятий // *Эксперт*. 2019. № 38 (1134). С. 12—27.
7. Инвестиции в России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 228 с.
8. Карлова Н., Пузанова Е., Богачева И. Аналитическая записка. Почему промышленные предприятия не инвестируют: результаты опроса // Банк России, Москва. 2020. URL: https://cbr.ru/content/document/file/105730/analytic_note_20200127_dip.pdf (дата обращения 17.10.2020).
9. Королев А. М. Проблемы инвестиционной активности промышленных предприятий России в современных условиях хозяйствования // *Статистика и математические методы в экономике*. 2016. № 2. С. 78—82.
10. Огородников Е., Ремизов М. Инвестиционная активность частных компаний существенно выше, чем государственных // *Эксперт*. 2019. № 18—19 (1118). С. 12—21.

11. Россия в цифрах. 2019: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2019. 549 с.
12. Сальников В. А., Галимов Д. Об инвестиционной активности в экономике в январе 2020 г. // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 2020. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/PROM/2020/INV_2020-02-21.pdf (дата обращения 17.10.2020).
13. Санникова К. А., Торосян Е. К. Инвестиционная деятельность как ключевой фактор оценки стоимости компании // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). Экономические науки. Вып. 69. С. 86—93.
14. Скопин А. О. Государственная поддержка региональных инвестиционных проектов // Современные технологии управления. 2012. № 6 (18). URL: <https://sovman.ru/article/1802/> (дата обращения 17.10.2020).
15. Соломатина А. Какие механизмы привлечения инвестиций в регионы наиболее эффективны и во что выгодно вкладывать? // Инвестиции. 2017. № 34.

Сведения об авторах

Санникова Ксения Александровна — студентка магистратуры факультета технологического менеджмента и инноваций (программа «Инвестиции в технологическом секторе») Национального исследовательского университета ИТМО, Санкт-Петербург, Россия. sannikova.ka@mail.ru

Торосян Елена Константиновна — кандидат экономических наук, ординарный доцент факультета технологического менеджмента и инноваций Национального исследовательского университета ИТМО, Санкт-Петербург, Россия. etorosyan@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 202—211.*

INVESTMENT ACTIVITY OF RUSSIAN COMPANIES VIA INDUSTRIES AND REGIONS

K. A. Sannikova

ITMO National Research University, St. Petersburg, Russia. sannikova.ka@mail.ru

E. K. Torosyan

ITMO National Research University, St. Petersburg, Russia. etorosyan@mail.ru

Investment activity plays a significant role in the functioning of the economy and the development of each company. The purpose of this study is to analyze the investments of Russian companies, namely, the dynamics and structure of investment investments, sources of financing and investment objectives, classification of Russian organizations by the level of investment activity, the main constraining factors for the implementation of investment activities, the forecast of investment activity of organizations for the next three years. Besides, special attention is paid to the structure of the investment by constituent entities of the Russian Federation and instruments that contribute to the growth of regions investment. It is necessary to take several measures both on the part of the state and on the part of organizations to accelerate the growth of investments. The analysis performed can be used in subsequent studies as a comparison in dynamics over the years.

Keywords: *investment activity, investments in fixed capital, financial investments of companies, investment activity of Russian companies, investment attractiveness of regions.*

References

1. Aris B. (2019) *The Moscow Times*. Available at: <https://www.themoscowtimes.com/2019/08/29/the-trouble-with-investing-into-russia-a67068>, accessed 17.10.2020.
2. Malykh N., Klimovskikh N., Ismagilova T., Salpagarova S., Smirnova Ye., Wang Bing (2017) *International Journal of Applied Business and Economic Research*, no. 11, pp. 41—50.
3. Belousov D. R., Sal'nikov V.A., Solntsev O. G., Gnidchenko A., Medvedev I. (2019) *Trinadtsat' tezisev ob ekonomike: iyul' 2019* [Thirteen theses on the economy: July 2019]. Available at: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2019/072019.pdf, accessed 17.10.2020 [in Russ.].

4. Belousov D. R., Sal'nikov V.A., Solntsev O. G., Penukhina Ye.A., Mikhaylenko K. V., Shabanova Yu. R., Apokin A. Yu. (2020) O srednesrochnom prognoze razvitiya rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh pandemii koronavirusa i vozmozhnogo krizisa mirovoy ekonomiki [Medium-term forecast for the development of the Russian economy in the context of the coronavirus pandemic and a possible crisis of the world economy]. Available at: <http://www.forecast.ru/Forecast/fore052020.pdf>, accessed 17.10.2020 [in Russ.].
5. Dovydenko K. V. (2015) Otsenka investitsionnoy aktivnosti promyshlennykh predpriyatiy Rossii [Assessment of investment activity of industrial enterprises in Russia]. Available at: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015008923>, accessed 17.10.2020 [in Russ.].
6. Dubovskaya V., Ogorodnikov Ye., Remizov M. (2019) *Ekspert*, no. 38 (1134), pp. 12—27 [in Russ.].
7. Rosstat (2019) Investitsii v Rossii [Investments in Russia]. Moscow, Rosstat. 228 p. [in Russ.].
8. Karlova N., Puzanova Ye., Bogacheva I. (2020) Analiticheskaya zapiska. Pochemu promyshlennyye predpriyatiya ne investiruyut: rezul'taty oprosa [Analytical note. Why industrial enterprises do not invest: survey results]. Available at: https://cbr.ru/content/document/file/105730/analytic_note_20200127_dip.pdf, accessed 17.10.2020 [in Russ.].
9. Korolev A. M. (2016) *Statistika i matematicheskiye metody v ekonomike*, no. 2, pp. 78—82 [in Russ.].
10. Ogorodnikov Ye., Remizov M. (2019) *Ekspert*, no. 18—19 (1118), pp. 12—21 [in Russ.].
11. Rosstat (2019) Rossiya v cifrah [Russia in numbers]. Moscow, Rosstat. 549 p. [in Russ.].
12. Sal'nikov V. A., Galimov D. (2020) Ob investitsionnoy aktivnosti v ekonomike v yanvare 2020 g. [On investment activity in the economy in January 2020]. Available at: http://www.forecast.ru/_Archive/analitics/PROM/2020/INV_2020-02-21.pdf, accessed 17.10.2020 [in Russ.].
13. Sannikova K. A., Torosyan Ye. K. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (440), pp. 86—93 [in Russ.].
14. Skopin A. O. (2012) *Sovremennyye tekhnologii upravleniya (elektronnoye periodicheskoye izdaniye ISSN: 2226—9339)*. Available at: <https://sovman.ru/article/1802/>, accessed 15.10.2020 [in Russ.].
15. Solomatina A. (2017) *Investitsii*, no. 34 [in Russ.].

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета.
2020. № 11 (445). Экономические науки. Вып. 71. С. 212—219.

УДК 339.5
ББК 65.428

DOI 10.47475/1994-2796-2020-11124

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ВНЕШНЕТОРГОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С. С. Красных

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00806 А.

Целью исследования является анализ влияния процессов цифровизации на развитие внешнеторговой деятельности. В ходе исследования проведен анализ теоретических исследований отечественных и зарубежных авторов. Использовались методы анализа и синтеза для определения основных тенденций развития мировой экономики под влиянием процессов цифровизации и определения влияния на деятельность субъектов ВЭД. На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что развитие рынка высокотехнологических товаров и услуг позволяет создавать новые конкурентные решения, которые помогут справиться с проблемами отечественного бизнеса на мировых рынках. Теоретические результаты данного исследования могут быть использованы предприятиями, осуществляющими ВЭД, для выхода на новые рынки.

Ключевые слова: *цифровизация, мировая экономика, внешнеторговая деятельность, цифровые технологии, Индустрия 4.0.*

Технологический прогресс последних десятилетий, который в значительной степени неотъемлемо от процессов глобализации, видоизменяет экономику. Центральным элементом, на котором основано это явление, стал набор новых цифровых технологий. А процесс внедрения этих технологий в экономику и общество принято называть цифровизацией. Распространение цифровых технологий, использование информации становятся очень важным ресурсом, поскольку они позволяют оптимизировать процессы, внедрять инновации в продукты, совершенствовать процесс принятия решений и прогнозировать будущие события, имеют большой потенциал в областях, тесно связанных с социальной и экономической сферами. Большинство стран проводят политику, связанную с внедрением цифровых технологий в экономику. Например, в Российской Федерации существует программа «Цифровая экономика Российской Федерации», разработанная в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», где основными целями проекта являются: увеличение внутренних затрат на раз-

витие цифровой экономики, создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств, использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями¹. Также переход к цифровой экономике способен создавать для производителей новые возможности — изменять формы и способы предоставления потребителям высокотехнологических услуг.

В связи с этим целью данного исследования является анализ влияния процессов цифровизации на развитие внешнеторговой деятельности. Основные задачи: определить, как цифровые технологии видоизменяют мировую экономику и какое влияние данный процесс оказывает на национальную экономику.

¹ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf; дата обращения 29.07.2020).

Термин «цифровизация» неотделим от понятия «цифровая экономика», так как под ним можно понимать процесс создания «беспроводных» информационных систем, дублирующих реальные экономические процессы [11. С. 54].

По мнению ряда исследователей, термин «цифровая экономика» возник в 1995 г. благодаря американскому информатику Николосу Негропonte, который видел в данном процессе главное преимущество: отсутствие физического веса продукции, заменяемого информационным объемом; более низкие затраты на изготовление электронных товаров; в несколько раз меньшая площадь, занимаемая изделиями (как правило, электронными носителями); мгновенное глобальное перемещение товаров через сеть Интернет [7. С. 59].

Всемирный банк дает следующее определение данному понятию: это определенная система экономических, культурных и социальных отношений, основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий. Но данное определение, по мнению некоторых исследователей, недостаточно полное, так как оно не учитывает ключевую роль создания «беспроводных» информационных систем, когда цифровой сигнал пронизывает все уровни производства и сбыта продукции, начиная от приобретения клиентом товара (услуги) и заканчивая системой формирования заказа на сырье и комплектующие для производства [11. С. 53].

Европейский парламент понимает под «цифровой экономикой» экономику, некую сложную структуру, которая связана между собой цифровыми технологиями, обеспечивающими между собой соединение постоянно растущих узлов¹.

Международная компания Deloitte дает определение этому понятию как форма экономической активности, возникающей благодаря сетевому взаимодействию людей, предприятий и данных. Основой такой экономики выступает взаимосвязанность людей и процессов, которые формируются благодаря цифровым технологиям².

Отечественные ученые отмечают в этом процессе ведущую роль информационно-коммуникационных

технологий, в частности Интернета, а также технологий Индустрии 4.0.

В настоящий момент в российской научной литературе недостаточно освещены проблемы влияния процессов цифровизации на мировую экономику и, в частности, на внешнеэкономическую деятельность. Так, в своей работе Е. Б. Стародубцева и О. М. Маркова рассматривают вопросы цифровой трансформации мировой экономики и анализируют процессы цифровизации в финансовой, социальной, торговой и производственных отраслях, рассматривают особенности цифровизации со стороны странового подхода [13]. В. П. Шуйский рассматривает последствия внедрения цифровизации в международную торговлю и делает вывод, что цифровизация может способствовать ускорению международной торговли [15]. А. М. Спартак в своей работе заключает, что внедрение цифровых технологий в международную торговлю способствует изменениям в структуре и конфигурации международной торговли, усиливает глобальную конкуренцию и ее смещение в нематериальную сферу; является катализатором появления новых форматов и возможностей для международного бизнеса [12]. О. В. Никитенкова отмечает, что ряд отрицательных тенденций развития цифровизации способны нанести существенный ущерб качеству жизни большей части населения [9]. Коллектив авторов Вологодского научного центра РАН обобщают мировые тренды цифровизации экономики и приходят к выводу, что правильно организованная политика государства, а также интерес со стороны промышленности (бизнеса) являются основными факторами успеха развития цифровизации [8]. О. В. Никулина и С. А. Петросян в своем исследовании при использовании экономико-статистического метода выявляют основные тенденции развития цифровизации и международной торговли, на основе чего ими были разработаны инструменты стимулирования цифровизации в сфере международной торговли [10]. А. М. Чернышева и В. В. Калыгина анализируя мировой опыт цифровизации экономики и развитие цифровизации регионов России, приходят к выводу, что важнейшим элементом повышения конкурентоспособности национальной экономики является развитие цифровизации [14].

Среди актуальных исследований зарубежных авторов тема цифровизации рассматривается со стороны правовых аспектов использования цифровых технологий в сфере киберполитики и кибербезопасности [5]. Затрагиваются вопросы регулирования мировой торговли в условиях

¹ Challenges for Competition Policy in a Digitalised Economy // European Parliament ([https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542235/IPOL_STU\(2015\)542235_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542235/IPOL_STU(2015)542235_EN.pdf); дата обращения 13.07.2020).

² What is Digital Economy? // Deloitte (<https://www2.deloitte.com/mt/en/pages/technology/articles/mt-what-is-digital-economy.html>; дата обращения 17.07.2020).

цифровизации, поскольку данное явление еще существенно молодо [2]. Поднимаются региональные торговые и промышленные аспекты использования цифровых технологий в экономике стран [3; 4].

Таким образом, можно заключить, что тема влияния процессов цифровизации на внешнеэкономическую деятельность еще недостаточно раскрыта и изучена.

Эволюция цифровой экономики последних лет тесно связана с прогрессом в нескольких передовых технологиях, включая такие технологии, как блокчейн, анализ данных и искусственный интеллект. Другие технологии можно условно поделить на те, которые ориентированы на пользовательский сектор — персональные компьютеры, смартфоны, и на производственный сектор — 3D-принтеры, Интернет вещей, автоматизация производства, облачные вычисления. Развитие этих технологий становится возможным благодаря увеличению емкости, а также значительному сокращению затрат на хранение, обработку и передачу данных.

Технология блокчейн и основанные на ней приложения уже используются в развивающихся странах, например, в областях финансовых технологий, землеустройства, транспорта, здравоохранения и образования¹. Согласно прогнозу Gartner, в 2022—2026 гг. появятся более крупные и целенаправленные инвестиций в этот сектор, что послужит созданию новых бизнес-моделей и процессов². Ожидается, что максимальный рост использования данной технологии придется на 2027—2030 гг., достигнув более 3 трлн долл. в мире³. В настоящее время на долю одного Китая приходится почти 50% всех заявок на блокчейн-патенты, а вместе с Соединенными Штатами они составляют более 75% всех таких заявок⁴.

¹ Blockchain Technology in Africa United Nations Economic Commission for Africa, Addis Ababa. // UNECA (https://www.uneca.org/sites/default/files/images/blockchain_technology_in_africa_draft_report_19nov-2017-final_edited.pdf; дата обращения 01.08.2020).

² Gartner Top 6 Future Work Trends // Gartner (<https://www.gartner.com/smarterwithgartner/anticipate-and-exploit-future-work-trends/>; дата обращения 01.08.2020).

³ World Trade Report 2018: The Future of World Trade — How Digital Technologies are Transforming Global Commerce // World Trade Organization (https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_trade_report18_e.pdf; дата обращения 01.08.2020).

⁴ Blockchain innovation. A patent analytics report. // ACS (<https://www.acs.org.au/insightsandpublications/reports-publications/blockchain-innovation.html>; дата обращения 01.08.2020).

Технология трехмерной (3D) печати активно используется по всему миру, в том числе в ряде предприятий, находящихся в развивающихся странах. Предприятия в Индии используют 3D-печать с 2014 г., что позволяет продукции быстрее выходить на рынки; и 3D-принтеры используются для создания протезов в таких странах, как Камбоджа, Судан, Уганда и Танзания⁵. Фактически на пять ведущих стран (Соединенные Штаты, за которыми следуют Китай, Япония, Германия и Великобритания) приходится около 70% общего числа⁶.

Интернет вещей (IoT) широко применяется как в производстве, так и в индивидуальном пользовании потребителей, например в счетчиках энергии, для RFID-маркировки товаров для производства, животноводства и логистики, для мониторинга почвенных и погодных условий в сельском хозяйстве и для носимых изделий. В 2018 г. к Интернету было подключено больше «вещей» (8,6 млрд), чем людей (5,7 млрд абонентов мобильной широкополосной связи), и, согласно прогнозам, количество подключений к Интернету будет расти на 17% в год, превысив 22 млрд к 2024 г.⁷ На семь ведущих стран (Соединенные Штаты, Китай, Япония, Германия, Республика Корея, Франция и Великобритания) приходится почти 75% мировых расходов на IoT, причем первые две страны представляют 50% мировых расходов. Ожидается, что мировой рынок IoT вырастет в десять раз: со 151 млрд долл. в 2018 г. до 1567 млрд долл. к 2025 г.⁸ А беспроводная технология пятого поколения (5G) станет одним из драйверов развития IoT из-за ее большей способности обрабатывать огромные объемы данных. Сети 5G могут обрабатывать примерно в 1000 раз больше данных, чем современные системы [1. С. 3]. В частности, он дает возможность подключать гораздо больше устройств (например, датчиков и интеллектуальных устройств).

⁵ Hero MotoCorp powers ahead with 3D printing // The Economic Times [Электронный ресурс] URL: <https://cio.economictimes.indiatimes.com/news/case-studies/hero-motocorp-powers-ahead-with-3d-printing/45599691>; дата обращения 02.08.2020).

⁶ Wohler's Report, 2017 // ATKearney (<https://wohlersassociates.com/2017report.htm>; дата обращения 02.08.2020).

⁷ Mobility report // Ericsson (<https://www.ericsson.com/assets/local/mobility-report/documents/2018/ericsson-mobility-report-november-2018.pdf>; дата обращения 02.08.2020).

⁸ State of the IoT 2018: Number of IoT devices now at 7B — Market accelerating. // IoT Analytics (<https://iot-analytics.com/state-of-the-iot-update-q1-q2-2018-number-of-iot-devices-now-7b/>; дата обращения 02.08.2020).

Технологии автоматизации и робототехники все чаще используются в производстве, что может оказать значительное влияние на занятость. Существуют опасения, что такие технологии могут ограничить возможности развивающихся стран перейти на экспортоориентированное производство, так как стоимость такого производства со временем становится дешевле, чем труд наемного сотрудника¹. По данным Международной федерации робототехники, глобальные продажи промышленных роботов удвоились в период с 2013 по 2017 г. Эта тенденция, похоже, сохранится, и ожидается, что продажи вырастут с 381 300 ед. в 2017 г. до 630 000 ед. к 2021 г. Китай (за которым следуют Япония, Республика Корея, Соединенные Штаты и Германия) представлял 73 % общего объема продаж роботов в 2017 г. Китай демонстрирует самый высокий спрос с долей рынка 36 %. Роботы в основном используются в автомобильной, электротехнической и электронной промышленности.

Разработки в области искусственного интеллекта, включая машинное обучение, оперируют большими объемами цифровых данных, которые можно анализировать, чтобы прогнозировать поведение с помощью алгоритмов, а также с помощью передовых вычислительных мощностей. ИИ уже используется в различных коммерческих продуктах, например в смартфонах, программном обеспечении. Было подсчитано, что эта технология способна обеспечить к 2030 г. дополнительный глобальный экономический эффект в размере около 13 трлн долл. США, что дополнительно увеличит ежегодный рост ВВП на 1,2 %². В то же время это может увеличить технологический разрыв между теми, кто имеет, и теми, у кого нет возможностей воспользоваться этой технологией. Китай и Соединенные Штаты намерены получить наибольшую экономическую выгоду от ИИ, в то время как Африка и Латинская Америка, вероятно, увидят наименьшую прибыль³. На Китай, Соединенные Штаты и Японию вмес-

¹ Trade and Development Report 2017: Beyond Austerity — Towards a Global New Deal // UNCTAD (https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2017_en.pdf; дата обращения 05.08.2020).

² Assessing the economic impact of artificial intelligence // ITU (https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/gen/S-GEN-ISSUEPAPER-2018-1-PDF-E.pdf; дата обращения 05.08.2020).

³ The 2018 Global Innovation 1000 study: Investigating trends at the world's 1000 largest corporate R&D spenders // PWC (<https://www.strategyand.pwc.com/innovation1000>; дата обращения 05.08.2020).

те приходится 78 % всех заявок на патенты ИИ в мире⁴.

На основе вышеперечисленного можно сделать выводы:

- цифровые технологии способны создавать новые бизнес процессы, решения;
- доля цифровых технологий в мировой экономике стабильно растет;
- происходит снижение транзакционных и логистических издержек;
- данные цифровые технологии способны оказать негативное влияние на занятость населения;
- повышение эффективности международного производства;
- происходит увеличение технологического и экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами.

Таким образом, цифровые технологии в большей степени тесно связаны с двумя странами: США и Китаем. На эти две страны приходится 75 % всех патентов, связанных с технологиями блокчейн, 50 % глобальных расходов на IoT, не менее 75 % рынка облачных вычислений и 90 % стоимости рыночной капитализации 70 крупнейших компаний в мире цифровых платформ. Подводя вышесказанное, эти две экономики играют ведущую роль в развитии цифровых технологий в мире, в то время как Африка и Латинская Америка, в частности, сильно отстают. Современные тенденции развития новых технологий, сконцентрированных в нескольких странах и контролируемых относительно небольшим количеством компаний, влияют на способность как развивающихся, так и развитых стран участвовать в процессах технологического обучения, необходимых для того, чтобы наверстать упущенное и развиваться в цифровой экономике.

Как было отмечено ранее, в Российской Федерации существуют программы «Цифровая экономика Российской Федерации», разработанная в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы», данные программы регламентируют основные направления развития цифровизации в России,

⁴ WIPO Technology Trends 2019: Artificial Intelligence // World Intellectual Property Organization (https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf; дата обращения 05.08.2020).

а также создают условия институционального и инфраструктурного характера для внедрения процессов цифровизации в экономику страны.

Анализируя состояние развития информационного общества в Российской Федерации за 2018 г., можно сказать, что доступность цифровых технологий для индивидуальных потребителей достаточно высокая — Интернетом пользуется 76,6% населения страны. Активное использование сети Интернет позволяет дистанционно пользоваться государственными услугами, что влечет за собой снижение финансовых и временных издержек. Использование интернет-платформ позволяет конечному пользователю покупать товар, который раньше он бы и не мог купить, так как некоторые предприятия не осуществляют свою деятельность на территории Российской Федерации, а также потребитель зачастую экономит финансовые средства.

Количество предприятий, использующих в своей работе Интернет, также достаточно большое — 90% общего числа организаций. Но, количество предприятий, использующих такие цифровые технологии, как электронный обмен данными, — 63,6%, облачные сервисы — значительно ниже — 24,6%, технологию RFID — всего 4,9%¹. В целом для предприятий процесс цифровизации выгоден, так как позволяет бизнесу более качественно анализировать состояние своих производственных мощностей, контролировать продажи и операционные процессы. Это, в свою очередь, приводит к качественно новым выводам в отношении продуктов компании, взаимодействия с поставщиками и клиентами, организации процессов.

Внедрение цифровых технологий в бизнес предприятия можно рассматривать с двух сторон: цифровизация самой бизнес-модели, когда происходит трансформация взаимодействия с клиентами, открываются новые способы доставки товара, позволяющие создавать дополнительный цифровой контент для потребителя; а также со стороны цифровизации операционных процессов, которые позволяют внедрять новые инструменты для повышения эффективности предприятия.

Процесс внедрения цифровизации в государственные органы, такие как Федеральная таможенная служба, Федеральная налоговая служба и т. д., которые являются участниками ВЭД, позволяет привнести ряд значительных преимуществ: снизить риски убытков, уменьшить время проведения

¹ Индикаторы цифровой экономики // ВШЭ (<https://www.hse.ru/data/2018/08/20/1154812142/ICE2018.pdf>; дата обращения 03.08.2020).

таможенного контроля, а также увеличить прозрачность реализации товаров на рынке². Также в настоящее время разрабатывается логистическая платформа Carpillar.io, основанная на технологии блокчейн, позволяющая производить мониторинг логистических единиц товаров, создавать модели взаимоотношений по поводу перемещения грузов [6. С. 23].

В настоящее время активно используется система национальной маркировки «Честный знак», которая позволяет производителю наносить на товар цифровой код, а система фиксирует логистическое передвижение товара до потребителя, тем самым предотвращая продажу нелегального товара. Благодаря цифровой маркировке производитель получает защиту от контрафакта, репутационных потерь, позволяет совершенствовать логистические схемы, тем самым увеличивая производительность³.

Федеральная таможенная служба и компания Maersk (датская компания, занимающаяся контейнерными перевозками) реализуют проект по внедрению блокчейн-технологии для обмена логистической информацией. Данная система позволяет значительно снизить временные затраты на оформление таможенной документации за счет запроса в блокчейн-реестр, где уже содержится информация о товаре, защищенная с помощью криптографических и математических алгоритмов⁴.

И, анализируя мировые тенденции развития цифровых технологий, а также преимущества, которые они могут принести для национальной экономики, можно сделать вывод, что необходимы качественные и количественные изменения в информационной инфраструктуре. Одним из таких инструментов являются высокотехнологичные продукты — отечественные цифровые платформы, программное обеспечение (см. рисунок). На данный момент производимые решения в России в большинстве своем копируют западные аналоги, следуя за общемировыми трендами.

Таким образом, внедрение цифровых технологий способно принести в экономику и обще-

² Цифровизация ВЭД // Федеральная таможенная служба (http://rta.customs.ru/nrta/attachments/4628_Tsifrovizatsia_VED.pdf; дата обращения 03.08.2020).

³ Национальная система маркировки Честный ЗНАК // Честный знак (<https://chestnyyznak.pf/o-chestnom-znake/#0>; дата обращения 03.08.2020).

⁴ В ФТС России обсудили внедрение логистической блокчейн-платформы TradeLens в России // Федеральная таможенная служба (<http://customs.ru/press/federal/document/206896>; дата обращения 03.08.2020).

ство массу преимуществ: для индивидуальных потребителей это доступ к новым рынкам, новым продуктам, возможность не только покупать товары в сети Интернет, но и продавать их, более того, человек сам может создавать информационные товары, монетизируя их на различных цифровых платформах; для предприятий, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, в первую очередь главным преимуществом является снижение различного рода издержек, контроль за качеством, скоростью и производством товара, для государственных органов, участников ВЭД — контроль за передвижением товаров и услуг как на территории страны, так и вне ее, уменьшение объема документации и тем самым снижение бюрократии.

Развитие рынка высокотехнологических товаров и услуг позволяет создавать новые конкурентные решения, которые помогут справиться с проблемами отечественного бизнеса на мировых рынках, что особо актуально в текущей экономической ситуации — зависимости национальной экономики от экспорта углеводородного сырья.

*Ответ национальной экономики
на мировые тенденции развития цифровизации*

Составлено автором.

Список литературы

1. Afolabi L. A. Evolution of wireless networks technologies, history and emerging technology of 5G wireless network: A review. // Journal of Telecommunications System & Management. 2018. Vol. 7 (3). P. 1—5.
2. Janow M., Mavroidis P. Digital Trade, E-Commerce, the WTO and Regional Frameworks // World Trade Review. 2019. Vol. 18. P. 1—7. doi:10.1017/S1474745618000526.
3. Pekcan R. Turkey's trade strategies in the new digital age // Turkish Policy Quarterly. 2019. Vol. 17 (4). P. 15—22.
4. Tleppeyev A. Digitalisation and energy: world experience and evidence of correlation from Kazakhstan // ECONOMIC ANNALS-XXI. 2019. Vol. 174 (3—4). P. 56—64.
5. Vila Seoane M. Saguier M. Cyberpolitics, digitalization and international relations: a critical political economy approach // RELACIONES INTERNACIONALES-MADRID. 2019. Vol. 40. P. 113—131.

6. Афонин П. Н., Афонин Д. Н., Борякин А. В., Краснова А. И., Полякова А. А., Седос А. В., Спирина А. В., Хрунова А. Л., Яргина Н. Ю. Деятельность таможенных органов в условиях цифровой экономики // БИТ. 2018. № 4 (8). С. 17—24
7. Головенчик Г. Теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика» // Наука и инновации. 2019. № 191. С. 54—59.
8. Давыдова А. А., Шиплюк В. С. Обзор мировых трендов цифровизации экономики // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 4. С. 5—10.
9. Никитенкова О. В. Влияние цифровизации на мировую экономику // Экономический журнал. 2020. № 1 (57). С. 84—98.
10. Никулина О. В., Петросян С. А. Анализ тенденций развития международной торговли на современном этапе цифровизации мировой экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2020. Т. 22, № 1. С. 170—182.
11. Паньшин Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития // Наука и инновации. 2019. № 193. С. 48—55.
12. Спартак А. Н. Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 5. С. 7—23.
13. Стародубцева Е. Б., Маркова О. М. Цифровая трансформация мировой экономики // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2018. № 2. С. 7—15.
14. Чернышева А. М., Калыгина В. В. Анализ мирового опыта цифровизации экономики и его использование в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2019. № 3 (32). С. 276—280.
15. Шуйский В. П. Международная торговля в условиях цифровизации мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 7. С. 7—19

Сведения об авторе

Красных Сергей Сергеевич — младший научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия. krasnykh.ss@uiec.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 212—219.*

INFLUENCE OF DIGITALIZATION PROCESSES ON FOREIGN TRADE ACTIVITY

S. S. Krasnykh

Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. krasnykh.ss@uiec.ru

The purpose of the study is to analyze the impact of digitalization on the development of foreign trade. During the study, analysis and synthesis methods were used to determine the main trends in the development of the world economy under the influence of digitalization processes and determine the impact on the activities of subjects of foreign economic activity. Based on the study, we can conclude that the development of the market for high-tech goods and services allows us to create new competitive solutions that can solve the problems of domestic business in world markets. The theoretical results of this study can be used by enterprises engaged in foreign economic activity to enter new markets.

Keywords: *digitalization, world economy, foreign trade, digital technologies, Industry 4.0.*

References

1. Afolabi L.A. (2018) *Journal of Telecommunications System & Management*, vol. 7 (3), pp. 1—5.
2. Janow M., Mavroidis P. (2019) *World Trade Review*, vol. 18, pp. 1—7.
3. Pekcan R. Turkey's (2019) Turkey's trade strategies in the new digital age, vol. 17 (4), pp. 15—22.
4. Tleppayev A. (2019) *Economic Annals-Xxi*, vol. 174 (3—4), pp. 56—64.
5. Vila Seoane M. Saguier M. (2019) *Relaciones Internacionales-Madrid*, vol. 40, pp. 113—131.

6. Afonin P.N., Afonin D. N., Boryakin A. V., Krasnova A. I., Polyakova A. A., Sedos A. V., Spirina A. V., Hrunova A. L., YArgina N. Yu. (2018) *BIT*, no. 4 (8), pp. 17—24 [in Russ].
7. Golovenchik G. (2019) *Nauka i innovacii*, no. 191, pp. 54—59 [in Russ.].
8. Davydova A.A., Shpilyuk V.S. (2019) *Nauchnyj vestnik YUzhnogo instituta menedzhmenta*, no. 4, pp. 5—10 [in Russ.].
9. Nikitenkova O. V. (2020) *Ekonomicheskij zhurnal*, no. 1 (57), pp. 84—98 [in Russ.].
10. Nikulina O. V., Petrosyan S. A. (2020) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 22 (1), pp. 170—182 [in Russ.].
11. Pan'shin B. (2019) *Nauka i innovacii*, no. 193, pp. 48—55 [in Russ.].
12. Spartak A. N. (2018) *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, no. 5, pp. 7—23 [in Russ.].
13. Starodubceva E. B., Markova O. M. (2018) *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika*, no. 2, pp. 7—15 [in Russ.].
14. Chernysheva A. M., Kalygina V. V. (2019) *Vestnik Akademii znaniy*, no. 3 (32), pp. 276—280 [in Russ.].
15. Shujskij V. P. (2019) *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, no. 7, pp. 7—19 [in Russ.].

ПАНДЕМИИ ВОПРЕКИ: ОБЗОР РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЫНКОВ 2020 ГОДА В РОССИИ

Е. В. Николаева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рынок складской логистики является одним из наиболее динамично развивающихся рынков коммерческой недвижимости в России в период кризиса 2020 г. Ежегодно растет спрос на крупные складские помещения со стороны торговых компаний (розничный ритейл и сфера e-commerce) как в Москве, так и в регионах. Рассматривается динамика ввода новых складских площадей в России. Раскрываются причины высокой динамики анализируемого рынка, а также перспективы его развития на ближайшие 3—4 года. Отдельно уделяется внимание направлению складской логистики — 3pl-услугам, выделяются наиболее востребованные и перспективные из них.

Ключевые слова: складская логистика, логистические услуги, 3pl-услуги.

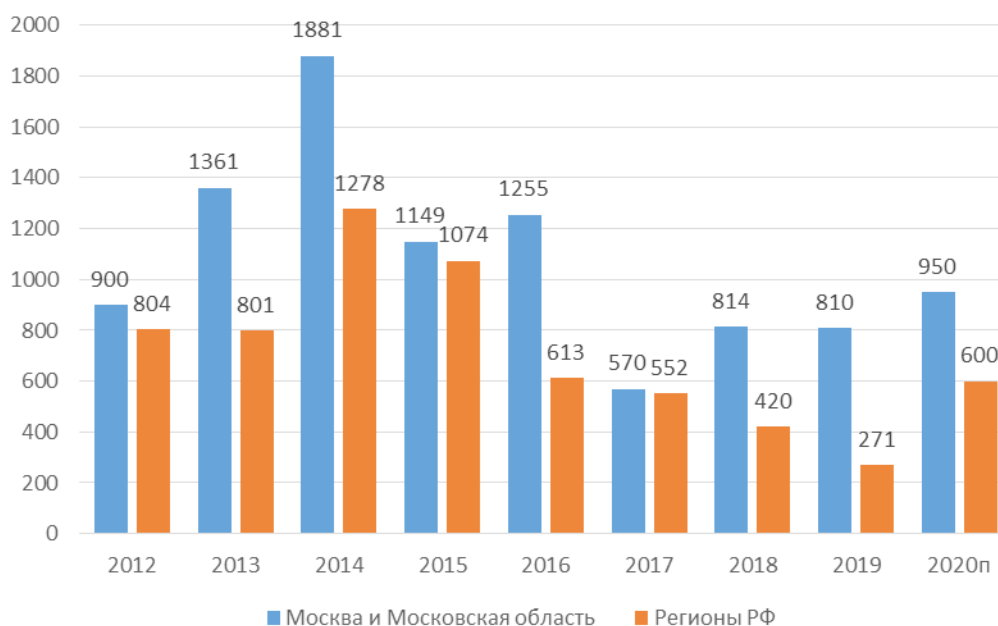
Последствия пандемии COVID-19 в России и мире, экономический кризис в стране оказали существенное влияние на большинство отраслей экономики и рынков [1]. Вместе с этим отсутствие экономического роста в стране в предшествующие несколько лет привели к значительным негативным изменениям как в производственном секторе, так и в секторе торговли. Однако ряд отраслей и рынков в экономике РФ (и мире) в настоящий момент демонстрируют хорошую динамику развития, курс на которую был взят еще до кризисного 2020 г. и продолжают движение в заданном направлении (см. Д. А. Плетнев [2]). Среди таких рынков следует отметить рынок складских услуг и складской логистики. По данным компании Cushman & Wakefield¹, в январе — сентябре 2020 г. в строительство новых складских площадей инвестировано около 26,6 млрд руб.

Строительство складской недвижимости является одним из наиболее привлекательных направлений инвестирования в настоящее время в стране. Доходность складских комплексов традиционно выше, чем объектов офисной и торговой недвижимости. В то же время строительство складской недвижимости является более сложным в части проработки проекта объекта инвестиций и сопряжено с более серьезными коммерческими рисками. Это отмечают авторы современных научных публикаций в области складской логистики (В. И. Тиверовский [3], А. Д. Ефремова [4], М. Б. Абрамова [5]).

¹ Одна из крупнейших компаний в мире, специализирующихся на коммерческой недвижимости, имеет представительство в России.

По данным компании Cushman&Wakefield, в ближайшие годы ожидается значительный ввод новых крупных складских комплексов, большая часть из которых — это высококачественные объекты (класса А и В) (см. рисунок на с. 221). Согласно прогнозам, сделанным до развития пандемии COVID-19 в 2020 г., ожидается ввод около 1550 тыс. кв. м складских помещений (Москва и регионы). С учетом развивающегося экономического кризиса эта цифра вероятнее всего будет скорректирована, но не столь значительно, как это ожидается по офисной и торговой недвижимости. В любом случае специалисты рынка коммерческой недвижимости видят в складской недвижимости один из наиболее развивающихся сегментов строительства, как на фоне роста спроса со стороны интернет-ритейлеров, так и на фоне расширения розничных сетей и их проникновением в регионы. Рынок складской недвижимости в РФ наименее пострадал от кризиса по сравнению с другими сегментами коммерческой недвижимости. К концу 2020 г. многие отрасли и рынки в стране постепенно стабилизируются, некоторые операторы расширяются и увеличивают складские площади (в основном в сфере торговли), транспортные компании ищут новые решения, ряд из них расширяет деятельность, арендует дополнительные складские площади.

Анализ динамики ввода складских комплексов в 2012—2019 гг. свидетельствует о неравномерном развитии сегмента в исследуемой ретроспективе. В 2015—2016 гг. существенном к снижению активности на рынке складской недвижимости способствовало значительное сокращение оборота розничной торговли, поскольку именно на ритейлеров

Динамика ввода складских комплексов (класса А и В) в России, 2012—2020 гг., тыс. кв. м

Источник: составлено автором на основе данных компании Cushman&Wakefield

приходилось около половины всего спроса на складскую недвижимость. Увеличивающийся спрос со стороны производства и логистики не смог компенсировать сокращения спроса со стороны торговых компаний. Уже в 2017 г. наметилась тенденция к возобновлению спроса на складские объекты.

В 2017—2019 гг. на рынке складской недвижимости отмечался рост объемов инвестирования, причем наиболее ярко данная тенденция проявила себя в регионах, где рынок до сих пор является малонасыщенным качественными складскими объектами при наличии стабильно высокого спроса на них. Среди сегментов нежилой недвижимости популярным с точки зрения инвестирования в 2020 г., вероятнее всего, будет именно сегмент складской недвижимости. Специалисты отмечают, что по итогам 2020 г. ожидается снижение инвестиций в офисную и торговую недвижимость, а часть ресурсов будет перенаправлена в жилой сектор (получающий государственную поддержку). Однако рынок жилой недвижимости является более сложным ввиду наличия высоких барьеров входа из-за трудностей с финансированием (эскроу-счета).

Одним из основных драйверов роста рынка складской недвижимости и складских услуг в настоящее время является сфера e-commerce (интернет-торговля). На протяжении последних лет наблюдается интенсивный рост интернет-торговли как в стране, так

и во всем мире, что стимулирует спрос на складские помещения и услуги (такие как услуги фулфилмента и экспресс-доставки заказов) со стороны интернет-магазинов, которые все чаще передают логистику своих товаров на аутсорсинг в логистические и складские комплексы. Исследовательское агентство Data Insight, специализирующееся на рынке электронной коммерции, разработало прогноз развития интернет-торговли на ближайшие 5 лет с учетом влияния кризиса на рост онлайн-продаж. Прогнозируемый среднегодовой прирост интернет-торговли с 2019 по 2024 г. (CAGR) составит 33,2%. Данный сегмент розничной торговли, вероятнее всего, в ближайшие годы станет основным потребителем складских услуг в стране.

Помимо спроса на склады со стороны онлайн-ритейла к наиболее востребованным и перспективным относятся помещения ЦОД (центры обработки данных; по мнению экспертов, этот рынок является в настоящее время гиперрастущим и, кроме того, активно поддерживается государством), а также ОРЦ (оптово-распределительные центры для сельскохозяйственной продукции) — ВЭБ и Минсельхоз реализуют проект по созданию федеральной сети ОРЦ до 2030 г.

Стремительный рост онлайн-торговли в России и мире, расширение федеральных розничных торговых сетей и их экспансия в регионы в ближайшие

годы будут способствовать увеличению спроса и на комплексные складские услуги (3PL-услуги).

Комплексные логистические решения, или услуги 3PL, являются перспективным направлением в области аутсорсинга и одним из динамично развивающихся направлений складской логистики. В структуре комплексных 3PL складских услуг выделяют (в порядке убывания популярности среди потребителей): непосредственно складирование, таможенное оформление товара, кросс-докинг, маркировка, упаковка товара, управление запасами, аудит счетов, IT-услуги, служба клиентского сервиса.

В период карантинных ограничений значительно выросла потребность в комплексных складских услугах со стороны торговых сетей. Многие продуктовые сети развивают услугу доставки товаров из магазина до конечного потребителя. Для этого необходимо, чтобы складской комплекс имел все необходимое оборудование, позволяющее реализовать все процессы складской логистики. В сфере торговли развивается формат Dark Store — это торговое помещение, которое открыто только для курьеров и в котором собираются онлайн-заказы для дальнейшей доставки покупателям. Одним из первых ритейлеров, запустивших данный формат в России стала компания X5 Retail Group.

Согласно исследованию МАДИ и Координационного совета по логистике¹, у 21 % компаний затраты на логистику в себестоимости продукции составляют от 11 до 20%, у 18% компаний — от 21 до 30%. Поэтому комплексные логистические и складские услуги с каждым годом становятся все более востребованными со стороны клиентов. При этом востребованность 3PL-услуг среди крупных компаний растет более высокими темпами, чем у средних и малых. Крупные компании все чаще оптимизируют свой бюджет отдавая на аутсорсинг комплекс своих потребностей в сфере логистики материальных потоков и фактически получают бесплатный консалтинг со стороны логистических компаний по оптимизации логистической деятельности.

Подводя итог анализу развития рынка складской недвижимости и складских услуг в России отметим, что в 2021—2024 гг. ожидается активное строительство и ввод объектов складской недвижимости в стране, которые будут востребованными — особенно склады класса А и В (при условии, что пандемия в стране постепенно будет идти на спад к 2021 г.). В кризис складская недвижимость показала себя как наиболее ликвидный актив для вложения инвестиций в сравнении с торговой и офисной недвижимостью. Эксперты прогнозируют значительный ввод новых складских комплексов и в регионах РФ в ближайшие 3—4 года.

¹ http://www.logistika-prim.ru/sites/default/files/log_0317_s14-19.pdf

Список литературы

1. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Конец «конца истории» и будущее экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). Экономические науки. Вып. 68. С. 7—8.
2. Плетнев Д. А. Трудная судьба российских быстрорастущих компаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 132—139.
3. Тиверовский В. И. Складская логистика на пути в цифровое будущее // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. 2020. № 2. С. 11—15.
4. Ефремова А. Д., Артамонов А. Е., Третьякова В. А. Анализ состояния и перспектив развития рынка складских услуг // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1(140). С. 441—443.
5. Абрамова М. Б., Булка В. Д., Вязовая В. А. О проблемах и тенденциях развития рынка складской логистики России // IV Ломоносовские чтения. Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 77—80.

Сведения об авторе

Николаева Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nikolaeva@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 220—223.*

DESPITE A PANDEMIC: OVERVIEW OF EMERGING MARKETS 2020 IN RUSSIA

E. V. Nikolaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

The warehouse logistics market is one of the fastest growing commercial real estate markets in Russia during the 2020 crisis. The demand for large warehouse premises from trading companies (retail and e-commerce) both in Moscow and in regions is growing every year. The article examines the dynamics of the commissioning of new warehouse space in Russia. The reasons for the high dynamics of the analyzed market are revealed, as well as the prospects for its development for the next 3—4 years. Special attention is paid to the direction of warehouse logistics — 3pl-services, the most popular and most promising of them are highlighted.

Keywords: *warehouse logistics, logistics services, 3pl-services.*

References

1. Barkhatov V., Pletnev D. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta*. vol. 3 (425), pp. 7—8 [in Russ.].
2. Pletnev D. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta*. vol. 2 (436), pp. 132—139 [in Russ.].
3. Tiverovsky V. I. (2020) *Transport: science, technology, management. Scientific information collection*, no. 2, pp. 11—15 [In Russ.].
4. Efremova A. D. (2020) *Eurasian Law Journal*, no. 1 (140), pp. 441—443 [in Russ.].
5. Abramova M. B. (2020) *IV Lomonosov Readings. Topical issues of fundamental and applied research. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*. Pp. 77—80 [in Russ.].

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Л. В. Камдина

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Челябинск, Россия*

Статья посвящена оценке влияния пандемии на качество жизни населения. Анализируются причины и темпы снижения реальных доходов населения. Проводится оценка экономической ситуации в различных отраслях народного хозяйства в период пандемии во взаимосвязи с сокращением уровня заработной платы сотрудников. Анализируется влияние пандемии на такой показатель качества жизни, как уровень развития здравоохранения и образования. Описываются проблемы, связанные со снижением качества и доступности медицинских и образовательных услуг. Описывается влияние пандемии на макроэкономические показатели.

Ключевые слова: *качество жизни населения, реальные располагаемые доходы, снижение доходов, пандемия, коронавирус, COVID-19.*

Под качеством жизни населения нами понимается социально-экономический комплексный показатель, включающий важнейшие аспекты жизнедеятельности и безопасности человека [9]. Согласно методике диагностики качества жизни, описанной коллективом авторов Института экономики УрО РАН, к показателям, позволяющим провести оценку основных аспектов жизнедеятельности, относятся:

1) Уровень доходов, включающий такие показатели, как:

- сводный индекс реальных доходов населения;
- доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума.

2) Уровень развития потребительского рынка, учитывающий:

- оборот розничной торговли на душу населения;
- объем платных услуг на душу населения.

3) Обеспеченность населения жильем и качество жилищных условий, оцениваемая с помощью частных показателей:

- общая площадь жилых помещений, приходящихся в целом на одного жителя;
- сводный индекс благоустройства жилищного фонда.

4) Обеспеченность населения основными материальными благами:

- число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения;
- число персональных компьютеров на 100 домохозяйств.

5) Уровень развития здравоохранения и образования, оцениваемый с помощью показателей:

- обеспеченность населения врачами;
- обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями;
- коэффициент младенческой смертности;
- доля квалифицированных кадров;
- число персональных компьютеров, используемых в учебных целях на 1000 обучающихся.

6) Состояние окружающей природной среды, определяемой такими показателями, как:

- объем выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников на единицу территории с учетом плотности населения;
- сброс загрязненных веществ в поверхностные водные объекты на единицу территории с учетом плотности.

И. В. Гришина, А. О. Польшев и С. А. Тимонин в систему показателей включают:

7) Состояние рынка труда и миграционная привлекательность, оцениваемое показателями:

- уровень общей безработицы экономически активного населения;
- удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более в общей численности безработных;
- коэффициент миграционной привлекательности региона [8; 2].

В 2020 г. мировое сообщество и население практически всех стран мира столкнулось с глобальной проблемой — новой инфекцией (COVID-19). Это существенно повлияло на все жизненно важные

аспекты жизнедеятельности населения, изменив качество его жизни.

Если на такой составляющей качества жизни, как состояние окружающей природной среды, пандемия 2020 г. сказалась позитивно в связи со снижением темпов промышленного производства и сокращением объемов выбросов и сбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, водные объекты и другие компоненты экосистемы, то на другие составляющие качества жизни населения пандемия повлияла весьма негативно.

В первую очередь негативные последствия пандемии сказались на одних из основополагающих показателей качества жизни — уровень доходов населения и состояние рынка труда. По официальным статистическим данным, около половины (49%) домохозяйств с начала пандемии столкнулись со значительным снижением реальных доходов. В период объявленных нерабочих дней в начале пандемии большая часть трудоспособного населения (около 14%) отправили в неоплачиваемые отпуска, около 15% были переведены на неполный рабочий день, часть потеряли работу. Люди столкнулись с серьезными проблемами, связанными с оплатой коммунальных услуг, арендных платежей, платежей по кредитам и других текущих расходов. Население, которое не имело сбережений, попав под сокращение или лишившееся заработка, столкнулось с проблемой финансирования своих первичных потребностей¹.

На рис. 1 представлены данные официальной статистики о росте/снижении реальных располагаемых

денежных доходов населения РФ к соответствующему периоду прошлого года, % за квартал². Если за период 2014—2016 гг. снижение доходов связано с финансовым кризисом, вызванным финансовыми санкциями за так называемую «аннексию» Крыма, то во втором квартале 2020 г. произошло стремительное снижение доходов населения вследствие остановки экономики из-за пандемии.

Главным образом сокращение доходов населения произошло вследствие введенных Правительством карантинных ограничений и связанным с этим ростом уровня безработицы. Так, во втором квартале 2020 г. реальные доходы домохозяйств с учетом антикризисных мероприятий сократились на 6%. Снижение без финансовой поддержки населения со стороны государства могло составить 7,5%. По оценкам экспертов реальные располагаемые доходы домохозяйств по итогам 2020 г. сократятся в среднем на 3,8%. Безработица в России в 2020 г. станет максимальной с 2011 г. и вырастет до 5,7%³.

Снижение заработной платы ожидается практически во всем коммерческом секторе экономики. Это связано со снижением прибыли коммерческих компаний, а в некоторых случаях с полной ее потерей. В этой связи предприятия вынуждены снижать фонд оплаты труда.

² Коронавирус повлияет на доходы (<https://35media.ru/articles/2020/04/22/koronavirus-povliyaet-na-dohody>; дата обращения 11.10.2020).

³ Последствия коронавируса COVID-19 для экономики России и пути их преодоления (<https://zen.yandex.ru/media/primelook/posledstviia-koronavirusa-covid19-dlia-ekonomiki-rossii-i-puti-ih-preodoleniia-5eb5f675d7c7396a9aa4aa46>; дата обращения 11.10.2020).

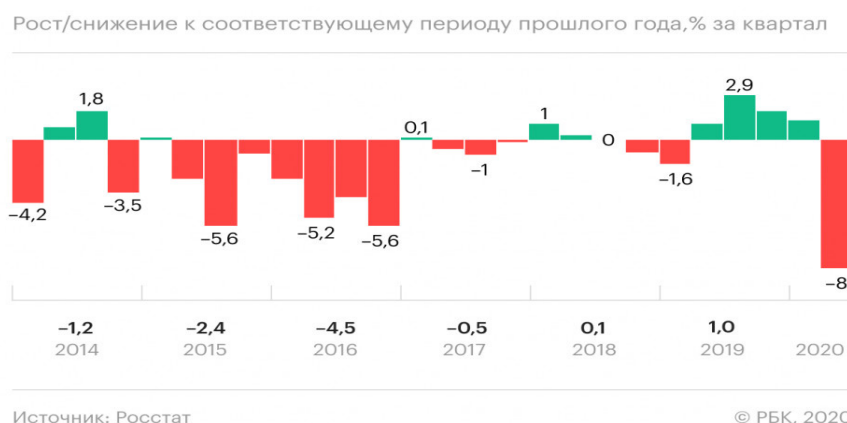

Рис. 1. Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения РФ

Источник: Коронавирус повлияет на доходы (<https://35media.ru/articles/2020/04/22/koronavirus-povliyaet-na-dohody>; дата обращения 11.10.2020).

На производственных предприятиях в структуре постоянных расходов расходы на оплату труда стоят на втором месте после расходов на сырье и материалы. Учитывая кадровый голод в рабочих профессиях, особенно в регионах и, как следствие, неполный штат сотрудников, сокращать фонд оплаты труда за счет увольнения производственного персонала эти предприятия, скорее всего, не станут. Однако снизить свои расходы на оплату труда они смогут через премиальные статьи. Так, по мнению Г. А. Майстренко, в зависимости от сферы производства, заработные платы могут упасть до окладной части, которая, как правило, составляет от 30 до 60% от общего дохода сотрудника. Таким образом, сотрудники не потеряют работу, но уровень их ежемесячного дохода может снизиться на 40—70%. Кроме этого, колоссальные убытки несет малый и средний бизнес [5].

Значительное сокращение заработной платы, по прогнозам О. В. Левшукова, коснется граждан, которые осуществляют свою трудовую деятельность в следующих отраслях народного хозяйства:

— гостиничный и ресторанный бизнес, который в период карантина пострадал больше всего. После отмены карантинных мероприятий требуются дополнительные расходы на проведение противовирусных мероприятий. Ужесточение требований к приему «отцифрованного» клиента, готового работать с минимизацией контактов;

— туристический бизнес, активно развивающийся как за счет внутренних ресурсов, так и за счет роста числа иностранных туристов, одновременно лишился всех оборотных средств. Этому способствовали отмена международного авиационного, автомобильного и железнодорожного сообщения, резкое снижение числа внутренних рейсов, запрет на массовые мероприятия, закрытие гостиниц, ресторанов, домов отдыха, туристических баз, пансионатов, детских летних лагерей. Это привело к сокращению персонала на фоне мировой нестабильности туристической отрасли в целом;

— фитнес-индустрия и бьюти-индустрия (салоны красоты, медицинские центры, студии загара, маникюрные студии, имидж лаборатории, фитнес центры и т. д.) на фоне пандемии терпят огромные убытки по причине невозможности обслуживания клиентов в удаленном формате;

— торговая отрасль — продавцы, где размер заработной платы зависит от объема продаж. Особенно это касается торговли непродовольственными товарами;

— банковский сектор — банковские работники по работе с клиентами в режиме офлайн. Сегодня практически все приложения позволяют совершать электронный документооборот и клиенты подготовлены к режиму взаимодействия онлайн;

— индустрия развлечений (музеи, кинотеатры, театры) — они испытывают двойной шок от снижения доходов населения и от сокращения рабочих мест в секторе после завершения режима самоизоляции;

— рынок аренды коммерческой и жилой недвижимости, падение, обусловленное оттоком мигрантов и сокращением работников в сферах торговли и услуг [4].

Более наглядно экономическая ситуация в различных отраслях народного хозяйства в период пандемии описана С. С. Солдатовой на рис. 2 [11].

Однако снижения заработной платы избежали сотрудники торговых сетей, осуществляющие продажи товаров массового потребления (продукты питания, медикаменты, алкоголь, табак и др.). Зарплаты курьеров даже увеличились в среднем на 30%. Также выросли зарплаты IT-специалистов, которых на рынке мало¹.

Кроме этого, в условиях пандемии население, осуществляющее трудовую деятельность в бюджетной сфере, по мнению О. А. Левшукова, снижение доходов не коснулось. Это государственные служащие, учителя, врачи, сотрудники правоохранительной деятельности, военнослужащие и др. [4].

О. В. Шувалова полагает, что затяжной период пандемии способствует так называемому «вымыванию» из бюджетов домохозяйств сбережений и накоплений, которые перестали пополняться, как это было до пандемии. Классический круговорот денежных средств в экономике, в экономике потребления, когда рост производства товаров и услуг напрямую зависит от роста покупательной способности населения, стремительно истощается [7].

Все это отражается на таких показателях качества жизни населения, как уровень развития потребительского рынка и обеспеченность населения основными материальными благами. Население, находясь в условиях неопределенности, на фоне снижения реальных доходов, вынуждено кардинально перераспределять свои расходы в направ-

¹ Рынок труда во время пандемии и после: что будет с вакансиями и зарплатами, и что нужно делать уже сейчас. // Банки сегодня (<https://bankstoday.net/last-articles/rynok-truda-vo-vremya-epidemii-i-posle-chto-budet-s-vakansiyami-i-zarplatami-i-chto-nuzhno-delatuzhe-sejchas>; дата обращения 11.10.2020).

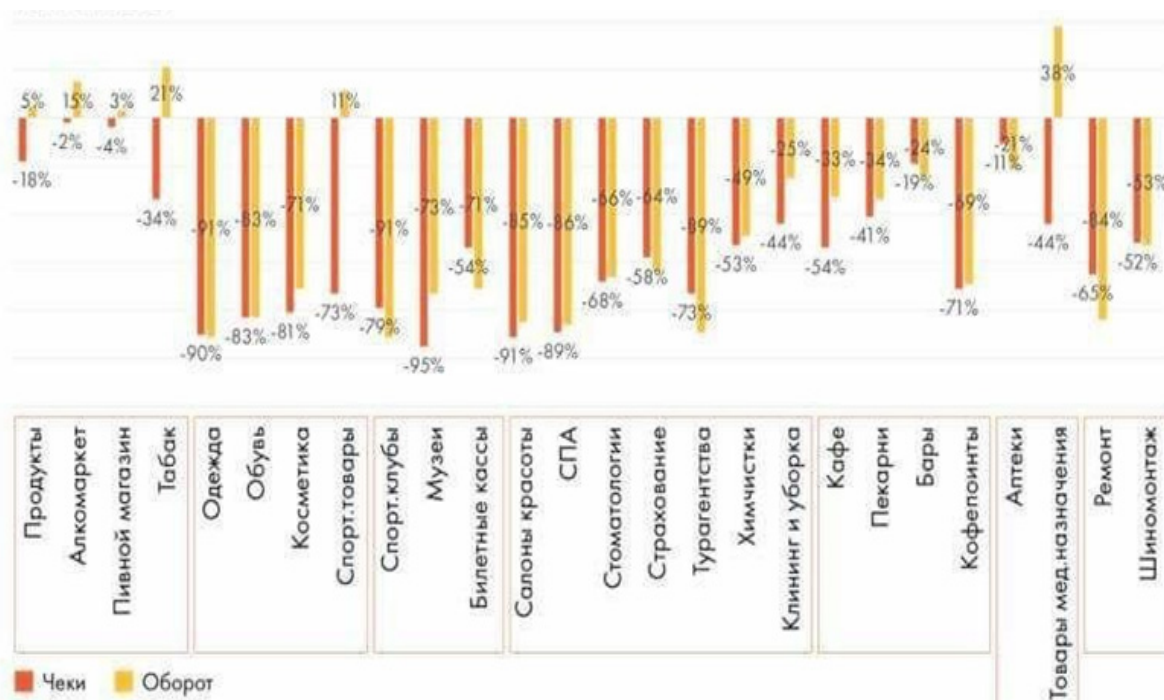

Рис. 2. Экономическая ситуация в различных отраслях российской экономики на фоне пандемии

Источник: Солдатова С.С., Солдатова В.В. Российский рынок труда в условиях нарастания экономического кризиса вследствие пандемии // StudNet. 2020. №2 (<https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-rynok-truda-v-usloviyah-narastaniya-ekonomicheskogo-krizisa-vsledstvie-pandemii>; дата обращения 20.10.2020).

лении продуктов и услуг первой необходимости, откладывая на неопределенный срок расходы, связанные с качественным и количественным улучшением жизни. Как правило, это расходы, связанные с улучшением жилищных условий (приобретение комфортного жилья), приобретение предметов роскоши, расходы на дополнительное образование, приобретение техники и электроники, красота, здоровье и многое другое.

Пандемия существенно повлияла на такой немаловажный показатель качества жизни, как уровень развития здравоохранения и образования.

Так, в период пандемии население столкнулось с проблемой неготовности системы здравоохранения к высокому росту заболеваемости новой коронавирусной инфекцией. Колоссальная нагрузка на систему здравоохранения начала давать сбои еще в первую волну пандемии: дефицит медицинского персонала, перегруженные больницы, дефицит медикаментов, медицинского оборудования для тяжелобольных пациентов. Вторая — осенняя волна коронавируса пандемии усугубилась ростом сезонных вирусных инфекций, что еще больше увеличило нагрузку на систему здравоохранения. Катастрофический дефицит медицинского персонала, нагрузка на медицинское оборудование (аппараты ИВЛ, КТ), время ожидания скорой ме-

дицинской помощи, все это способствует росту заболеваемости и смертности. Кроме этого, на время карантинных мероприятий и переоборудования медицинских учреждений под лечение ковидных больных, на неопределенный срок практически приостановлены все плановые операции (опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы и др.).

С серьезными проблемами столкнулись и в образовательной сфере — переход на дистанционное обучение произошел настолько быстро, что система образования и население оказались к этому не готовы. Педагогам и обучающимся осваивать новые образовательные платформы приходилось «на ходу». Не возможность подключения к Интернету и низкая его скорость практически парализовали возможность получения образовательных услуг жителям отдаленных территорий. Кроме этого, не во всех домохозяйствах имелись компьютеры и другие гаджеты, с помощью которых можно было поддерживать связь с педагогами. Все это, несомненно, снизило качество образовательных услуг для населения.

По мнению С. С. Солдатовой, в условиях вынужденной полной изоляции, действия ограничительных мер в отношении передвижения товаров и людей, происходит снижение предпринимательской, инвестиционной активности бизнеса

и покупательской способности населения вследствие сокращения доходов, что в совокупности негативно влияет на национальную экономику [10].

В своей работе Т. В. Шагинян описывает влияние снижения качества жизни на макроэкономику. По мнению автора, вызванное пандемией снижение качества жизни населения напрямую отражается на макроэкономических показателях. Недополученные малым и средним бизнесом доходы неизбежно повлекут за собой сокращение издержек, что повлечет за собой вторую и последующую волны безработицы и падения потребительского спроса. Без финансовой поддержки государства пойдет на спад строительная отрасль и завязанные на ней рынки строительных и отделочных материалов, мебели и предметов интерьера [6].

В статье Т. А. Злотниковой описывается влияние пандемии на финансовую сферу. Автор полагает, что резкое падение числа операций и снижение спроса на кредиты, а в прогнозируемом будущем, увеличение объема просроченных кредитов и банкротств заемщиков наряду с высоким оттоком средств с депозитов и сокращением привлекаемых денежных средств от физических лиц проверит на прочность не только коммерческие банки, но и крупные банки с высоким процентом государственного участия [3].

Рассуждая о последствиях пандемии, В. В. Буряк полагает, что самая продолжительная по масштабам

и времени остановка всей экономики в нашей стране произошла впервые за 25 лет. Экономические прогнозы зависят от продолжительности и масштабов дальнейшего распространения коронавируса в мире: остановлены производства; цены на российскую нефть упали на 20%; растет курс доллара; прекращено транспортное сообщение с другими странами; приостановлены закупки в Китае (а это 12% от всего количества товаров, экспортируемых в Россию) [1].

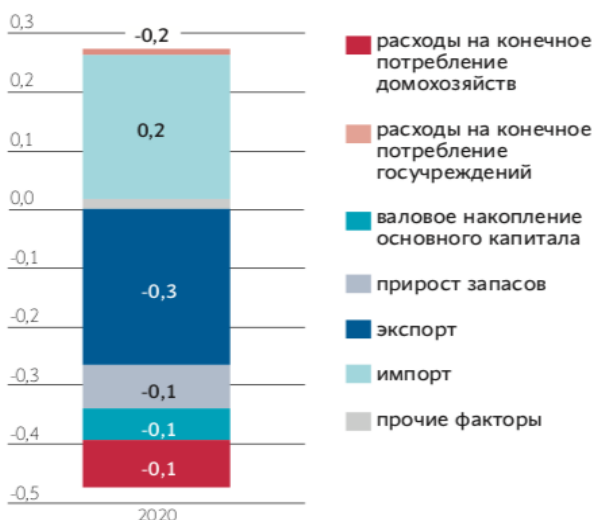
По мнению экспертов, последствия пандемии РФ будет преодолевать около четырех лет. На рис. 3 продемонстрирован прогноз влияния пандемии на российскую экономику по базовому и кризисному сценариям.

По мнению О. В. Шуваловой, пандемия-2020 затронула всю мировую экономику, наша страна в этой беде не одинока. Однако вследствие слабости российской экономики и низкого уровня жизни, россияне сильнее ряда других стран почувствуют удар новой инфекции на экономику [7].

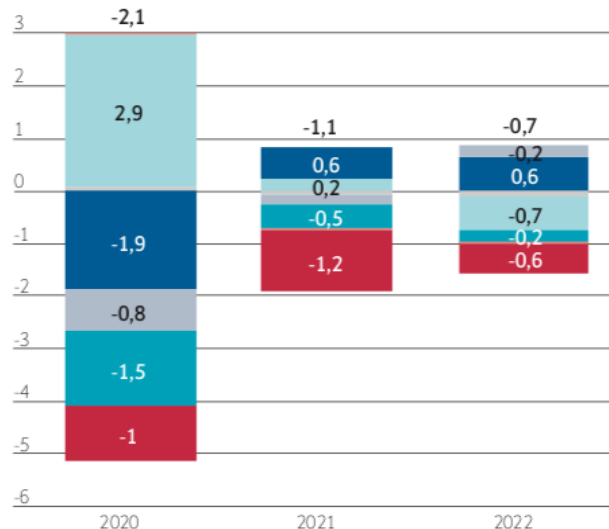
Поскольку пандемия не закончилась, сложно всесторонне оценить масштабы ее влияния на экономику страны, отдельные отрасли народного хозяйства и качество жизни населения. Но с уверенностью можно утверждать, что негативные ее последствия отразились на качестве жизни населения.

процентных пунктов ВВП

БАЗОВЫЙ СЦЕНАРИЙ

КРИЗИСНЫЙ СЦЕНАРИЙ

ИСТОЧНИК: ЦМАКП

Рис. 3. Влияние коронавируса на российскую экономику в 2020 г. и предполагаемый прогноз

Источник: Последствия коронавируса COVID-19 для экономики России и пути их преодоления (<https://zen.yandex.ru/media/primelook/posledstviia-koronavirusa-covid19-dlia-ekonomiki-rossii-i-puti-ih-preodoleniia-5eb5f675d7c7396a9aa4aa46>; дата обращения 11.10.2020).

Список литературы

1. Буряк В. В. Пандемия COVID-19: возможна ли жизни «после всего этого»? // Авиценна. 2020. № 71. С. 18—22.
2. Гришина И. В., Полюнев А. О., Тимонин С. А. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. 2012. № 1. С. 70—83.
3. Злотникова Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на развитие бизнеса на территории России // Актуальные вопросы передовых научных исследований: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург. 2020. С. 64—67.
4. Левшукова О. А., Матвеева А. С., Позоян Д. П. Возможные последствия пандемии COVID-19 на развитие экономики России // Естественно гуманитарные исследования. 2020. № 29. С. 191—194.
5. Майстренко Г. А., Майстренко А. Г. Действия работодателя в условиях пандемии COVID-19 и после // Образование и право. 2020. № 4. С. 92—96.
6. Шагинян Т. В. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 // Новые экономические исследования: Сб. статей Междунар. науч. — практ. конф. 2020. С. 73—75.
7. Шувалова О. В. Уровень жизни и качество жизни: факторы и российская специфика // АНИ: экономика и управление. 2018. № 1 (22). С. 276—279.
8. Куклин А. А., Гурбан И. А., Васильева Е. В. Комплексная методика диагностики качества жизни в регионе / под ред. Татаркина А. И., Куклина А. А.; 2-е изд., испр., доп. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 135 с.
9. Камдина Л. В. Развитие методического инструментария оценки влияния антропогенных факторов промышленного производства на качество жизни населения: дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2019. 145 с.
10. Солдатова С. С., Пивкина К. Р. Экономические последствия пандемии «COVID-19» для России // StudNet. 2020. № 2.
11. Солдатова С. С., Солдатова В. В. Российский рынок труда в условиях нарастания экономического кризиса вследствие пандемии // StudNet. 2020. № 2.

Сведения об авторе

Камдина Людмила Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия; доцент кафедры экономики, финансов и управления Уральского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, Челябинск, Россия. kamdina_prof@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 224—230.*

ASSESSING THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC FOR THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

L. V. Kamdina

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kamdina_prof@mail.ru
Ural branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia*

The article is devoted to assessing the impact of the pandemic on the quality of life of the population. The reasons and rates of decline in real incomes of the population are analyzed. The assessment of the economic situation in various sectors of the national economy during the pandemic is carried out in conjunction with the reduction in the level of wages of employees. The impact of the pandemic on such an indicator of the quality of life as the level of development of health care and education is analyzed. The problems associated with the decline in the quality and availability of medical and educational services are described. The impact of the pandemic on macroeconomic indicators is described.

Keywords: *quality of life of the population, real disposable income, decrease in income, pandemic, coronavirus, COVID-19.*

References

1. Buryak V. V. (2020) *Avitsenna*, no. 71, pp. 18—22 [in Russ.].
2. Grishina I. V., Polynev A. O., Timonin S. A. (2012) *Sovremennyye proizvoditel'nyye sily*, no. 1, pp. 70—83 [in Russ.].
3. Zlotnikova T. A. (2020) Aktual'nyye voprosy peredovykh nauchnykh issledovaniyf. St. Petersburg. Pp. 64—67 [in Russ.].
4. Levshukova O. A., Matveeva A. S., Pozoyan D. P. (2020) *Yestestvenno gumanitarnyye issledovaniya*, no. 29, pp. 191—194 [in Russ.].
5. Maystrenko G. A., Maistrenko A. G. (2020) *Obrazovaniye i parvo*, no. 4, pp. 92—96 [in Russ.].
6. Shahinyan T. V. (2020) Novyye ekonomicheskiye issledovaniya. P. 73—75 [in Russ.].
7. Shuvalova, OV (2018) *ANI: ekonomika i upravleniye*, no. 1 (22), pp. 276—279 [in Russ.].
8. Kuklin A. A., Gurban I. A., Vasilyeva E. V. (2010) Kompleksnyy metod diagnostiki kachestva zhizni v regione. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN. [A comprehensive method for diagnosing the quality of life in the region. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 135 p. [in Russ.].
9. Kamdina L. V. (2019) Razrabotka metodicheskogo instrumentariya otsenki vliyaniya antropogennykh faktorov promyshlennogo proizvodstva na kachestvo zhizni naseleniya: avtoref. [Development of methodological tools for assessing the impact of anthropogenic factors of industrial production on the quality of life of the population: dissertation]. 145 p. [in Russ.].
10. Soldatova S. S., Pivkin K. R. (2020) *StudNet*, no. 2 [in Russ.].
11. Soldatova S. S., Soldatova V. V. (2020) (2020) *StudNet*, no. 2 [in Russ.].

ОСОБЕННОСТИ БЫСТРОРАСТУЩИХ КОМПАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Д. А. Плетнев¹, К. А. Наумова^{1,2}

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Челябинск, Россия

Промышленность является одним из наиболее важных секторов для экономики любой страны, поскольку именно в ней происходит формирование реального ВВП, аккумулируется высокий технический и технологический потенциал. Промышленные предприятия обеспечивают высокий уровень занятости, налоговых отчислений, являются активными участниками в создании общей инфраструктуры и прочих положительных эффектов для экономики и общества. Быстрорастущие компании, как одна из форм высокоэффективных фирм, представляют особый интерес для ученых и предпринимателей. В статье представлены результаты систематизации современных особенностей быстрорастущих компаний, действующих в российской промышленности. Отдельное внимание уделяется особенностям, которые были сформированы под влиянием процессов становления и развития российской промышленности, а также обусловлены стратегией развития государства в части промышленного сектора.

Ключевые слова: быстрорастущая фирма, российская промышленность, газель.

Согласно стратегии развития Российской Федерации, промышленность выступает одним из основных приоритетных направлений. Так, в Послании Президента Федеральному Собранию 2020 г. акцентируется внимание на необходимости запуска новых инвестиционных циклов, наращивании вложений в создание и обновление рабочих мест, инфраструктуру, в развитие промышленности для достижения поставленной цели в части темпов роста ВВП России на уровне выше мировых в 2021 г.¹

Ведущие российские экономисты отмечают необходимость структурных изменений и модернизацию промышленности как неотъемлемую часть качественного и количественного роста экономики. У. Р. Решетова проанализировала соотношение трех сфер российской экономики: услуги, промышленное производство, сельское хозяйство [13]. С 2014 по 2018 г. отмечается стабильный рост доли промышленного производства с 22,2 до 26,6%. Данный факт указывает на усиление роли промышленности в формировании ВВП.

На данный момент промышленность России характеризуется рядом насущных проблем, которые препятствуют ее развитию и развитию экономики в целом. Проблемы промышленности и промышленной политики освещаются многими российскими учеными, в том числе А. С. Булатовым [12],

Р. С. Гринбергом [6], О. С. Сухаревым [15]. Авторы видят решение сложившейся проблемы в нивелировании влияния институтов, препятствующих предпринимательской инновационной активности, повышении доли инвестиций в производственный сектор экономики, разработке и реализации пересмотренной государственной политики промышленного регулирования.

С. Д. Бодрунов обращает внимание на необходимость качественного изменения экономических условий функционирования, без чего невозможен эффективный экономический рост [3]. Необходимость экономического развития, не только роста, так как эти две категории могут существовать независимо, обсуждаются в том числе и А. В. Бузгалиным [4]. А. В. Бузгалин обосновывает важность именно социально-экономического развития, часть чего также способны обеспечить газели. Достижение экономического развития должно опираться на закономерности долгосрочного экономического роста приоритетных направлений, определенных с учетом кластеров новых производств.

Быстрорастущие компании благодаря своей природе, выраженной в эффективности структуры распределения ресурсов и управления, способны стать опорным механизмом в части формирования общеэкономического роста. Поддержка и стимулирование, формирование благоприятных условий для появления быстрорастущих компаний в промышленности могут стать эффективным инструментом поддержания стабильности экономического роста.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию от 15 января 2020 года (<http://kremlin.ru/events/president/news/62582>).

Родоначальником теории о быстрорастущих фирмах (газелях) и автором данной категории является американский ученый Д. Берч [1]. Им была обнаружена малая группа отличающихся от общей массы фирм, характеризующихся, во-первых, своей финансовой «успешностью», а во-вторых, вносящая несоизмеримо с масштабами их деятельности вклад в прирост занятого населения. В качестве идентификаторов газелей Д. Берч использовал критерии не менее 20% ежегодного прироста выручки на протяжении не менее 5 лет.

Одним из первых ученых, внесших значительный вклад в раскрытие природы российских быстрорастущих фирм, является А. Ю. Юданов [16]. Анализу подлежали данные 1999—2006 гг. Результаты исследования показали, что российские газели в целом проявляют схожую природу с зарубежными представителями, однако доля их в только устанавливающейся российской рыночной экономике заметно выше европейских значений, в 2—3 раза. Изначально основой методики анализа российских фирм стали критерии Д. Берча. Однако позже А. Ю. Юданов повысил пороговое значение минимального роста до 30%, а дефлированное значение прироста выручки заменил на реальное [17].

Также исследования быстрорастущих компаний в России проводились В. И. Бархатовым, Д. А. Плетневым [9], С. П. Земцовым, А. Ф. Маскаевым [7] и др. Так, газели обладают большей способностью генерировать прибыль, что отражает их устойчивость к изменениям экономического макроклимата. Малые предприятия легче достигают стремительного и устойчивого роста. Быстрорастущие компании присутствуют во всех сферах деятельности, но их распределение неоднородно. Ранее основы для исследования особенностей промышленных быстрорастущих фирм уже были заложены авторами в [2], [10].

Особенности быстрорастущих промышленных предприятий часто обуславливаются общими отраслевыми специфическими чертами. Многие ученые-экономисты сходятся во мнении, что экономика России находится в системном кризисе, что явно отражается и проявляется в промышленном производстве. Данная ситуация сложилась под влиянием геополитических процессов.

Одной из основных проблем, сдерживающих рост быстрорастущих промышленных предприятий, является высокая степень изношенности основных производственных фондов, поскольку многие предприятия в период распада Советского Союза были приватизированы. То есть многие промыш-

ленные фирмы до сих пор используют потенциал оборудования и технологии советского периода. Общая тенденция износа основных фондов промышленных предприятий обрабатывающих производств представлена на рис. 1. Общий уровень износа находится на уровне 50,6%, что выводит Россию в число лидеров рейтинга стран по уровню изношенности основных фондов. Значение показателя по всем видам деятельности равно 46,6%, что ниже значения для обрабатывающих производств.

Е. В. Вылежанина, В. А. Росляков отмечают следующую тенденцию: «Степень износа и доля полностью изношенных ОС имеют динамичную тенденцию к увеличению, в то же время коэффициент обновления не имеет сильных изменений, а коэффициент выбытия только уменьшается, следовательно, предприятия используют старые основные фонды, которые не заменяются новыми в полном необходимом объеме» [5]. Среди основных причин, обуславливающих бедственное положение основных фондов обрабатывающих предприятий, авторы отмечают экономию предприятий на развитии, недостаток высококвалифицированных специалистов, отсутствие надлежащего уровня контроля со стороны руководства предприятий за использованием воспроизводимых основных фондов.

Актуальной проблемой для промышленных предприятий остается высокий уровень зависимости от импортного оборудования, расходных материалов и т. д. Это накладывает дополнительные риски на быстрорастущие фирмы, что также негативно отражается на скорости и стабильности роста фирмы. Риски могут быть сопряжены с курсовой разницей, наложением дополнительных санкций европейскими странами-поставщиками, задержками таможенного оформления, декларирования и многим другим. Несмотря на то что в последние годы государство активно проводит политику импортозамещения, некоторые категории средств производства не могут быть полностью замещены продукцией отечественных производителей в силу отсутствия инфраструктуры и опыта в их производстве. Среди отраслевого распределения именно обрабатывающие производства являются лидерами по зависимости импортного оборудования. Ю. Симачев, М. Кузык, Н. Зудин отмечают, что наиболее импортозависимыми являются следующие виды обрабатывающих производств: легкая и текстильная промышленность, деревообработка и производство изделий из дерева, бумаги и картона, фармацевтика, автомобилестроение [14]. Наименьшие

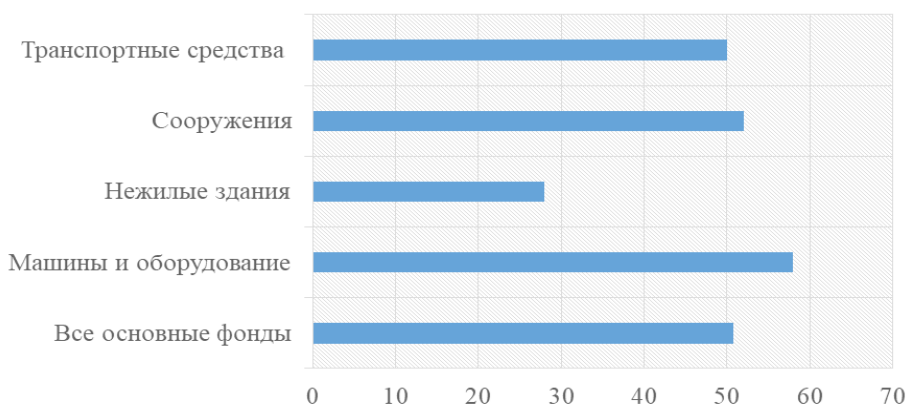

Рис. 1. Степень износа основных фондов предприятий обрабатывающих производств за 2018 г., %

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (Степень износа основных фондов на конец года по полному кругу организаций // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58545>).

трудности с получением средств производства и комплектующих испытывают предприятия-производители железнодорожной техники, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, производство машин и оборудования, кроме станков, судостроение и т. д. Существует следующая зависимость — чем меньше компания экспортирует собственную продукцию, тем менее она зависит от импорта и меньше использует его в силу отсутствия конкуренции на внешнем рынке. Самыми импортозависимыми, по мнению ученых, являются предприятия высокотехнологичной сферы.

Некоторыми предприятиями, в том числе фармацевтическими и производящими медицинское оборудование, предпринимался опыт сотрудничества с российскими компаниями, которые пытались заменить высоковостребованные импортные комплектующие, но результаты такого опыта оказались негативными и привели к потерям, высокому уровню брака и простоя оборудования ввиду отсутствия как импортного сырья, так и произведенного отечественными предприятиями надлежащего качества. На рис. 2 представлены основные причины использования импорта отечественными производителями.

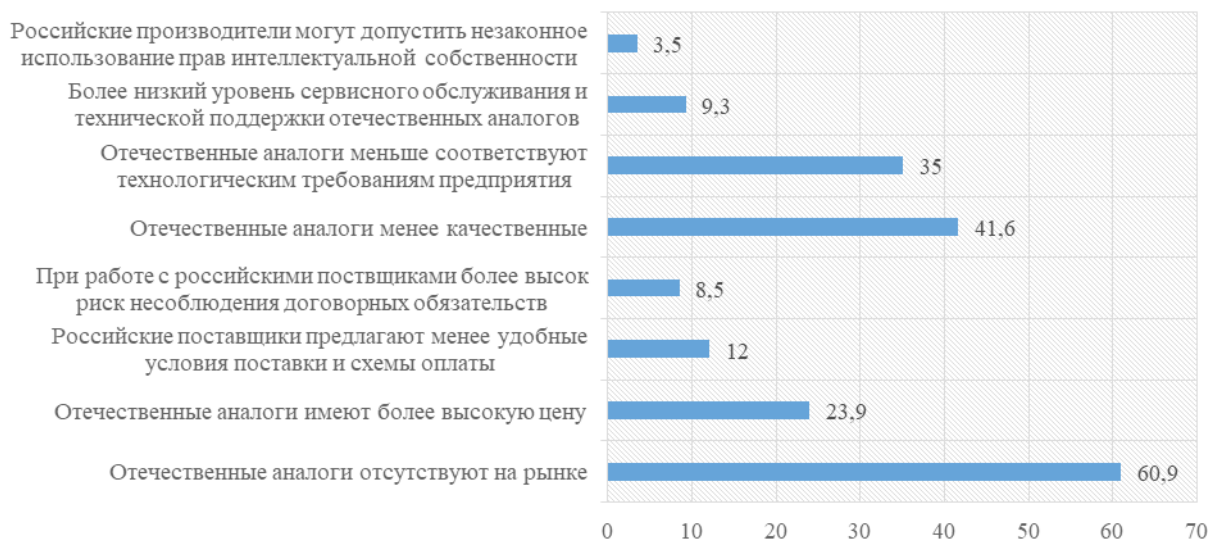

Рис. 2. Основные причины использования импорта, %

Источник: Ю. Симачев, М. Кузык, Н. Зудин [14].

Следующей особенностью быстрорастущих промышленных предприятий является высокая зависимость от отношения к ним со стороны государства, что сказывается на их большей успешности или вызывает дополнительное сдерживание роста и развития. Наличие положительного отношения к промышленной быстрорастущей фирме может стать драйвером ее развития. Многие крупные, порой градообразующие предприятия пользуются поддержкой как местных органов самоуправления, так и региональных и даже национальных властей. Поддержка выражается в виде дотаций, субвенций, кредитов с пониженными ставками и т. д. Также одной из форм поддержки может выступать «госзаказ», обеспечивающий стабильно высокий уровень занятости производительных мощностей. Однако такими «благами» со стороны государства пользуются, как правило, только крупные предприятия. С другой стороны, быстрорастущая фирма может столкнуться с дополнительными сложностями в случае, если представители государственного аппарата негативно настроены к фирме или отдельным ее представителям. Помимо отсутствия поддержки, распространенными методами воздействия являются внеплановые проверки налоговых инспекций, санитарно-эпидемиологических, пожарной и других служб.

Низкая конкурентоспособность части отраслей обрабатывающих производств на внешнем рынке приводит к ограничению роста промышленных быстрорастущих фирм. Продукция некоторых отраслей российской промышленности ориентирована преимущественно на внутренний рынок. Одним из ярких примеров является машиностроительная отрасль [8]. Если грузовые машины отечественного производства еще пользуются спросом за рубежом в силу невысокой цены, доступности комплектующих средств и запасных частей, а также относительной легкости ремонта и обслуживания, то с интересом к легковым автомобилям отечественных марок возникают сложности. Качество производимых легковых автомобилей уступает импортным конкурентам. В противовес машиностроению можно привести металлургическое производство, продукция которого имеет высокий спрос как внутри страны, так и за ее пределами, причем география экспорта весьма широкая.

Рост быстрорастущих промышленных компаний обусловлен сложившейся инфраструктурой, созданной государством в рамках промышленной политики. Государством создан ряд институтов,

призванных способствовать развитию инноваций, высоких технологий и прочих аспектов деятельности промышленного предприятия. Примерами таких институтов являются Инновационный центр «Сколково», Государственная корпорация «Ростех», Российский фонд технологического развития, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и др. Промышленные предприятия, как правило, нуждаются в высококвалифицированных кадрах. С этой целью созданы кафедры с узкой направленностью подготовки специалистов при государственных высших учебных заведениях. Отдельное внимание стоит уделить инвестиционной промышленной политике. На данном этапе инвестиционная помощь носит, скорее, адресный характер наиболее потенциально перспективным предприятиям в стратегически важных отраслях. Данные меры уже являются значимой поддержкой крупным предприятиям, но при расширении охвата тех самых предприятий, способных воспользоваться инвестиционной поддержкой, доля быстрорастущих фирм в промышленности увеличится.

Также в качестве особенности промышленных газелей является выявленная ранее [11] тенденция: межотраслевой анализ показал, что именно в промышленности быстрорастущие компании оказываются менее успешными с точки зрения прибыли «на дистанции». Они проигрывают компаниям, действующим в сфере АПК, транспорта и торговли. Этот факт объясняется высокой капиталоемкостью производства и высокими рисками, особенно ярко проявляющимися в нестабильной внешней среде. Также следует отметить, что часто итогом эволюции промышленной газели становится ее поглощение более крупными игроками, что также является негативным фактором для всей национальной экономики, предпринимательский потенциал которой сокращается.

Таким образом, можно выделить следующие особенности, определяющие условия для развития быстрорастущих фирм в российской промышленности:

1. Быстрый рост существующих промышленных фирм в России сдерживается высокой степенью изношенности основных производственных фондов.

2. Высокий уровень зависимости быстрорастущих промышленных фирм от импортного оборудования, расходных материалов вынуждает быстрорастущие промышленные фирмы испытывать дополнительные риски, которые могут

отражаться на росте (санкции, курсовые скачки и т. д.).

3. Высокая зависимость быстрорастущих промышленных фирм от отношения со стороны государства может служить как драйвером роста промышленной фирмы в случае положительного отношения, так и сдерживающим фактором, проявляющимся в отсутствии поддержки по стороны государства.

4. Низкая конкурентоспособность части отраслей обрабатывающих производств на внешнем рынке приводит к ограничению роста промышленных быстрорастущих фирм.

5. Рост быстрорастущих промышленных фирм обусловлен сложившейся инфраструктурой, соз-

данной государством в рамках промышленной политики.

6. Невысокая эффективность промышленных газелей по сравнению с действующими в других отраслях, а также риски поглощения.

В целом быстрорастущие промышленные фирмы сталкиваются с большим количеством трудностей и сдерживающими их рост факторами. Однако государственная политика последних лет активно направлена на поддержку промышленности. У промышленных быстрорастущих фирм есть большой потенциал стать драйвером экономического роста, для чего необходимо понимать их природу и сложившиеся в российских реалиях особенности.

Список литературы

1. Birch D. L. Who creates jobs? // The public interest. 1981. Vol. 65, № 3.
2. Pletnev D., Naumova K., Mirvahedi S. High-growth firms in transport sector (Russian experience) // E3S Web of Conferences. Key Trends in Transportation Innovation, КТТИ. 2019. 2020. С. 04029.
3. Бодрунов С. Д. Россия: догонять или опережать? Ноономика: монография. М.; СПб.; Лондон, 2018.
4. Бузгалин А. В. Нужны ли российской экономике глубокие изменения? // Научные труды ВЭО России. 2018. Т. 214, № 6. С. 432—449.
5. Вылежанина Е. В., Росляков В. А. Проблема высокой степени износа основных средств на обрабатывающих предприятиях в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 12-2.
6. Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е. О промышленном развитии Российской Федерации // Экономика и управление. 2018. № 5. С. 2.
7. Земцов С. П., Маскаев А. Ф. Быстрорастущие фирмы в России: характеристики и факторы роста // Инновации. 2018. № 6. С. 30—38.
8. Иванова Е. А., Елагина Н. В. Особенности функционирования промышленных предприятий в современных экономических условиях // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2016. № 2(54). С. 108—113.
9. Модель успешного предприятия малого и среднего бизнеса в России: монография / под общ. ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева. М.: Перо, 2016. 320 с.
10. Наумова К. А. Быстрорастущие компании в промышленности как драйвер экономического роста России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 4. С. 464—480.
11. Плетнев Д. А. Трудная судьба российских быстрорастущих компаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 132—139.
12. Промышленная политика: монография / под общ. ред. А. С. Булатова. М.: КноРус, 2020.
13. Решетова У. Р. Анализ структуры российской экономики на современном этапе // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 3. С. 26—30.
14. Симачев Ю., Кузык М., Зудин Н. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса // Форсайт. 2016. Т. 10, № 4. С. 25—45.
15. Сухарев О. С. Промышленность России: проблемы развития и системные решения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 2. С. 69—87.
16. Юданов А. Ю. Покорители «голубых океанов» (фирмы-«газели» в России) // Конкурентные стратегии и тактики. 2010. № 2 (20).
17. Юданов А. Ю., Яковлев А. А. «Неортодоксальные» быстрорастущие фирмы-«газели» и порядок ограниченного доступа // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 80—101.

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Наумова Ксения Андреевна — аспирантка департамента отраслевых рынков Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Челябинск, Россия; Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. naumova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). *Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 231—237.*

HIGH-GROWTH FIRMS' FEATURES IN THE RUSSIAN INDUSTRY

D. A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

K. A. Naumova

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia;
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. naumova@csu.ru*

Industry is one of the most important sectors for the economy of any country, because it provides real GDP formation and accumulates high technical and technological potential. Industrial enterprises provide a high level of employment, tax deductions, play active role in the creation of general infrastructure and other positive effects for the economy and society. High-growth firms, as a form of highly efficient firm, are of particular interest to scholars and entrepreneurs. The paper presents the results of systematization of modern features of high-growth firms in the Russian industry. Particular attention is paid to the features that were formed under the influence of the processes of formation and development of Russian industry, as well as the Russian development strategy in terms of the industrial sector.

Keywords: *high-growth firm, Russian industry, gazelle.*

References

1. Birch D. L. (1981) *The public interest*, vol. 65, no. 3.
2. Pletnev D., Naumova K., Mirvahedi S. (2020) *E3S Web of Conferences. Key Trends in Transportation Innovation, KTTI 2019*, pp. 04029.
3. Bodrunov S. D. (2018) *Rossiya: dogonyat' ili operezhat'?* Noonomika [Russia: catch up or outrun? Noonomics]. Moscow, St. Petersburg, London [in Russ.].
4. Buzgalin A. V. (2018) *Nauchnyye trudy VEO Rossii*, vol. 214, no. 6, pp. 432—449 [in Russ.].
5. Vylezhanina Ye. V., Roslyakov V. A. (2018) *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, no. 12-2 [in Russ.].
6. Grinberg R. S., Sorokin D. Ye. (2018) *Ekonomika i upravleniye*, no. 5 [in Russ.].
7. Zemtsov S. P., Maskayev A. F. (2018) *Innovatsii*, no. 6, pp. 30—38 [in Russ.].
8. Ivanova Ye. A., Yelagina N. V. (2016) *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH)*, no. 2 (54), pp. 108—113 [in Russ.].
9. Barkhatov V. I., Pletnov D. A. (2016) *Model' uspehnogo predpriyatiya malogo i srednego biznesa v Rossii* [Model of a successful small and medium-sized business in Russia]. Moscow, Pero. 320 p. [in Russ.].
10. Naumova K. A. (2020) *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, no. 4, pp. 464—480 [in Russ.].

11. Pletnev D. A. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (425), pp. 132—139 [in Russ.].
12. Bulatov A. S. (2020) *Promyshlennaya politika* [Industrial policy]. Moscow, KnoRus [in Russ.].
13. Reshetova U. R. (2019) *Nauchnoye obozreniye. Ekonomicheskiye nauki*, no. 3, pp. 26—30 [in Russ.].
14. Simachev Yu., Kuzyk M., Zudin N. (2016) *Forsayt*, vol. 10. no. 4, pp. 25—45 [in Russ.].
15. Sukharev O. S. (2016) *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, no. 2, pp. 69—87 [in Russ.].
16. Yudanov A. Yu. (2010) *Konkurentnyye strategii i taktiki*, no. 2 (20) [in Russ.].
17. Yudanov A. Yu., Yakovlev A. A. (2018) *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 80—101 [in Russ.].

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Г. Н. Пряхин¹, К. А. Амелишин²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Агентство по страхованию вкладов, Москва, Россия

Вопрос легализации (отмывания) стремительно врывается в мировую экономику на протяжении последних 20 лет. Социально-экономическая система появилась в качестве отдельной области исследования в конце двадцатого века. Говоря о социально-экономических правонарушениях в области легализации доходов, стоит отметить, что основным катализатором является жажда денег. Эти преступления всегда совершаются образованными, высококвалифицированными и социально подкованными людьми. Отличительной чертой социально-экономических преступлений является то, что преступники проводят очень много экономических процессов в различных социальных и финансовых институтах с целью маскировки незаконно полученных денег. С одной стороны, Россия находится в постоянной конкуренции по развитию информационных технологий, освоению киберпространства и электронного мира, однако, с другой стороны, уровень социально-экономических преступлений растет и ухудшает качество жизни людей. На фоне этой социально-экономической проблемы увеличивается разрыв между классами людей. В данной статье представлены тезисы по развитию социально-экономических мер по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем (далее — ПОД/ФТ).

Ключевые слова: финансовая безопасность региона, легализация доходов, преступность в сфере отмывания доходов.

В последнее время все более актуальным становится вопрос легализации (отмывания) денежных средств. Безусловно, такие противоправные действия наносят непоправимый вред как экономике страны, так и региональной экономике в целом. Доходы, полученные от преступлений (например, от торговли наркотиками, подкупа и др.), расширяют возможности преступных группировок, в связи чем страдают все слои населения: предприятия малого и среднего бизнеса, бюджеты регионов и бюджет страны. Все это приводит к социально-экономическим последствиям, если их не ограничивать или бороться с ними неэффективно.

Термин «отмывание доходов от преступной деятельности» был закреплен в Конвенции Совета Европы от 8 ноября 1990 г., которая была заключена в Страсбурге и ратифицирована Российской Федерацией 28 мая 2001 г. [9]. В данной статье под легализацией (отмыванием) доходов понимается процесс, при котором преступники пытаются скрыть право собственности и происхождение своих доходов, полученных от преступной деятельности, избегая противодействия со стороны регулирующих и правоохранительных органов.

Оценку масштабам легализации преступных доходов дает Всемирный банк и МВФ: отмывание

денег составляет 3—5 % от мирового ВВП, или же от 1,5 до 3,7 трлн долл. [11].

В России статистику по выводу денег за границу и обналичиванию в банковском секторе подвели Росфинмониторинг и Банк России. Наиболее крупная цифра хищения активов в сумме более 300 млрд руб. зафиксирована в отчете Росфинмониторинга за 2017 г.

На текущую дату цифры можно представить, как показано на рис. 1 и 2.

Отмывание денег влияет на экономику мира в целом [3], поскольку регулируемые субъекты, такие как банки и финансовые учреждения, являются основными источниками, которые имеют дело с деньгами в стране. Банки и другие финансовые учреждения могут непреднамеренно использоваться в качестве посредников для перевода или депонирования средств, полученных в результате преступной деятельности. Существует несколько рисков, связанных с поддержанием и надзором банковских отношений, о которых должны знать финансовые организации и сотрудники [5]. Взаимодействие банков должно быть безопасным и хорошо организованным, чтобы отслеживать необычный поток транзакций. Криминализация кредитно-банковской системы имеет явно устойчивый характер

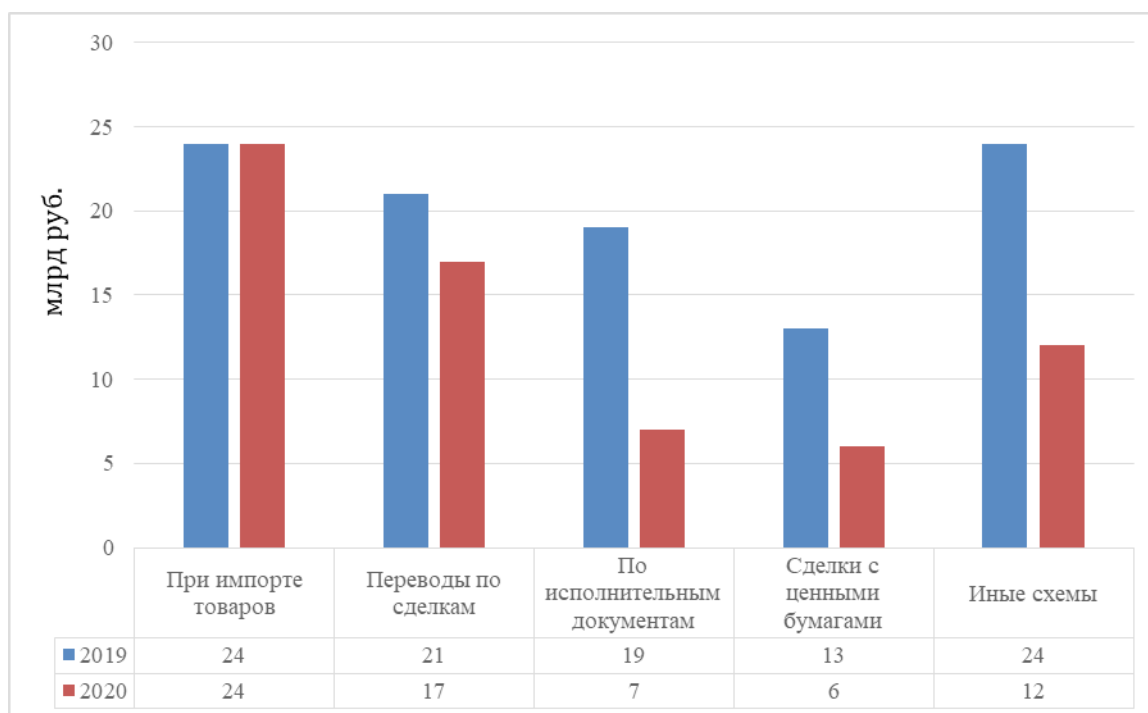

Рис. 1. Способы вывода денег юридическими лицами

Источник: составлено автором на основе данных Банка России (<https://www.cbr.ru>).

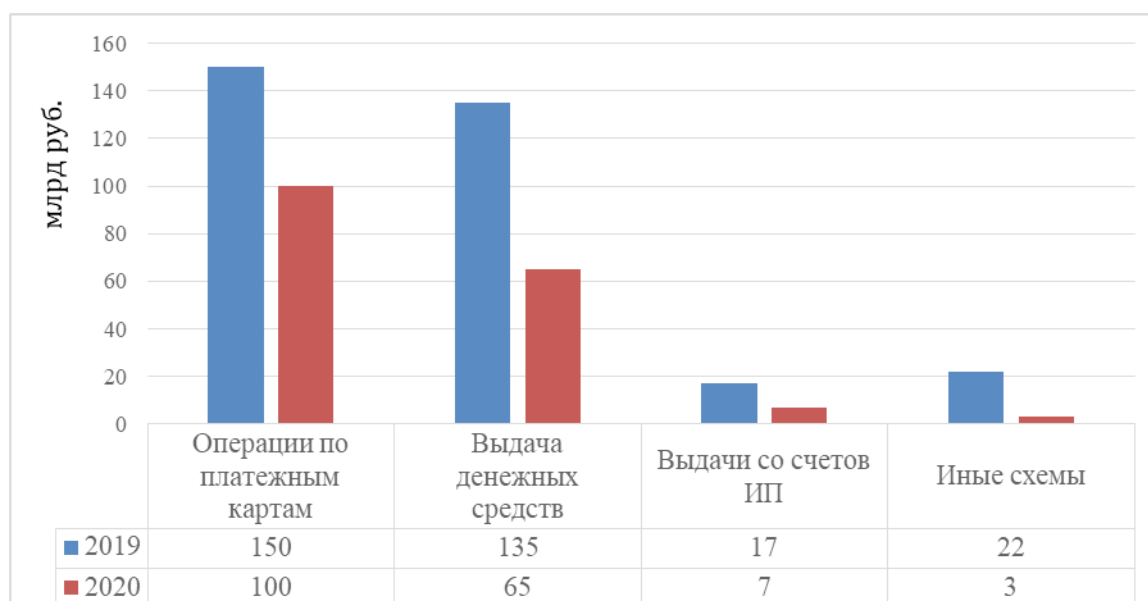

Рис. 2. Способы вывода денег физическими лицами

Источник: составлено автором на основе данных Банка России (<https://www.cbr.ru>).

и отличается тенденцией к значительному росту преступлений рассматриваемой категории [10]. В противном случае надзор со стороны регулирующих органов может повлечь за собой серьезные санкции, включая денежные штрафы, тюремное заключение, временное или постоянное прекращение деятельности и замораживание активов.

В то же время банковский сектор как элемент национальной системы ПОД/ФТ в силу возлагаемых на него функций обеспечивает: комплексное предупреждение преступлений путем предоставления информации в уполномоченный орган об операциях, подлежащих обязательному контролю, и операциях, вызывающих подозрение; выяснение

у клиентов экономического смысла проводимых операций; запрос и анализ правоустанавливающих и иных документов, подтверждающих законность денежных средств, а также оснований и направления использования средств; идентификацию и изучение участников расчетов; приостановления операций, связанных с финансированием терроризма, и т. д. [4].

Однако текущие результаты свидетельствуют о недостаточном анализе проблемы на региональном уровне. В 2020 г., по текущий момент, закрылись 26 банков, из которых 15 по юридическому адресу находились в Москве. На региональном уровне нет проблем с получением и передачей данных между различными службами и подразделениями, занимающимися противодействием легализации доходов.

Преступники в сфере отмывания денежных средств в большой степени используют подставные компании, ведь данный способ более быстрый и эффективный. Однако это нарушает принципы рыночной экономики, а также дает конкурентное преимущество перед фирмами, работающими честно и легально.

Стоит отметить, что преступность в сфере отмывания доходов, затрагивает большинство секторов экономики (рис. 3). Сектор строительства (недвижимости) наиболее привлекателен, потому что представляет собой непрозрачный рынок, где активы трудно оценить (определить рыночную стоимость) и может произойти большой прирост стоимости объектов.

Таким образом, при необходимости легализовать незначительные суммы денежных средств преступниками используются достаточно простые схемы, которые контролирующие органы могут даже не брать во внимание в связи с незначи-

тельным денежным эквивалентом этих операций. Такие простейшие схемы используются в рамках регионального уровня, поскольку все взаимодействие происходит в рамках группы, состоящей из 1—5 чел. Основной задачей любой схемы будет являться интеграция незаконно полученных денежных средств в легальную экономику. Наиболее активными участниками являются сферы торговли и строительства, где большинство сделок проходят наличными денежными средствами, которые порой идут мимо кассы. Однако в случае, когда необходимо интегрировать суммы, превышающие 600 тыс. руб., сделка может быть уже не просто региональной, а становится национальной. Именно на национальном уровне организовано эффективное законодательство по противодействию легализации преступных доходов, а также реализован процесс расследования экономических преступлений.

Основными субъектами в системе противодействия легализации денежных средств, полученных преступным путем, являются Центральный Банк Российской Федерации и Федеральная служба по финансовому мониторингу. С каждым годом возрастает взаимодействие с надзорными и правоохранительными органами [2]. Одним из основных аспектов улучшения региональных социально-экономических мер должно являться создание поднадзорного уполномоченного органа в подчинении Главного управления Банка России при непосредственном взаимодействии с Росфинмониторингом. Уполномоченный орган — федеральный орган исполнительной власти, принимающий меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения [1].

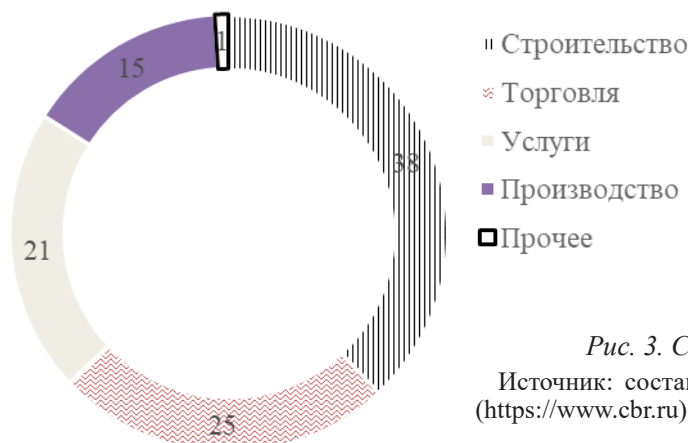

Рис. 3. Спрос на теньевые финансовые услуги

Источник: составлено автором на основе данных Банка России (<https://www.cbr.ru>)

Создание такого органа даст возможность прорабатывать все сектора региональной экономики, что позволит их декриминализовать. Отметим, что необходимо также рассмотреть и очертить контуры регионального преступления и отличить эту типологию от преступлений на международном уровне [8]. Данный орган должен быть частью национальной системы оценки рисков, то есть вести деятельность по изучению источников и методов легализации преступных доходов.

Новый уполномоченный орган должен являться системой управления экономического прогресса на региональном уровне, а также бороться с отмыванием денег и вести публичную деятельность.

Отдельно стоит выделить основные принципы такого органа:

— соблюдение законов и правил в противодействии легализации преступных доходов;

— сотрудничество с регулирующими и правоохранительными органами и оказание им поддержки в процессе борьбы с легализацией преступных доходов.

Чтобы установить, что было совершено преступление с целью легализации преступных денежных средств, необходимо доказать, что предполагаемый преступник:

— разместил, расслоил и интегрировал в экономику нелегальные денежные средства;

— был пособником на одном из этапов процесса легализации денежных средств.

На основе данных принципов авторами предлагается следующий набор элементов для создания единой экосистемы по предотвращению легализации преступных доходов:

1) профилактика — создание и соблюдение принципа «знай своего клиента», — главной задачей которой является оценка рисков клиентов [7];

2) обнаружение — комплексный мониторинг транзакций для выявления сомнительных или подозрительных операций / цепочки операций;

3) публикация — создание публичного отчета о клиентах, ведущих деятельность с целью легализации преступных доходов, а также отчеты о подозрительных сделках и подозрительной деятельности.

В рамках совершенствования законодательства о финансовом мониторинге исключительно важно предоставить право агентам финансового мониторинга передать информацию о мерах, осуществляемых агентом финансового мониторинга, аффилированным структурам в рамках банковских групп и холдингов (признанным таковыми в соответствии с законодательством иностранного государства, а не только в рамках банковских групп и холдингов, являющихся таковыми в соответствии с российским законодательством), осуществляющих прямой или косвенный контроль за деятельностью агента финансового мониторинга (более 50 % долей участия или акций) [6].

Борьба с отмыванием преступных денежных средств — это постоянный и развивающийся процесс. Стоит понимать, что предотвращение отмывания денежных средств и выявления возможных действий по финансированию терроризма требуют постоянного внимания и способности идти в ногу с изощренными схемами, используемыми преступниками. Необходимо постоянно работать над выявлением и пониманием потенциальных рисков легализации преступных средств и продолжать внедрять соответствующие процессы для снижения таких рисков.

Список литературы

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

2. Берг Н. А., Хуртина П. Р. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Молодой ученый. 2018. № 37. С. 54—56. URL: <https://moluch.ru/archive/223/52581/> (дата обращения 10.08.2020).

3. Дюдикова Е. И. Анализ и управление рисками использования информационных технологий при работе с наличными, безналичными и электронными деньгами // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2016. № 1 (33). С. 161—175. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25998231> (дата обращения 10.08.2020).

4. Каратаев М. В. Банковский сектор как элемент национальной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskiy-sektor-kak-element-natsionalnoy-sistemy-protivodeystviya-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-i-finansirovaniyu-terrorizma> (дата обращения 10.08.2020).

5. Кисляк Д. Г. Электронные деньги в системе электронного бизнеса // Экономика, право и проблемы управления: сб. науч. тр. 2012. № 2. С. 72—73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dengi-vidy-suschnost-i-perspektivu-razvitiya> (дата обращения 10.08.2020).

6. Меретуков Г. М. Выявление и соби́рание криминалистически значимой информации на стадии возбуждения уголовного дела об уклонении от уплаты налогов и (или) сборов и сокрытия объектов налогообложения: монография. Краснодар, КубГАУ, 2013. С. 7—48. URL: <https://kubsau.ru> (дата обращения 10.08.2020).

7. Письмо Банка России от 30.06.2005 № 92-Т «Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах».

8. Прошунин М. М. Специальный правовой режим информации в рамках финансового мониторинга // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnyy-pravovoy-rezhim-informatsii-v-ramkah-finansovogo-monitoringa> (дата обращения 10.09.2020).

9. Сидоров Б. В. Отмывание доходов от преступной деятельности: понятие, международно-правовая и уголовно-правовая регламентация и вопросы совершенствования российского уголовного законодательства // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otmyvanie-dohodov-ot-prestupnoy-deyatelnosti-ponyatie-mezhdunarodno-pravovaya-i-ugolovno-pravovaya-reglamentatsiya-i-voprosy> (дата обращения 10.09.2020).

10. Шпак Н. М. Меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Научный журнал КубГАУ — Scientific Journal of KubSAU. 2015. № 109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-po-protivodeystviyu-legalizatsii-otmyvaniyu-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem> (дата обращения 10.09.2020).

11. Role in the Global Fight against money laundering. URL: [http:// https://www.moneylaundering.ca/public/law/](http://https://www.moneylaundering.ca/public/law/) (дата обращения 19.09.2020).

Сведения об авторах

Пряхин Геннадий Николаевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pgn248@csu.ru

Амелешин Кирилл Алексеевич — старший эксперт второго отдела анализа кредитных организаций Департамента управления активами Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов», Москва, Россия. kirill.ameleshin@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 238—243.

DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC MEASURES TO COUNTER THE LEGALIZATION OF CRIMINALLY OBTAINED INCOME

G. N. Prykhin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pgn248@csu.ru

K. A. Ameleshin

Deposit Insurance Agency, Moscow, Russia. kirill.ameleshin@gmail.com

The issue of legalization (laundering) has been rapidly breaking into the world economy over the past 20 years. The socio-economic system emerged as a separate area of study at the end of the twentieth century. Speaking about social and economic offenses in the field of legalization of income, it is worth noting that the main catalyst is the desire for money. These crimes are always committed by educated, highly qualified and socially savvy people. A distinctive feature of socio-economic crimes is that criminals carry out a lot of economic processes in various social and financial institutions to disguise illegally obtained money. On the one hand, Russia is in constant competition in the development of information technologies, the development of cyberspace and the electronic world, however, on the other hand, the level of socio-economic crimes is growing and worsens the quality of life of people. Against the background of this socio-economic problem, the gap between classes

of people is widening. This article presents theses on the development of socio-economic measures to counter the legalization of proceeds from crime.

Keywords: *financial security of the region, legalization of income, crime in the field of money laundering.*

References

1. Federal'nyy zakon ot 07.08.2001 g. № 115-FZ «O protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyem terrorizma».
2. Berg N. A., Khurtina P. R. (2018) Protivodeystviye legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym, i finansirovaniyem terrorizma [Counteraction to legalization (laundering) of proceeds from crime and financing of terrorism]. Available at: <https://moluch.ru/archive/223/52581/>, accessed 10.08.2020 [in Russ.].
3. Dyudikova Ye. I. (2016) Analiz i upravleniye riskami ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy pri rabote s nalichnymi, beznalichnymi i elektronnyimi den'gami [Analysis and management of risks of using information technologies when working with cash, non-cash and electronic money]. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25998231>, accessed 10.08.2020 [in Russ.].
4. Karatayev M. V. (2011) *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [in Russ.].
5. Kislyak D. G. (2012) *Ekonomika, pravo i problemy upravleniya* [in Russ.].
6. Meretukov G. M. (2013) Vyyavleniye i sobiraniye kriminalisticheskoi znachimoy informatsii na stadii vozbu-zhdeniya ugolovnoy delo ob ukloenii ot uplaty nalogov i (ili) sborov i sokrytiya ob»yektov nalogooblozheniya [Identification and collection of forensically significant information at the stages of initiation of a criminal case on tax evasion and (or) fees and concealment about «objects of taxation»]. Available at: <https://kubsau.ru>, accessed 10.08.2020 [in Russ.].
7. Pis'mo Banka Rossii ot 30.06.2005 № 92-T «Ob organizatsii upravleniya pravovym riskom i riskom poteri delovoy reputatsii v kreditnykh organizatsiyakh i bankovskikh gruppakh» [Letter of the Bank of Russia dated June 30, 2005 No. 92-T «On organizing the management of legal risk and the risk of losing business reputation in credit institutions and banking groups»] [in Russ.].
8. Proshunin M. M. (2016) *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskiye nauki* [in Russ.].
9. Sidorov B. V. (2007) *Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [in Russ.].
10. Shpak N. M. (2015) *Nauchnyy zhurnal KubGAU* [in Russ.].
11. Rol' v global'noy bor'be s otmyvaniyem deneg [Role in the global fight against money laundering]. Available at: <https://www.moneylaundering.ca/public/law/>, accessed 10.08.2020 [in Russ.].

О СИНХРОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИК СВЕРДЛОВСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Д. С. Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Автор поднимает вопрос синхронизации экономик соседних территорий: Свердловской и Челябинской областей. Считается, что синхронизирующий эффект является основой успешной интеграции. Количественно синхронизирующий эффект автор оценивает при помощи коэффициента парной корреляции темпов роста. Тесная связь доказана в отношении динамики следующих показателей: валовой региональный продукт, физический объем валового регионального продукта, инвестиции в основной капитал, затраты на технологические инновации, объемы выбросов в атмосферу, отходящие от стационарных источников. Самой тесной связью оказалась в отношении темпов роста среднедушевых доходов населения. Самой низкой — в отношении темпов роста стоимости основных фондов и численности занятых.

Ключевые слова: экономика региона, синхронизация экономической динамики, коэффициент парной корреляции, Свердловская область, Челябинская область, Уральский федеральный округ.

Сегодня в научных, и не только, кругах все чаще звучат термины «пространственное развитие», «связанность территорий», «агломерационные эффекты» и т. д. Очевидно, что автономное развитие территорий в большинстве случаев не может сопровождаться форсированным ростом. Потому и назрела необходимость постановки четких стратегических ориентиров в области пространственного развития. П. А. Минакир говорит о необходимости создания такого механизма, который сформировал бы институциональный и инфраструктурный каркас единого экономического пространства. Таким каркасом должно стать эффективное взаимодействие периферических зон с крупными городскими агломерациями, в рамках которого будет происходить интенсивный обмен деятельностью и ресурсами [7].

Существуют некоторые исследования, где поднимается вопрос успешной экономической интеграции на основе синхронизации темпоритмов [5; 6]. Взаимозависимые регионы, составляющие единое экономическое пространство, П. А. Минакир называет ER-пространством [7]. В исследованиях озвучен феномен синхронизации экономик Свердловской и Челябинской областей, а именно показана тесная связь динамики развития, оцененная посредством расчета коэффициента парной корреляции темпов роста валовых региональных продуктов [5].

Проверим выявленный феномен — оценим связь трендов не только по показателю темпа роста ВРП.

Для начала приведем основные социально-экономические показатели исследуемых областей (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что по большинству позиций Свердловская область демонстрирует более мощные показатели, нежели Челябинская область. В ряде показателей отставание последней невелико, а по некоторым Челябинская область даже опережает Свердловскую. Например, объемы продукции сельского хозяйства в Челябинской области превышают аналогичный показатель Свердловской области на 40,56%. Хотя, безусловно, есть показатели, по которым Челябинская область сильно проигрывает соседнему региону. Среднедушевые денежные доходы населения в Челябинской области ниже на 44%. Соответственно, и соотношение потребительских расходов на душу населения не в пользу Челябинской области: значение по региону равно 57% от суммы аналогичного значения по Свердловской области. ВРП Челябинской области существенно ниже ВРП Свердловской: пропорция составляет 1 : 1,6. Стоимость основных фондов в Челябинской области и вовсе меньше почти вдвое.

Когда речь заходит о синхронизации экономик, анализировать следует не статику, а динамику. Синхронизация экономик означает совпадение во времени восходящих и нисходящих трендов экономического развития [6]. В своих трудах об этом говорят Е. В. Курушина и М. Б. Петров, которые и предложили оценить синхронизацию экономической динамики при помощи коэффициента парной

Таблица 1

**Основные социально-экономические показатели
Свердловской и Челябинской областей***

№	Показатель	Абсолютные величины			% по отношению к УрФО		
		УрФО	Свердловская обл.	Челябинская обл.	Свердловская обл.	Челябинская обл.	
1	Площадь территории, тыс. кв. км	1 818,5	194,3	88,5	10,68	4,87	
2	Численность населения, тыс. чел.	12 350,1	4 315,7	3 475,7	34,94	28,14	
3	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	6 353,0	2 038,0	1 756,2	32,08	27,64	
4	Среднедушевые денежные доходы, руб. в месяц	34 955	36 735	24 386	1,05	0,70	
5	Потребительские расходы в среднем на душу населения, руб. в месяц	27 080	31 757	18 237	1,17	0,67	
6	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	47 807	38 052	35 219	0,80	0,74	
7	Валовой региональный продукт, млн руб.	10 677 942,0	2 142 514,3	1 348 564,7	20,06	12,62	
8	Инвестиции в основной капитал, млн руб.	2 931 256	318 008	259 366	10,85	8,84	
9	Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости), млн руб.	38 726 232	6 448 390	3 237 476	16,65	8,36	
10	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млн руб.	добыча полезных ископаемых	6 683 342	76 538	80 990	1,14	1,21
11		обрабатывающие производства	5 485 925	1 968 982	1 491 774	35,89	27,19
12		обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	705 288	243 507	122 934	34,53	17,43
13		водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	163 147	70 627	42 781	43,29	26,22
14	Продукция сельского хозяйства, млн руб., в том числе	321 680	84 960	119 417	26,41	37,12	
15	растениеводства	128 797	33 178	41 666	25,76	32,35	
16	животноводства	192 883	51 782	77 751	26,85	40,31	
17	Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м	5 964,5	2 088,2	1 524,4	35,01	25,56	
18	Оборот розничной торговли, млн руб.	2 706 558,5	1 130 702,0	518 609,5	41,78	19,16	
19	Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в федеральный бюджет, %	4 696 742,0	109 537,4	79 599,2	2,33	1,69	

* Все показатели приведены по состоянию на 2018 г. Строка 2 — на 1 января 2019 г. В строках 4—6 приведено отношение соответствующих величин к аналогичному значению по УрФО.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

корреляции темпов прироста валовых региональных продуктов [5].

Покажем темпы роста ВРП исследуемых областей (рис. 1).

Коэффициент парной корреляции по выборке за период 1997—2018 гг., по расчетам автора, составил 0,88. И это действительно наибольший ко-

эффициент среди всех областей Уральского федерального округа (УрФО). В табл. 2 показаны коэффициенты парной корреляции темпов роста ВРП всех областей УрФО.

На рис. 1 приведена динамика темпов роста ВРП в текущих ценах. Оценим корреляционную связь индекса физического объема ВРП (табл. 3).

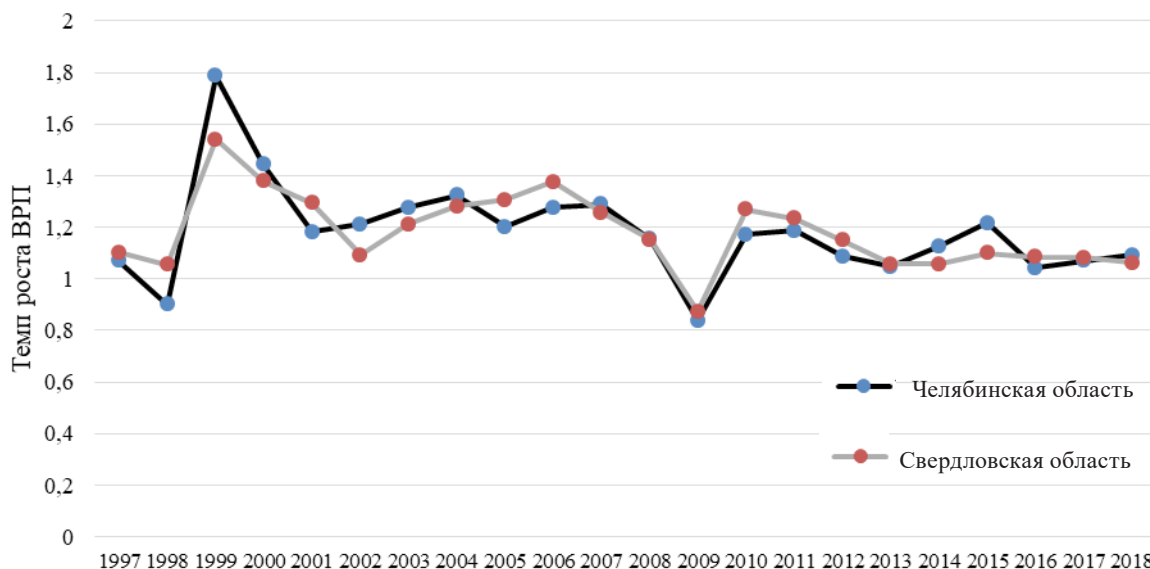

Рис. 1. Синхронизация темпов роста ВРП Свердловской и Челябинской областей
Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 2

Корреляционная матрица темпов роста ВРП субъектов УрФО

	Курганская область	Тюменская область	Челябинская область	Свердловская область
Курганская область	1			
Тюменская область	0,633	1		
Челябинская область	0,792	0,798	1	
Свердловская область	0,814	0,791	0,880	1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Таблица 3

Корреляционная матрица индексов физического объема ВРП регионов УрФО

	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область
Курганская область	1			
Свердловская область	0,623	1		
Тюменская область	0,662	0,832	1	
Челябинская область	0,751	0,837	0,687	1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Результат расчета корреляции, представленный в табл. 3, оказался несколько ниже, чем в табл. 2, но самый высокий уровень синхронизации экономик опять же характерен для исследуемых областей. Такие результаты подтверждают, что экономический рост территорий синхронизирован не только с точки зрения стоимостной динамики, но и с точки зрения реального экономического роста.

Относительно отраслевой структуры валовой добавленной стоимости доля промышленного производства в Свердловской области несколько ниже аналогичного значения Челябинской области (36,6% против 41,8%)¹. Но опять же нам

¹ По данным Росстата на 2018 г. автором суммированы следующие разделы видов экономической деятельности: добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией,

важно не столько текущее соотношение сил регионов, в том числе и в области промышленного производства, сколько синхронизация динамики. Проанализируем динамику индекса промышленного производства (рис. 2).

Геометрия линий, отмеченных на рис. 2 сплошной и пунктирной чертами, соответствующими исследуемым регионам, действительно похожа. Матрица парных корреляций позволяет в большей степени убедиться в этом (табл. 4).

Проанализируем, существует ли синхронизация динамики не только в отношении ВРП, темпов его физического роста, темпов промышленного роста, но и в отношении прочих трендов — трудовых,

газом и паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

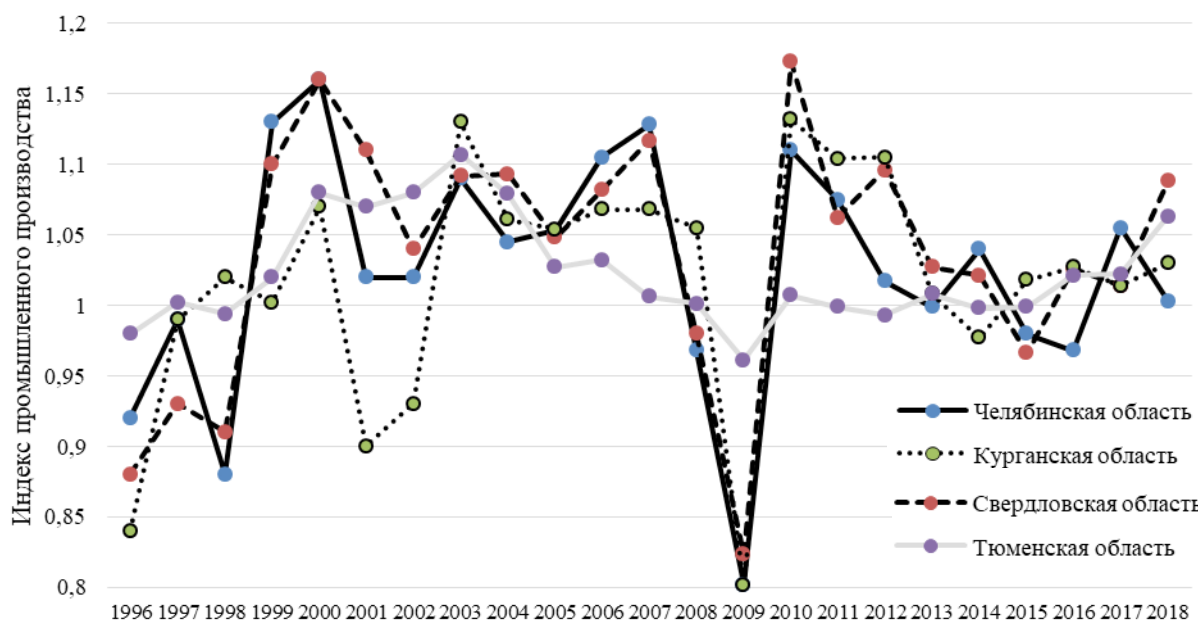

Рис. 2. Темпы роста промышленного производства регионов Урала

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 4

Корреляционная матрица индексов промышленного производства регионов Урала

	Челябинская область	Свердловская область	Курганская область	Тюменская область
Челябинская область	1			
Свердловская область	0,880	1		
Курганская область	0,657	0,677	1	
Тюменская область	0,501	0,602	0,284	1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

социальных, технологических, экологических. Тренды классифицируют по-разному. Если речь идет о векторе направленности, то тренды делят на восходящие, нисходящие, с неявно выраженным направлением и характеризующие отсутствие тенденции. Если говорить о скорости изменений, тогда тренды определяют как равномерные, ускоренные, замедляющиеся. Кроме того, тренды могут быть синхронными и асинхронными [2]. В данном исследовании нам не столько важно, каковы тренды отдельно взятого региона, сколько синхронны ли они между исследуемыми регионами.

Если в табл. 2—4 большинство значений корреляции все же можно назвать условно высокими и между остальными регионами, за редким исключением, а это говорит о том, что не так уж и раз-

нородны регионы Урала с точки зрения динамики, то связь темпов роста численности занятых уже не будет столь тесной (рис. 3, табл. 5).

Из табл. 5 видно, что синхронизирующий эффект экономик Свердловской и Челябинской областей не самый высокий (0,668). Коэффициент корреляции темпов роста численности занятых в экономиках Тюменской и Свердловской областей выше (0,790).

Проанализируем динамику капитальных ресурсов (рис. 4, 5). Темпы роста инвестиций в основной капитал действительно имеют максимальное значение корреляции (0,74). Но стоит отметить, что корреляция значений Челябинской и Тюменской областей тоже высока (0,73). Остальные же регионы связаны в меньшей степени: максимально отдалены друг от друга Курганская и Тюменская

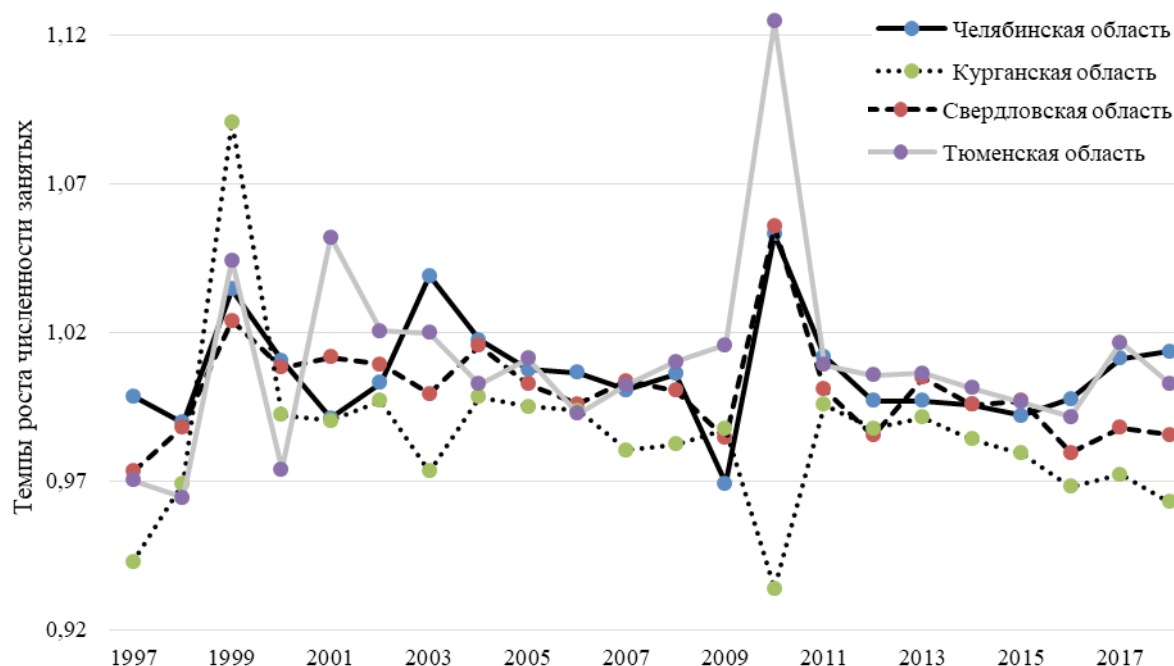

Рис. 3. Темпы роста среднегодовой численности занятых в экономиках регионов Урала

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 5

Корреляционная матрица темпов роста среднегодовой численности занятых в регионах Урала

	Челябинская область	Свердловская область	Курганская область	Тюменская область
Челябинская область	1			
Свердловская область	0,668	1		
Курганская область	0,072	0,210	1	
Тюменская область	0,574	<u>0,790</u>	0,017	1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

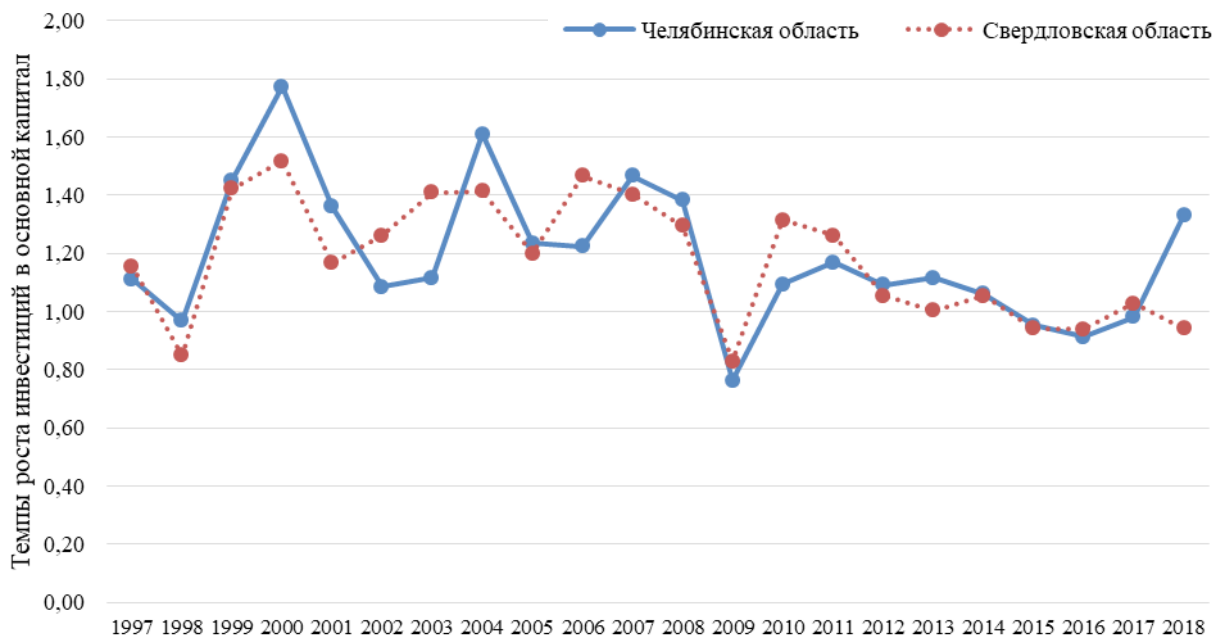

Рис. 4. Синхронизация темпов роста инвестиций в основной капитал

Источник: составлено автором по данным Росстата.

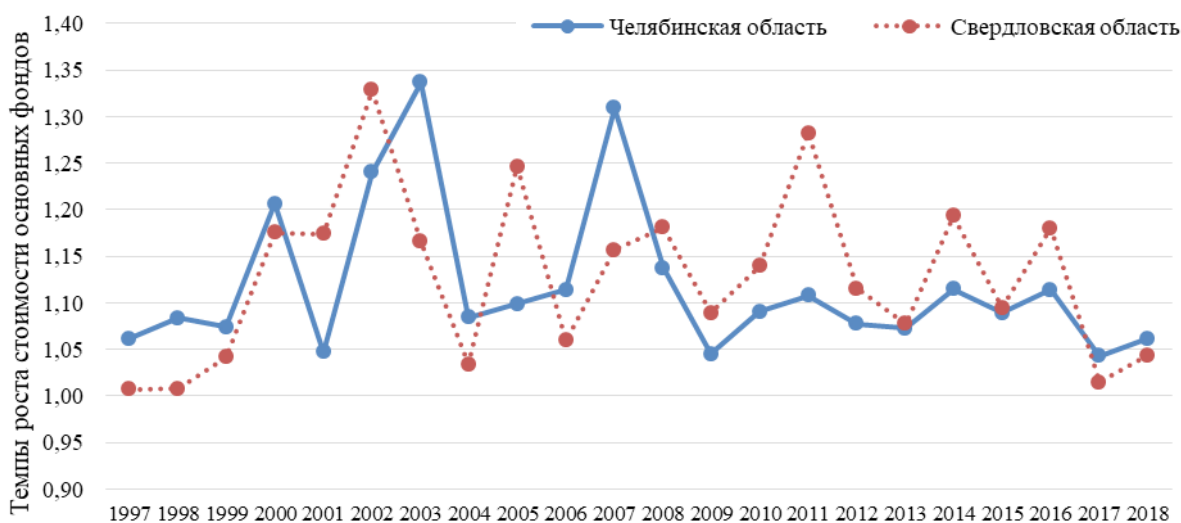

Рис. 5. Асинхронность темпов роста стоимости основных фондов

Источник: составлено автором по данным Росстата.

области (0,51), а также Курганская и Челябинская области (0,53).

Совсем иная ситуация с корреляцией темпов роста стоимости основных фондов (табл. 6) — здесь куда более близкими оказались экономики Челябинской и Курганской областей (0,754) и даже Свердловской и Курганской (0,543).

Относительно такого социального тренда, как темпы роста среднедушевых денежных доходов населения, можно сказать, что и здесь экономики Свердловской и Челябинской областей оказались максимально близкими (табл. 7).

И, наконец, что касается технологических трендов — а именно темпов роста затрат на технологические инновации, — и вновь экономики исследуемых регионов демонстрируют синхронизирующий эффект (рис. 6, табл. 8).

В соответствии с рейтингом инновационных регионов России¹ обе области входят в группу среднесильных инноваторов: Свердловская область занимает 14-е место, Челябинская — 22-е. Если говорить о динамике российского регионального

¹ Доступ: <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/>

Таблица 6

Корреляционная матрица темпов роста стоимости основных фондов в регионах УрФО

	Челябинская область	Свердловская область	Курганская область	Тюменская область
Челябинская область	1			
Свердловская область	0,476	1		
Курганская область	<u>0,754</u>	<u>0,543</u>	1	
Тюменская область	0,143	0,441	0,022	1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Таблица 7

Корреляционная матрица темпов роста среднедушевых денежных доходов населения регионов УрФО

	Челябинская область	Свердловская область	Курганская область	Тюменская область
Челябинская область	1			
Свердловская область	0,950	1		
Курганская область	0,940	0,933	1	
Тюменская область	0,916	0,910	0,874	1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

инновационного индекса за период 2008—2017 гг., то темпы изменений несколько разнятся, однако нисходящий и восходящий характер изменений совпадает [4. С. 9].

И, наконец, что касается экологических трендов. Здесь опять же геометрия линий, характеризующих объема выбросов, отходящих от стационарных источников, повторяется [3. С. 163]. Можно предположить, что это объясняется примерным совпадением технологий производства, применяемых предприятиями Свердловской и Челябинской областей.

Подведем итоги. Обзор трендов двух областей и расчет коэффициента парной корреляции темпов роста показателей, характеризующих эти тренды, позволили сделать вывод о наличии синхронизирующих эффектов. Несмотря на тот факт, что экономика Свердловской области по абсолютному большинству демонстрирует куда большую мощь, синхронизирующей является именно динамика этих показателей. Среди всех проанализированных трендов самой асинхронной оказалась динамика роста стоимости основных фондов. Здесь значение коэффициента парной корреляции составило 0,48.

Также динамику в отношении трудовых ресурсов вряд ли можно назвать синхронной: корреляция темпов роста численности занятых составила 0,67.

В отношении таких трендов, как рост номинального валового регионального продукта, рост физического валового регионального продукта, рост промышленного производства, рост инвестиций в основной капитал, рост затрат на технологические инновации и даже рост объемов выбросов в атмосферу от стационарных источников, экономики двух регионов показывают синхронизирующий эффект. Самая высокая величина синхронизации выявлена по темпам роста среднедушевых доходов населения.

Существуют некие смежные по рассматриваемой проблеме исследования, в частности в отношении оценки социального иммунитета территорий, где доказана связь уровня этого иммунитета с возможностью достигать устойчивого роста. Ю. Г. Мыслякова предлагает оценивать социальный иммунитет территории путем определения разности восходящих и нисходящих трендов по потенциалам самочувствия населения, трудовому и вос-

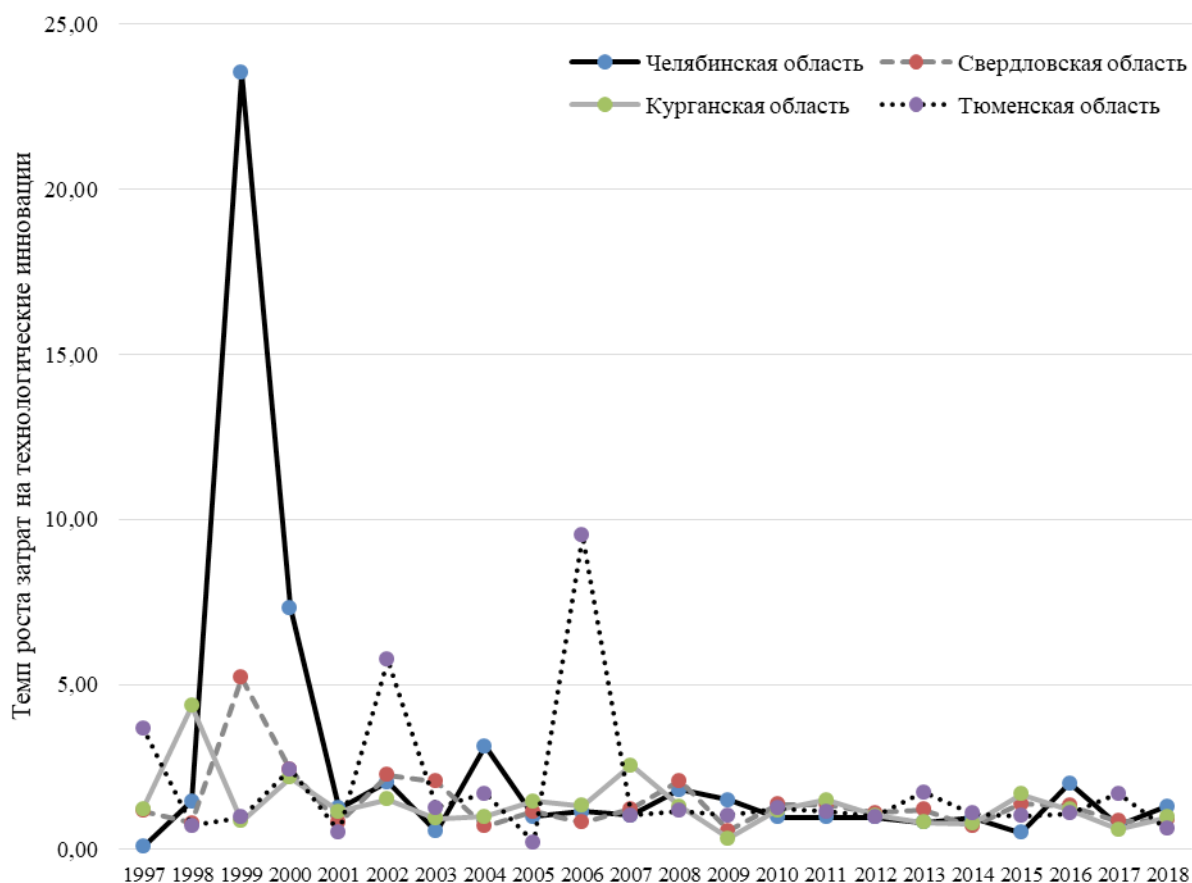

Рис. 6. Темпы роста затрат на технологические инновации

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 8

Корреляционная матрица темпов роста затрат на технологические инновации в регионах УрФО

	Челябинская область	Свердловская область	Курганская область	Тюменская область
Челябинская область	1			
Свердловская область	0,882	1		
Курганская область	-0,066	-0,044	1	
Тюменская область	-0,069	-0,017	-0,023	1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

производственному потенциалу [8]. И даже в отношении этого значения, рассчитанного за период 2010—2018 гг., динамика регионов оказалась близка [Там же. С. 154]. Однако если говорить о межрегиональном взаимодействии в области инновационного развития территорий, то на основе теста Морана пространственных эффектов двух регионов

не обнаружено [1]. А потому понять, сложилась ли именно такая синхронизация экономик двух областей, которая может стать базой для успешной экономической интеграции, без более детальной проработки вопроса, невозможно. Этому автор и посвятит свои дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Аверина Л. М., Сиротин Д. В. Оценка пространственных эффектов от инновационной активности промышленно развитых регионов РФ // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 1. С. 268—282.
2. Артемова О. В., Савченко А. Н. Основные тренды регионального развития: коридор возможностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2019. Т. 13, № 3. С. 5—13.
3. Бенц Д. С. «Портрет» Уральского федерального округа: тренды неравномерного развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 157—165.
4. Буторина О. С., Терещук Е. А. Свердловская область: рейтинговый анализ динамики инновационного развития территории. Ч. 1 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2020. Т. 14, № 3. С. 7—16.
5. Курушина Е. В., Петров М. Б. Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 1. С. 176—189.
6. Курушина Е. В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции: [монография]. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с.
7. Минакир П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 967—980.
8. Мыслякова Ю. Г. Устойчивое экономическое развитие через призму социального иммунитета территории // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 10—2. С. 150—155.

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. № 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71. Pp. 244—253.

ON SYNCHRONIZATION OF THE SVERDLOVSK AND CHELYABINSK REGION ECONOMIES

D. S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The author tells about synchronizing the economies of neighboring territories: Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. It is considered that the synchronization of economies is the main one for successful integration. The author quantifies the synchronizing effect using the coefficient of paired correlation of growth rates. The author proved high correlation between the dynamics of the following indicators: gross regional product, volume of real gross regional product, investment in fixed assets, costs of technological innovation, emissions into the atmosphere, leaving stationary sources. We see the highest correlation between the growth rates of average per capita incomes of the population. The lowest correlation is the characteristic for the growth in the value of fixed assets and the number of employees.

Keywords: *regional economy, synchronization of economic dynamics, paired correlation coefficient, Sverdlovsk region, Chelyabinsk region, Ural Federal District.*

References

1. Averina L. M., Sirotin D. V. (2020) *Ekonomika regiona*, no. 16 (1), pp. 268—282 [in Russ.].
2. Artemova O. V., Savchenko A. N. (2019) *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, vol. 13, no. 3, pp. 5—13 [In Russ.].
3. Benz D. S. (2019) *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 11 (433), pp. 157—165 [in Russ.].

4. Butorina O. S., Tereshchuk E. A. (2020) *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, vol. 14, no. 3, pp. 7—16 [in Russ.].
5. Kurushina E. V., Petrov M. B. (2018) *Ekonomika regiona*, vol. 14, no. 1, pp. 176—189 [in Russ.].
6. Kurushina E. V. (2019) *Spatial development management based on interregional economic integration*, 176 p. [in Russ.].
7. Minakir P. A. (2019) *Ekonomika regiona*, vol. 15, no. 4, pp. 967—980 [in Russ.].
8. Myslyakova Yu. G. (2020) *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava*, vol. 10—2. pp. 150—155 [in Russ.].